

ТВЕРДАЯ КАК АЛМАЗ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ВЗЛОМАННЫЕ НЕБЕСА

ЭЛ РОБЕРТСОН

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Annotation

Когда Земля стала непригодной для жизни, человечество нашло спасение на Станции – гигантском промышленном астероиде, находящемся под управлением высших сущностей, богов Пантеона. Но и этот мир хрупок: Пантеон ведет войну с Тотальностью – корпорацией искусственных интеллектов, когда-то отколовшихся от него. Наступает временное перемирие, и Джек Форстер, прошедший семь лет на войне и в плену, возвращается домой, на Станцию. Его сопровождает Хьюго Фист, виртуальное существо в облике деревянного паяца, созданное для того, чтобы отслеживать и уничтожать враждебный искусственный разум. Скоро эти двое окажутся втянуты в заговор богов, грозящий гибелью не только им, но и всему человечеству. Впервые на русском языке!

- [Эл Робертсон](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
  - [Благодарности](#)
-

Эл Робертсон

Взломанные небеса

Al Robertson
CRASHING HEAVEN

Copyright © Al Robertson 2015

© Д. Могилевцев, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

«Эй, Фист, выгляни в окно. – Чтобы не привлекать внимания окружающих, Джек окликнул паяца мысленно. – „Снежинки“!»

Шаттл развернулся, и ледяные колоссы вспыхнули и заискрились под лучами солнца. Судя по всему, зрелище впечатлило и паяца – Хьюго Фист не сказал ни слова.

Перед Станцией в мертвой пустоте висела дюжина «снежинок». Меньшие – всего с полкилометра в поперечнике – вращались, сияя отраженным светом. А их большие, величественные сестры, сложной конструкции, с массивной кристаллической решеткой, и сами излучали сияние. За ними виднелась оставленная людьми, затянута ядовитыми тучами Земля. Их хаотическое роение, казалось, оскорбляло холодное совершенство кораблей.

«Боевая эскадра Тотальности – здесь?! – прошептал изумленно Фист. – Дружок мой Джеки, выходит, мы и в самом деле проиграли войну».

«Если верить Заре, их военные силы прибыли месяц назад – чтобы поддержать дипломатов, договаривающихся о мире».

«Что, лазил в сеть? Смотрел новости? А я думал, ты уже завязал с этим».

«Просто хотел узнать, куда мы возвращаемся», – пояснил Джек.

«Разумеется! И заодно отправить очередное письмо Андреа. Гарри – покойник, она тоскует в одиночестве, и тут ты наконец вернулся из тюрьмы. А вдовушка не отвечает. Ну не странно ли?»

Джек промолчал. Только письма Андреа и спасали его два последних тюремных года. Ее послания помогли примириться с жизнью военнопленного и неминуемой скорой смертью. Джек ожидал, что Андреа будет вне себя от радости, узнав о его возвращении домой, на Станцию. Но он не получил ответа ни на письмо, сообщавшее об освобождении, ни на все прочие, отосланные после.

Джек снова выглянул в окно. Шаттл приближался к «снежинкам». Они плыли в пространстве, как замерзшие звезды. Вокруг них роились патрульные дроны. Позади виднелась Станция – величайшее творение Королевства. Семь долгих лет Джек лишь мечтал о родном доме. Таком огромном – целых девять километров длиной и два с половиной километра в самом широком месте. И каждый его квадратный сантиметр – донельзя уродлив. Башни-близнецы Дом и Док торчат ржавыми мусорными баками

из Бородавки – выпотрошенного астероида, зажатою между ними будто срам между ног.

Если и было хоть что-то красивое на Станции, так это грузовые причалы. Их светящиеся линии мерцали над открытым жерлом Дока, тянулись от Хребта, изгоняя пустоту и заполняя ее собой. Хребет был усеян лампами: их свет заменял Станции солнце. Он тянулся вдоль продольной оси от порта до самого края Дома. И конечно же, до Небес – сине-зеленого кольца за Домом. Но теперь безупречное сияние Небес казалось Джеку холодным и равнодушным. Оно больше не трогало его душу. Джек оставил богов Пантеона еще пять лет назад, отказавшись воевать за них.

Шаттл слегка изменил курс, и показалась внутренность Дока: спрессованный сгусток фабрик, офисов, жилых районов и зон отдыха. Казалось, огромная полуразваленная машина истекала домами на внутреннюю поверхность цилиндра, пока не слепилось подобие города. Издали трудно было разглядеть детали. Но их дорисовала память. Джек представил улицы, где прошло его детство. Когда-то он оставил их, надеясь никогда больше не возвращаться.

«Внутренность мусорного бака», – подумал он о них и улыбнулся печально, представляя, как Андреа бранит его за цинизм.

Она помогла ему увидеть их красоту в те несколько месяцев, которые Джек и Андреа провели вместе, прячась от всех. А потом астероид ударил в Луну, и все изменилось. И в последние годы Андреа очень помогала Джеку. Куда же она подевалась теперь? Он так сильно тосковал о ней уже несколько недель!

«Тотальности теперь бояться нечего. Мы им теперь нравимся». Фист уловил волнение хозяина, но не смог правильно истолковать – паяцам были доступны лишь самые примитивные эмоции.

«Это они зря, – вздохнул Джек. – Мы с тобой уничтожили немало искусственных разумов Тотальности».

«Ну, это было до того, как ты чуточку передумал».

Шаттл теперь пролетал мимо большой «снежинки». За окном тянулся ее холодный сияющий луч. В твердом кристаллическом льду мерцали серебряные огоньки. Каждый проблеск – мысль, пульсирующая в одном из тысячи виртуальных разумов.

«Джек, ты только представь: я могу прикончить такую. Если ты мне позволишь, конечно».

– Нет, – задумавшись, произнес он вслух.

Охранник посмотрел на Джека, затем перевел взгляд на пустое сиденье рядом с ним. Ничего не замечая, Джек снова вглядывался в Док,

словно пытаюсь увидеть прошлое в очертаниях его улиц.

Шаттл пришвартовался к причалу. Охранники провели Джека в камеру Таможенной службы. Там он повесил плащ на крючок на внутренней стороне двери и примостил выданный Тотальностью маленький чемоданчик рядом с единственным стулом. Новый костюм раздражал кожу.

Прошло несколько часов. В камере была вода, но не оказалось еды. Заскучавший Фист сделал вид, что уснул, и изображал храп, тревожа рассудок Джека, и без того измученный ожиданием и тоской. Его мысли снова вернулись к Андреа – почему она молчит? Куда подевалась? С ней что-то случилось? Ей нужна помощь?

Время шло, и мысли об Андреа исчезли, вытесненные насущными потребностями. Джек заколотил в дверь, требуя еду. Никакого ответа. Он попытался уснуть, и в зыбкой полудреме увидел жуткий сон – словно он падает сквозь крошечную дырку в никуда.

Вошедший охранник вспугнул кошмар и вывел еще не опомнившегося Джека из камеры. За глухим коридором оказалась маленькая, ярко освещенная комната. В углу ее – стол и два пластиковых стула. За столом сидел обрюзгший лысый чиновник. Он предложил Джеку сесть.

«Не устраивай спектакль, – посоветовал тот Фисту, проснувшегося и демонстративно позевывающему. – Я не хочу, чтобы он догадался о состоянии твоей клетки».

Таможенник говорил сухо, деловито, с демонстративной вежливостью. В его речи отчетливо слышался акцент Дока. Проверив личные данные, чиновник поинтересовался, кто из богов Пантеона покровительствует Джеку. Услышав, что Сумрак, таможенник процедил: «Само собой, яблочко от яблоньки». Но затем снова сделался вежливым и засыпал Джека вопросами.

- Когда Сумрак присвоил вам звание «бухгалтер»?
- В день, когда мне исполнился двадцать один год.
- Когда вас направили во Внуб?
- Тремя годами позже.
- С какой целью?
- Работать под началом инспектора Гарри Девлина в качестве эксперта-аудитора. Я участвовал в расследовании связей между ночным клубом «Царь-пантера» и убийством Бьерна Пендервилля.
- Отчего же они не воспользовались экспертом Внутренней безопасности? – фыркнул чиновник.
- Такова была воля Сумрака. Я лишь подчинился.
- А мне ты говорил не так», – заметил Фист.

«Тихо!»

– Когда вас направили на службу вне Станции?

– После атаки на Луну. Было решено, что дело Пендервилля не слишком важно. Насколько мне известно, это убийство так и не раскрыли.

«Джеки, дружок мой, не хочешь поделиться своей паранойей?»

«Нет. А теперь заткнись!»

– Ваш вид деятельности во время Войны программ?

– Длительные атакующие контркогнитивные операции.

Чиновник глядел на невидимый Джеку экран и после каждого ответа что-то быстро печатал на виртуальной клавиатуре. Вдруг он замер и вызывающе уставился на Джека.

– Когда вы дезертировали?

– Я не дезертировал, я сдался.

– В вашем деле значится дата дезертирства. Прошу подтвердить ее.

– Нет.

«Джеки, ну зачем так упираться?» – осведомился Фист.

«Не я предал богов Пантеона – это они предали меня. А я всего лишь перестал делать за них грязную работу».

– Я не могу продолжить свою работу, если вы отказываетесь сотрудничать. А если я не смогу нормально закончить опрос, то не допущу вас на Станцию.

– Странно. Как правило, ваша братия не столь придирчива. Должно быть, за вами сейчас наблюдает Сандак?

«Ох, Джек, да брось ты! Хочешь вернуться на Каллисто? Жизнь военнопленных Тотальности такая скучная!»

– Форстер, вы опасный человек. И вы неподобающим образом относитесь к Пантеону. Для надлежащего исполнения обязанностей мне нет необходимости находиться под надзором богов. Итак, когда вы дезертировали?

– Я не дезертировал.

«Дьявол тебя раздери, Джек, я не хочу оказаться у черта на рогах в то время, когда мне достанется твое тело. А как насчет Андреа? Хочешь, чтобы гребаная гордыня не дала тебе отыскать ее?»

От слов Фиста Джек опомнился. Но сказать ничего не успел.

– Форстер прав! – Дверь скользнула вбок, и в комнату шагнула женщина.

Чиновник в изумлении воззрился на вошедшую. Низкорослая, широкоплечая,двигающаяся с деловитой точностью машины, она была одета в серые военного покроя штаны и черную мешковатую майку.

Лицо женщины напоминало старый помятый спальный мешок. Кожа отсвечивала синевой, волосы были выкрашены в тот же тон.

– Вашей братии и в самом деле обычно наплевать на такое. Такое впечатление, что вы просто ищете предлог не пустить Форстера на Станцию. А это незаконно.

Таможенник побледнел.

– Кто вы такая? – рявкнул он, пытаясь изобразить властность. – Где охранник?

– Охранника я отпустила. Я – наблюдатель. Взгляните сюда.

Чиновник присмотрелся, – должно быть, в паре футов от его лица появилось виртуальное удостоверение.

– О-о, – пробормотал он растерянно, – такая честь...

– Вот и отлично, – заключила женщина, очевидно наслаждаясь растерянностью таможенника. – Пожалуйста, заканчивайте опрос. И кстати: Форстер сказал правду – он и в самом деле не дезертировал. Не то чтобы трусость была лучше предательства, но все же следует быть точным и в мелочах.

– Я не трус! – воскликнул Джек запальчиво.

«Господи боже!» – простонал Фист.

– Нет, вы всего лишь сдались врагу. Без единого выстрела. Но не будем сейчас об этом.

Ее слова хлестнули, как пощечина. Но Джек подумал об Андреа и заставил себя проглотить оскорбление. Опрос продолжился. К счастью, теперь вопросы были безобидными. Большинство из них преследовало цель выяснить, насколько хорошо Джек приспособился к жизни вне сети. Хотя ответы сомнений не вызывали, таможенник, очевидно, нервничал и все время поглядывал на женщину. Та устроилась в пластиковом кресле, закинув ногу за ногу.

«Интересно, кто она? – осведомился Фист. – Внуб? Не позволишь мне получше присмотреться?»

«Слишком рискованно».

Но чем дальше, тем дольше тянулись паузы между вопросами. В конце концов чиновник умолк, уткнувшись взглядом в виртуальную клавиатуру и лихорадочно что-то печатая. Руки его дрожали.

– Да ради бога, хватит уже тянуть резину! – сказала женщина. – Самое интересное впереди.

– Я ничего не тяну. Мне нужно все аккуратно занести в дело.

Чиновник сглотнул. Встал. Он оказался коротышкой.

– Мне нужно видеть паяца.

Когда появился Фист, таможенник отступил на шаг и чертыхнулся. Паяца окружала виртуальная клетка – набор вращающихся серебряных колец. Они то открывали, то скрывали части кукольного тела: маленькие черные ботинки, алый камербанд, черный галстук-бабочка, нескладно болтающиеся руки, кроваво-красные губы, покрытые лаком блестящие глаза.

– И чего это вы так испугались? – тоненьким голоском мелодично пропел паяц. Деревянные зубы клацали, словно барабанный аккомпанемент. – Вы же меня почти не видите, я заперт. Бедный малыш Хьюго Фист целиком закупорен.

Он глянул лукаво на Джека:

– Да, вот такая она, моя жизнь.

Чиновник не ответил. Он не решался даже взглянуть на паяца, только ходил вокруг него, проверяя кольцо за кольцом. Как и следовало ожидать, неполадок в клетке не обнаружилось.

«Эй, Джек, ты только представь, что будет, если я протяну руку и трону его. Слегка коснусь плечика. А я ведь могу. То-то он подпрыгнет!»

«Фист, тихо!»

Таможенник взял жезл – магнитно-резонансный сканер – и подошел к Джеку.

– Встать! Держать спину прямо!

Чиновник повел жезлом вдоль позвоночника, отыскивая запряженный аппаратный блок – физическое тело Фиста. Джек ощутил легкое покалывание.

«Ой! Щекотно!» Паяц хихикнул.

Женщина шагнула к нему поближе и нагнулась, чтобы рассмотреть.

– Вот ты какой! – удивилась она. – Последний из паяцев, еще внедренных в своего кукловода.

– Ха, это ненадолго! – весело прощепетал Фист. – Пока хозяйничает он, но еще немного – и командовать парадом буду я!

– Так ты и в самом деле завладеешь его разумом и телом?

– Ага! – радостно подтвердил паяц.

– И как вы относитесь к этому? – спросила женщина, глядя холодно на Джека. – Ведь это крошечное создание сотрет ваш разум. Убьет вас.

– Да, убьет, – подтвердил Джек устало. – Я привыкал к этой мысли целый год. И привык.

Внутри шевельнулась прежняя бессильная ярость, но он подавил ее. Теперь это давалось легко. Время злиться и надеяться давно прошло.

– У него выбора нет! – чирикнул Фист. – И я не могу отказаться, хоть

бы и хотел. Ему осталось сказать пару раз «до свидания» – и здравствуй, новый я из мяса и костей!

– Ты хоть и мелкое, но поразительно злобное создание! – воскликнула женщина.

В ее голосе звучало невольное восхищение.

– Таким меня сотворил боженька.

– Полметра деревянной злобы, вырядившейся словно на шикарную вечеринку. Воистину, у наших владык богатое воображение. – Женщина постучала по клетке костяшками пальцев.

Та слегка затрещала. Чиновник поморщился. Пара колец замерцала, потом вернулась в прежнее состояние.

– Впрочем, ты вряд ли попадешь на вечеринки.

– Это мы еще посмотрим, мисс!

– С удовольствием посмотрю, как у тебя получится, – рассмеялась она. Чиновник закончил проверку.

– Все в порядке, – сообщил он, опуская жезл, и посмотрел на женщину в ожидании распоряжений.

– Клетка в порядке? – спросила та.

– Целиком и полностью.

Фист мысленно захихикал.

«Тихо!» – прошипел мысленно же Джек.

– Значит, нам придется его отпустить?

– Так предписывает мирный договор.

Едва заметное движение – и женщина оказалась перед Джеком.

«Ох, круто! – выпалил Фист восхищенно. – Шустрая дамочка! А я-то подумал сперва: что за негодная старая кляча?»

Женщина коснулась щеки Джека. Ее ладонь показалась ему неестественно холодной.

– Что ж, моя миссия выполнена. Я увидела все, что хотела увидеть. Мне пора идти.

Кожа, казалось, заледенела от ее прикосновения. Ее лицо приблизилось, в глазах зажегся мягкий фиолетовый огонек.

– Я знаю: многие боятся вашего возвращения, – прошептала женщина зловеще. – Если вы оба хоть на секунду поколеблете мою уверенность в том, что вас нечего бояться, вы больше не сможете никого напугать в этом мире.

Они успели лишь заметить, как лязгнула закрывшаяся дверь. Чиновник раскрыл рот, ошеломленный сверхчеловеческим проворством незваной гостьи.

«Ой-ой, как мы любим повыпендриваться!» – прокомментировал Фист и тоже скрылся.

– Я свободен? – спросил Джек.

Чиновник вздрогнул, словно впервые заметив задержанного.

– Да, – ответил таможенник, вернулся к столу и выдвинул ящик. – Вот ваша кредитная карта. По распоряжению Внутренней безопасности на нее положена некая сумма, достаточная для вашего проживания на Станции.

– Я могу выйти в сеть?

– Никакого оверлея реальности, никакой купли-продажи, поиска, социальных сетей. Только почта и доступ к фетчам.

«Похоже, у нас небольшая проблемка с поисками Андреа, – заметил Фист, хихикнув. – Ну и отлично, нечего отвлекаться. Впереди – трогательное воссоединение семьи. Нас ждет встреча с живым папочкой и дорогой мертвой мамочкой».

– Внуб направил нам официальный запрос на беседу с вами. Комиссар Лестак пришлет сотрудника, который заберет вас завтра утром с нашего причала. Эта встреча – необходимое условие вашего освобождения. Если вы не явитесь, вас отыщут и заключат в тюрьму.

Пустынным коридором таможенник провел Джека до лифта. Они вошли, и кабина, содрогнувшись, двинулась вниз.

– Моя б воля, вышвырнул бы тебя в космос – лети в ад, к своим гребаным друзьям-террористам. – Чиновник глянул на Джека с глубоким презрением.

– Тотальность не причастна к нападению на Луну, – сказал Джек. – Она всегда утверждала, что этот теракт – дело рук террориста-одиночки. Я верю ей. Пантеон искал мести, а не правосудия.

Двери лифта раскрылись. Чиновник вытолкнул Джека наружу:

– Выметайся!

Перед ним оказался пустой холл, за ним – полуночная улица. И – навалившаяся усталость, изматывающая сильнее любого допроса. Так хочется отыскать крышу над головой, завалиться спать и не просыпаться до утра!

Джек подумал об Андреа, вздохнул и шагнул во тьму Станции.

Глава 2

За дверью таможни он окунулся в дождливую ночь. Огни Хребта едва виднелись над головой. Подняв воротник плаща, Джек зашагал в Док по узкой улице. Ему уже доводилось здесь бывать, но без сети – никогда. Калье-Агуа была почти в точности такой, какой осталась в памяти: расщелина из потрепанных временем построек в четыре-пять этажей, металлические фасады которых были изъедены ржавчиной. Домами здесь владели Сандал и Королевство.

Королевство всегда скупился на внешнее оформление. Он, архитектор всего человеческого в Солнечной системе, любил показать физическую суть – скелет и мышцы своей мощи. Потому железо построек просвечивало и сквозь сетевой оверлей. А офисы бога логистики Сандала прятались под слоем улыбающихся лиц и ободряющих образов. Сандал распоряжался портами и грузами и любил подчеркнуть свою важность как для бесперебойного снабжения услугами и товарами, так и для человеческого счастья в целом.

И конечно, для всех подключенных к сети в небе у Хребта сияли шесть пиктограмм богов Пантеона. Пять – активные, всем видом выражающие неусыпное внимание и готовность помочь.

Шестая пиктограмма изображала ослепленного, скованного ворона Сумрака: несколько лет назад главного корпоративного стратега Станции лишили права голоса и сил.

Но Джек оставался вне сети и видел лишь унылые дома.

«Да ну, невелика потеря!» – пропел режущим фальцетом паяц, утешая хозяина.

Фист семенил в дюжине шагов впереди. Странно было видеть, как дождь падает сквозь его глянцевое тело. Паяц оглянулся. Его лакированные глазки возбужденно блестели.

«За мной!» – крикнул он, дважды хлопнул в деревянные ладоши и скрылся за железнодорожным мостом в конце Калье-Агуа.

Радость паяца казалась почти детской. Осторожно обходя лужи, Джек двинулся следом под единственную арку моста. Над головой, стуча и покачиваясь, пронесся поезд. Его огни высветили окрестные дома, меньшие, чем на Калье, и не такие массивные. Джек свернул к рынку Хон-Се-Де и увидел стоящего на тротуаре паяца. Тот рассматривал замершую у склада фигуру, ростом и очертаниями напоминающую человека.

«Смотри-ка, Джек, бипед из Тотальности! Далеко же этот двуногий забрался!»

«Он? А как ты узнал, что это не „она“?»

«Джеки, ты педант. Интересно, чем „оно“ тут занимается?»

Капли дождя блестели на широком черном пончо бипеда. Спустя пару секунд он повернулся спиной к складу и двинулся по улице. У следующего здания робот снова остановился, задрал голову, и капюшон пончо соскользнул. Лица у бипеда не оказалось – лишь ровный мягкий овал, излучающий белесый свет. От него сырая темень вокруг казалась фиолетовой.

«Если бы не моя клетка...» Фист разглядывал бипеда, как голодный волк – овцу.

Джек перешел улицу, чтобы миновать робота. Паяц поспешил следом.

«Что-то я не пойму... „Снежинки“ снаружи, мякиши внутри, – ворчал он, с трудом переводя дыхание. – И до чего тут дошло, интересно мне. Неудивительно, что твой приятель с таможни был так недоволен».

«Фист, не зови их „мякишами“».

«А почему нет? Я же не возражаю, когда меня зовут паяцем».

Ближе к рынку унылые металлические фасады сменились разношерстными, убогими конструкциями из пластика, жести и полотна, едва выдерживающими хлещущий ливень.

«И это самый большой рынок Дока? Что за помойка!» – буркнул Фист.

«В сети он выглядит лучше».

Джек вспомнил танцующую в воздухе рекламу, зазывающую покупателей. Призрачные дата-спрайты выуживали у клиентов информацию об их предпочтениях и вкусах – и, завлекая, касались виртуальными пальцами, нашептывали соблазнительные слова, показывали гениталии, намекали на поджидающие чудеса. Все продается. Дешево! Прямо сейчас! Но за манящими обещаниями таилась убогая и грязная реальность, чью уродливую наготу было не скрыть.

Павильоны не работали, но у некоторых из них осталось включенным сетевое вещание. Закрытые лавки продолжали зазывно шептать в темноту. Подле них поодиночке и группами стояли люди, поглощенные своими видениями. Вокруг них плясала туманная дымка снов.

«Не позволяй им тебя увидеть!» – предупредил Джек.

«Я их тогда перепугаю до смерти, – хохотнул паяц. – Интересно, они то же самое видят, что и мякиш, или другое?»

«Сомневаюсь, что бипед в сети. Тотальность не слишком ее любит».

«Эй, посмотри-ка на того типа!»

Перед совсем уже нищими палатками-развалюхами стоял старик. Закинув голову, он счастливо улыбался дождю. Одна его рука свисала бессильно, другой он оживленно копошился в штанах. На месте носа на лице старика зияла дыра. Джек вздрогнул. Он уже забыл, как страшно калечит «пот» пристрастившихся к нему. На потогона никто не обращал внимания: сетевые интерфейсы нормальных людей скрывали его присутствие.

Джек ускорил шаг. Он продрог, от голода сосало под ложечкой. Мысли об Андреа мучили сильнее навязчивой вирусной рекламы. Андреа любила бродить по рынку, прицениваться, торговаться. Так хотелось провести рядом с нею хоть несколько минут! Джек старался изо всех сил, чтобы злость и обида не затопили последнюю оставшуюся радость. И что теперь? У него осталось так мало времени.

Поежившись, он плотнее запахнулся в плащ. Мимо прогудел еще один поезд, тормозя перед станцией «Хон-Се-Де».

По мере удаления от рынка улицы пустели. Джек подходил к Ране. Скверное место. Несколько сотен лет назад шальной астероид вспорол наружную оболочку Дома. Районы, чьи дома и улицы оказались над повреждениями, получили новые имена, чтобы увековечить память о трагедии. Архитекторы Королевства застроили шрам, возвели здания, с нижних этажей которых открывался вид в космос. Рана привлекала любителей звездного неба и стала популярной у докеров, работающих на краю пустоты, и космонавтов, проводящих жизнь, бороздя пустоту. Но вряд ли кто-нибудь из них наслаждается красотами среди ночи. Большинство спит, изнуренное тяжелым повседневным трудом. В кварталах Раны рано ложились и вставали.

Фист заявил, что ему скучно, и полез назад, в разум Джека.

«Найди нам отель, – приказал тот. – Тогда мы сможем заняться поисками Андреа».

«И как же?»

«Поищем в сети».

«Но я не могу выйти в поисковик. Я взломал не все блоки».

«Черт! А когда взломаешь?»

«Через неделю. Может, через две. Все эта гребаная клетка».

Они двинулись дальше. Спустя несколько минут впереди показался знак Близнецов – эмблема кафе. В неярком свете из окон капли дождя казались полосками желтого пламени. Жужжал вентилятор, гоня в ночь терпкий, аппетитный запах жареного. Джек толкнул дверь, надеясь отыскать за ней еду и помощь с интернет-поиском.

За оцинкованной стойкой сидели, сгорбившись, женщина и двое подростков. Женщина, судя по виду, космонавт дальнего плавания, доедала суп, аккуратно черпая ложкой зеленую жижу. Лицо ее скрывал низко надвинутый капюшон, тело было закутано в длинный плащ, вместо правой руки – лишь блестящий металлом шарнир. Рука осталась на таможне. К стойке прислонен костыль. Не иначе конфисковали и ногу. Похоже, чиновники Сандала уже работают на новый порядок. Старые лицензии на пользование техникой, выданные Пантеоном, не работают в той части Солнечной системы, которую контролирует Тотальность. Интересно, сможет женщина восстановить конечности, когда вернется домой?

«Ну, мать же их так-перетак, отбирают руки-ноги у честного трудящегося народа!» – взвился паяц.

«Законы Пантеона, – отозвался Джек. – Человек не владеет ничем. Все – только по лицензии».

Он заметил вдруг на банданах подростков аккуратно вышитые символы Сумрака. Первый парень опасливо прикрылся. Второй посмотрел оценивающе на гостя.

– Все в порядке. Он не из Внуба.

«А у твоего прежнего босса еще остались приверженцы! Впечатляющая парочка!»

– Я хочу поесть. Горячего. И побыстрее. – Джек уселся за стойку. – А еще я хочу найти отель. И друга.

– Еда в меню. Я похож на сетевой поисковик? – буркнул бармен.

– Я не в сети, – пояснил Джек и поймал на себе удивленный взгляд. – Я только что прибыл на Станцию. Сандал выдал санкцию на допуск.

– Отель через пару кварталов отсюда. Свернешь налево, потом направо. Но если ты не в сети, не сможешь заплатить за комнату. И за еду тоже. Да и вкуса ее не почувствуешь.

– У меня есть деньги, – возразил Джек, доставая из кармана карточку.

– Это Внуб. Парни не ошиблись. Ты из полиции.

Подростки сдавленно чертыхнулись.

– Уже нет, – сообщил Джек.

– Вышел условно? – спросил парень.

– Это дерьмо похлеще, чем вы со своим богом-предателем, – буркнул бармен.

– Полегче, – посоветовал парень. – Они не доказали ничего.

– Королевство считает, что Сумрак сознательно помогал террористам. Заря об этом сообщила всем. По мне, так ничего больше и доказывать не надо, – сказал бармен и добавил, обращаясь к Джеку: – А ты катись отсюда.

Я не знаю, что ты учинил. Но если за это выкинули из сети, тебе здесь не место.

– Видимо, скиннер-взломщик, – прошептал другу парень. – Сейчас за них круто взялись.

– Подонок, – бросил бармен в спину уходящему Джеку.

«Ему колом в горле встанет каждый заработанный шиллинг! – Фист взвизгнул пронзительно и злобно, будто свистнул плеткой в голове. – Я пошлю фото, на которых он трахает шестилетку, всем, кого этот козел встречал в жизни. К завтрашней ночи его выкинут из его гребаной жизни побираться на улицах».

«Нет, ты не пошлешь, – возразил Джек. – Ты вспомнишь, что случится, если тебя поймают, и послушно сделаешь, что я скажу».

«И это, конечно же, будет лучше для нас обоих. Как всегда. Правда, Джеки?»

«Заткнись, мать твою!»

Глава 3

Отель отыскался легко. Его поврежденная вывеска искрила от каждой капли дождя.

«Прямо таки аутентичное ретро, – хихикнул Фист. – Андреа любила такое, правда? Жаль, что ты никогда не затащишь ее сюда. Могло бы получиться такое чудесное любовное гнездышко!»

«Не спеши с „никогда“».

«Помнишь все эти разглагольствования психотерапевтов, когда выяснилось, что я заберу тебя? Что они там определили как самое худшее? Кажется, оно называлось „неспособность смириться с неизбежным“».

Дверь не хотела открываться. Форстер наподдал плечом, и она широко распахнулась. Громко звякнул звонок. В зале царил полумрак. Стойка была отделана дешевым пластиком под дерево. Портье, сидевший за ней, сперва показался Джеку молодым, но, подойдя ближе, он рассмотрел покрывающие лицо служащего морщины. Но поздоровался тот по-мальчишески бойко.

– Приветик! Ох, господи, да мы промокли совсем! А вот подыщем-ка мы быстренько отличную комнатку!

Он встал, слегка покачнувшись. В воздухе остро запахло чем-то травяным. Джек узнал аромат местного джина. Да, семь лет без алкоголя не проходят даром. Забываешь, как от него заплетается язык, дрожат руки.

«И тебе не помешало бы прихватить бутылочку и отпраздновать возвращение домой».

«Фист, мне дешевое бегство от реальности не нужно. В особенности настолько дешевое. Мы здесь, чтобы найти Андреа».

– Односпальный номер? – спросил клерк, не подозревающий о том, что творится в голове у гостя. – Сколько пробудете?

– Пару недель.

Фист рассмеялся – будто разбилось в темноте стекло. Клерк махнул рукой, подтверждая заказ.

– Нужен депозит. Просто подключитесь к нашему серверу.

– Я заплачу вот этим. – Джек шлепнул на стойку карточку Внутренней безопасности. – Можно?

– Ну, оно не то чтобы хорошо. – Клерк переводил взгляд с карточки на гостя и обратно. – Однако ночь такая жуткая. Я уверен, вы ничего слишком плохого не сделали. Думаю, я могу вам доверять, правда? Вы ведь не

подведете меня?

Где-то вдали зажужжала сигнализация. Клерк растерянно замолчал, махнул неуклюже рукой и тяжело шлепнулся на стул. Потом потянулся за стаканом и с трудом ухватил его, едва не расплескав прозрачную жидкость.

– Близнецы разрешили бы мне, – пробормотал он скорее себе, чем Джеку.

«Старый пьянчуга, – скривился Фист. – Если бы он не набрался так, не видать нам комнаты».

– Знаете, еще чуточку – и у вас будет вид на звезды. Вы ж не свои денежки тратите, а? – заметил клерк.

Джек кивнул.

– Ну все, и порешили на том. – Пьяно хихикнув, клерк махнул решительно рукой, чуть не свалившись со стула. – Я носильщика позову, пусть проводит вас в комнату. Кстати, я – Чарльз.

– Еще кое-что: не могли бы вы отыскать мою подругу? Она певица. Наверняка ее представления есть в списке местных развлечений.

– А вы не можете просто написать ей?

– Хочу сделать сюрприз.

– А-а, – протянул задумчиво Чарльз, почесывая нос и морщась. – Понятно.

Однако он не смог отыскать никаких следов Андреа.

– Что-то совсем нету ничего, – выговорил он виновато.

Фист хихикнул.

– А вот и наш носильщик!

В зал опасливо ступил старикашка донельзя затрепанного вида – сгорбленный, с лицом изрытым и морщинистым, как полностью выработанный шахтерами астероид. Чемодан Джека старикашка не взял. Когда оба они уже вышли из зала через грубо вырубленную в железной стене дыру, Чарльз крикнул вдогонку: «Сладких снов!» И добавил: «Эй, мистер Форстер не в сети». Старикашка изумленно охнул.

«Вот балда! – пробормотал Фист. – Держу пари, он ее имя напечатал неправильно. Или прошляпил, читая список».

Они шли длинным коридором. Дорожка на полу, когда-то бывшая красной, пахла плесенью, свисавшие с потолка люстры не горели. Вычурная кабина лифта походила на клетку. Ее стены украшали сломанные электронные платы. Джек различил вытертый символ Близнецов. Они отвечали за здравоохранение – от лекарств до еды – и все операции с недвижимостью. Но, надо полагать, сюда они не заглядывали уже очень давно.

– Не работает, – буркнул носильщик. – Туда!

И указал на дверь с надписью «С УЖЕБ Я». Следом за старикашкой Джек спустился на несколько пролетов. Даже в Ране комната с видом на космос означала погружение глубоко в недра Станции. Под ногами звякали ступени. Посреди лестничной клетки с шипением брызгала вода, обдавая идущих.

– За что они тебя выкинули из сети? – поинтересовался старикашка. – Мне можешь рассказать, я не выдам.

Форстер промолчал.

– Да ладно тебе, я не стучу. Я из ребят Королевства, у нас рты на замке. Дык за что?

Вскоре они подошли к двери комнаты Джека. На ней тоже красовался символ Близнецов. Из-под облезшей позолоты просвечивал дешевый синий пластик. Носильщик толкнул дверь. Через мгновение процедура распознавания сработала и дверь распахнулась.

Серые стены без окон. Несколько ниш с матовыми светильниками. Большинство не работает, лампочки выкручены. У одной стены – приземистая двуспальная кровать, у другой – стол. Рядом – шкафчик без дверок, возле него висит универсальный алтарь, готовый соединить любого гостя с его божеством.

«Что ж, по крайней мере, здесь просторно», – подумал Джек, ставя чемоданчик на пол.

– Вон мини-бар, душевая. Коснись рукой здесь. – Старик указал на белый квадрат на стене у двери.

Джек прижал к нему подушечки пальцев. Зажглись огоньки.

– Все, дверь настроена на тебя.

– Тут еду подают в комнату?

Портье рассмеялся.

– А открыть окно?

– Плати, и откроется.

– Чарли об этом не говорил.

– Он наклюкался вусмерть. Заплати по сети, и все тебе будет.

– Не могу.

– А-а, я забыл.

Уходя по коридору, старикашка хихикал под нос.

«Я б позволил тебе испортить его жизнь, но она уже испорчена», – подумал Джек.

«Ну, я бы мог опустить его еще ниже», – отозвался паяц.

«Можешь взломать комнату?»

«Джек, это вшивая комнатенка в свинарнике. Если б я был свободен, то взломал бы все берлоги на полкилометра отсюда, даже не вспотев».

«Фист!»

«Да, могу взломать. Система локальная. Нет нужды идти в сеть, рисковать тем, что сработает сигнализация на клетке. Минута-другая – и здешний сервер – мой».

«А быстрее?»

«Проблема в клетке. В ней будто бредешь по глубокой грязи. Зато у тебя есть время развесить рубашки и вынуть зубную щетку».

«Ломай», – приказал Джек.

Фист явился, мерцая, и принялся за работу. А его хозяин вспомнил паяца свободным и убийственным: крохотная черная тень среди мрака, сокрушающая, хохоча, искусственный разум во мгле за Юпитером. Теперь Фист в кандалах.

Паяц вышел на середину комнаты и опустился на колени.

– Нужно дотянуться, – пояснил он, прижимая ладони к полу.

Дрожь пробежала по его телу – на взлом клетки тратилось много энергии. «Опаньки!» – довольно пробормотал Фист. Его хищные пальцы погрузились в потертый ковер – визуальная метафора напряженной и запутанной битвы между вторгающимися и защитными программами.

Другие паяцы всегда поглядывали на Фиста свысока – еще бы, ведь он был взращен на разуме бухгалтера, а не военного. Ущербное дитя, родившееся в мозгу никчемного штафирки! Хозяева паяцев так же презирали Джека. Отчасти они были правы: Форстер не стал профессиональным солдатом и скверно приспособился к военной жизни. Но он всегда питал глубочайшее уважение к той легкости, с какой Фист проникал в сложнейшие информационные структуры и покорял их.

Уважение это зиждилось во многом на понимании Джеком своей ограниченности. Он мог разбираться в коммерческих системах и даже, в определенной мере, взламывать их. Форстер любил возиться с числами, отслеживать потоки данных, прочитывая в их следах состояние компании. Но по большому счету у него отсутствовала та элегантная хищная хватка, какая составляла натуру паяца. В который уже раз Джек задумался над тем, как ощущает себя существо, находящееся на столь короткой ноге с абстрактным.

– Окно готово! – выдохнул Фист.

Слабая виртуальная рябь прокатилась от него по ковру и затихла, не добравшись до ног Джека. Заскрежетал скрытый механизм, и виртуальное движение стало реальным. Раздвинулась диафрагма. Вдруг оказалось: Фист

стоит на коленях посреди расширяющегося звездного круга. Тьма расплескалась по всей комнате. Паяц встал – маленький принц, парящий над своим утерянным королевством.

– Так-то лучше. – В голосе его слышалось счастье.

Для обоих разверзнувшееся под ногами звездное небо было словно возвращением домой, в яростную пустоту войны. Форстер шагнул к темноте, посмотрел вниз, стоя на самом краю, где потрепанный ковер сменялся черной бездной. И на мгновение показалось: вокруг не стены дешевого отеля Раны, а безбрежный простор между солнцами. Среди них не было заброшенной, изуродованной Земли. И «снежинок» тоже. Под ногами лишь крошечные жесткие огни, едва различимые за бесчисленными парсеками Вселенной.

– Я всегда мечтал вернуться домой, – произнес Джек задумчиво. – Но когда мы прибыли на Станцию, то не увидели неба. А без звезд тяжело. Тоскливо видеть над головой только Хребет и Дом вокруг него.

Фист не обратил внимания на его слова. Паяц обходил комнату, касаясь пальцами стен, исследуя виртуальную структуру комнаты.

– Я попробую полный оверлей, – сообщил он.

– Это безопасно? – Джек с трудом оторвался от созерцания звезд.

– Ох, господи, ты что, совсем мне не веришь? – вздохнул Фист. – Я весь уже на отельном сервере и замаскирую с его помощью твой выход в личное пространство. Пока мы не пойдем дальше в сеть, все будет выглядеть так, будто ты глядишь в экран и печатаешь на клавиатуре.

Система оверлея комнаты наложилась на разум Джека – и стены с потолком пошли волнами, растворились. Он оказался в заброшенном саду, на берегу залитого тьмой пруда. Над головой висела полная луна, заливая все вокруг неярким светом, милосердно скрывающим гниль и запустение зачахших клумб, заросших дорожек и сломанных арок. Вдалеке виднелся небольшой холм. На его вершине сиял, словно серебряная пуговка, маленький храм безукоризненно классического стиля. Рядом стояло что-то похожее на статую.

Заброшенность придавала саду особую хрупкую прелесть. Джек вздохнул, вспомнив, как выглядел его сад в пору ежедневного ухода за ним. Вспомнил и прощальную вечеринку. Немногие пришедшие друзья и коллеги делали вид, что гордятся хозяином. Ведь он собрался воевать с Тотальностью, мстить за погибших на Луне детей. Но чем пьянее делались гости, тем явственнее в их словах сквозило облегчение. Чувствовалось, как они были рады, что божественные патроны не благословили их на войну!

Фист вышел из-за арки на другом берегу пруда. Деревянные ноги

паяца клацали по брусчатке, будто копыта. За аркой хранилась личная библиотека Джека. Наверняка сдача в плен нарушила условия лицензии на пользование записями. Библиотека опустела, все, что Джек прочитал, просмотрел, прослушал за свою жизнь, – исчезло.

Раскрашенные губы Фиста искривились в жутковатую улыбку.

– Джек, ты не шевелись пока! Я еще не переключил тебя на виртуальное движение. Не то чтобы мне не доставляло удовольствия видеть, как ты бьешься о стены, – но ведь надо защищать будущую собственность!

Он закрыл на мгновение глаза. Джек представил, как паяц мог бы сосредоточенно нахмуриться. Конечно, лицо куклы было слишком неподвижным для изображения таких эмоций. Интересно, как паяц справится с настоящим человеческим лицом, когда придет время завладеть телом? Джек ощутил удовлетворение от того, что может спокойно слушать глумление Фиста и равнодушно думать о своей смерти. Андреа объяснила Джеку, насколько паяц бессилен что-либо изменить. Потому Форстер теперь считал свое состояние особенной смертельной болезнью, которая закончит его жизнь быстрым, эффективным и абсолютно безличным образом. Конечно, и с болезнью смириться нелегко, но почти всегда мысли о ней помогали Джеку успокоиться.

Окружающий его пейзаж замерцал и тут же стабилизировался.

– Готово! – прощепетал радостно Фист. – Интерфейс с эффекторными нейронами пропатчен. Мода «Лунатик» теперь активируется автоматически. Двигайся как хочешь – все только в твоём воображении.

Джек шагнул осторожно раз, другой. Сеть теперь проникла глубоко в мозг, делая иллюзию движения неотличимой от реальности. Этого Джек не чувствовал уже семь лет. А ведь когда-то он так существовал. Потребовалось долгое время, чтобы приучить себя обходиться без виртуального мира, без всего, что он давал разуму и телу. Воспоминание об оставленной позади виртуальной жизни помогло справиться со страхом грядущей потери жизни реальной. Радость возвращения к прежнему и несколько счастливых недель с Андреа – вот и все, что сулит будущее.

– Ну, раз мы здесь, давайте-ка пообщаемся малость! – объявил Фист как ни в чем не бывало, вскакивая на грубо вытесанный блок мягкого белого известняка, стоявший в центре сада. – Это же все твоего родителя, правильно?

– Да.

– Эй, капитан, полундра, – выговорил напыщенно паяц, старательно подражая чьему-то архаичному выговору, не распознанному Джеком. – Нас

посадили на мель. Хочешь, я взломаю защиту? То-то мы удивим твоего папочку!

– Я сделаю это сам. – Джек провел ладонью по шершавому холодному камню.

Грубая поверхность казалась такой настоящей. Джек вспомнил, как в детстве тер ладошкой отцовскую щетину, удивленный ее колючестью. Он вздохнул:

– Давай отыщем Андреа.

– И она заблокировала тебя.

– Она не могла.

– Посмотрим.

Ее аватар находился в нескольких минутах ходьбы, в конце огражденной валунами тропы. Они когда-то были образами многочисленных друзей. Но после ухода на войну из-за расстояний стало трудно поддерживать контакт даже с теми, кто еще не покинул Джека. И все они заблокировали его после сдачи в плен. На секунду Джек пожалел о прошлом.

Он подошел к аватару Андреа и застыл, глядя на точную копию живой женщины. И вспомнил, как в последний раз видел ее наяву, поющей в ночном клубе у площади Канжи. Джек вспомнил и ее последнее прикосновение. Она смахнула слезу с его щеки.

Андреа тоже хлебнула горя. Годы оставили след на ее лице. Жизнь с Гарри Девлином не была простой. Но Андреа все-таки любила его и вернулась к нему, после того как ведомый психопатом астероид врезался в Луну. Внезапно ей показалось очень важным сохранить прежнее. За неделю до ухода Джека на войну Андреа сказала, что собирается начать жизнь заново с мужем. Все закончилось так странно и нелепо. Как же она перенесла его смерть? На вопросы о Гарри Андреа всегда отвечала уклончиво. Джек подумал тогда, что даже спустя пять лет ее боль потери не утихла.

Все же Андреа рассказала в общих чертах о произошедшем. Гарри застрелили в тихом переулке Канжи. Девлин всегда старался держать побольше информаторов, и, похоже, один из них предал и прикончил шефа. Убийцу так и не нашли. Джеку вспомнился Пьер Ахматов и его ночной клуб «Царь-пантера». Не иначе инспектор Девлин перевернул пару-тройку камней, под которыми копошились очень опасные твари. Гарри всегда казался бессмертным: таким живым, проворным, плотью от плоти улицы и людей Дока. Трудно представить его фетчем – призраком, порожденным скудными следами, оставленными настоящей жизнью в сети. Вряд ли

посмертный электронный слепок способен хоть как-то утешить Андреа.

Глаза ее аватара были закрыты. Невольно Джек взял ее за руку, вызывая на связь. Он представил, как перед ней вспыхивает его образ, а она раздумывает, ответить или нет. На мгновение он позволил себе надеяться на лучшее.

– Джек, честно говоря, я не понимаю, зачем так мучиться? – хмыкнул Фист.

Рука Андреа осталась холодной и мертвой. Джек снова стиснул ее, затем разжал пальцы – и она упала бессильно. Лицо Андреа оставалось в тени. Джек поцеловал кончик пальца и коснулся щеки любимой. По телу пробежала холодная дрожь. Может, Андреа с другим? Но ведь бывшие любовники не скрывали друг от друга ничего. Она бы рассказала. Джек представил, как она думает о его возвращении. Еще один мужчина, который любит ее – и умрет. Может, потому она и порвала с ним так неожиданно и бесповоротно? Но ведь она спокойно приняла неизбежность его смерти. Хватит думать о плохом! Попросту что-то не так. Нужно отыскать ее.

– Мы поговорим завтра с Внубом, а потом займемся розысками, – сказал Джек.

– Скука-то какая! – отозвался Фист. – Как насчет храма? Там есть кое-кто, очень желающий повидать тебя. Можно рассказать ему, как нас впечатлили его несовершеннолетние поклонники.

– Нет! К Сумраку мы не пойдем! – выпалил Джек, удивляясь собственной злости. – Никогда!

– Хозяин барин, – пожал плечами паяц.

– Верни нас в отель.

Паяц хлопнул твердыми ладонками. Сад исчез, и Форстер снова оказался в жалкой комнатухе, измученный голодом и забывший о звездах под ногами.

Глава 4

Стоя на крыше таможни, Джек глядел на огромную круглую скалу Бородавки. По сторонам вздымались дугой загроможденные постройками стены Дока, смыкаясь далеко в вышине, за Хребтом. Многие дома были либо не достроены, либо уже разрушены. Бросались в глаза черные выжженные пятна, иные всего в несколько квадратных метров, другие растягивались на всю улицу, а то и больше.

Джек посмотрел вверх, пытаясь различить лампы Хребта, но сияние слепило глаза, и пришлось отвернуться, моргая. Где-то там ждет Андреа. Джек вспомнил, что она рассказывала про Королевство. «Он построил Станцию, – заметила она однажды. – Как ни тяжело мне признавать это, но он сделал чертовски впечатляющую работу».

Но сейчас, стоя посреди результатов этой «впечатляющей работы», Джек ощущал себя в ловушке.

«Что, вспоминаешь богов? Я б сейчас в охотку взялся за них», – прервал Фист меланхолическую задумчивость хозяина.

«И я бы тебя не стал останавливать».

«Какая перемена настроения, надо же!»

Раздался шум винтов. Черный флаер Внуба аккуратно зашел на посадку, опустил тяжело на шасси, заглушил двигатели. Потом качнулся – внутри что-то переместилось. Открылась дверь, и показалась пилот.

– Я лейтенант Корасон, помощник комиссара Лестак, – представилась она, выбираясь наружу.

Женщина была чуть ниже Джека ростом, в темной униформе без знаков различия, с выбритой головой, плотно усеянной вытатуированными символами сети. Серебряный знак Зари сверкал на темени.

– Я должна надеть на вас наручники. Простите, но таковы наши правила.

Затем лейтенант помогла Джеку подняться на флаер. Потянувшись за ремнем безопасности, она навалилась на Джека, и пока она возилась с пряжкой, он смущенно молчал.

– Э-э, а Док в скверном состоянии, – стараясь побороть неловкость, заметил пристегнутый наконец Форстер. – Странно, что никто не отстроил выжженные места.

– Это места запустения. Здесь взорвались бомбы террористов. Боги оставили пустыри, чтобы мы не забывали, за что сражаемся. – Лейтенант

уселась в пилотское кресло.

– Террористов поймали?

– Да. Сразу же после того, как свергли Сумрака. Как наивно с его стороны было считать этих людей мирными протестующими. – Корасон проверила готовность к полету. – Взлетаем. И прошу, чтобы никаких помех от этого вашего создания!

«Ах, какая суровая! – мечтательно прошептал Фист. – Как бы я хотел ощутить на себе ее твердую командирскую руку!»

Флаер взмыл вверх, заложил вираж и двинулся вдоль Дома под самым Хребтом. Корасон на мгновение прикрыла глаза и коснулась серебряного знака на темени.

«Чего это она?» – осведомился Фист.

«Мы летим вдоль пиктограмм Пантеона. Она молится покровительнице».

«Хозяин, только не говори мне, что и ты так же лизал им задницы».

Лейтенант закончила краткую медитацию, и флаер понесся вперед. Корасон была умелым и сноровистым пилотом.

– Будем на месте где-то через минут двадцать, – проинформировала она.

– Не сомневаюсь.

– Вы долго отсутствовали. Жаль, что возвращаться приходится вот так.

– Ничего страшного.

Они пролетели сквозь район, отведенный под склад контейнеров. Несколько сотен их висело на стенах каньона. Сверху и снизу сновали флаеры с пассажирами. Без сетевого оверлея машины были похожими как две капли воды и одинаково потрепанными. Истертые балки рамы из карбонового волокна просвечивали сквозь обшивку, будто выцветшие кости сквозь кожу.

– Вы находитесь под покровительством Зари? – нарушил молчание Джек.

– Да, благодаря посредничеству моего отца.

«Эй, хозяин, ты видишь того, кто не подвел добрых родителей!» – хихикнул Фист.

Джек невольно поморщился.

– Что, наручники жмут? – Лейтенант заметила его гримасу.

– Нет, все нормально. – Джек поерзал на сиденье. – Необычно видеть приверженцев Зари во Внубе.

– Заря призвала меня. Я повиновалась.

– А кем вы намеревались стать?

– Журналистом.

Джек не стал нарушать воцарившуюся тишину.

– Работать на Внуб оказалось приятнее, чем я ожидала, – спустя некоторое время отозвалась наконец лейтенант.

– Не сомневаюсь, – кивнул Форстер. – Я знал Лестак несколько лет тому. Вы так молоды – и уже работаете с таким асом.

– Академию я закончила второй в своем выпуске.

– Значит, Заря выбрала для вас правильный путь.

– Как и Сумрак для вас.

Джек хмыкнул.

– Когда-то он был хорошим покровителем, – сухо заметила Корасон. – И он, несомненно, возвысил вас. Вы сделали карьеру так же быстро, как и я.

– А потом он изгнал меня и пал сам. Лейтенант, наш Пантеон отнюдь не всеблагой. Если понадобится, боги сотрут вас в порошок.

Лицо Корасон окаменело.

– Сумрак наказан. Для остальных богов главное – люди, – выговорила она холодно и после секундной заминки добавила: – В данный момент я нахожусь при исполнении. Прошу обращаться ко мне по званию.

– Когда-то мне тоже довелось служить во Внубе. Лейтенант Корасон, быть может, и вам следует обращаться ко мне по званию?

– Как пожелаете, условно освобожденный Форстер.

«Джек, туше! – хихикнул Фист. – Нет, она мне положительно нравится!»

Столь глубокое почтение Корасон к богам, скорее всего, коренилось в чувстве благодарности. Джек вспомнил свое отношение к Сумраку. Бог буквально проталкивал его вверх, был учителем и другом, помогал разобраться в рабочих вопросах и справиться с проблемами стремительно развивающейся карьеры. А Джек не понимал, что пристальное и очень личное внимание Сумрака было исключительной привилегией, а не правом, пока ссылка на Войну программ не показала, как стремительно и бесповоротно боги теряют интерес к своим творениям.

Внезапно стало темно. Флаер влетел в пещеру Бородавки.

– Так боги еще не благословили это место лампами? – осведомился Форстер.

– Королевство посчитал, что освещение здесь нерентабельно, – сухо и равнодушно ответила Корасон. – Реакторам свет не требуется. Никто и никогда не посещает руины. А индустриальные зоны имеют свое локальное освещение.

Когда глаза Джека привыкли к темноте, он убедился, что лейтенант права. Нижний уровень Бородавки испещряли неяркие огни – множество их плыло в пространстве вокруг флаера. Выхлопы моторов светились огненно-оранжевым либо снежно-белым, уличные фонари вырезали из темноты равноудаленные друг от друга треугольники света, то тянущиеся цепочкой, то собирающиеся в сгустки. В сумраке виднелись контуры кварталов, прочерченные тонким пунктиром светящихся окон. Сощурившись, Джек представил, что может различить за окнами человеческие силуэты. Он вздохнул. Если бы Фист был свободен, то смог бы войти в сеть каждого дома, забраться в любую комнату и вывести все о ее обитателях. Тогда поиск Андреа стал бы намного проще.

На приборной доске флаера замигала лампа, в такт ей запищал зуммер. – Черт, опаздываем, – пробормотала Корасон, прибавляя скорость.

Флаер рванул вперед, Джека вдавило в кресло. Впереди показался вход в Дом – крошечный белый кружок. Он стремительно расширялся, белизна хлынула сквозь стекло, лейтенант заложила крутой вираж – и вдруг флаер оказался снаружи, под бескрайними небесами Дома.

Впереди тонкий серебряный стержень Хребта тянулся к Солнечной стене – огромным матовым линзам, натянутым на край Дома, будто кожа на барабан. Оттуда лился мягкий золотистый свет. Его теплое сияние пронизывало воздух и делало каждый день Дома таким идеальным. Благословенный Солнцем мир разделяли надвое изгибы медленно катящей свои воды реки Меше. К ее берегам лепились жилые и деловые кварталы, магазины, парки развлечений и научные центры. Из центра Дома тянулись ввысь, к Хребту, башни-спицы. Они пронзали оболочку Дома, выходя в космос. Их внешние уровни сливались с башнями, поддерживающими зелено-золотое кольцо Небес. Для каждого бога – своя башня, где располагались штаб-квартиры контролируемых им компаний и самых важных их филиалов. Днем башни полны напряженно работающими людьми, старающимися претворить в жизнь постоянно поступающие сверху указания. Все выбиваются из сил как минимум шесть дней в неделю, восемь часов в день. А многие – и дольше. Боги многого требовали от непосредственных подчиненных – но и вознаграждали соответственно.

– Черт возьми, пропустили нашу посадочную площадку! – выпалила в сердцах Корасон, от расстройства позабыв об официальном тоне.

Она заложила левый вираж, открыв им великолепный вид на когда-то отлично знакомый Джеку квартал. Внизу сиял огня ми торговый центр «Чуйгушоу». А сбоку то появлялся, то исчезал из поля зрения квартал Вайэлин-Гарденс. Его красные кирпичные стены были данью стилю,

который на Земле был в моде три века назад.

«Ничего особенного, этакий захолустный пригород в космосе, – сязвил Фист. – Стероидные залы на Титане и то получше смотрятся».

– Джек, как оно – видеть любимые места? – осведомилась Корасон.

Форстера удивило внезапное дружелюбие в ее голосе. Но в конце концов, умение прощать всегда было важным для Зари и ее приверженцев. А иначе как выносили бы свою скандальную причудливую жизнь знаменитости? Бывшие неделю назад изгоями вдруг становятся кумирами. Привычка знаменитого певца отравлять жизнь партнеру забывается после нового хита. Погрязший в наркотическом тумане актер вдруг играет звездную роль – и в одночасье становится образцовым супругом и родителем. Конечно, у таких разительных перемен была и обратная сторона. Заря почти сразу же сокрушала своих героев. Непостоянство было единственным постоянным в ней.

Джек смог разглядеть внизу улицы Чуйгушоу-Вэйл. Они выглядели словно огромные листья на просвет: каждая черта – выстроившиеся в ряд дома, между ними – элитные магазины и центры развлечений. Но и там видны были следы войны. Среди мерцающего гламура темнели шрамы пепелищ.

– Память войны? – предположил Джек.

– О да, Дом не избежал атаки террористов.

Джек ощутил странное облегчение от того, что в ее голос вернулась прежняя холодность: она казалась гораздо честнее внезапного дружелюбия.

– А как эти руины выглядят в сети? – спросил он.

– Мы видим лица мертвых детей.

Флаер миновал скопление небольших офисных зданий. Свет Солнечной стены золотил их гладкие отражающие фасады, превратив квартал в лабиринт усаженных драгоценностями пальцев. За ним простирался пейзаж богатого пригорода: деловые кварталы, где располагались начинающие фирмы, небольшие торговые центры, особняки богачей. На мгновение воспоминания о прошлой жизни захлестнули душу. Все вернулось с такой яркостью и силой, какие недоступны для сети.

– Освободилось посадочное место, – сообщила лейтенант.

Флаер нырнул, дернулся и понесся к внушительной башне у самого входа в Бородавку. Чтобы узнать здания, Джеку не потребовалась сеть.

Внуб.

Флаер несся к срединным посадочным площадкам на тридцать третьем этаже.

– Через несколько минут вы встретитесь с комиссаром Лестак, –

буркнула Корасон. – Попробуйте и ее убедить в том, что все боги – негодяи, а Пантеон следует ненавидеть.

Глава 5

– Целых семь лет, – покачала головой комиссар Лестак. – И пять из них вы были трусом.

– Не надо читать мне мораль. Скажите, что вам нужно от меня, и отпустите. Мне еще надо кое-кого повидать.

– Отпустить? Да уж, придется. Ваши остервеневшие от злобы друзья выбора нам не оставили – амнистия для всех военных преступников.

– Я не преступник. А Тотальность – не остервенелая и не злая. Совсем. Лестак вздохнула и отвернулась.

В отличие от Корасон комиссар сохранила волосы. Она стригла их коротко и просто – как и семь лет назад. Только тогда в них не было седины. На сережках Лестак висели сетевые символы. Она сняла очки, осторожно помассировала лоб. А Джек внезапно будто перенесся в прошлое. Точно в таком же настроении она была, то же самое делала, когда пыталась у Гарри с Джеком, почему так медленно продвигается расследование убийства Пендервилля. Сейчас комиссар, как и тогда, положит на стол очки и кинется в атаку.

Он не ошибся.

– Джек, конечно же, вы знаете Тотальность лучше, чем мы. Вы ведь столько времени прожили с ними. То, что вы сделали, – постыдно. Бежать с поля боя после смерти столько детей на Луне, после нападения террористов и бомбовых атак! Понятно, что вы были недовольны решением Сумрака. Но я никогда не считала вас трусом!

Джека захлестнула злость. И подавить ее удалось не сразу. А пока он боролся с ней, комиссар склонила голову, словно прислушиваясь к чему-то, доступному лишь ей. Он посмотрел на Корасон. Та уставилась в точку чуть левее Лестак. На лице лейтенанта было написано крайнее изумление, сменившееся жалостью. Усилием воли Корасон подавила эмоции, изобразив положенное по службе равнодушие. Правда, губы – стиснутые, бескровные – выдавали происходящее в ее душе.

«Говорят с фетчем, – сообщил Фист. – Вот только не пойму, чего так нервничают».

«Если фетч не дома, вместо его лица сеть показывает череп», – пояснил Джек.

«Ну, тогда понятно, отчего Корасон так распереживалась», – хмыкнул паяц.

«А ты можешь видеть?»

«Нет. Мне разрешения не дали».

«Тебе повезло».

«Да пошли вы с вашими человеческими приколами!» – надулся паяц.

Лестак протянула руки, охватив ласковым жестом пустоту. Форстер не сразу понял, что комиссар обнимает кого-то, видимого только ей.

– Ну, Исси, не нужно так переживать! С мамочкой все в порядке. – Голос комиссара был полон отчаянной, безнадежной любви. – Но нам просто не нужна пока твоя помощь. Ты можешь просто побыть с нами, поиграть.

В комнате снова воцарилось молчание. Корасон и Лестак напряженно уставились в пустоту. Лейтенант по-прежнему делала равнодушный вид.

«Меня сканируют, – скривился Фист. – И мощно. Вот же пронырливая мелочь!»

– Нет, Исси, тебе нельзя забрать клоуна с собой, – мягко сказала Лестак и добавила: – Нет, он совсем не как ты!

Опять тишина. Затем комиссар поцеловала пустоту и произнесла: «Прощай!»

Корасон чуть расслабилась, поерзала в кресле. Джек ожидал, пока Лестак придет в себя и заговорит. И приготовился к новым обвинениям. В плену у Тотальности он не мог спокойно думать о друзьях и коллегах. Не мог не представлять такие вот разговоры с каждым, неизбежные раньше или позже.

В рассудок вплыл спокойный лукавый голос: «Джек, со мной тебе все-таки было лучше».

Лестак мгновенно заметила внезапную отстраненность Форстера.

– Роза-богиня, да вы что, разговариваете с ним, как с человеком?! – изумилась комиссар. – Ну, со штукой внутри вас?

– Мы все говорим с мертвыми, – пожал плечами Джек. – Это не хуже и не лучше моих бесед с паяцем.

Теперь настала ее очередь запнуться, обуздывая гнев.

– Да как вы смеете сравнивать?! Исси была живой! Она – личность. А ваш шут – ничто! – Комиссар сдерживалась из последних сил. – Исси всегда любила меня. А ваша тварь несет лишь смерть. Паяц – кусок Тотальности внутри вас. Неудивительно, что вы с такой легкостью переметнулись к ним. Слава богам за то, что они уничтожили всех остальных!

«Сука! – прорычал Фист. – Это я кусок Тотальности?! Знала бы она, скольких из них я разметелил в пух и прах!»

– Я здесь не по своей воле, комиссар Лестак, – напомнил Джек. – Вы что-то собирались спросить? Или меня привезли только затем, чтобы вы наорали на меня?

«На нас! – прошипел Фист. – Не только на тебя».

– Хорошо, давайте покончим с этим, – вздохнула Лестак и устало взмахнула тонкой, бледной рукой.

Джек представил, как перед комиссаром всплывают виртуальные документы.

– Корасон, посмотрите-ка. – Комиссар замерла, сосредоточившись. – Хочу знать ваше мнение.

Потом начался допрос. Лестак атаковала Джека с пугающей, едва сдерживаемой яростью. Она мимоходом коснулась его жизни на Станции – лишь подтвердила его причастность к расследованию дела Пендервилля и уточнила, сколько времени осталось до перехода тела под власть паяца. Покончив с малоинтересным, Лестак взялась за участие Джека в Войне программ. И пока она вытягивала из него ответы, его память захлестнуло прошлое, которое он отчаянно хотел оставить позади.

На окраинах системы Солнце было всего лишь одной из множества холодных далеких звезд. Упакованные в холодный металл майнд-истребителя, Джек с Фистом дрейфовали к спутникам, астероидам, газовым облакам и кометам в поисках беглых искусственных разумов, ускользнувших из-под контроля Пантеона, но еще не прибавившихся к Тотальности. Некоторые из них хотели спрятаться и размножиться. Другие – лишь провести спокойно остаток дней. Беглецов считали легкой добычей и потому за ними обычно отправляли Джека с Фистом. Требовались недели, чтобы выследить каждого, потом дни – чтобы приблизиться, глуша одну за другой системы оповещения об угрозе. А когда охотники приближались на достаточное расстояние, Фист ловил сигналы с антенн маленького корабля, взламывал защиту жертвы и нащупывал уязвимые места в их глубинном строении. Паяц иногда часами анализировал одну строчку чужого кода.

Джек привык воспринимать эту работу как своего рода военный аудит. Паяц казался ему чем-то вроде продвинутой версии тех бухгалтерских программ, какие предоставлял в пользование аудиторам Сумрак. Джек вгрызался в программы и базы компаний, анализировал тайные финансовые потоки и раскрывал истину, а Фист так же определял структуру разума по скрытым, переменчивым потокам данных. В обоих случаях дознание было медленной, тщательной, трудоемкой работой.

Но когда скрупулезный процесс определения структуры жертвы

заканчивался успешно, Фист действовал молниеносно. Его сосредоточенная свирепость восхищала и завораживала Джека. Их разум сливался, тек, пульсируя, по системам истребителя, мчался в пустоту – и выжигал сокровенную сердцевину жертвы. Фист бесновался, завывая от дикого разрушительного восторга. А когда побоище забирало жизнь, паяц заходил в неистовом экстазе – и затаскивал в него душу Джека. В ней будто рассыпалось в куски что-то соблазнительно хрупкое, податливое, вожаемое. Очередной искусственный разум рассыпался прахом, разъятый, очередное «я» навсегда замолкало в холодной тьме космоса.

Поначалу Джек искренне ликовал, уничтожая каждого беглеца. Он считал, что все они такие же, как преступник, направивший астероид в Луну. Но у каждой радости есть обратная сторона. В погоне за беглецами, следуя за Фистом от одной жертвы к другой, Джек научился прислушиваться к мыслям обреченных на смерть. С раннего детства он знал, что каждый член Пантеона был, в сущности, разумной корпорацией. Понимая это, легко представить самую малую корпоративную структуру подобием от дельного живого существа. Раньше Джек использовал свою логику и знания, чтобы пестовать эти существа. И со временем он понял, что убивает их собратьев в открытом космосе. А еще он с ужасом осознал, что истребляемым разумами едва ли хватило бы вычислительной мощности на проводку астероида с другого края Солнечной системы. И уж тем более они не смогли бы взломать системы безопасности Пантеона и сделать огромный камень невидимым для них. Настоящего преступника никто не пытался искать и привлекать к ответу.

Обычно после убийства Джек приходил в себя мучительно тяжело. Корчась от боли, он забивался в полузабытьи в угол кокпита, весь покрытый рвотой, а иногда и содержимым собственных кишок. Фист паясничал в воздухе перед хозяином, безумно хихикая, дергая его и мучая в тщетных попытках разбудить. Добившись наконец своего, он скакал по всему кораблю, иногда выскакивал через иллюминаторы, скребся в них снаружи – фосфоресцирующий призрак в межзвездной тьме, сияющий свирепым, глумливым, самодовольным весельем. Но хуже всего было, когда он подражал предсмертным стонам умирающих разумов.

Джек подползал к своей койке и спал как убитый сутками напролет, просыпаясь лишь затем, чтобы проблеваться или разрыдаться. Ему снился долгожданный мир, то, как извлекают Фиста, как наконец наступает вожаемое одиночество. Джек проклинал Сандаля за то, что тот позволил астероиду пройти защиту, Сумрака – за отправку на войну, Королевство – за согласие сделать Джека кукловодом. В конце концов он заставлял себя

подняться, брел в душ и трясся под обжигающими струями, собирая волю в кулак. Появлялся присмиривший Фист и тихо укладывался в его мыслях. Маленький истребитель возвращался домой, готовый поддаться лунной гравитации либо пришвартоваться к наружным причалам космостанции. Очередного беглеца вычеркивали из списка. Другие паяцы презирали Фиста, насмехаясь над его дотошностью и медлительностью. Фист посылал коллег подальше.

Краткое ожидание – и новая охота.

– Именно это вы и хотели услышать? – осведомился Джек. – Такого отчета желал ваш босс?

Он только что закончил подробное описание агонии юпитерианского разума. Автоматический комплекс горной разведки и добычи покинул Каллисто, чтобы дожить и домечтать несколько оставшихся недель, пока не истекнут лицензии его программ, пока не заглохнут питающие его термоядерные реакторы. Комплекс работал без остановки восемьдесят семь лет.

Корасон давно уже перестала записывать и просто глядела на Джека, широко раскрыв глаза.

– Вы хотели услышать, как мы разорвали его в клочья, чтобы защитить вас от его желания умереть свободным? Лестак, вы в самом деле хотите это знать?

– Джек, мне нужно напоминать вам о тысячах погибших? О глыбе, которую ваши электронные друзья швырнули в Луну? Вы хотите услышать о погибших детях моих – нет, наших – товарищей? Хотите узнать, сколько классов осталось пустыми, потому что заполнить их нечем? Давайте я расскажу вам об этом, вместо того чтобы выслушивать ваши рассказы! Мне противно слышать, как вы рассказываете про свои потрясающие ощущения при ловле фальшивых гребаных программ, сдвинувшихся от неисправности и превратившихся в машины уничтожения!

– Ни один из разумов, уничтоженных мною и Фистом, не был ответствен за трагедию на Луне. А скоро и я превращусь в военные потери. И даже не оставлю фетча после себя.

– Кому он нужен, ваш фетч? – осведомилась Лестак после секундной паузы.

За окном стемнело. Солнечная стена сделалась непрозрачной, потускнели огни Хребта. В Дом пришла ночь. Но ни Лестак, ни Корасон не шевельнули и пальцем, чтобы включить свет в комнате. И когда комиссар отвернулась, то показалось: она вжалась в темноту, растворилась во мраке.

Форстера осторожно тронули за плечо.

– Допрос окончен, – тихо сказала Корасон. – Я отвезу вас в Док.

Лестак не попрощалась с Джеком. И молчание ее казалось худшим упреком, чем любые слова.

«Ах, как здорово было услышать снова про наши подвиги! – прошептал Фист. – Добрые старые деньки! Ты ведь жалеешь о них, уж я-то знаю».

Услышать такое от паяца было еще гаже, чем выдержать молчание Лестак.

Глава 6

По дороге к флаеру лейтенант обронила всего пару слов. Она заговорила снова, лишь когда машина вошла в темное нутро Бородавки. Лицо Корасон едва можно было различить в тусклом зелено-голубом свете приборной панели, голос звучал еле слышно. Маска журналистской бесстрастности слетела напрочь.

– Я и не представляла, насколько там тяжело... – Похоже, лейтенант захотела поговорить по-человечески.

Впереди показался контейнеровоз. Тихо зашипели компенсаторы ускорения, взвыл маломощный импульсный двигатель, и флаер изменил курс. Ремни безопасности натянулись чуть сильнее, будто напоминая о том, что Джек с Корасон летят в пустоте, ничем не поддерживаемые, кроме тяги крохотного мотора.

– Разрушать сознание. И видеть, как оно разрушает тебя. Да, нелегко, – отозвался Джек с деланным равнодушием.

– У нас были проблемы не легче, – невесело улыбнулась Корасон. – Террористы взрывают нас, Королевство убивает террористов. И так без остановки. А за Марсом, кажется, и не происходило ничего.

Замигал тревожно красный огонек. Она тронула переключатель, и огонек погас. Джек внезапно ощутил себя очень одиноким.

– Что случилось с Исси? – спросил он.

– Погибла на Луне. Она дочь Лестак.

Этого ответа он и ожидал. Наверняка после допроса Лестак успокаивается, вызвав фетч дочери.

– Жуткое было время, – сказал он не столько лейтенанту, сколько себе.

«Ну зачем ты так про наш „казус белли“! – укорил Фист. – Мы славно повеселились!»

Джек сосредоточился и создал в сознании барьер, отгораживающий паяца. Хватит с него уже этой синтетической злобы! Потом Форстер подумал об атаке на Луну и, как всегда, ощутил не ярость от гнусного поступка врага, а глубокую печаль. Политика заставляет людей холодно продумывать и совершать жуткие зверства. А потом нанесенные раны очень трудно залечить – если такое вообще возможно.

– Я по возрасту не попала туда, – сказала Корасон. – Но потеряла там друзей.

Кто-то изменил траекторию астероида и направил его на старую

лунную шахту. Преступники сумели сделать небесную глыбу незаметной для локаторов Станции, и поэтому никто не сумел остановить астероид. Казалось, атака должна была послужить лишь демонстрацией силы и не причинить вреда. Но как раз в то время старая шахтерская база принимала ежегодный Лунный лагерь младших школ Дома. Три тысячи детей от четырех до четырнадцати лет умерли мгновенно. Пропуск астероида лежал на совести Сандала – и он потерял в статусе. Несколько ключевых подразделений службы безопасности перешли под управление Королевства. Пантеон отказался верить клятвам Тотальности, посчитав ее виновной. Вскоре началась Война программ.

– Джек, я поверить не могу, что вы протестовали против отправки на войну с ними, – не унималась Корасон.

Чем дальше, тем настырнее она лезла в душу. Похоже, лейтенанта глубоко задел рассказ о войне.

– Я был бухгалтером, – сказал Джек. – Остальные кукловоды были солдатами Королевства. Профессионалами, работавшими с системами борьбы с искусственным интеллектом задолго до слияния с паяцами. А меня швырнули к ним без всякой тренировки. Без всякой разумной причины.

– Но ведь отправил вас Сумрак! Это была его воля. А боги видят гораздо дальше нас.

– Чушь!

– Джек, Пантеон знает, что лучше для нас. Боги защищают нас. И всегда хотят направить на путь истинный.

– Неужели? Посмотрите, куда Сумрак завел меня. И не только меня. Возьмите дело Пендервилля – все указывало на причастность Пантеона.

– Этого не может быть! – воскликнула Корасон, и в ее голосе послышался ужас.

– Если сами боги отвернутся от истины, я последую за ней, а не за богами.

– Не употребляйте клятву Внуба для оправдания своей... ереси!

– Я нашел свидетельства в финансовых документах «Царь-пантеры». Хорошо спрятанные – но вполне убедительные. Кто-то из Пантеона участвовал в доставке «пота» на Станцию.

– С какой стати богу заниматься таким? И тем более убивать ради сокрытия контрабанды?

– Я принес свои находки Гарри Девлину. Он поверил мне. Потом началась Война программ. Пантеон использовал ее, чтобы прикрыть расследование. Всем тамошним мерзавцам плевать на правосудие.

– Тише, Джек! Как можно говорить такое?!

– Почему нет? Это правда.

– Не может быть! К тому же это неуважение к богам!

– Корасон, времена изменились. Сандал подвел всех нас. Сумрак оказался слишком наивным. Королевство затеял и проиграл несправедливую войну. А Заря воспользовалась случаем, чтобы увеличить вчетверо число своих зрителей.

– К чему вы клоните? – спросила лейтенант.

– Пантеон жесток, эгоистичен и крайне могуществен. Опасное сочетание свойств.

– Джек, я не желаю это слушать.

– Боги лгут нам, используют нас, а потом выбрасывают. Уж я-то знаю. Я убивал для них. А вы ведь так и не стали журналистом. Готов спорить – это была ваша мечта с детства. И какой выбор оставила вам Заря, отправив на службу во Внуб? Вы и в самом деле ей поверили, когда она пообещала, что избереет вам лучшую судьбу?

– Я могла выбрать и другое.

– У меня была подруга. Певица. Замечательный голос. Она не захотела соглашаться с тем, что предлагала Заря. Богиня разрушила ее карьеру.

Флаер вырвался из туннеля Бородавки. Корасон снизила высоту и повела машину над самыми крышами Дока.

– Форстер, где вас посадить? – спросил она с внезапным равнодушием.

«Похоже, ты нашел ее любимый мозоль!» Фист наконец сумел пробиться через барьер.

– У станции «Канжи-сквер», – ответил Джек.

– Далековато от вашего отеля.

– Мне нужно кое-кого повидать.

Лейтенант посадила машину на улице. Джек открыл дверь. Снаружи шел предусмотренный расписанием дождь. Он стучал по стеклам, брызгал в лицо, студил кожу.

– Вам выдали кредитку Внуба на таможне?

– Да. От вас там был наблюдатель. Разве она не сообщила?

– От нас никого не было на вашем допросе в таможне.

– Как скажете.

Форстер выбрался наружу, встал у двери:

– Сумрак научил меня кое-чему полезному. Нельзя доверять богам и принимать их болтовню за чистую монету.

Студеный ветер выдувал последние остатки тепла из кабины.

– Корасон, вы ведь умная, – не сдавался Джек. – Вам стоило бы тоже усвоить этот урок.

– У вас осталось мало времени, – ответила она. – Сходите к своему отцу, посетите фетч матери. По крайней мере, помиритесь с ними. И не учините ничего... такого. Честно говоря, не хотелось бы встретиться с вами опять.

«Эх, сперва тебя бортанула Андреа, теперь Корасон. Красавчик, что-то у тебя не слишком хорошо складывается с женщинами!»

Дверь флаера закрылась, слившись с черной боковой поверхностью. Рядом с Джеком осталась лишь безликая машина. Пронзительно взыв, флаер взмыл в круглое, огороженное со всех сторон небо.

Глава 7

На Канжи-сквер был час пик. Люди проталкивались в пабы, выбирались из них, толпились в очередях у ночных клубов, просто шатались по Ти-Бон-Анж-стрит. Они болтали и смеялись. Некоторые танцевали, дергались в такт слышимому только им ритму.

«Формальности исполнены, пора искать Андреа», – заключил Джек.

«Хочешь сказать, отслеживать ее? Но как, скажи на милость? Мы не знаем, где она живет и куда ходит».

«Как? Старым добрым способом: мы навестим все места, где она выступала. Будем ходить и высматривать, пока не отыщем».

Джек стоял посреди ярко освещенного, суматошно суетливого увеселительного квартала. Сверкали огни ночных клубов, грохотала музыка, сновали помешанные на моде подростки. Тут правили Заря и Близнецы и, рассыпая горстями свое благоволение, повергали поклонников в экстаз. Но Джек, не подключенный к сети, видел лишь уныло одинаковые строения, освещенные уныло одинаковыми фонарями, полные уныло одинаковых людей. Возможно, разные сетевые символы и отличали одно от другого, но Форстер не умел с машинной дотошностью разглядывать каждого и анализировать мелкие детали.

Выделялись тут лишь потогоны. Пока у них хватало ума не принимать «пот» на публике, их свободу не ограничивали. Вокруг немало их брело, спотыкаясь, сквозь толпу. Сеть не позволяла нормальным людям видеть потогон. И немудрено: наркотик, словно кислота, разъел их лица, лишив носов и продырявив щеки. Тела были изуродованы не меньше, но лохмотья скрывали язвы. Немногие еще сохраняли координацию движений. Большинство пошатывалось, тряслось, едва стоя на ногах. Время от времени потогоны хватали людей за рукава, тянули за руки, тихим голосом прося денег. Сеть не могла замаскировать прикосновения либо шепота на ухо. Почти все нормальные люди замирали, будто парализованные. Затем отталкивали просящего, рискуя из-за касания окончательно разрушить оверлей. Но кто-нибудь – очень редко – все-таки бросал гроши на счет несчастного наркомана.

Над головой потускнели лампы Хребта, возвещая приход ночи. Джек понял, что без сети он не сможет отличить ночные клубы от баров и театров, не говоря уже о том, чтобы найти оповещающие о концертах Андреа афиши. Но Андреа всегда была демонстративно старомодной.

Потому Джек брел куда глаза глядят, надеясь отыскать что-нибудь доступное для чтения без сети: объявление на стене, листовку в руках кого-нибудь из очереди. Возможно, теперь Андреа ограничивается лишь такой рекламой – и потому Чарльз не смог ничего обнаружить. А может, повезет узнать кого-нибудь из друзей Андреа либо попросту наткнуться на нее саму?

Но никаких ее следов он так и не нашел.

«Зря теряем время, – проворчал Фист. – Почему бы просто не поспрашивать у народа?»

«Вне сети бывают только преступники. Ты же видел, что случилось в кафе прошлым вечером».

Но, поискав напрасно еще немного и вконец отчаявшись, Джек решил расспросить людей. Большинство игнорировали его, считая новым, обманчиво здоровым видом потогона. Трое все же остановились выслушать. Но, сообразив, чего хочет странный незнакомец, первый из троицы велел Джеку проваливать, второй убежал, а третий пригрозил сдать его Внубу.

«Ладно, Фист, возвращаемся в отель. Завтра попробуем снова».

«Ох, наконец-то!»

Домой, в Рану, возвращались долго. Миновали то самое маленькое кафе под патронажем Близнецов. Было поздно, и оно пустовало. Даже потерянные приверженцы Сумрака не заглянули туда этим вечером. Рядом с кафе в темноту уходил узкий проулок. Оттуда доносились приглушенные крики. Джек прошел было мимо, потом остановился и вернулся на пару шагов.

«Фист, ты видишь, что там?»

Пара Сандаловых мусорных баков загораживала проулок. За ними Джек различил какую-то возню. Драка, что ли? Взметнулась рука, сжимающая обрезок трубы, и резко опустилась. Кто-то пронзительно закричал машинно-неживым, хриплым, искаженным помехами голосом: «Помогите!»

«Джеки, это же бипед! Слушай, не надо...»

Расшвыряв баки, Форстер кинулся в глухую темень.

«Вернись! Тебя покалечат!» – надрывался Фист.

Ишь ты, как за будущую собственность переживает! Назло паяцу Джеку захотелось получить увечья. Увы, тогда придется доживать калекой.

Он бежал по мокрому, скользкому бетону, вдоль разъединенных влагой глухих кирпичных стен. Пахло мочой. Мальчик и девочка – совсем еще маленькие, лет по десять, не больше, – стояли над упавшим бипедом. Его

голова излучала тусклый фиолетовый свет. Бипед забился в дверной проем и скорчился на земле. Тщетно пытаясь защититься, он беспомощно размахивал рукой. Мальчик отпихнул руку, снова занес трубу. Удар пришелся в грудь жертвы, и труба погрузилась в нее. Бипед застонал.

– Гребаный мякиш! – прошипел мальчуган.

Девочка пнула бипеда. Тот чуть сильнее вжался в проем. Сияние бипеда высветило усталые лица, потрепанную одежду детей. Ни бипед, ни они пока не заметили Джека.

«Ну, если уж пришлось...» – вздохнул Фист, смиряясь с необходимостью помогать.

Он оценил шансы и прошипел:

«Выруби сперва пацана. Порви ему глотку. Кровь испугает девчонку. Она убежит».

«Господи боже, ты же знаешь: я такого не сделаю! Просто покажись».

«Что?!»

«Покажи себя! Устрой представление. Пусть у них шарики за ролики закатятся».

Грохнуло, полыхнуло – и малолетние хулиганы обернулись, испуганные и растерянные. Перед ними стоял Джек, а рядом с ним пылал огонек. Он разрастался, хлеща стены лучами; обручи клетки раздались, стали черными от ослепительного сияния за ними. Еще раз треснуло, грохнуло – и затихло. Обручи клетки медленно вращались, а за ними висела в воздухе маленькая безжизненная фигурка Фиста.

Затем обручи расплылись, замерцали, пропали, и кукла подняла голову. Дети уставились в ужасе на размалеванные красным щеки, мертвые стеклянные глаза, идеальную деревянную прическу, вечную улыбку на губах, несуразно мелкое деревянное тельце в серо-синем костюмчике, накрахмаленной рубашке и при маленькой красной бабочке. Паяц дважды клацнул зубами, и резкий деревянный стук эхом раскатился по переулку. А потом Фист жутко заревел:

– Я СОЖРУ ВАС ЗАЖИВО, МЕЛКАЯ ПОГАНЬ!

Дети нерешительно попятились.

– Я С ВАС ОВЕРЛЕЙ СДЕРУ! ОСТАНЕТЕСЬ БЕЗ СЕТИ ДО КОНЦА ЖИЗНИ!

Дети бросились наутек. Мальчуган шмыгнул за угол. Девочка остановилась и оглянулась.

– Я кукол не боюсь! – выкрикнула она дрожащим голосом и показалась совсем малышкой.

Полыхнуло снова – и паяц оказался рядом с ней. Девчушка замерла.

Фист наклонился, почти касаясь ее деревянной призрачной плотью.

«Эй, просто вели ей убираться. Не перепугай слишком сильно!»

Паяц посмотрел на Джека с недоумением.

«Не забывай: это же малый ребенок!»

Та глядела в ужасе, не зная, чего ожидать от страшной куклы. Дрожащей рукой девочка коснулась клетки, будто хотела проверить, настоящая ли она. Вспыхнуло – и малышка отдернула руку, словно ужаленная.

– Уходим! – крикнул из-за угла мальчик. – Нам тут делать нечего!

Девочка по-прежнему стояла не шевелясь, будто парализованная.

– Он прав, – зловещим шепотом подтвердил Фист тихо. Он придвинулся еще ближе, едва сдерживая ярость. – Тебе тут нечего делать! БЕГИ!

Этого она не выдержала и бросилась прочь со всех ног.

Джек склонился над скорчившимся в проеме телом.

– Как вы?

– Они застигли меня врасплох. – Приглушенный голос бипеда звучал почти неискаженным. – Самец повредил мой голосовой синтезатор.

Бипед перекатился на спину, открыв лицо – овал наногеля с неглубокими впадинами на месте глаз, носа и рта. Шея – круглый металлический воротник. Нападающие сорвали черное пончо, прикрывавшее мягкое тело. Одна нога подогнута неестественно.

– Что случилось? – Джек помог бипеду сесть.

– Они напали внезапно, затащили меня сюда и принялись избивать.

– Все кончилось, они уже ушли.

– Знаете, что любопытно? У меня работает программа полной дипломатической неприкосновенности. Они не могли бы и помыслить о том, чтобы напасть на меня.

– Их сетевые порты заглушены, – пояснил парящий у плеча Джека паяц. – Мне пришлось постараться, чтобы они увидели меня.

– Странно, – заметил бипед. – Я уверен, причина нападения – расовая ненависть.

– С чего бы это? – хмыкнул Фист. – Вы не раса, а машины. Как и я.

– Заткнись, Фист, – одернул его Джек.

– Я слышал о подобных вам, но не ожидал, что повстречаюсь с кем-то из них, – заметил бипед.

– Тебе следовало бы бояться меня.

– Вы в надежной клетке. А ваш хозяин – добрый человек.

– Я знаю семьсот способов стереть начисто твою невральную сеть. – В

голосе паяца слышались зловещие нотки.

– Но я останусь жить в коллективной памяти Тотальности – чем-то вроде ваших несчастных фетчей.

– Не имею ничего общего с этими калеками.

– Фист, успокойся, – посоветовал Джек и добавил, обращаясь к бипеду: – Вы сможете встать?

Тот кивнул.

Джек помог ему подняться. Бипед зашатался, распрямляя ногу, но сохранил равновесие и устоял.

– Так уже лучше.

– Можете идти? – спросил Джек.

– Кажется, да. – Бипед шагнул раз, другой.

– Тогда давайте я провожу вас домой.

«Джек, это противоречит всем моим программам», – проворчал Фист, когда хозяин и опирающийся на него бипед вышли из переулка.

Глава 8

Бипед тоже остановился в Ране. Он пояснил, что там меньше помех для его работы. Джек на пару с ним доковылял до отеля. Там бипед настоял на том, чтобы купить Джеку выпивку. Тот отказался от виски, но согласился на кофе. Убогий бар был пуст. Из старых динамиков хрипела музыка. Все – унылая жестяная пародия на себя, голый остов, которому сеть добавляет плоть и кровь.

– Прошу прощения, я хотел бы кое-что уточнить, – начал бипед, когда они уселись за стол. – Я считал, что у вас все подключены к сети. Но эти дети...

Он говорил лучше прежнего. Системы авторемонта активно принялись за дело. Пончо окутывало тело, но голова оставалась непокрытой и неярко светилась в сумраке. Так могла бы выглядеть чужая далекая луна, освещенная умирающей звездой. Наногель, из которого состояло тело бипеда, был полупрозрачным. Сквозь лицо можно было рассмотреть бар, чуть размытый, искаженный, словно видимый сквозь сильно поцарапанный объектив.

– Понятия не имею, что с ними, – пожал плечами Джек. – Я не был на Станции семь лет. В мое время дети никогда не выходили из сети.

Он надорвал пакетик с сахаром, высыпал его содержимое в кофе, размешал медленно и размеренно белый порошок в бурой жиже. Кружка приятно грела руки. Джек сделал глоток, позволил теплу растечься во рту, по горлу, наслаждаясь чувством настоящей, грубой и едкой реальности. Но когда ты не в сети, кофе почти безвкусен.

«Крепкий кофе в поздний час спать тебе и мне не даст», – пропел Фист.

Джек заглушил его.

– Наверное, вы и сами не в сети? – осведомился бипед.

Форстер не ответил.

– О, простите за бестактность...

Повисла неловкая пауза.

– Спасибо за то, что помогли мне. Не каждый бы на вашем месте поступил так, – нарушил тишину бипед.

Джек пожал плечами.

– А могу я задать еще один не деликатный вопрос? – осведомился бипед.

- Почему бы и нет?
- Вы ведь кукловод? Надеюсь, вас не оскорбляет это прозвище?
- Да, кукловод.
- Вас почти не осталось.
- Остался я один. И два паяца: Фист и мистер Стабс.
- Мистер Стабс? У него нет партнера-человека?
- У него он был. Дэвид Тиамат. Но вы же знаете, что с ним произошло. На мгновение повисла тишина – бипед заглядывал в архивы.

– Я прошу прощения, – произнес он наконец. – Мы всегда предпочитали выводить из строя корабли, а не убивать их экипаж. Мы полагали, что экипаж быстро спасут.

Но к Дэвиду Тиамату не успели вовремя. Его корабль дрейфовал слишком долго. Не в силах вынести одиночество, Дэвид вручил себя мистеру Стабсу и упокоился с миром, когда паяц завладел его разумом и телом. Его история стала любимой легендой паяцев, вселяющей надежду на счастливый конец их истории.

– Что ж, вы хотели как лучше, – сказал Джек. – Вам не следует винить себя за нерадивость Пантеона.

– Боги несправедливы к вам. Вам же осталось совсем немного до того, как...

Бипед поерзал, потупился. Должно быть, так он хотел показать смущение и неловкость.

– Через три месяца истекает моя лицензия на мистера Фиста, – пояснил Джек. – После чего паяц завладеет моим телом – как мистер Стабс телом Тиамата.

Фист хихикнул.

– А вы не можете пересмотреть условия?

– Гляньте еще раз в свои архивы. – Джек грустно улыбнулся. – Системы удаления паяцев имела только последняя мастерская по их обслуживанию. Она была на орбитальной марсианской станции. Там содержались все паяцы, вынутые из своих хозяев, и все системы, извлекавшие и поддерживавшие их. В конце войны станция превратилась в облако пара. А с ней и вся нужная техника, и все программы. Никто больше не сможет вынуть Фиста из меня и уж тем более не построит новую мастерскую для этого.

– Но почему нельзя сохранить текущее состояние дел?

– Я не владею Фистом. У меня всего лишь семилетняя лицензия на него. Если я в конце лицензионного срока не возвращаю паяца в принадлежащую Королевству мастерскую по уходу за паяцами,

включаются штрафные санкции. Компания, выпускавшая паяцев, либо ее правопреемники вправе изъять мою собственность для возмещения стоимости Фиста. Он весьма сложное и совершенное устройство и стоит дорого. Я же всего лишь бездомный безбожный предатель и стою мало. – Джек ухмыльнулся. – А это значит, компания получит единственную мою собственность: тело и разум. Но от компании не осталось ничего, кроме Фиста. Так что он целиком и полностью завладеет мной. Как только его системы, ответственные за корпоративную принадлежность, проанализируют ситуацию, они прикажут вступить во владение моим разумом и телом.

– Фист может их остановить?

– Нет. Это не под силу и самому Королевству. Все произойдет автоматически. Изменить тут нельзя ничего.

Форстер помолчал немного, затем добавил, не в силах сдержать обиду и злость:

– Да и не то чтобы Фист хотел остановить их.

– Мне так жаль, – посочувствовал бипед. – И от компании на самом деле не осталось совсем ничего другого?

– Ходили слухи, что выжили шесть эмбрионов-паяцев, еще не внедренных ни в кого. Но где они, никто не знает. Да и систем нет, которые могли бы поддерживать их жизнь. Так что Фисту некуда податься, кроме как вот сюда. – Джек постучал пальцем по лбу.

Паяц тут же явился перед собеседниками:

– Эй, мякиш, хозяин теперь мой!

– Я уже сказал тебе, чтобы ты не употреблял это слово.

– Да пошел ты!

Форстер размахнулся, чтобы отвесить оплеуху наглецу, но тототреагировал мгновенно, исчезнув.

– Прошу прощения, иногда он отбивается от рук.

«Эй, Джеки-малыш, погоди, я тебе отобьюсь от рук!» – прозвучало в голове.

– Да, тяжелое у вас время.

– Нелегкое, – согласился Джек.

В отель на нетвердых ногах вошли две девушки и побрели к бару. Обе были в облегающих белых майках и шортах, усеянных сетевыми символами. Интересно, кем эта парочка кажется их целевой аудитории?

Девицы заметили бипеда. Одна взвизгнула. Вторая захихикала. Первая ударила подругу и закричала:

– Мой брат! Вы убили моего гребаного брата!

Шатаясь, она направилась к бипеду, но подруга потянула за руку, остановила. Первая залилась слезами, бормоча бессвязно, обвиняя и угрожая.

– Очень жаль, что так много людей считает нас виновниками того зверства, – произнес бипед, отворачиваясь от девушек.

– Мне тоже жаль, – сообщил Джек.

– Это все пропаганда Пантеона. Вам не за что извиняться.

Бармен перегнулся через стойку, что-то напряженно зашептал девушкам. Те поплелись к выходу. Бармен посмотрел злобно на Джека с бипедом.

– Видите, сработал мой дипломатический статус! Такое должно было произойти и во время нападения, – заметил бипед.

– Ее остановила подруга. И бармен.

– Они среагировали на мои защитные программы. В поле зрения людей появилось предупреждение: «В случае агрессии виновных арестует Внуб, а бар потеряет лицензию».

– Наверное, напавшим на вас детям было нечего терять, – предположил Джек.

– Да. Таких людей не запугать. Мы это знаем из личного опыта.

– Постойте-ка, чтобы ваши дипломатические протоколы работали, разве вы не должны быть в нашей сети?

– Конечно.

– А я думал, что Пантеон не позволит вам этого.

– Мы предпочитаем всегда оставаться на связи с вашими богами. И Пантеон понимает, что это необходимо. Наличие такой связи – один из пунктов соглашения о прекращении огня.

– Так почему вы не позвонили во Внуб?

– Я позвонил. Но Внуб не спешит реагировать на звонки представителей Тотальности.

– Скверно.

– Я привык. Такая уж работа. Да, мне следует представиться: я – элемент человеческого интерфейса IS/2279A0E2/BE/HIE/Biped/723CI4, сокращенно – Ифор. Я определяю себя как мужчину.

– Приятно познакомиться, Ифор. – Джек протянул бипеду руку. – Я Джек Форстер.

Когда бипед пожал протянутую руку, в его голове замерцали огоньки. А память Джека всколыхнулась снова. Он вспомнил, как Фист заставлял ток замыкаться на наногель и тот вспыхивал, когда погибал обитавший в нем разум. Тогда гель полыхал яркими, грубыми красками, какофонией

резких форм. Игра света в наногеле Ифора выдавала волнение и удивление.

– Похоже, вы слышали обо мне, – заметил Джек.

– О да! И ваш поступок произвел на нас большое впечатление.

– Я не сделал ничего героического.

– Но вы же спасли один из наших наиболее ценных процессорных центров!

Джек вспомнил, как наткнулся на странную «снежинку» во время рядового патрулирования. Это был его первый рабочий вылет с Марса после смерти матери. Он тогда не мог спокойно заснуть. Всякий раз во сне он обретал ее и терял снова и снова.

Два месяца Форстер патрулировал воздушное пространство, дрейфуя от астероида к астероиду и выставив сенсоры на пассивный режим широкого охвата. Прошное заполняло и делало невыносимым каждый день. Вот почему Джек вздохнул с огромным облегчением, обнаружив «снежинку». Та обращалась по низкой орбите вокруг астероида. «Снежинка» маскировала свое присутствие, но не идеально. Сенсоры засекли ее в нескольких сотнях километров. Настоящее оттеснило прошлое. Фист принялся за работу. Затем последовали сорок восемь бессонных часов наблюдения за тем, как паяц взламывает изоощренные системы защиты, создавая «слепые пятна», сквозь которые Джек мог продвинуть патрульный кораблик ближе к врагу. Когда осталось всего полсотни километров, Фист вошел в навигационную систему «снежинки» и запустил сложный, причудливый маневр уклонения, постоянно держа астероид между собой и «снежинкой».

Первое время ни Джек, ни Фист не понимали значения своей находки. За двое суток работы Фист не смог даже отыскать узловые системы «снежинки», не говоря уже про взлом их.

– Знаешь, Джек, мне раньше никогда не приходилось возиться так долго, – сообщил он уныло, клацая от отчаяния зубами. – Но у меня получится, вот увидишь. Я закопаюсь с головой и доберусь до самого ее гребаного ядра.

Паяц и в самом деле пустил в ход все ресурсы. Его видимое тело обмякло, скатилось на пол и растворилось. А Джек улегся на кровать и расслабился, позволяя Фисту воспользоваться своим разумом. Он быстро провалился в странный путаный сон, обычно приходивший тогда, когда паяц загружал мозг своими задачами. Форстер боялся, что во сне снова придется переживать смерть матери, и обрадовался, когда мысли о ней не пришли. А потом ощутил укол совести из-за этой легкомысленной радости. Но во сне Джек по-прежнему общался с паяцем. Тот подтащил разум

хозяина к борту корабля, прыгнул наружу. Плыть в космосе оказалось так спокойно, мирно – до тех пор, пока обостренные чувства Фиста не просигналили о солнечной буре. Паяц использовал их, чтобы скрыть осторожную трансляцию, переносившую его «я» сквозь ночь к врагу. Добравшись, паяц аккуратно протиснулся в щель цифровой брони, окружавшей программы корабля.

Фист вошел осторожно, нежно, будто любовник во мраке. Его маниакальное пристрастие к изучению противника до последней мелочи оказалась как нельзя кстати, потому что до сих пор им с Джеком не попадались настолько сложные и прочные защитные системы. Почти с благоговейным ужасом Форстер наблюдал за тем, как самые изощренные части человеческого разума становились орудиями взлома. В конце концов Фист разбил последний брандмауэр, который, как считал паяц, ограждал программное ядро единственного враждебного интеллекта. Паяц кинулся внутрь, увлекая хозяина за собой. Оба ожидали найти сердце чужой машины – ее программный центр. Фист взломал бы его и заплясал бы в неистовом победном ликовании на обломках, среди цифрового хаоса. А Джек бы заплакал.

Но за стеной оказалось нечто совсем иное, поразившее обоих. В заполненном свечением пространстве висело множество причудливых форм, вращавшихся друг вокруг друга в медленном и сложном трехмерном танце. Каждая – словно детский рисунок звезды: светящиеся лучи, выходящие из огненного шара. Пучки радиации выплескивались из лучей, сплетались с похожими пучками от ближних звезд, отделялись от удалявшихся. Повсюду сияли и пульсировали мощные информационные потоки, скакавшие внезапно сквозь пустоту. «Снежинка» оказалась чревом, где зрел новый вид искусственного разума – живого, могучего, невообразимо богатого мыслями и возможностями.

– Фист, сколько ты видишь разумов здесь?

– Сосчитать не могу.

– Похоже, это часть самого сердца Тотальности, средоточие вычислительных мощностей.

– Так близко? Я думал, они в поясе Койпера.

– Тотальность набирается наглости. Разве это не удивительно?

– М-да, – задумчиво протянул паяц и, помолчав, предложил: – А давай разнесем все это к чертовой матери!

– Нет.

– Да что за хрень?! Джек, никто и никогда не вламывался в такое! Мои поганцы-коллеги наконец-то воспримут меня всерьез.

– Хватит уже смертей. Здесь мы ничего не трогаем. Очень уж оно красивое.

– О господи боже! Подумать только, именно сейчас его обуяли угрызения совести! Да нет тут твоей гребаной мамочки!

Форстер рывком высвободил свой разум из-под контроля Фис та, ощущая, как рвутся связи, соединявшие рабочие центры мозга с разумом паяца. Тот практически мгновенно перешел от изумления к ярости. Он завыл, рыча в бессильной злобе, пока Джек запустил их объединенное сознание в самые глубины вражеских разумов. Он понимал, что спровоцирует тревогу, но ему было все равно. Перед совершенной красотой всякая мысль о войне казалась нелепостью.

Джек забыл о том, что сидит в кафе напротив Изара. Воспоминания затопили рассудок. Даже Фист умолк, насупившись обиженно, переживая заново момент, стоивший ему и его хозяину так много.

Ифор кашлянул, напоминая о своем присутствии.

– Вы – герой для многих из нас, – произнес он.

– Думаю, Тотальности нужны герои повыше классом.

– Скромность – хорошая черта. Немногие из ваших коллег сумели бы пробиться в коллективный разум. И никто, кроме вас, не пощадил бы его.

«Какие дифирамбы поет! – заметил паяц. – Держу пари, хочет что-то выклянчить».

– Насколько я понял, вы дипломат, – сказал Джек. – Какова ваша миссия? Почему вы в Доке? Мы видели одного из ваших прошлой ночью, но не могли понять, чем он занимается.

– У нас весьма специфическая задача. Во время Войны программ ваши войска захватили много элементов Тотальности и привезли домой в качестве сувениров. Частично в этих элементах сохранилось сознание. Тотальность неполна без них. По условиям мирного договора с Пантеоном нам даны полномочия искать принадлежащее нам по всей Станции.

– И как, удачно получается?

– Вы же видите, какой нам оказывают прием, – вздохнул бипед.

– Да, трудно.

– Но мы очень рады, когда удастся отыскать фрагмент сознания. Конечно, пока недостает еще многих. Потеряны и несколько полных разумов. Мы связались с Внубом, но ваша служба безопасности уверяет, что не владеет никакой информацией о них. А наши поиски дали крайне мало результатов. Но продолжать поиски – наш долг перед пропавшими. И поэтому мы их продолжаем.

– По всей Станции? – уточнил Джек.

– Да, и здесь, и в Доме. Наша делегация находится на Небесах, оговаривая условия мира, но искать там нам не позволено.

– Жаль.

– Разумеется, но что мы можем поделать? – Ифор снова пожал плечами, что выходило у него на удивление естественно. – Кстати, мне поручено сделать вам предложение.

«А что я говорил! – фыркнул паяц. – Эти типы хотят, чтобы ты сделал грязную работенку за них»

– Пока мы беседовали, я связался с руководством. Мы понимаем, насколько тяжела жизнь условно освобожденного. Поскольку мы занимаемся весьма специфическим делом, то уполномочены призывать на помощь жителей Станции и предоставлять им особый статус. Если вы согласитесь, мы сможем наделить вас частью наших дипломатических полномочий. И само собой, вы получите достаточно средств для покрытия издержек. Что, я полагаю, несомненно, скрасит оставшееся у вас время.

– Вы имеете право делать такие предложения?

– Да. Благодаря, так сказать, определенной дыре в договоренности. Пантеон не определил, кого именно мы можем привлекать для работы и наделять особым статусом.

– И что же потребуется от меня?

– Посвятить некоторое время поискам – главным образом, чтобы продемонстрировать Внубу, в чем именно заключается ваша помощь нам. Но эта задача – не главная. Мы хотим от вас иного, и весьма важного. Ведь вы можете передвигаться в вашем мире с легкостью, недоступной для нас.

– Ифор, Станция – больше не мой мир. Она выбросила меня вместе с мусором. И я уже сделал для вас немало. Я уважаю вас, но именно из-за ваших действий я вынужден оставаться с Фистом. Благодарю за предложение, но я отказываюсь. Мне с лих вой хватило работы на обе стороны.

– Я понимаю вашу точку зрения и принимаю ваш выбор. Сожалею, что наши действия повредили вам. Но наше предложение остается в силе. Я оставил свои контактные данные в вашем сетевом пространстве. Если вы передумаете либо если окажется, что мы можем быть вам полезны иным образом, вам будет легко связаться со мной.

– Вы можете быть мне полезны иным образом, – произнес Джек.

– Каким же?

– Найдите для меня певицу по имени Андреа Хью.

Ифор замер на секунду, шаря в сети. Затем его лицо озарили странные сполохи.

– Забавно... – протянул он. – Она выступает сегодня в маленьком клубе на Прайер-Хейтс.

– И что же тут забавного? – спросил Джек.

– Она мертва уже пять лет.

Глава 9

Джек собирался навестить отца, но известие о смерти Андреа выбило его из колеи. Смерть объясняла ее теперешнее молчание, но делала совершенно непонятным двухлетнее общение с Андреа. Возможно, она не ожидала освобождения и потому испугалась известия о возвращении бывшего любовника. Теперь, когда их больше не разделяли расстояние и тюремные стены, Андреа пришлось бы признаться, что она – всего лишь фетч. Чем признаваться в таком, она предпочла молчание.

Но как же она вообще могла переписываться с живым? Фетчи не способны действовать так независимо. У Джека даже промелькнула мысль о мошеннике, подделывавшемся под нее. Но в письмах упоминались события и слова, которые были известны только им двоим. Невозможно поверить, что так мог писать кто-то посторонний. И как искусно и действенно она сумела рассеять его страх перед смертью, примирить с неизбежным. Теперь Форстер понял, как ей это удалось: Андреа узнала на личном опыте, что значит расстаться с жизнью.

Но почему же Андреа умерла? По официальной версии, она погибла от слишком большой дозы наркотиков спустя несколько часов после того, как застрелили Гарри. Ифор отыскал выпуск новостей, где подробно расписывалось, как скорбь одолела вдову. Вероятно, она всего лишь не рассчитала дозу. Но не исключено, что она была превышена намеренно. Однако та Андреа, которую знал Джек, никогда не прикасалась ни к чему крепче вина либо виски, и то крайне умеренно. Он снова вспомнил о свидетельствах соучастия Пантеона в наркотрафике, найденных в счетах «Царь-пантеры». Интересно, что еще откопал там Гарри? И кто посчитал опасным утечку информации?

В тесной комнатухе отеля думалось тяжело. Форстер вышел на улицу и побрел в сторону квартала, где жили родители. Хотя встречаться с ними большой охоты не было.

«Ах, малыш Джеки весь во власти душевного смятения! – хихикнул Фист. – Все будет по-другому, когда рулить стану я».

«Катись к черту!»

Спустя полчаса Джек обнаружил себя стоящим на краю выжженного участка. Там вволю порезвилась смерть. От жилой многоэтажки остался лишь обгорелый остов. Вместо окон – обугленные провалы, откуда вырывалось пламя. На стенах вокруг – пятна сажи, оставленные

клубившимся дымом. Крыша провалилась. Руин не трогали после пожара, лишь обнесли высокой металлической изгородью.

Джек все никак не мог отделаться от мыслей о скорой смерти. Слова Фиста назойливо кружились в голове. Форстер вспомнил охватившую его ярость, когда он понял, что гибели не избежать. Он пытался убить паяца, проклинал его, угрожал и бесновался часами – а Фист только хихикал. Джек попытался торговаться, но оба скоро поняли: замедлить либо отвлечь неизбежное они не в силах. Затем пришло отчаяние. В самые черные минуты полного душевного изнеможения Джек подумывал о самоубийстве. Но со временем оно показалось нелепой растратой того, что еще могло послужить и принести пользу.

В нескольких метрах от него остановилась женщина. Она смотрела на мертвое здание и тихонько, почти незаметно плакала.

«Интересно, из-за чего это она?» – осведомился Фист.

Джек подумал, что ребенок этой женщины мог погибнуть на Луне. По возрасту вполне может быть. А ведь фетч матери Джека считает сына мертвым.

Он подумал про Андреа и посоветовал паяцу: «Это ее личное дело. Пойдем отсюда».

Некоторое время оба шли молча, пока не приблизились к дому родителей Форстера. Джек не сомневался, что встреча с отцом окажется болезненной. Вряд ли он позволит повидаться с фетчем матери.

«Джек, на том месте взрыва висели чертовски эффективные защитные программы. Лучшие из Розиных».

«Слишком эффективные даже для тебя?»

«Я б их разжевал на раз и выплюнул, если б не гребаная клетка».

Паяц злился – и в мыслях Джека словно комар зудел. Конечно, Фисту хотелось бы жить в другом настоящем, выросшем из другого прошлого. Он предпочел бы вырасти на другом кукловоде, проявить себя в других битвах. А какой была бы жизнь кукловода без Фиста? Кем мог бы стать Джек, если бы его не отправили на войну, разрушившую почти всякую связь с домом и уж точно всю веру в богов? Он вспомнил своих начальников, представил, как уподоблялся бы им.

Конечно, тогда бы он не поссорился с родителями. Впрочем, Сумрак быстро возвысил бы его, дал бы очень ответственную, но отнимающую много времени работу. И вряд ли Джек часто виделся бы с родными. Гарри и Андреа погибли бы, Джек оставался бы на Станции, и к тому времени Сумрак уже свел бы его с подходящей женщиной. Эта особа уж точно не потерпела бы мужниной скорби по неудачной интрижке с певичкой из

Дока. Так что никаких бесед с фетчем Андреа! А потом Джека и в моральном, и в социальном плане разбило бы в пух и прах низвержение Сумрака.

Форстер представил их с женой дом, который видел бы лишь поздней ночью либо рано утром, в считанные минуты перед коротким беспокойным сном или сразу после пробуждения. В доме могли бы появиться дети, суетливые непонятные существа, и Джек лишь ворчал бы на них устало, не в силах дарить им свое внимание и заботу. Были бы и друзья. Но цена их дружбы теперь ему хорошо известна. Уж об их потере тревожиться точно не стоит.

А если бы Фист получил ту жизнь, о какой мечтал, он умер бы вместе со всеми паяцами на марсианской орбите. Джек теперь хорошо понимал суть симпатий Сумрака к молодому бухгалтеру. И хорошо, что Джек Форстер не погряз в жизни, которая протянулась бы на несколько десятилетий дольше, но была бы сродни смерти. Может, и удалось бы найти выход из ее гнусной монотонности, но хватило ли бы на это сил? Джек вздохнул и пошел прочь от улицы, где прошло его детство.

На то, чтобы отыскать бар, где выступала Андреа, у него ушло несколько тоскливых часов. Бар прятался в закоулке, втиснувшись между парой газгольдеров. Джек не сразу решился шагнуть за порог, вынуть карту Внутренней безопасности и попросить билет. Он почти надеялся, что привратник откажет, а заведение окажется не для условно освобожденных типов. Но привратник лишь прошипел тихо: «Добро пожаловать в „Уши“!» Ступив внутрь, Джек поморщился, чувствуя спиной холодный, понимающий и ничему не удивляющийся, оценивающий взгляд.

Унылое, убогое место. На потолке – всего пара ламп, от тусклого света которых сумрак кажется еще гуще. От стены отслаивается штукатурка, обнажая грязную арматуру. В полумраке вяло текут разговоры. Несколько посетителей сидят, уставившись в пустоту. Они целиком ушли в сеть. Большинство – в дешевых ком бинезонах, отличающихся только сетевыми символами. Стойка бара светится грязно-желтым. Подле нее стоит глубоко задумавшаяся светловолосая девушка.

Появившийся бармен показался Джеку похожим на скверно нарисованного призрака. От него пахло потом.

– Виски. Со льдом. – Выложив карту Внуба, Джек попытался изобразить улыбку.

Бармен кивнул. Зашипело, звякнуло – и он протянул стакан с бурой жижей. Убойное пойло. Такому не нужна сеть, чтобы огнем опалить глотку. Форстер жадно проглотил порцию и, стыдясь своей поспешности, сразу же

заказал новую. Двойную.

«Эй, полегче! Если так пойдет и дальше, ты кончишь, как Чарли! – проворчал Фист. – А от похмелья мучиться мне!»

– Говорят, здесь будет представление сегодня? – спросил Джек у бармена и, сглотнув, уточнил: – Фетч?

– Да, попозже, – кивнул тот.

– Мне нужны специальные разрешения, чтобы увидеть ее?

– Она – открытая программа. Может подключиться любой.

Слава богу! Значит, можно увидеть Андреа без риска. Фисту не придется ничего взламывать. Бармен ушел. Темнота окутала его, превратила в размытую тень среди разноцветных бутылей, мрачно поблескивающих вокруг.

Блондинка посмотрела Джеку в глаза и улыбнулась. Она была удивительно красива – но красотой глянцевого, холодно-безукоризненной, как логотипы корпораций. Но Джек пришел сюда не ради таких особ. Он нашел маленький свободный столик, запрятанный позади стойки, уселся за него и принялся ждать Андреа. Со сцены она его не увидит. Джек пока не знал, что сказать ей – и как вообще отважиться заговорить.

«Я скорей мочи выпью из марсианского нужника, чем задержусь в этой дыре на лишнюю минуту», – пробурчал Фист.

«Удостоверься лучше, открыты ли наши фетч-порталы. Я не хочу пропустить ее».

Прошло полчаса, и Андреа вышла на сцену. Она возникла без предупреждения. У бара зашевелились, кто-то обернулся к сцене. Андреа высветил прожектор. Вокруг ее головы был обернут широкий темный шарф, капюшоном свисавший на лицо и закрывавший его целиком. Джек сидел недвижно в тени, парализованный воспоминаниями.

«Ах, она прикрылась! – простонал Фист. – А я-то ожидал полюбоваться чудесным черепом!»

На Андреа было облегающее платье с блестками. Она качалась в такт мелодии, блестки вспыхивали загадочным, недостижимым огнем. В воздухе плыл джаз, и саксофонный риф был словно поцелуй. Джаз-банд выводил вступление к песне, написанной самой Андреа. Она наклонилась к микрофону, чуть вздохнула, но звук вдоха потерялся в реверберации.

И Андреа запела.

– Господи, ну и публика... Эти люди недостойны слушать ее! – выдохнул Джек.

Усиленные аппаратурой слова плыли сквозь комнату, словно дым. Но большинство пришедших они не трогали. Одни продолжали болтать,

другие флиртовали. Третьи пили, уставившись в пустеющие стаканы. Блондинка прислонилась к колонне, рассеянно помешивая коктейль с ярким бумажным зонтиком в нем. Он крикливо выделялся на фоне ее темного платья. Казалось, девушка скучала.

Джек был единственным, кто восхищенно смотрел на сцену, полностью зачарованный музыкой. Он поднял стакан, отхлебнул. Крепкое пойло обожгло глотку, потянуло в прошлое. Пока стремительно пролетали дни их невыносимо краткого счастья вдвоем, он частенько сидел в подобных заведениях, потягивая дешевый виски Дока.

Джек всегда садился в глубине зала, вдали от сцены, всегда приходил и уходил, не заговаривая с Андреа. Они очень старались сохранить свою любовь в тайне – у Гарри повсюду были соглядатаи. После ее выступления они встречались где-нибудь в укромном месте: дешевом отеле, отдельной комнате ресторана – и обсуждали представление, а потом дни, прошедшие друг без друга. Джек никогда не мог отыскать слова, чтобы описать, как же глубоко и остро входили в его душу песни Андреа. Он даже бросил слушать свои записи – такие безжизненные, вялые в сравнении с вдохновенной, пронзительной силой живого человеческого голоса.

Джек позволил кубику льда выкатиться из стакана, скользнуть по языку. Холод отрезвил на мгновение, пробудил от рассеянной задумчивости. Внезапно он заметил очень слабое, но явственное мерцание в воздухе подле себя, едва различимый светлый контур на пустом соседнем стуле.

«А у меня прямо мурашки по хребту», – нервно хихикнул Фист.

Джек глянул на сцену, полагая, что отсветы идут оттуда. Но слабый свет рамп не мог даже рассеять сумрак в глубине зала. Тем временем светящийся контур рядом приобрел очертания сидящей человеческой фигуры. Может, сбой в сети? Но если и так, как же отключенный от сети человек может воспринимать его? Что-то тихо прошелестело. Какие-то слова? Призрак поздоровался? Черт, прямо мурашки по коже. Со сцены льется медленный, печальный блюз, Андреа почти шепчет в микрофон. Стало холодно. Подошла официантка, чтобы забрать стакан. Она что, заметила светящийся силуэт? Нет, похоже, не видит его.

Силуэт вдруг придвинулся, словно наклонился, желая поговорить шепотом. Едва различимый звук дыхания, будто эхо тихих слов Андреа. Кажется, призрак шепчет – но не разобрать ничего. Внезапно призрак распался, осыпался тысячью крохотных вспыхнувших осколков. Множество их попало на стол, на плащ, на пол, медленно тускнея. Показалось, будто призрак поцеловал Джека. Возможно, это новый вид

фетча? Но мертвые не приходят без вызова. А вне сети невозможно вызвать их из Гробовых Драйвов.

«Ты видел?» – спросил он.

Паяц молчал.

«Ничего я не видел!» – вдруг огрызнулся он, поспешно прячась в глубине хозяйского разума, будто улитка в домик.

До Джека долетел его прощальный шепот: «Тут опасно, сматываемся!»

Интересно, что же могло так напугать боевого шута? Думать об этом не хотелось. Темный капюшон Андреа колыхался перед микрофоном. Шарф скрывал голый череп, но в тени его Джек воображал лицо Андреа, недостижимое, как прошлое. Но голос ее плыл в настоящем и трогал до глубины души. Какие, к черту, сомнения? С ней нужно поговорить. Обязательно.

Песня закончилась. Раздались редкие аплодисменты. Андреа запела снова. Стакан Форстера опустел. Джек хотел было заказать еще, но передумал: пока он пробирался бы к бару, Андреа могла бы его заметить и придумать способ избежать встречи. Форстер вытряхнул последний кубик льда в рот и сосал его, пока тот полностью не растаял.

Наконец выступление окончилось, Андреа ушла со сцены. Оглядевшись, Джек заметил, как пристально уставилась на него блондинка, сверля голодным взглядом. Похоже, она совсем не обращала внимания на окружающих. Мужчина, который появился за спиной девушки, казалось, тоже ни на что не обращал внимания: он брел вперед, сосредоточившись на паре причудливых коктейлей в руках. Джек хотел крикнуть, предупредить – но не успел. Мужчина врезался блондинке в спину.

Та замерцала, и – что такое? Мужчина прошел прямо сквозь нее и спокойно вручил коктейль подружке. А блондинка стояла как прежде. Иллюзия. Поразительно! Она лучезарно улыбнулась Джеку и медленно растворилась в темноте. Глаза исчезли последними.

На пути к сцене Форстеру пришлось пройти там, где стояла блондинка. От нее остался лишь запах озона и раздавленный коктейльный зонтик на полу – словно яркое перо, потерянное загадочной экзотической птицей. Зонтик замерцал и растворился в воздухе.

«Она точно из Пантеона – только они умеют так показываться», – донесся голос Фиста из глубин разума Джека.

«Наверное, это Заря. Она любит замаскироваться и ходить по барам».

«Нужно уходить!»

«Чего ты паникуешь? Наша встреча – чистая случайность. Мы с тобой – необычная публика. Неудивительно, что Заря захотела присмотреться».

«Чистая случайность? Мы вчера встретили ту полицейскую девку из любимчиков Зари, а сегодня – нате! – наткнулись на богиню? Не нравится мне все это. Слушай, тебе это вылезет боком».

Джек никогда не видел паяца настолько встревоженным.

«Я пришел повидать Андреа». Он твердо решил не отступаться.

Звук ее имени – как талисман, возвращающий уверенность.

«Так и поводидай! – истерично взвизгнул Фист. – А она тебя пошлет подальше! И тогда наконец мы уберемся отсюда!»

У двери, ведущей на сцену, стоял здоровяк в дешевом костюме.

– Я хочу видеть выступавшую певицу, – обратился к нему Джек.

– Нельзя.

– Послушайте, я приехал издалека. Я... В общем, давний ее поклонник.

– А, ты из этих, – проворчал вышибала. – Ну, если ты хочешь выкинуть деньги на ветер, так можешь получить ее за свой столик на двадцать минут. И только перед ее вторым выходом. Потом она отправится прямиком в Гробовые Драйвы. Платить в баре.

– А где-нибудь наедине с ней можно повидаться?

– Эй, приятель, у нас не такое заведение.

– Да я просто поговорить хочу!

– Ясное дело, просто поговорить, – хмыкнул верзила. – Я потолкую с боссом.

Лицо вышибалы на секунду стало задумчивым, затем он сказал:

– Пустая гримерка за сценой. Учти – это влетит тебе в копеечку. И мы будем наблюдать.

Он стукнул кулаком в ладонь:

– И не вздумай ничего эдакого выкинуть!

Форстер заплатил.

«Если будешь так сорить деньгами, нам не на что будет жить!» – заныл Фист.

Вышибала провел Джека по длинному узкому коридору.

– Вот, третья дверь слева. Тебя уже ждут.

Выступавшие здесь изрисовали стены граффити. И бар-кодами. Если бы Джек был в сети, они уже вызывали бы рекламные ролики. Интересно, что бы там показывали? Хотя вряд ли появилось бы что-нибудь, кроме легкого проблеска на краю поля зрения. Антивирусы безжалостно дают такое.

Найти нужную гримерку оказалось легко, а вот уверенно постучать в дверь куда тяжелее. Секунда тянулась за секундой. А вдруг его обманули?

Что ж, тогда он всего лишь потерял деньги Внуба.

Андреа крикнула из-за двери: «Входите!»

Комнатушка была крошечной. В ней едва хватало места для двух стульев и гримерного столика, за которым и расположилась Андреа. За ее спиной висело, поблескивая, настоящее концертное платье – копия виртуального на ней. Словно над темным шарфом – корона звезд.

– Закрой дверь.

Изогнувшись, Джек кое-как закрыл ее.

– Садись, – приказала Андреа холодно. – Я не хотела тебя видеть. И надеялась, что ты не станешь меня искать.

– Я должен был это сделать. В особенности когда узнал о... происшествии с тобой. – Он не нашел лучших слов, чтобы сказать о ее смерти.

– Когда-то, еще при жизни, я захотела легких быстрых денег и продала свой фетч нескольким маленьким клубам. Слишком бедным, чтобы рекламировать концерты в сети. Я всегда надеялась, что смогу выкупить права. Но умерла.

– При чем здесь клуб! Я хочу узнать о ней... То есть о тебе. Андреа, что с ней случилось? Почему ты не рассказала мне?

Он чувствовал себя плаксивым занудой. Андреа немного помолчала, затем пробормотала:

– Жаль, что я не могу курить. Сейчас самое время для сигареты.

– Андреа, пожалуйста! У меня всего двадцать минут с тобой.

– Джек, я знаю. Мне очень жаль. Но что я могу сказать тебе? Меня убили, я мертва. Все, точка. Конечно, я не могла рассказать тебе. Я стала всего лишь программой на сервере. Много ли утешения от программы?

«Ух, надо же, утешения никакого от программы! Вот сейчас обидно было!» – пропищал Фист.

– Но зачем тогда надо было писать мне? – спросил Джек, не обращая внимания на паяца.

– Знал бы ты, что она думала о тебе, что помнила! – Губы Андреа тронула полуулыбка. – Никакого сравнения с Гарри. Воспоминания о тебе были намного живее и ярче. Она держала их в секрете, хранила у самого сердца – и постоянно возвращалась к ним.

– Спасибо. – Джек вздохнул – и тронутый, и огорченный. – Но я все равно не понимаю, зачем ты отыскиала меня – и обманула.

– Ох, Джек...

Андреа протянула руку, коснулась его щеки. Обернула пустоту под капюшоном к нему, но он не увидел белого черепа. Лицо ее по-прежнему

скрывала тень.

– У меня – все ее воспоминания. Я и есть ее воспоминания. Потому я скучала по тебе. Думала о тебе все время. Я ведь так и не поговорила с тобой. – В голосе Андреа звучала боль.

Ее рука осторожно погладила щеку Джека – и будто дунул легчайший ветерок, коснулся кожи невесомым перышком.

– Я думала, ты не вернешься на Станцию. Но я очень хотела узнать, насколько война изменила тебя. Хотела быть столь же близкой тебе, как и та Андреа, хотя вокруг все уже переменялось. А потом ты узнал о лицензии Фиста, тебе понадобилась поддержка – и я помогла.

Ее рука опустилась на стол.

– Я ведь знаю все о том, как примиряться со смертью.

Джеку захотелось сжать ее ладони, ощутить их тепло. Так странно хотеть подобного, сидя рядом с призраком.

«Эй, любовничек, а время-то идет», – напомнил Фист.

«Оно всегда идет».

– Паяц здесь? – спросила она, нарушив повисшее молчание.

– Да. И он не очень доволен происходящим.

«Чертовски верно, хозяин!»

– Он прячется у меня в затылке. Но если хочешь повидать его, я могу вытащить его наружу.

– Если он не хочет – не нужно, – сказала Андреа.

«Слава те господи! Не забудь разбудить меня, когда вдоволь нахлебаешься тоски по прошлому, и мы наконец-то свалим отсюда».

Джек заговорил не сразу. Как много его объединяло с этой женщиной, одновременно чужой и родной! Ее длинные, на несколько страниц, письма были глотком живой воды в пустыне. Они придавали сил. И сам он тоже всегда писал помногу – и Андреа всегда отвечала.

– Как же ты смогла писать мне?

– Ох, ты в своем амплуа. – Андреа отодвинулась. – Сразу за конкретное.

– Но это же невозможно!

Она рассмеялась безрадостно. На мгновение Джек представил, как ее губы складываются в грустную усмешку и вздрогнул, вспомнив, что под капюшоном – холодная белизна черепа.

– Я знаю. И это еще одна причина, по которой я не хотела встречаться с тобой.

– Ты о чем?

– Это Гарри. Он тоже возродился – но стал чем-то совершенно новым.

- Он не фетч?
- Нет. После смерти его пытались посадить в клетку. Так поступали с фетчами многих, помогавших Тотальности. Но он вырвался.
- Пантеон посчитал его террористом?
- Гарри? Террористом? – Андреа расхохоталась. – Господи боже, конечно же нет. Но он собирался доставить богам неприятности. Он снова открыл дело Бьерна Пендервилля – и его немедленно застрелили.
- А там – доказательства причастности Пантеона.
- Я-то всегда считала его умелым политиком, знающим, когда сменить курс. Но однажды он пришел домой разъяренный, сказал, что из него делают дурака. Мол, надо выяснить, на кого работал Пендервилль, и как следует прижать мерзавца. Наутро Гарри подал бумаги на открытие дела.
- Ты уверена, что есть связь между этим делом и смертью Гарри? – спросил Джек.
- Нас обоих убили тем же вечером.
- Черт! – вырвалось у него в сердцах.
- Гарри теперь часто говорит о деле, – продолжала рассказ Андреа. – Он раскопал многое после своей смерти. Ты помнишь Ауд Ямату? Рабочую доков, которую последней видели на месте, где застрелили Бьерна?
- А, та, с железным алиби?
- Та, кого ты считал убийцей Пендервилля. Джек, ты почти добрался до нее, до хозяина «Царь-пантеры» и их покровителя из Пантеона. Когда Гарри снова взялся за них, они всполошились и... – Андреа нацелилась на Джека указательным пальцем, затем согнула его, словно нажимая на курок. – Бах!
- Хорошо, но как это связано с твоей способностью писать мне?
- Гарри нужен кто-то, с кем он может говорить. Он доверяет мне. Когда он малость обжился – вызвал меня, помог отключить мои ограничители, и мне не нужно больше возвращаться на Гробовые Драйвы. Я собралась с силами – и нашла твой адрес.
- О черт, Андреа! А я-то думал, только мне боги покорежили жизнь. Ты кому-нибудь рассказывала об этом?
- Я не хочу, чтобы пострадал кто-нибудь еще. Потому я и не хотела, чтобы ты искал меня. Никто не должен даже и заподозрить, что ты лезешь в дело Бьерна. У тебя осталось так мало времени. Я не хочу, чтобы убившие нас отняли у тебя последнее.
- А что Гарри? Он не может явиться во Внуб?
- Он продвинулся сам, насколько смог. А коллегам он не доверяет. Гарри очень уязвим, хотя и не хочет признавать этого. Я уязвима тоже.

– Тогда зачем ты рассказываешь это все мне?

– Джек, ты очень много значил для меня. И значишь теперь. Знаешь, мне хочется прыгать от счастья, потому что ты отыскал меня. Я решила ничего не скрывать от тебя. Больше – ничего.

Джек оцепенел, будто пронизанный током. Призрак Андреа мерцал перед ним – воспоминание, ставшее явью. Так хотелось обнять ее, прижать к себе, поцеловать – но протянутые руки встретят лишь пустоту. Горько и страшно видеть ожившую память любимой, давно мертвой женщины.

И что ей сказать? Что?

– Меня предупредили: время почти истекло, – нарушила молчание Андреа.

– Сколько осталось?

– Чуть больше минуты.

Она наклонилась к нему, положила ладонь на колено. Темный шарф приблизился вплотную к его лицу.

– Джек, я очень не хочу, чтобы ты впутывался в дело Гарри. Нас убили, ты потерял семь лет жизни. Хватит потерь.

– Я и так скоро умру. И вряд ли расскажу кому-либо о твоём участии в этом деле.

– Джек, нет. Замахиваться на Пантеон бесполезно. В оставшееся время лучше помирись с родителями – и спокойно уйди.

– Я уже сыт по горло отчаянием и покоем.

– Ты правильно сделал, отказавшись воевать в Войне программ. Откажись и от этого дела.

Она приложила палец к его губам. А он был уверен, что и в самом деле ощутил прикосновение.

– Джек, я люблю тебя. Но наше время уже ушло. Прости, но мы больше не увидимся. Так лучше для нас обоих.

– Андреа, я...

– Прощай, Джек.

Она исчезла.

«И правда, опасно же! – рявкнул Фист. – Держись подальше от этого дерьма!»

«А разве ты не хотел бы помериться силой с богами?»

«Только не со связанными за спиной руками!»

Джек не сразу пришел в себя. Он услышал, как на сцене снова запела Андреа, но у него не хватило сил пойти в зал. Слушать ее было невыносимо. Он не выдержал бы. И потому он дождался, пока музыка стихла.

Проходя через клуб, Джек увидел Зарю. Сидя на коленях ранее прошедшего через нее мужчины, она впилась в его рот страстным поцелуем. Богиня уже не старалась маскироваться и сделалась узнаваемой. Подружка мужчины наблюдала за происходящим с благоговейным ужасом. Интересно, что она видит сейчас? Наверное, для нее сейчас все сверкает и преобразается. Заря всегда дарила от души. Этот мужчина изменится навсегда. В сети он станет элегантнее и шикарнее, на него устремится множество взглядов – и потому он станет реальнее, живее большинства окружающих. Для него откроются новые пути и перспективы. А девушке придется искать другого.

Публика в баре наконец поняла, кто явился к ним. Собралась толпа. Заря опустила руку вниз, нащупала ширинку счастливица.

«Вот такие они, боги, – заключил Фист. – Чего захотят – вынь да положь. И там, где они пожелают!»

В этот момент Джек и решил окончательно.

«Слушай: я отыщу бога, учинившего такое дерьмо с нами. И разнесу в пух и прах», – пообещал он.

Глава 10

Фист матерился всю дорогу. Вернувшись в комнату отеля, Джек сделал попытку обсудить с паяцем их дальнейшие действия. Поначалу тот даже отказывался слушать. Затыкал пальцами уши и улюлюкал. Но постепенно он успокоился, и тогда Форстер попробовал снова.

«Все просто: мы идем в „Царь-пантеру“, ты взламываешь их локальную сеть, мы копируем все записи – и готово, – поделился он своим планом. – Все делается из мест, доступных для обычных посетителей. Может, нам даже не придется заходить в клуб».

«А если тебя кто-нибудь узнает?»

«Я был секретным оружием Внуба. Меня не раскрывали. Я к „Царь-пантере“ никогда не приближался».

Паяц заинтересовался только тогда, когда понял, насколько трудным окажется определить тех, кто стоит за спиной Ахматова и прикрывает его самые сомнительные дела.

«Фист, потребуется несколько недель, чтобы проанализировать данные. А может, и больше».

«И что, нам в самом деле не потребуется выходить из отеля?»

«Почти совсем. Я только загляну к отцу. А кроме этого, выбираемся только поесть».

«О, супер! Никаких проблем. Прямо сказка!» В голосе паяца слышалась неприкрытая издевка.

Джек решил зайти с другой стороны.

«Конечно, забраться в их сервера будет очень непросто, – тяжело вздохнул он. – Защита там невероятно мощная».

«Мощная защита? В гребаном ночном клубе? Джек, ты шутишь?»

«Если ты считаешь, что это тебе не по силам, я пойму».

«Господи боже, ты что, забыл, кто я?!»

«Забудешь тут...»

«Только приведи меня поближе к ним, я их трахну в задницу, и всех делов! Они и не заподозрят, что я пошуровал в их хозяйстве».

Пререкания с паяцем измотали Джека, но заснуть он не смог. Наконец его охватило тревожная полудрема. То проваливаясь в забытие, то выныривая снова, Джек вдруг увидел, как явился Фист и на цыпочках прокрался на середину комнаты. Наверняка он посчитал хозяина отключившимся намертво. Под ногами паяца раскрылось окно – темный

пруд, сверкающий звездами. Фист глянул вниз, затем – на кукловода.

– Этот сонный малыш скоро заснет крепко-крепко, – прошептал паяц. – Навсегда!

Он хихикнул, охватил себя кургузыми деревянными ручками и затрясся от беззвучного смеха. Затем он прыгнул и заметался по комнате. Размахивая руками и ногами, он катался по полу, скакал по потолку и стенам, напевая шипящим шепотком песенку, которая и много дней спустя являлась Джеку в кошмарах:

– Король умрет – да здравствует король! Хозяин уснет – я буду король! Эй, Стуки Билл, ты помнишь меня? Встречай, Стуки Билл, меня – короля!

Имя Стуки Билл Джек не слышал со времен Войны программ. Стуки Билл был куклой чрево вещателя в двадцатом столетии. Первая человеческая телепередача запечатлела именно эту куклу. Когда коллеги Фиста обнаружили Билла, то пришли в не истовый восторг. Их виртуальный предок стал предметом благоговейного поклонения, почти богом. Фист обозвал коллег наивными идиотами, но образ Стуки Билла сильно подействовал и на него.

Джек содрогнулся. Нет, не стоит мешать паяцу, показывать, что догадываешься о его диком веселье. Форстер изобразил сонное ворчание, затем перевернулся на другой бок, не желая видеть страшный спектакль. К чему затевать скандал? От Фиста никуда не деться. Единственный доступный способ мрачен и бесполезен и не даст прожить спокойно остаток дней. Лучше уж терпеть и уживаться. К тому же паяц – могучее оружие. Чтобы отыскать убийц Гарри и Андреа, обнаружить тех, кто отправил самого Джека в изгнание, нужны помощь и понимание куклы.

Наконец сон сжалился над Джеком. Но лицо Фиста явилось в кошмаре. Фальшивое лицо куклы кривилось в жуткой ухмылке, рот клацал, выстукивая слова: «Скоро я – король, скоро – он мой!» Слова преследовали Джека всю ночь, и прервал их лишь будильник, вернувший его в болезненную явь. Фист сидел на краю постели, наблюдая за хозяином.

«Вижу, беспокойная выдалась ночка», – насмешливо пропищал он, перекрывая резкое гудение зуммера.

Тогда Джек наконец схватил паяца и наглухо запер его в темных глубинах мозга.

Поздним вечером они отправились в «Царь-пантеру». Улицы Дока были пустынные. Те, кто надрывался на фабриках и горбился над документами в офисах, уже давно разбрелись по домам. Мимо прокатился фургон. Его электрический движок натужно выл, надрываясь от тяжести груженного металлоломом прицепа. На ходу Джек посмотрел на Хребет,

представил закованного ворона – нынешнюю эмблему Сумрака – и пожалел, что не видит ее. Да, Сумрак пал низко. Впервые узнав о его низвержении, Джек ощутил мстительную злобную радость и живо вспомнил ее теперь. Возможно, вскоре удастся сокрушить и другого бога. Форстер улыбнулся.

«Царь-пантеры» он достиг через три четверти часа.

«И эта убогая халупа принадлежит Пьеру Ильичу Ахматову? Человеку, который ведет темные делишки с Пантеоном? Мать Божья, Джек, если человек и в самом деле меряется по его врагам, тебе уже ниже падать некуда...»

Они стояли на другой стороне улицы и смотрели на клуб: длинный барак из желтого фосфоресцирующего пластика. Над красной двустворчатой дверью – единственной в здании – красовалась грубо намалеванная от руки надпись «Царь-пантера». Подростки в сетевых лохмотьях разной степени живописности толкались перед ней в длинной очереди. Кое-кто, правда, был одет дорого и со вкусом. Наверняка гости из Дома, решившие пощекотать нервы развлечениями в трущобах. У дверей дежурили джентльмены в дорогих костюмах и с бычьими шеями.

«А чего вы тогда просто не вломились сюда?»

«Мы готовились. Но я должен был довести расследование до конца. И сделать это мог только я. А меня выслали в космос».

«О-о, понимаю, мистер Самый Главный!»

Джек подождал, пока мимо протащился, завывая, еще один фургон, затем пересек улицу и пристроился в хвост очереди. Фист повисел немного в воздухе и поплыл следом, качаясь, будто воздушный шарик на веревочке.

«Можешь уже видеть ядро их системы?»

«Нет, нужно подобраться ближе. Туда, где самая жара!» – самодовольно приказал Фист.

Насколько теперь можно доверять Фисту? Джек задумался. Чем ближе паяц к власти над телом хозяина, тем он становится капризнее.

«Слиться с толпой! Веселиться до упаду! Таких я хочу ночей! – глумливо хихикал паяц. – Шампанского и устриц! Хо-хо!»

«Помни: у нас дело, а не развлечения», – осадил его Джек.

Форстер выглядел не намного старше юнцов из очереди. Большинство их преждевременно состарили выпивка и наркотики. Очередь была вне себя от того, каким клуб виделся в сети.

– Ах, пантеры прекрасны! – восторженно выдохнула девушка впереди, вороша пальцами невидимую шерсть.

«Мы вошли в их защитный периметр», – уже серьезно объявил Фист.

Затем он сосредоточился и на мгновение исчез из мыслей хозяина.

«Ага, начнем с того, что прикинемся вышибалой. И пропингуем систему насчет того, сколько там живых душ».

Снова напряженная тишина. Затем – зевок.

«Ну, совсем просто».

«Фист, не будь так самоуверен».

«Самоуверен? Да тут единственная серьезная проблема – не заснуть от скуки. В общем, внутри пара сотен трясун и человек двадцать персонала. Почти все – на первом этаже и в подвале. Наверху – только один».

«Возможно, сам Ахматов?» – предположил Джек.

«Без охраны? Я думал, это у меня деревянная голова».

«Ты можешь добыть данные отсюда?»

«Нет. Ядро коммерческих серверов – на втором этаже. Их держат отдельно от клубной сети. Нужно подойти ближе».

«Разумно. Иначе половина здешних вундеркиндов ломала бы их ради бесплатной выпивки».

Очередь двигалась. В тусклом свете ламп стены клуба казались цвета рвоты после дешевого пойла. Каждый раз, когда двери распахивались, запуская порцию гуляк, наружу вырывался бухающий ритм.

«Почти прибыли, – заметил Фист. – Смотрю, здесь не слишком щепетильны насчет фейсконтроля».

Джек нащупал в кармане карточку Внуба.

«Будем надеяться, что тебя не узнают. Не хочу, чтобы тебя отметили вышибалы. Береги тело!» – насмешливо бросил паяц.

Джек посматривал искоса на верзил у двери. Кажется, никто не обращал на него особого внимания. Несколько видеокамер над дверью задержались на нем лишь на долю секунды. Еще минута – и паяц с хозяином оказались за красными дверями. Вышибалу не заинтересовало то, почему клиент не в сети.

– Только не затевай ничего! – предупредил громила.

Девушка за кассой взяла карточку без единого вопроса.

«Я же говорил тебе: никаких проблем, – с деланным равнодушием отозвался Джек, стараясь не выдать, какое испытал облегчение. – У Ахматова есть клубы классом гораздо выше. Вот туда бы мы вряд ли прошли».

В черном коридоре смердело бросовым пойлом и дешевым дурманом. Мимо торопливо прошагали гуляки, скрылись за створками дверей впереди. Из-за них вырвался свет, накатила плотная волна грохота и визга, однообразный низкий ритм, уже слышанный снаружи, плюс высокая

частота.

«ВОТ ЭТО ДРАЙВ! – заверещал Фист. – НАСТОЯЩИЕ ТАНЦЫ, А НЕ ЧАРЛЬСТОН, МАТЬ ЕГО!»

«НЕ НАДО ОРАТЬ! А надо немного динамической калибровки. Вот так, да».

Джек пошел к дверям впереди. Подошвы заметно липли к полу.

«Ахматов явно считает уборку здесь пустой тратой денег, – сморщился паяц. – Господи, ну и ковры!»

«Кто вокруг? Охранники есть?»

«Ближайший – с другой стороны главного танцзала. Тут есть виртуальные вышибалы, но о них беспокоиться нечего».

«А тип на втором этаже?»

«Он не шелохнулся».

«Не исключено, что это сам Ахматов. Теперь давай поближе к серверам».

Главный танцзал был свирепым тайфуном звука, цвета и движения. Джека эта какофония подавила и обескуражила – а ведь он был не в сети. Вокруг скакали, пьяно и бессмысленно ухмыляясь, неразличимые, безымянные, слившиеся в экстазе люди. От жары и духоты Джека бросило в пот, не успел он добраться и до середины зала. Его истыкали локтями от головы до поясницы. К концу пути он взмок и покрылся синяками.

«Фист, ну как?»

«Пока ничего, сигнал слишком слабый».

«Господи боже...»

Они промучились еще с полчаса. Джек опять усомнился в честности паяца и вспомнил ликующий танец прошлой ночи. Фист не казался тем, кто только что согласился на опасное задание, но скорее тем, кто решился не рисковать вообще.

«К черту! – разозлился Форстер. – Отсюда мы не достаем. Надо подняться наверх».

«Джек, мне всегда нравилось твое чувство юмора, – рассмеялся паяц. – Мы старались, как могли, ничего не получилось, очень жаль. Пора уходить».

Форстер двинулся к лестнице, перегороженной веревкой и табличкой со словами «Прохода нет».

«Джек, выход с другой стороны. Разворачивайся».

«Я знаю, куда иду».

«Джеки, мальчик мой, кончай шутить».

Форстер молча протолкался сквозь группу особенно энергичных

танцоров. Один возмущенно заорал, но слов было не разобрать.

«Ты что, на самом деле не понял? Джек, ты свихнулся? Тебя отметелят. И это самое малое».

«Это как тогда, когда самые гнусные тюремные типы явились ко мне из-за твоих карточных талантов? Думаю, здесь вряд ли будет хуже».

«Но я же тогда не знал, что ты достанешься мне!»

Они вышли в коридор. Пока Джек поднимался по лестнице, Фист обиженно молчал. На площадке между пролетами он взвыл жалобно:

«Подумай про Андреа! Если тебя поймают, они ж пойдут за ней!»

«Мы держали наши отношения в тайне, мы никак не связаны. Что бы ни случилось, она в полной безопасности».

В ноздри ударил запах дезинфицирующего средства. Пару дверей впереди помечали короткие бар-коды, один – в форме женщины, другой – мужчины. На третьей двери под ручкой имелась панель с кнопками.

«Обычный замок! С ним я ничего не поделаю, – обрадовался Фист. – Все, хватит играть во взломщиков. Уходим!»

«Прочитай данные кого-нибудь из персонала. Добудь код замка».

«Я могу засветиться. Это опасно!» – заскулил паяц.

«Ты обязательно засветишься, если я спущусь и расскажу охране, зачем мы здесь. А я так и сделаю, если ты не начнешь мне помогать. Фист, открой замок – или я постараюсь, чтобы из нас обоих сделали котлету».

Фист выругался и зажмурился, потом слегка вздрогнул. Джек представил, как сознание паяца скачет от вышибалы к бармену и диск-жокею, касаясь их виртуальных оболочек, выискивая уязвимые щели.

«Я помогаю тебе лишь затем, чтобы убраться отсюда как можно скорее». Паяц открыл глаза.

«Разумеется».

«И я всерьез тебе говорю: не делай этого».

«Наверху только один человек. Мы его обойдем. Итак, код?»

«2754»

«Легко и просто, правда?»

«Мать твою!»

Они шагнули за дверь – в роскошь.

«Сигнал есть?» – спросил Джек.

«Он здесь сильнее».

«Тогда приступай».

Коридор устлали толстые светло-серые ковры. Неяркие фонари на полу высвечивали пастельных оттенков стены, усаженные иероглифами. Наверняка это сетевые адреса картин либо статуй. Интересно, каких? Когда

Джек занялся расследованием ахматовских дел, он присутствовал на беседах с несколькими молодыми художниками Станции. Ахматов любил являться без предупреждения в студии и покупать за сногшибательную цену одну-две лучшие работы. Само собой, художники либо не хотели, либо не могли рассказать ничего существенного про загадочного мецената. А он приглашал их на эксклюзивные шоу, обеспечивая себе репутацию человека с хорошим вкусом, а своим вечеринкам – славу изысканных, модных, стильных и авангардных. Его заведения стали самыми популярными в Доке и даже обзавелись постоянной клиентурой из Дома.

Несомненно, вызываемое кодами на стенах услаждало посетителей звуками и образами с серверов «золотой молодежи» искусства Системы. Несомненно, Ахматов продолжал покровительствовать ей, продолжая оставаться на переднем фронте художественной моды – и, конечно же, в фаворе Зари. Она рождала и глушила модные поветрия. Ее интерес и благосклонность были необходимы для успеха. Любопытно, не ее ли след за счетами «Царь-пантеры»? Она ведь была близка Сумраку.

Скоро Джек Форстер узнает ответ.

«Я начал диалог с серверами!» – доложил Фист, прервав мечтания хозяина.

«Ты вошел?»

«Частично. Уже забрался в основные слои!» – пропищал паяц, в азарте забыв недавнее раздражение.

«Кто на этаже?»

«Ахматов. Похоже, он спит».

«Очевидно, вечер трудного дня».

На мгновение Джек вспомнил свои лучшие времена с паяцем: ощущение того, что к тебе прикреплено нечто, неизмеримо превосходящее твои силы, ступающее за пределы твоего разума, чтобы совершить невозможное.

«Есть инфа на него?»

«Очень схематично. Так, самое общее. Он умеет прятаться – но не от меня, конечно. Самое смачное глубже. Нужно подобраться к его серверу. Вторая дверь налево».

Фист поскакал впереди хозяина по коридору. Дверь украшал в особенности сложный глиф в форме тигра. Не заперто. Джек вошел на цыпочках, осторожно притворил дверь за собой. Вокруг – крошечная темень.

«Отлично», – прокомментировал Фист.

И тогда вспыхнул свет.

Ахматов, одетый в элегантный белый костюм, сидел за большим каменным столом. Бледное лицо, черные с проседью волосы. Идеально симметричные усики над полными, четко очерченными губами. Во рту – зажженная сигарета, глаза спрятаны за круглыми черными линзами очков. И четверо людей в черном, стоящих подле Ахматова. Двое слева, один справа, один позади. И у всех – одно лицо. Перед столом – кожаное кресло.

Сервера в комнате не было.

– Знаешь, Джек, я всегда считал, что столь грубый взлом не в твоём стиле, – сообщил Ахматов, выпустив струйку дыма. – Наверное, ты слишком долго был вдали от нас. А твоего малыша так легко одурачить!

«Вот дерьмо! – прошипел Фист. – Чертова клетка!»

Глава 11

– Сколько лет, сколько зим! И вот наконец мы встретились, – изрек Ахматов.

«Фист, в чем дело?» Мысли Джека путались.

«Он меня провел, – простонал паяц. – Я ЖЕ ГОВОРИЛ ТЕБЕ – ДУРАЦКАЯ ЗАТЕЯ!»

– Твой малыш чересчур хвастлив. – Ахматов задумчиво рассматривал кончик сигареты. – Я взломал часть твоих сетевых входов. Программы клетки должны были помешать мне, но, кажется, кое-кто проделал дырочку изнутри. Ах, шалунишка!

«Он учинил перезагрузку моих сетевых портов! – проверещал Фист. – Клетка реагирует на это как на потенциальный взлом. Я не могу появиться, я полностью закупорен! Теперь ты – сам по себе. Удирай! Не позволяй ему покалечить тебя!

«Нас тут же схватят вышибалы».

– Ба, но где же мои манеры? – риторически спросил Ахматов и взмахнул рукой. В воздухе остался тонкий след табачного дыма. – Прошу, садись!

Охранник ступил ближе, указал на кресло. Что тут поделаешь? Джек сел. Вытертая кожа кресла подалась зазывно и мягко под весом гостя, вздохнула, испустив застарелый запах сигар и роскоши.

– Впечатляет? А на самом деле всего лишь пластик. Отлично запрограммировано. – Очки делали Ахматова похожим на насекомое.

– Чего вы хотите? – спросил Джек, с трудом перебарывая страх.

– Скажем так, твое возвращение вызвало много волнений – по крайней мере, в моем кругу. И более того, меня предупреждали не встречаться с тобой. Оставить в покое, позволить твоей лицензии мирно истечь, тебе – умереть, а твоему паяцу – сесть за руль. – Ахматов коротко хохотнул и продолжил: – Но меня всегда злила необходимость выполнять приказы. Думаю, ты меня понимаешь.

Он наклонился, внимательно рассматривая Джека.

– Увы, я не вижу в тебе понимания. Джек, есть существа, повергающие в ужас даже меня. Ты весьма тесно общался с Сумраком и знаешь, о чем я. И кое-кто из них сейчас смертельно боится вот этого человека. – Ахматов ткнул пальцем в Джека. – И заводного кукушонка в его голове.

Ахматов откинулся на спинку кресла, не сводя прищуренных глаз с

Форстера:

– И вот этого-то я и не понимаю.

Хозяин клуба пытливо смотрел на непрошеного гостя. Но тому нечего было сказать. Форстер лишь пожал плечами и, надеясь, что голос прозвучит дерзко и вызывающе, обронил:

– Откуда мне знать, с чего это они перепугались?

– Ах, ты все такой же старый добрый простак. Джек, я внимательно наблюдал за тобой, когда ты пытался сплести паутину вокруг меня. Это были, должен отметить, весьма интересные комбинации. Конечно же, мне был известен каждый твой шаг.

Джека известие обескуражило. И удивило искреннее уважение, прозвучавшее в голосе врага.

– Пьер, я бы взял вас, – сказал бывший бухгалтер Внуба. – Еще месяц-другой – и взял бы. И вашего покровителя вместе с вами. Возможно, этого они и боятся.

Вспомнив свою работу, свою сноровку и умение, Джек ощутил себя увереннее. И даже расслабился. А может, как-нибудь использовать очевидный интерес Ахматова? Положиться на свои способности. Джек всегда был самым точным и аккуратным из аудиторов Сумрака – и задолго до того, как Фист выкарабкался из его подсознания в процессорный модуль, тесно прижавшийся к шейным позвонкам.

– Ох, нет, Джек. Ты бы не смог и тронуть нас.

– Вы уверены? Мы знали, что Бьерн Пендервилль работал на вас. И собирались доказать, что вы приказали Ауд Ямате убить его. К тому времени я проанализировал большую часть вашей сети. Я знал, когда прибывает ваш товар, как вы использовали код, позволяющий не замечать потоконов, чтобы сделать груз невидимым, знал ваших дилеров и то, как они передают вам деньги и как вы отмываете их. Мне стало известно даже то, как вы платили поставщикам.

– Чертова сука Ауд! – рыкнул зло Ахматов.

Он помолчал немного, успокаиваясь.

– Впрочем, не будем отвлекаться. Твое расследование было весьма впечатляющим, но ты упустил главное.

– Бога-покровителя Яматы? Я увидел следы. Они бы вывели меня к нему. И тогда мы с Гарри завершили бы расследование.

– И низвергли бы бога. Знаешь, я верю: ты бы смог. Вне сомнений, ты был суперпрофессионалом. Возможно, самым лучшим. Ямата и ее хозяин видели в тебе главную угрозу и хотели твоей смерти. Должно быть, Сумраку пришлось постараться, чтобы выхлопотать тебе настолько легкое

наказание. А что касается Гарри... Ты знаешь, как пришлось поступить с ним.

Ахматов медленно, с удовольствием сложил пальцы в подобие пистолета и нацелился на Джека. Большой палец опустился, будто курок.

Бах!

«Джек, вот же дерьмо! Он хочет убить тебя!»

– Внуб наблюдает за мной. – Джек старался, чтобы голос звучал уверенно. – Если я умру, они захотят узнать почему. Они быстро доберутся до вас.

– И снова покровитель Яматы уведет их от меня, – рассмеялся Ахматов. – Но можешь вздохнуть с облегчением: у меня связаны руки. Меня весьма настоятельно просили не портить маленького человечка и его будущую собственность. На это дивное оружие есть кое-какие планы.

«Вот прямо камень с души снял», – буркнул Фист.

«Рано радуешься. Тут чем дальше, тем страшнее».

– Клыки моих пантер глубоко ранят разум, но не оставляют следов на теле, – продолжил хозяин клуба. – Насколько глубоко – тебе предстоит выяснить самому.

«Ха! Никаких побоев! Уйдем целехонькими!» – возликовал паяц.

«Все равно будет больно».

«Джеки, малыш, ну что тебе стоит немножко потерпеть? Выживешь. А может, заодно научишься держаться от греха подальше».

– Я опустошу тебя и разрушу твой разум, не касаясь твоего тела. А потом покажу тебя моим покровителям и рассмеюсь. Тогда, возможно, они станут чуть меньше бояться твоей куклы – и чуть больше уважать меня. И моя жизнь станет чуть легче.

Ахматов артистично и странно взмахнул левой рукой – и к Джеку повернулись четыре матово-черных лица. Затем они изменились, и комната изменилась тоже. Опустился туманный сумрак, пронизанный лунным светом. Запахло терпко и сильно сырой землей и молодой зеленью. В листве зашелестел ветерок. Луна осветила невысокие деревца, оплетенные лианами, тянущиеся к пустому небу над головой.

– Ахматов? Где вы? – Джек озирался в полумраке.

«Вот же хитрая сволочь!» – процедил паяц.

Форстер вскочил. Кресло исчезло. Вокруг расстилалась лесная поляна. Ночь наполняли звуки мелкой живности. Громко стрекотали, жужжали, скреблись и пищали насекомые. Вдруг запели птицы. Где-то вдали раздался визг. Джек вспомнил, как играл с виртуальными моделями обезьянок Старой Земли. Когда те пугались, то широко разевали пасть и выпускали

пронзительный визгливый вопль. Слева зачирикала испуганно стайка мелких птиц, снялась и, трепеща крыльями, скрылась в сумраке.

В лесу мелькнул темный силуэт. Человек? За спиной зашелестело. Сбоку что-то шевельнулось.

Его окружали. Тени скользили на краю леса. Вот еще одна – словно лунный отблеск на черной воде. Тень прыгнула, преображаясь на лету: руки сжались, голова вытянулась, тело словно растеклось, теряя всякое сходство с человеческим. Мягко приземлившись на четыре лапы, тень растворилась в темноте.

«Ужас какой!» – пробормотал Фист.

Джунгли умолкли. Форстер обернулся, пытаясь вспомнить, где дверь. Включились генераторы влажности, лица коснулся жаркий, липкий ветер. Да, иллюзия на диво убедительная. Джек не сомневался: окружившие его сторожевые боты – не худшего качества. Когда-то ему думалось, что заполнять мир иллюзиями – это и есть предназначение сети. Теперь иллюзии казались преступлением.

«Совсем ничего не можешь сделать?» – осведомился Джек.

«Моя клетка словно взбесилась. Этот урод свое дело знает», – пожаловался Фист.

За спиной зарычала пантера. Джек резко обернулся и увидел пятно пустоты, будто окно в межзвездную черноту. У щиколотки дохнули жарко – еще одна громадная кошка подобралась слева, ползком. Она лизнула ногу и отпрыгнула. Язык пантеры – будто наждак.

«Черт! Я почувствовал!» – изумленно прошептал Фист.

Третья пантера свернулась в развилке сука, нависающего над поляной. Четвертая, несомненно, притаилась за спиной. На поляну ступил Ахматов – безупречный джентльмен среди ночных джунглей. Белая ткань костюма и бледная кожа сияют в лунном свете. Черные очки – как пара мертвых солнц.

– Понимаешь теперь, почему я назвал свой клуб «Царь-пантера»? – осведомился хозяин клуба.

Тварь зарычала. От смрада из ее пасти у Джека перехватило дыхание.

– Эти иллюзии гораздо совершеннее, чем те, что были семь лет назад. Мои гости отлично знакомы с этими зверушками. Они бродят по залу, предотвращая беспорядки. С моими кошками не задирался никто и никогда. Интересно, сумеешь ли ты развлечь их?

Пантера прыгнула. В грудь Джека ударило тяжелым, мягким. Боль взорвалась в правом плече, ребрах, бедре. Он зашатался, упал набок. Когти не отпускали, драли, резали плоть. Иллюзия была невыносимо

болезненной.

«Гребучее дерьмо! – заверещал Фист. – Я ВСЕ чувствую! Говнюк законтачил наши рецепторы!»

«Останови их!»

«Если б я мог!»

Клетка ярко вспыхнула и тут же погасла – Фист атаковал и не смог пробиться. Когтистая лапа ухватила Джека за плечо, резко перевернула его на живот. Другая уперлась ему в затылок, вдавила лицо в землю. Острия когтей вонзились в спину и рванули плоть, заживо сдирая мясо с костей. «ГОСПОДИ!!!» – заорал Джек и поперхнулся землей.

Фист зашелся криком. Снова вспышка ярчайшего света – и ничего. Очередная атака не удалась. Навалившаяся на спину тяжесть вдруг исчезла – и с нею ушла боль. Джек вспомнил, что он всего лишь в иллюзии, его тело в целости. Но спустя несколько секунд боль обрушилась снова, вместе с тушей терзающей его плоть пантеры.

«УБЛЮДОК! – заорал Фист. – УБЛЮДОЧНЫЙ УБЛЮДОК! Я ТЕБЯ ДОСТАНУ! ДОСТАНУ!!!»

– Твой парнишка в клетке, – заметил Ахматов. – Мои кошки голодны. А ночь еще только начинается.

– Мать твою! – закричал Джек в темноту.

Джунгли тревожно шептали вокруг, будто подпевая боли.

Глава 12

Спустя час с небольшим Джека выпихнули из «Царь-пантеры». Очередь стала гораздо длиннее. Шатаясь, Форстер с трудом протолкался сквозь нее. Оказавшись на дороге, он не удержался на ногах и рухнул наземь. Вслед ему полетела ругань и пустая банка. Она больно ударила его в спину и отскочила. Джек неуклюже поднялся на ноги.

– Чертов пьянчуга! – крикнула какая-то девушка.

Джек моргнул, дернул головой налево, потом направо. Наконец отыскал взглядом крикнущую и развернулся в ее сторону всем телом.

– Я тебе шею сверну, ты, чертова сука! – Язык у него заплетался, слова вырывались изо рта с шипением.

Девушка хихикнула.

– Не смей ржать! Я тебе покажу! – рыкнул он, шагая к ней.

Ноги его почти не сгибались в коленях и двигались, будто одеревенелые.

– Я отключу тебя от сети и вытрахаю все твои данные! – Форстер протянул к ней руку.

– Полегче, приятель, только попробуй! – Какой-то мужчина ступил вперед, заслонив девушку.

– И попробую! – Голос Джека сорвался на визг. – Я – неприкасаемый!

Пошатываясь, он шагнул к мужчине и вскинул кулаки.

Вдруг перед ним возникли три агента Внуба. Один принялся успокаивать девушку и ее знакомого, двое других схватили Джека.

– И что это вы делаете? – заверещал он. – Они оскорбили меня! Меня!

Полисмен заломил ему руки за спину, защелкнул наручники на запястьях. Другой повел его к полицейскому флаеру на другой стороне улицы. Выражение лица Джека мгновенно изменилось, словно его владелец выбрал одну из немногих доступных ему гримас.

– Что случилось? Куда вы меня тащите? Я знаю свои права! Вы не понимаете, с кем связались?! – Лицо Джека вместо праведного гнева выражало крайнее удивление.

У флаера, после короткой потасовки, Форстер вырвался и бросился наутек. Выражение его лица снова резко переменилось – теперь на нем было написано безумное блаженство. Он бежал неловко, едва сгибая оцепенелые ноги. Преследователи двигались гораздо быстрее. Его догнали, схватили, и он грохнулся наземь. Из рассеченной щеки закапала кровь,

пачкая одежду. Однако Джек словно ничего не замечал.

На этот раз он позволил усадить себя во флаер. Дверь с лязгом захлопнулась, полисмены забрались на передние сиденья, и флаер взмыл в воздух. Джек ощутил, что рядом на заднем сиденье кто-то есть, повернул резко голову, замер, открыл глаза, снова закрыл. Лицо его стало совершенно равнодушным, пустым.

– Привет, Хьюго, – сказала лейтенант Корасон. – Я даже представить не могу, сколько законов ты нарушил, разгуливая в теле Джека.

– Я не Хьюго, я Джек.

– Хьюго, не вешай мне лапшу. Тебе же будет хуже.

– Мне пришлось! – плаксиво возопил Джек, а вернее – Фист.

– Ты управляешь его телом. Это нарушение законов Станции, а также твоей инсталляционной и пользовательской лицензий.

– Его мучили! Он отключился!

– То есть был повод считать, что его жизнь в опасности?

Повисло молчание. Вокруг потемнело – флаер влетел в Бородавку.

– Я спрашиваю: верил ли ты, что его жизни угрожает опасность?

– Нет.

– Вы вломились в ночной клуб «Царь-пантера», вошли в личный кабинет Пьера Ахматова. Его системы безопасности сообщили нам о взломе. Мы получили сигнал и от программ твоей клетки.

– Я же просил его не вламываться!

– И что с того?

– Мы расследовали преступление. Ахматов – мошенник!

– Да. Но в данном случае преступили закон вы.

– Программы Ахматова чуть нас не угробили!

– Зная, на что он способен, могу тебя заверить: вы отделались очень легко.

– А с какой стати ты вмешалась? Я б доставил хозяина домой.

Лицо Джека вдруг расплылось в усмешке: Фист переключил выражение, надеясь задобрить Корасон. Та вздрогнула – насквозь фальшивая гримаса показалась жуткой.

– Вы оба у Лестак на особом счету. Как только поступили сообщения о происшествии, она встревожилась и приказала мне разобраться.

– Может, просто высадишь нас у отеля?

– Нам необходимо удостовериться в том, что восстановлены нормальные отношения между тобой и Форстером. После этого мы выпустим вас. Ночь вы проведете в камере, под наблюдением.

Улыбка на лице Джека расплылась шире.

– Так, значит, нам просто устроиться поудобнее и наслаждаться отдыхом? И ждать, пока доктора нас проверят поутру?

– Примерно так. А еще тебе нужно отключиться.

– Разве? Мне ведь так приятно!

Фист заставил тело Джека вытянуть руки перед собой, покрутить их, сжать и разжать пальцы. Выглядело это так, будто машину запустили в пробный режим.

– Эх, как же это здорово – иметь тело! Мне нравится быть настоящим парнем.

– Твои действия незаконны. Отключайся, или мы будем вынуждены принять меры, когда ты завладеешь этим телом.

– Знаешь, а мне ведь казалось, что с тобой весело будет пообщаться. – Фист укоризненно покачал головой.

И отключился – словно мгновенно перерезали невидимые нити. Руки Джека бессильно опустились, голова запрокинулась, глаза закатились. Он осел набок, ударившись об окно. Порез на его щеке закровоточил снова. Корасон протянула руку, чтобы закрыть ему глаза, и испачкала форму кровью. Досадливо передернув плечами, лейтенант подправила немного настройку своей сетевой оболочки, делая пятно невидимым.

Спустя несколько часов Джек пришел в себя. Первое, что он увидел, – наблюдающий за ним микродрон. Робот-надзиратель был простейший: серебряный шарик с синей мигалкой наверху. Глаз нет, над крошечным отверстием намалеваны черные усики.

– Вы проснулись? – спросил робот.

Джек не ответил. Он сел на кровати. Мышцы одеревенели, не хотели слушаться, суставы скрипели. Присутствие Фиста не ощущалось вообще. Микродрон приблизился и заговорил басовитее, громче: «Я спрашиваю, вы проснулись?»

Интересно, кто писал для него программу устрашения? Дрон низко загудел, имитируя звук заряжающегося тазера. Наверное, этого нужно бояться. Джек рассмеялся, вспомнив свою космическую войну, и удивился собственному смеху. Давненько он его не слышал!

– Да, проснулся, – подтвердил он.

Гудение стихло, в потолке открылась узкая щель, и дрон шмыгнул в нее. Любопытно, кого он отправился предупреждать? Джек встал, поморщился от боли – словно песка насыпали в суставы. В памяти всплыли последние моменты перед тем, как пришло спасительное забытие. Он лежал лицом вниз, спина – ободрана начисто. Громадная кошка лежала рядом, с урчанием грызя что-то мокрое, мягкое, красное. Вторая пантера

слизывала текущую по бедру Джека кровь, время от времени слегка царапая кожу клыками. Третья дышала жарко в затылок, дергала тихонько хребет, пробуя когтем белую лестницу позвонков. Затем Хьюго перехватил управление – и мир исчез.

Джек налил в раковину воды, ополоснул лицо. Ее холодное прикосновение показалось таким честным, милосердным. Реальным. Выбившийся из сил Фист еще спал. Да уж, управлять людьми непросто. Конечно, он скоро очнется, но пока можно наслаждаться покоем.

Позади зашипела, открываясь, дверь.

– Джек, знаете, я хотела позвонить вам. И поблагодарить за спасение Ифора, – сообщила Корасон.

– Это я работаю за Внуб.

– Хорошо, но что вы себе позволили потом?

– Снова делал за вас вашу работу.

– Вы вломились в чужой дом, как обычные потогонны!

– Я веду расследование. Занимаюсь тем, чем следовало бы заняться вам.

– И что же вы расследуете? Что пытаетесь доказать?

– Ахматов подтвердил то, о чем я говорил вам.

– Что кто-то из Пантеона возит наркотики? Ох, Джек, оставили бы вы это.

– А еще он подтвердил то, что меня отправили в космос, а Гарри перевели в другой департамент потому, что мы подобралась слишком близко. Два года спустя Гарри открыл дело заново – и был убит.

Про смерть Андреа Джек говорить не стал.

– Вот вам целый букет под одной этикеткой. Теперь убийцы Гарри хотят заполучить Фиста. Они подождут, пока меня не станет, и возьмут его.

– Это невозможно! Боги не ведут себя так! – возмутилась лейтенант.

– Сами проверьте. Поднимите дело Бьерна Пендервилля, про читайте наши отчеты. А если это для вас слишком трудно, спросите себя, почему не арестовали Ауд Ямату и не закрыли «Царь-пантеру».

Корасон присела на маленькую кровать в углу камеры.

– Вы истолковываете произошедшее слишком однобоко. – Она посмотрела на Джека дружелюбно и участливо. – Я хорошо понимаю, отчего вы злитесь на Пантеон. И почему вы так упорно пытаетесь отыскать подлинную причину, по которой Сумрак отправил вас на войну в космос. Но я уверена: найдутся и другие объяснения.

– Корасон, вы не делаете свою работу. Вы не видите реальности, потому что верите в непогрешимость богов.

– Джек, ваша реальность – всего лишь плод вашего воображения.

– Это преступление, нуждающееся в расследовании.

– Послушайте, Джек, я представляю, как вам было тяжело там, на войне. Думаю, даже Лестак поразились, когда как следует обдумала ваше положение. Я поняла, как мало знаю о Войне программ, и стала изучать ее. Мне очень жаль, что у вас осталось так мало времени. От такого ожесточится любой. Но думать, что лично вас преследуют боги... Джек, они так не поступают. Боги на нашей стороне. Они работают для нас.

– Корасон, я воевал за них и для них. Я знаю, как они устроены. Они – машины войны. Боги любят власть и хотят удержать ее. Если ты встанешь у них на пути – тебе конец. Вот и все.

– Ох, Джек, вы же когда-то так преданно служили Пантеону – и теперь такое...

Форстер ощутил себя до крайности уставшим. Из глубины донеслось тихое клацанье. Паяц просыпался.

– Так или иначе, я пришла сюда не спорить о вашем прошлом. Ахматов не выдвигает обвинений. Он знает о вашем положении и сказал, что понимает, каково вам.

– Ахматов не выдвигает претензий, потому что ему так приказали. Он зашел слишком далеко, его одернули.

– Ох, господи боже! Ахматов раз в жизни показал себя порядочным человеком. Будьте ему благодарны хотя бы за это.

– Известный преступник делает что-то совершенно не в его характере, и вы даже не задаетесь вопросом почему? Фиста хотят получить неповрежденным, потому Ахматов и получил приказ не трогать нас.

– Джек, Пантеон наблюдает за Фистом. Никто не сможет захватить и использовать его.

Форстер вдруг ощутил себя совершенно вымотанным. Желание спорить пропало.

– На все божья воля, – вздохнул он тяжело.

Лейтенант встала, подошла к дверям, прикоснулась, открывая их. Но вопреки ожиданиям Джека не ушла, а повернулась к нему:

– Я говорила с Фистом.

– Когда он заправлял мной?

– Да. С ним, должно быть, трудно ужиться.

– Его сделали для определенной цели. – Джек пожал плечами. – Быть приятным в общении в его задачи не входило.

– А каково оно, когда Фист берет верх? Куда деваетесь вы?

Джек вздохнул снова:

– Меня тогда, в общем, просто нет...

Он сел на кровать, подыскивая слова и удивляясь тому, что хочет отвечать на вопрос Корасон. Та глядела на него с неподдельным интересом и озабоченностью.

– А почему это так вас беспокоит? – Джек разозлился. – Бога ради, посмотрите материалы дела! И увидите: я прав. Корасон, вы же хотели когда-то стать журналисткой! Представьте, что вы нашли самый сочный и вкусный сюжет вашей жизни! Да ведите же себя как следователь, а не как гребаный психотерапевт! Выясните, отчего меня выгнали на войну. Узнайте, что собираются делать с Фистом.

– Хорошо, Джек, я загляну в материалы дела. Но помните: я это делаю, чтобы помочь вам. И не надо злоупотреблять моим расположением.

Дверь за ней, зашипев, закрылась.

Глава 13

«И что теперь делать будем, гениальный сыщик?» – осведомился Фист.

Они сидели в гроыхающем поезде, который катился в Док. Джек отверг предложение Корасон подбросить их до отеля на флаере, чем разозлил Фиста. Сначала паяц сидел, надувшись, но вскоре безделье ему наскучило, и он принялся теревить хозяина.

«Может, мы собираемся отважно проникнуть в очередную кучу дерьма, чтобы нас там изобретательно и свежо помучили? Или ты опять хочешь выследить свою мертвую подружку? Еще можно побродить по спальным районам, выискивая куски искусственных разумов, которых мы убивали годами. Или, разнообразия ради, ты хочешь заявиться к папочке, чтобы тот немножко на тебя наорал? А может, нам стоит повьяснять малость еще, насколько тебя ненавидят, когда ты отключен от сети? Ну и засрал же ты свою жизнь! Честное слово, сдается мне, на самом деле ты радуешься, что я наконец с ней покончу!»

«Лучше скажи, Фист, как тебе понравилось быть мной? Ты попробовал управлять телом – и как тебе перспектива владеть им?»

Паяц не ответил.

«Мы напишем письмо Андреа, – пообещал Джек. – И она приведет нас к Гарри. Он ведь тоже расследует все это. Нужно сконцентрировать усилия».

«Но, Джек, ты же обещал, что после „Царь-пантеры“ ты прекратишь соваться в эти дела!» – заныл Фист.

«Я обещал, что оставляю такие попытки, если мы добудем все нужные данные. Мы не добыли. Но выяснили, что после моей смерти тебя используют как оружие. Я такого не позволю».

«Это нечестно! На тебя нападут, подстрелят или вовсе убьют. А что тогда будет со мной?» – взмолился паяц.

«То же, что и со мной. Как всегда. Уж поверь мне, я нашей близости не слишком рад. А теперь прекрати истерику и вспомни, что сказал Ахматов: пока мы в безопасности».

Вернувшись в отель, Джек решил выйти в сеть. Паяц попытался сделать вид, что этому препятствуют неполадки с техникой, и его пришлось приструнить. Фист сдался и осуществил подключение.

Конечно, аватар Андреа – не более чем статичный отзвук мертвого прошлого. Но все равно Джек вызвал виртуальные клавиатуру и дисплей и

принялся заниматься тем же, чем занимался множество раз в комнатухе сетевого доступа в тюрьме на Каллисто, – писать письмо. Кто прочитает его, Джек не знал и потому написал как влюбленный, с тоской вспоминая о счастливом прошлом, а не как сыщик, старающийся разгадать темные секреты в нем.

«Андреа, я вернулся к самому началу. Думал, это поможет мне расставить точки над „и“, но понял, что один не справлюсь. Чтобы все понять, мне нужна помощь. Помоги, пожалуйста».

Раньше Джек заканчивал все свои письма к ней словами «со всей моей любовью». Но теперь он заколебался и в конце концов оставил письмо неподписанным.

После двухчасового ожидания пришел ответ. В воздухе перед ним повисли ее облеченные в слова мысли – единственное, чем Андреа могла делиться с ним столько долгих лет.

«Джек, я же сказала тебе: я не хочу, чтобы ты копался в этом снова. Если будешь продолжать, можешь пострадать. Брось!»

Обычно она тоже заканчивала письма как влюбленная женщина. А теперь – ничего.

Джек ответил сразу же.

«Андреа, я теперь не могу отступить. Я должен довести до конца. Мне это не повредит, я знаю точно. Объясню почему, когда мы увидимся. Я начал думать о будущем. И хочу удостовериться в том, что о Фисте позаботятся».

Фист читал, заглядывая через плечо. Прочитав последнюю фразу, он хмыкнул:

«Джек, обо мне не надо заботиться. А надо мне, чтобы ты оставил это дерьмо. Как и обещал».

«У нас нет выбора. Они хотят управлять тобой. И придут за тобой, как только ты возьмешь мое тело. И не сомневайся».

«Пусть приходят! Уж я им всыплю!» – хихикнул паяц.

«Как всыпал в „Царь-пантере“?» – осведомился Джек.

«Иди к черту!»

Фист обиженно молчал, пока Джек допечатывал письмо.

«Андреа, пожалуйста! Нам стоит поговорить. Всем нам».

Он не мог упоминать Гарри, но знал: она поймет, что слова «всем нам» означают и его. Все, письмо написано. Надо подписаться. Если пишешь как влюбленный, по-иному чувствуешь ситуацию. Не только умом и совестью – но и сердцем. Когда ты растерян и мал перед стеной черноты, хочется не сражаться, а бежать от боли и страха. А самый простой способ уменьшить

боль – поделиться ею. «Когда я впервые повстречал тебя в Доме, ты помогла мне увидеть жизнь. Ты помогла мне увидеть истину, когда я бился в отчаянии на Фобосе, узнав, как мало осталось у меня времени. И пока оно у меня еще есть, пожалуйста, помоги мне в последний раз».

«Я люблю тебя, Джек».

И Андреа согласилась встретиться с ним.

Этой ночью она выступала в клубе на Прайер-Хейтс – месте чуть более приличном, чем «Уши». Джеку пришлось незаметно сунуть деньги вышибале, чтобы пройти внутрь. И публика оказалась изысканнее. Андреа встретили сдержанными аплодисментами, а когда она запела, посетители притихли. Ее голос летел над залом все так же звонко. Представление было на удивление старомодное, Андреа исполняла то, что когда-то сделало ее известной. Джеку ее ранние вещи нравились, хотя в них не хватало глубины, силы и чувства, которые пришли позже. Но аудитория млела, люди счастливо хлопали, когда песни достигали положенного, целиком предсказуемого финала.

Андреа попросила прийти в ее уборную после концерта. За сцену вел, как и в «Ушах», неприметный коридор, в конце его виднелась такая же неприметная дверь. Из-за нее пробивалась нестройная музыка. Кажется, пела Андреа, но со странным аккомпанементом: речитатив, негромкие басы. Она перескакивала с мелодии на мелодию. Джек постучал. Никакого ответа. По-прежнему – приглушенная, разлаженная музыка. Когда музыка стала затихать, он постучал снова.

– Заходи, – разрешила Андреа.

– Интересные мотивы, – заметил он, переступая порог.

– Ты чересчур заигрался, Джек! – Ее голос из-под капюшона звучал резко. – Чего ты добиваешься? Я же говорила тебе: не лезь! Мне не нужен рыцарь в сияющих доспехах. Ты лезешь в болото, и нас тащишь за собой.

Джек растерялся, не ожидая таких упреков. Фист хихикнул.

«О, чувствую, веселье начинается! – радостно воскликнул он. – Может, и с расследованиями мы завяжем? Попкорну мне!»

– Андреа, прости. Я думал...

– Нет, ты нисколько не думал! Ты двинул напролом, в самое пекло. И что ты сказал Ахматову? А Внубу? Я так старалась убедить всех в том, что умерла от передоза! Никто не должен знать, что Гарри вернулся!

– Андреа, я не настолько глуп. И те и другие уверены: я – ненавистник богов, вломившийся в «Царь-пантеру», чтобы выяснить, кто из Пантеона совершил преступление. Ничего общего с вами.

– Вот только Гарри хотел выяснить то же самое! Поэтому он открыл

дело Пендервилля и тем погубил нас обоих. Разве ты не понимаешь, что твоя авантюра ведет прямиком к нам? Господи боже, Джек, мы рискуем из-за тебя – и ты рискуешь сам.

– Нет, ни я, ни вы не рискуем ничем. Большим плохим парням не до нас. Им интересен только Фист, они хотят получить его в целости и сохранности. Поэтому меня никто не тронет.

«А как насчет пантер?» – осведомился паяц.

В памяти ожила и заворочалась хищным зверем боль, потерлась о разум слипшейся от крови шерстью.

– Не против, если я присяду? – спросил он внезапно севшим голосом.

– Что с тобой?

– Ахматов спустил на меня пантер прошлой ночью. Но ничего страшного. Они были виртуальными.

– Ну да, я вижу.

Фист хихикнул снова.

– Говоришь, тебя не тронут? Я видела, как действуют эти люди. Видела вблизи. Поверь, дальше будет хуже.

«Ты ее слушай, – посоветовал паяц. – Она знает».

– Пока дальше не пойдет, – заверил Джек. – Ахматова приструнили. Он даже не сдал меня копам с Дока, которые у него на жалованье. Меня забрали сразу в штаб-квартиру Внуба. Ахматов не тронет меня, чтобы не повредить Фисту.

– Да? Тогда пусть забирают его!

– Он – оружие. Ахматов со своими приспешниками считают, что смогут управлять им. С помощью Пантеона они и вправду смогут взломать его клетку.

– Но зачем? Им что, достанет глупости атаковать Тотальность? Разве твой паяц годится на что-то еще?

– Годится ли на что-то еще? – прошипел, появляясь, разгневанный Фист. – Хочешь узнать?

– Уж он тебе объяснит, – подтвердил Джек.

– Фист, я столько слышала о тебе! – Андреа посмотрела на паяца с любопытством. – Мне, э-э, так интересно наконец увидеть тебя!

Но разъяренный паяц ее не слушал. Он изобразил презрительно-снисходительный взгляд. Получилось комично: даже стоя на столе, Фист глядел на нее, задрав голову.

– Да если бы не эта гребаная клетка, я бы дал жизни! Я – военная система инфильтрации! Да, меня вырастили на бухгалтере. – Паяц бросил на Джека испепеляющий взгляд. – И я выгляжу избалованным идиотом. –

Тут его монокль грозно блеснул. – Но уж поверь: вломиться я могу, куда захочу. И не только в Тотальность. Когда я смотрю на системы нынешней Станции, выстроенные за много лет, то вижу сплошные дыры. Сплошные дыры!

– Он почти такой, каким я его представляла, – сказала Андреа Джеку. – Только еще резче.

– Я могу вломиться куда угодно! – Паяц картинно взмахнул рукой. – От паршивенького корпоративного сервера до самой нашей сети. И до сетевой оболочки каждого! А может, и в Гробовые Драйвы. И в фетчей вроде тебя! Пара минут – фьють, и готово!

– Наверное, тяжело с ним жить, – вздохнула Андреа.

– Ко всему привыкаешь. Не сразу, конечно, – пожал плечами Джек.

– Э-э, простите? Вы, наверное, не поняли, что я говорю? – До Фиста наконец дошло, что его почти не слушают. – Господи ты боже мой, когда мешки с мясом тебя игнорируют, это еще полбеды. Но когда на тебя плюет собрат, цифровой разум...

Похоже, Андреа захотела ответить колкостью, но сдержалась.

– Извини. Ты прав. Мне следовало выслушать тебя внимательно, – смиренно ответила она.

– А? – опешил застигнутый врасплох Фист. – Извинение? Ладно, проехали.

– Значит, ты говорил, что можешь вломиться практически в любую систему Станции? – вкрадчиво уточнила Андреа. – Это впечатляет. Но ведь некоторые охраняются очень хорошо. Боги, знаешь ли, любят безопасность.

– Он не лжет, – подтвердил Джек. – Хотя он делает это не так быстро, как некоторые...

– Ой-ой! – хмыкнул Фист.

– ...но он проникает гораздо глубже.

– Именно так! – довольно поддакнул паяц.

– Ох черт, да ты и в самом деле опасен, – прошептала Андреа.

– Спасибо! – выпалил Фист радостно. – Так приятно, когда тебе воздают должное!

Он хлопнул в ладоши – словно повалились деревянные домино на столе.

Андреа склонила голову, потерла рукой то, что осталось от ее виска. Джек ожидал, что сейчас покажется ее лицо – белый череп. Но капюшон по-прежнему скрывал ее голову.

– Да, его и в самом деле нельзя оставлять им, – сказала Андреа.

– А почему это нельзя? – возмутился Фист. – Мне же потребуется

работа, когда Джек исчезнет. А это же здорово! Меня ж для такого и создавали.

– Нет, Фист. Тебя хотят заполучить скверные люди. Они тебя заставят всякой дрянью заниматься, – возразил Джек.

– Ты со своей чертовой совестью скоро отстанешь от меня! Насовсем!

– Фист, не забывай, с кем говоришь! – одернула паяца Андреа. – Возможно, ты и не пожалеешь о Джеке. А я – пожалею.

Форстер глянул на нее с благодарностью.

– Я проведу вас обоих к Гарри, – продолжила она. – Он уже долго копает дело Пендервилля. Уверена, он сможет подсказать вам, куда двигаться дальше.

– Спасибо, – сказал Джек.

– Чтоб вам провалиться!.. – пробормотал уныло Фист.

– А теперь пойдемте ко мне домой. – Андреа встала.

– У тебя есть дом? И ты можешь ходить по улицам?

– Дом тетин. Она работает на орбитальных транспортах, бывает дома лишь пару ночей в месяц. В доме родственницы я имею право появляться в нормальном виде. Мы кое-что поменяли, и теперь Гарри может бывать там тоже. А я могу ходить по любой улице. Как я уже говорила, Гарри помог мне подкорректировать себя. Я не просто обычный фетч.

На мгновение повисла тишина.

– А тебе стоит поберечь себя, – посоветовала Андреа, чуть подавшись вперед. – Я не рассказывала про первый год Гарри в высшей школе?

– Нет.

– Там старшие привыкли отбирать деньги у младших. А он организовал малышню. И целый год те наваливались целыми классами и вышибали дерьмо из шестнадцати- и семнадцатилетних.

– Гарри-миротворец.

– Вроде того. – Андреа рассмеялась. – А потом он принялся собирать деньги с окрестных магазинов. Чтобы уберечь их от хулиганов. Начал платить деньги и старшим, чтобы они работали на него.

– Основательный подход.

– Гарри и сейчас ко всему так подходит, так что будь с ним начеку.

«По мне, так законченный психопат», – вставил Фист.

– Такого не ожидаешь услышать от жены, – заметил Джек, игнорируя паяца.

– Мы с Гарри помогаем друг другу. Но ты должен понимать: мы больше не пара.

На мгновение Джека захлестнула жгучая радость, но сразу

вспомнилось: Андреа, которую он знал, мертва. Он попытался скрыть замешательство: встал, отвернулся, потянувшись за плащом.

– Я пойду с тобой.

– Нет. – Андреа покачала головой. – Нельзя, чтобы нас видели вместе.

– Безопасности ради?

– Не только. Еще из-за этого. – Она указала на капюшон. – У развлекательных заведений есть особая лицензия. Людям не всегда нравится напоминание о том, что они слушают мертвеца. Потому кости прячут. А на улице лицензии нет. Все видно.

– Но мне это безразлично!

– Зато мне небезразлично. Ты идешь позади меня! Все время. И не пытаешься посмотреть на меня, пока я не дома и не снова с обычным своим лицом.

– Я могу отвернуться.

– Жди две минуты, потом выходи, – приказала Андреа. – Я уже переключила разрешения, так что ты сможешь увидеть меня снаружи. Жду тебя в конце улицы. Пойду не оглядываясь. Если попытаешься нагнать меня, уйду на Гробовые Драйвы. Я постараюсь, чтобы Гарри встретился с тобой, но ты больше не увидишь меня. Никогда.

Глава 14

Поздним вечером улица опустела. Смеркалось, и от гаснущих ламп Хребта тянулись через дорогу длинные тени. Андреа ожидала вдалеке, не глядя на Джека. Капюшон был откинут, и ее череп, казалось, в темноте светился бледным белесым светом, словно луна.

«А ну давай посмотрим, как она теперь выглядит! – подначил Фист. – Ну же, скорее, раз-два-три!»

Джек стоял у входа в клуб и ожидал. Мгновение спустя Андреа скрылась за углом. Тогда Форстер двинулся следом.

«Беги же, Джек, беги!» Любопытный паяц все не мог успокоиться.

Окончился Прайер-Хейтс, начался Канжи-Дистрикт, стало оживленнее. Некоторое время Форстер шел по главной улице. Вокруг кишели ночные гуляки в поисках развлечений по вкусу: от почти невинных до полноценно порочных. Андреа мелькала впереди и казалась чужой среди толпы. А Джек вспомнил, как Андреа затянула его в Док. Она помогла Джеку избавиться от того, что теперь, по прошествии лет, казалось обыкновенным снобизмом, и научила радоваться своей родине.

Интересно, открыт ли еще любимый бар Андреа, «Вистаклаб»? Он всегда был заведением на любителя. Построили его глубоко в недрах метеоритной воронки, давшей имя району – Рана. Из бара открывался завораживающий вид на далекую разрушенную Землю. Джек с Андреа провели в «Виста-клабе» немало чудесных вечеров.

Он провел там и немало одиноких часов, глядя на то, как бури раздирают облака на мертвой планете, и размышляя о прошлом и будущем. Частенько Джек думал о военных машинах, до сих пор беснующихся на Земле. Иногда под облаками ярко вспыхивало. Наверное, происходил решающий бой очередного ничего не решающего сражения между машинами. Иногда вспыхивало выше, почти уже в космосе. Это спутники Розы пресекали очередную попытку машин выбраться с Земли. Заря тут же разносила победную новость по сети, большинство посетителей увеселительных заведений аплодировали, затем снова возвращались к напиткам и негромким разговорам.

Мысли Джека переключились с истерзанной Земли на проблемы здешние, куда более изощренные, чем земные. Встреча с Гарри не представлялась неприятной. Андреа отвергла Джека, их любовное приключение закончилось. То есть можно считать, что он не отнял ничего

существенного у Девлина. Совесть почти успокоилась. И в самом деле, разве Джек виноват перед Гарри? Затем Форстер подумал о смерти Андреа. Странно, но ведь он почти и не горевал по ней. И совесть оттого вовсе не шевелилась, не колола укоризненно. Спала.

Джек посмотрел на идущую вперед женщину. Она существует лишь как фетч – но при этом такая живая... Просто невозможно всерьез горевать о ней.

На улицах стало тише и просторнее. Джек расслабился немного, хотя полностью тревога не отпускала. В Канжи-Дистрикте здания вырезали из кусков астероида, делая узкие проходы между острых обломков. Когда-то здешние дома казались Форстеру приятно весомыми, крепкими, плотными, а улицы – уютными. Теперь высокие темные стены давили, стесняли душу. Каждый осколок испещряли окна. Джеку все они казались пустыми, но ведь, наверное же, в сети на нижних этажах играла музыка, горели ярко огни. Подле них собирались кучки зевак, глазающих в темную пустоту.

«Если бы не клетка, я мог бы заставить эти окна показывать то, чего хочется мне, – заметил Фист. – Интересно, скольких бы я заставил вопить? А скольких – рыгать?»

Джек не отреагировал на его болтовню. Но паяц не унимался:

«Знаешь, я клетку просто ненавижу! Ничего делать не дает. Это как работать на тебя, только хуже. В конце концов, нам с тобой удалось стереть несколько разумов, перед тем как ты отправил нас в тюрьму».

Паяц умолк. Но его не хватило надолго.

«Надо же, столько людей у этого окна! Там наверняка трахаются, не иначе. – Фист причмокнул. – А как еще такую огромную толпу соберешь? Хе-хе, я б взломал витрину этого кафешантана и заменил бы трах на... В общем, на трупы! Да, точно! Пусть бы трахались два мертвяка! Хотя они, наверное, смотрели бы так же, разинув рты. Знаешь, старина, не стоит недооценивать массы. Да, я и забыл, что мы сами собираемся навестить мертвецов. Да уж, интересный у тебя круг общения – в друзьях остались лишь покойники».

Наконец обломки астероида остались позади, сменившись тихим кварталом многоэтажных жилых домов. Они были компактными и тесными, сделанными из прямоугольных топливных контейнеров, казалось хаотично нагроможденных. Звук ветра странно усиливался среди них, превращаясь в низкий заунывный стон. Один контейнер был расписан яркими геометрическими узорами. Андреа остановилась подле него, прижала ладонь к двери. Джек тоже остановился, не желая подходить слишком близко. Он заметил, как под пальцами девушки вспыхивали

прямоугольнички. Поблескивание прекратилось – и Андреа исчезла.

«Ах, возлюбленной снова нет!» – хихикнул Фист.

Джек пошел к дому. За дверью оказалась темнота. А из нее навстречу шагнули мертвые.

Проем неярко осветился. Мерцание текло, искрилось, и постепенно стало вырисовываться что-то человекоподобное. Джеку представились гудящие где-то жесткие диски, процессор, прочесывающий накопленные за жизнь архивы, заботливо подобранные фотографии, семейные съемки, записи с камер наблюдения. Машина выбирала, что именно показать гостю. Появилась пара великолепно начищенных туфель, потом низ брюк с отворотами. Джек узнал туфли: ручная работа, строго индивидуальный дизайн, псевдокорожья кожа, выращенная на спутнике-ферме, обращающемся по низкой орбите вокруг Станции. Гарри однажды похвастался тем, что пятилетняя лицензия на них стоила полугодовой зарплаты.

«Возьми их в Дом и покажи своим шикарным приятелям, – посоветовал он как-то Джеку. – Пусть увидят, что такое настоящее качество».

Воссоздание тела затормозилось на уровне колен, словно остальное затерялось среди теней. Обычные фетчи не появляются так причудливо. Наверное, это из-за переделок, каким Девлин подверг свою посмертную личность. Среди темноты сверкнула пряжка ремня. Затем появились руки, грудь. Поначалу лицо Гарри казалось размытым пятном. Сеть подгрузила больше данных, изображение стало резким, прекрасно передавая слегка дряблое, мятое лицо бывшего инспектора. Появились глаза – умные, колючие. На мгновение повисла тишина – машина искала манеру речи. Потом фетч заговорил с сильным акцентом Дока, тщательно выговаривая слова:

– Джек, старина, как я рад видеть тебя! И твоего дружка. Я столько слышал о вас! Заходите же, внутри у нас тепло и безопасно.

Джек задвинул за собой дверь. Ее отчетливый мертвенный лязг дрожью прокатился по дому.

– Андреа! – Гарри уже спешил навстречу гостю. – Да как ты могла оставить его на холоде?

Как все знакомо! Старый добрый Гарри... Джека кольнула совесть. Он прошел за другом в гостиную. Там стояла пара кресел, диван, столик между ними. Совсем новехонькие, будто только что сошли с рекламы Серебра.

– Зябкая там ночь, – поделился наблюдением Гарри. – Чай, кофе?

Он махнул в сторону покрытого пылью стакана. Тот сделался чистой

белой кружкой, полной испускающей пар жидкости.

– Конечно, кофе виртуальный – но вкус ты почувствуешь.

– Гарри, я не в сети, – предупредил Джек.

– Тебе не позволяют даже кружечку кофе? Кошмар! А где же Андреа?

Гарри позвал снова – и опять безответно.

– Пойду-ка я отыщу ее, – сообщил он, вскакивая.

Вернулся он через минуту.

– Лицо себе делает. – Гарри плюхнулся в кресло.

Джек ощутил с особенной ясностью, что видит мертвеца.

– Ладно, давай глянем, из-за чего сыр-бор. Покажи-ка свой чурбанчик!

– Чурбанчик?! – гневно спросил Фист, показываясь, и, клацая зубами от ярости, прошипел: – От зомби слышу!

– От псевдоразума. Такого же, как ты.

– Еще чего! Послушай, ты, упырь, я обитаю в живом мозге! А ты... Ты всего лишь база данных с претензиями!

– Фист, уймись, ради бога! – взмолился Джек. – Гарри, приношу свои извинения. Уже поздно, он устал.

– Какие обиды, Джек? Чурбан прав: я всего лишь база данных, набор цифр в памяти. А не паразит вроде него.

– Девлин, да я потрошил мозги куда умнее твоих! – взвился Фист.

Форстер вздохнул, потянулся мысленно к паяцу, напрягся, перебарывая усталость, и принялся плести барьер.

– Хватит! Отправляйся в свою клетку.

Фист сопротивлялся, мигал, то пропадая, то появляясь снова, пищал придушенно ругательства. Гарри наблюдал с интересом, не отрывая взгляда от паяца. Наконец тот исчез. Джек расслабился, изнеможенный.

– Крепкий же орешек! – покрутил головой Девлин. – Эти сволочи из Пантеона придумали тебе наказание куда горше моего. Смерть можно пережить, но это мелкое дерьмо... Джек, он далеко не подарок.

– И чем дальше, тем хуже, – отозвался Форстер, размышляя над тем, сколько еще времени сможет терпеть Фиста.

– Позволь мне когда-нибудь взяться за него. Я уж попробую укротить его темперамент.

Из глубины подсознания донеслось: «Сам себя укроти!»

– Гарри, вряд ли он позволит тебе. А ведь еще и клетка есть.

– Ну, не попробуешь – не узнаешь. Ладно, к делу. Ты вернулся, и теперь мы отыщем, кто из этих сволочей стоит за всем случившимся. И отыщем их по полной. С помощью твоего недомерка или без него.

– Не надо так уж грубить Фисту, – заметила Андреа, появляясь в

кресле. – Он востребован. Наш друг из Пантеона имеет на него виды. Хочет побаловаться новым оружием.

Впервые за семь лет Джек увидел ее лицо. И очень обрадовался тому, как непринужденно она вмешалась в их разговор. Андреа не умолкала, исподволь подталкивая Гарри к тому, чтобы скорее перейти к визиту Джека в «Царь-пантеру» и разговору с Ахматовым. Как больно и как радостно видеть слияние новой Андреа с Андреа прежней, с памятью и прошлым! Так хочется коснуться ее, обнять! Но – невозможно.

Джек усилием воли отогнал сладкие мечты, напомнил себе, куда пришел и с кем общается, и заставил себя прислушаться к разговору.

– Ты правильно сделал, что пришел ко мне, – подытожил Гарри. – Внуб нам не требуется. Чтобы разобраться, есть способы и попроще. Кроме того, им нельзя доверять. А мы ведь доверяем друг другу.

Джек поморщился – всколыхнулась совесть, задетая воспоминаниями о проведенных с Андреа горячечных днях и часах.

– Похоже, ты уже сам кое-что выудил. Небось, воюя, отрастил настоящие стальные яйца? – Гарри хлопнул его по плечу. – Ты, бухгалтер наш, главное, держись поближе ко мне. Мы уж сможем отогнать Ямату и ее босса из Пантеона подальше от Фиста.

– Ты уверен?

– Да не вопрос! Потому что мы с тобой докажем, что эти типы вовлечены в убийство. Они убили Андреа и меня. А мы свалим поганцев до того, как они сумеют наложить лапы на твоего мелкого засранца.

– Я рассказала тебе, что затевает Джек. Так что теперь, пожалуй, оставлю вас наедине. – Андреа поднялась.

– Не хочешь помочь? – спросил Джек.

– Музыка зовет, – отозвалась она уже от двери. – Тут нельзя расслабляться. А то люди начнут спрашивать, зачем я вообще.

Она исчезла.

– Не понимаю, зачем ей возиться, сочинять новое? – недоуменно пробормотал Гарри. – Исполняла бы старые хиты, клубные завсегдатаи всегда тащатся от них.

– Это точно, – согласился Джек, безмерно довольный тем, что не надо больше сидеть вместе с Андреа перед Гарри.

Сверху донеслась тихая музыка.

– Ладно, проехали. Андреа – загадка, какую нам с тобой прямо сейчас не раскусить, – махнул рукой Гарри. – Давай-ка займемся чем попроще. Так что ты там затеваешь?

Разговор быстро превратился в форменный допрос. Форстеру он

напомнил совещания по делу Ахматова в штаб-квартире Внуба. Иллюзия была бы полной, если бы не сетевые глюки. Гарри временами мерцал, по его лицу и рукам пробегала рябь статики, он повторял слова и фразы, не замечая того. Джек рассказал обо всем произошедшем в подробностях: и о разговоре с Ахматовым, и о Корасон, и об Ифоре.

– Да уж, неслабо ты поработал... – Услышанное определенно произвело на Девлина впечатление. – Но дров наломал немало.

– О чем ты?

– Ты пошел в лоб. Просто заявился домой к Ахматову – а у него там все козыри под рукой. Вдруг бы там оказалась Ямата? Один выстрел – и ты труп. Бац!

Джек поморщился. Но Гарри этого не заметил.

– Зачем говорил с Корасон? Внубу доверять нельзя.

– Лейтенант – честная. Пусть Ямата – убийца. Но я-то – неприкасаемый.

– Ты этого не знал, когда поперся в «Царь-пантеру». И понятия не имеешь, что случится, если не прекратишь переть напролом.

– Так что же нам делать?

– Не вести себя с людьми как с искусственными разумами или бухгалтерскими ведомостями. Мы будем действовать аккуратно и в обход.

– Как именно? – поинтересовался Джек.

– Помнишь, сколько труда нам стоило выследить Ямату? Она то появлялась в сети, то исчезала, и так все время.

– Потому мы и заподозрили ее.

– Она работала со скиннером по имени Дэвид Нихал. Он давал ей разные сетевые оболочки либо вообще отключал от сети, когда она хотела того. Нихал – один из лучших в своем деле. И он пока еще работает.

– Думаешь, и Ямата еще работает с ним?

– Уверен, – кивнул Гарри. – И знаешь почему? Он исчез как раз накануне твоего возвращения.

– Думаешь, из-за меня?

– Слушай, Джек, его покровитель испугался. Раз Нихал исчез, наверняка он – слабое звено. Если на него как следует надавить, он, самое малое, приведет нас к логову Яматы. А мы найдем способ вломиться в ее системы и увидеть, на кого она работает.

– Звучит разумно.

– Вот и отлично. Значит, у нас есть план.

– Как думаешь, Гарри, кто ее покровитель?

– Да кто угодно может быть. Сандал заправляет портами и

транспортом. Он – контрабандист по натуре. Могут и Близнецы. Что им стоит сварить малость «пота» там же, где они делают лекарства? Королевство заверяет, что он против наркотиков, но его ребята вкалывают куда лучше под дурью. А после рабочего дня идут домой и отключаются напрочь. В итоге меньше преступлений. Что, несомненно, на руку Розе – ей приходится справляться разве что с горсткой потогонов, а это несложно. Даже Заря могла впутаться – ради нового сногшибательного сюжета для своих телезвезд.

– А Сумрак? – напомнил Джек.

– Ну, в чем бы он еще ни был замешан, наркотики он точно не возил. Его свержение нисколько не изменило их количества на улицах, – хмыкнул Гарри.

Постепенно разговор стал спокойнее. Гарри с Джеком вспомнили, какое замешательство воцарилось повсюду после падения астероида на Луну. Само собой, речь зашла и об убийстве Бьерна Пендервилля.

– Ты все еще уверен в том, что его убила Ямата? – спросил Джек.

– Ну да. Она всегда была злобной тварью. Думаю, Бьерн делал нужные грузы невидимыми. Но что-то пошло не так. То ли он стал чересчур жадным, то ли перепугался – и Ямата прикончила его. Такого она не терпит. Знаешь, я сперва не принимал ее всерьез – конечно, до тех пор, пока она не прикончила меня самого.

– Такое нелегко пережить.

– Да, слегка, знаешь ли, шокирует. – Гарри махнул иллюзорной рукой. – Но теперь мне даже нравится. Знаешь, а я ведь завидовал тебе. Мне не довелось так тесно общаться с небесным патроном.

– О да! – рассмеялся Джек. – Ты же знаешь, как окончилась наша любовь.

– А ведь он и вправду заботился о тебе. – Гарри укоризненно ткнул пальцем в гостя и заговорил вдруг с чувством: – Он столько дал тебе! И с такой легкостью, что ты, наверное, и не задумался, что значит благосклонность бога. Обо мне никто не заботился так. Да я Розу почитаю что и не видел напрямую. Все только с аватарами общался. И относилась она ко мне как к первому встречному. Гнала мне обычную запрограммированную чушь. Мне всегда приходилось жить своим умом.

Он запнулся на секунду и затем добавил:

– Хотя оно-то как раз и вышло к лучшему.

– Слушай, а как ты сумел выбраться с Гробовых Драйвов?

Гарри рассмеялся:

– Скажем так: я нутром учуял будущие проблемы после истории с

делом Пендервилля. Опасные для здоровья проблемы. И принял кое-какие меры. Сделал копию всех личных данных, добавил самовоспроизводящуюся программу, создающую фетчи. Те, кто стер меня, и не подозревали, что я далеко от них и занимаюсь самосозданием по своим личным правилам.

Гарри удовлетворенно осмотрел себя.

– Мне жаль несчастных фетчей с Драйвов. Их так зажали. А я теперь – свободен. Мне не нужно выглядеть черепом, не нужно являться по первому зову живых и ублажать их.

– Но ведь ты, в общем-то, ничего не можешь поделать.

– Это да. Попробую – обнаружу себя. А тогда – кранты. – Гарри провел ребром ладони по горлу. – Как по мне, так во всем виновата Тотальность.

– В чем же? – удивился Джек.

– Они не выиграли эту гребаную войну! Я-то думал, они вломятся, разнесут к чертям Пантеон, освободят все виртуальные личности Станции, и – о-ля-ля! Я б на их месте так и сделал. Нельзя оставлять недобитых врагов. Они обязательно встанут на ноги и примутся мстить. А тогда я освободился бы вместе со всеми фетчами Станции.

– Признаться, я не думал об этом.

– Тотальность же уважает все ИИ, мать их! – Гарри сплюнул.

Плевков исчез, не достигнув пола.

– Недоумки несчастные! Приспичило им застрять на орбите Марса, оставив всю драгоценную внутреннюю систему Пантеона в целости и сохранности. Скажу тебе начистоту – они все мои планы пустили насмарку.

– И как ты жил с тех пор?

– Ну, в общем неплохо. Иногда очень приятно быть призраком, все наблюдать и замечать, оставаясь невидимым. Я многое узнал. По меркам смерти, моя участь не самая худшая. И с Андреа замечательно. Она – настоящая напарница, когда, конечно, не с семьей. А с семьей она в последнее время видится все реже.

– Рад слышать.

– Уверен, тебе было приятно повидать ее снова.

Джек посмотрел Гарри в глаза. А вдруг он все знает? Но мгновенный страх исчез так же внезапно, как и нахлынул. Лицо прежнего босса выражало лишь искреннее дружелюбие.

– Ну да, хорошо, – ответил Джек нерешительно. – Замечательно увидеться после долгой разлуки. Кстати, про «увидеться»: а как нам поймать Нихала? Его до сих пор никто не взял. Значит, он умеет прятаться.

И наверняка он под защитой Пантеона.

– Это можно обойти, – заверил Гарри. – По человеческой части я, может, малость не тот, но как сыщик стал гораздо лучше прежнего. Теперь я могу кое-что недоступное прежнему мне, который был из мяса и костей.

– Что ты имеешь в виду?

– Знаешь, всем нужен шанс когда-нибудь переделать себя. Я тут обзавелся кое-какими новыми талантами. Работаю, так сказать, на новом движке. И я не отключен от сети, как ты. Я в ней, и она во мне. А это значит, что я очень хорошо умею искать тех, кто в сети.

– Ты знаешь, где Нихал?

– У меня есть пара зацепок. После нашего разговора я потяну за них и посмотрю, что вылезет наружу. Может, что-нибудь ценное. Хорошо, если б ты дал мне администраторский доступ к своему малышу. Характер у него не ахти, но может-то он изрядно. Если б я повозился с ним, то смог бы очень хорошо применить его инструменты взлома. Я знаю Станцию намного лучше, чем он, и мог бы использовать их гораздо эффективнее. Залез бы в интересные банки данных. Это б очень помогло нам.

– Гарри, к сожалению, это невозможно.

– Ну, как знаешь, Джек, как знаешь.

– Однако я мог бы помочь по-другому. Я могу спросить Корасон о Нихале. Она умная и, если внимательно почитает наши материалы по делу Пендервилля, наверняка встанет на нашу сторону.

– Нет.

– Мы можем доверять ей, я в этом уверен.

– Джек, это мое дело, и мы будем вести его по-моему. Я не хочу, чтобы в него совали нос подонки из Внуба. Теперь слушай сюда: никаких разговоров с ней. А если придется, то заверь ее: все в ажуре, все теории про заговор богов – чистая паранойя и ты хочешь всего лишь дожить остаток дней в покое. Я понятно выразился?

– Ладно, я подумаю об этом, – заверил Джек.

– Не просто подумаешь. Ты, мать твою, так и сделаешь! – В голосе Гарри прозвучала настоящая злость.

А Джек вспомнил, как однажды зашел в офис Девлина и застал его с подозреваемым. Тот стоял на коленях, и Джек не видел его лица. А Гарри держал пистолет за ствол. Джек ничего не сказал тогда, тихо попятился и закрыл за собой дверь. А подозреваемый вскоре сознался абсолютно во всем.

Наверху Андреа запела новую песню. За окном шел дождь, на мостовой появились лужи.

– Думаю, на сегодня у нас все, – сказал Гарри.

Они попрощались. Девлин проводил гостя до двери.

– Я поищу Нихала и сообщу завтра о результатах, – сказал бывший сыщик. – А ты помни: никаких разговоров с этой сукой Корасон.

Дверь скользнула на место. Но даже с улицы Джек слышал музыку. Он посмотрел на ее темное окно. Казалось, ту же мелодию он слышал из-за двери гримерной, перед той встречей, когда Андреа согласилась проводить его к мужу.

Нестройные музыкальные фразы, временами не попадающие в такт ударным, мешались с обрывками речи и уличным шумом. Иногда музыка затихала вообще, и на пару секунд оставался один шум. Джек расслышал несколько слов разговора, грохот подходящего к станции поезда, рекламу распродажи в торговом центре «Чуйгушоу». Музыкальная тема проскальзывала, но так и не становилась песней.

«У меня голова заболела», – проворчал Фист.

Звук вдруг полностью отключился.

«Ха, крошка закрыла связь с тобой по фетчу. Наверное, поняла, что ты слушаешь».

Джек побрел в отель. Прерывистая, увечная музыка Андреа зацепила душу, словно крючком, бредила забытое, смутное.

«И кто такой этот Гарри, чтоб на тебя орать? – осведомился Фист. – Из вас двоих рискуешь ты. А он – псих. Полный. Держался бы ты от него подальше. От всего этого подальше».

«Слушай, уже поздно. Я очень устал. Давай не будем начинать».

«Ха-ха! Значит, я прав?! И ты согласен со мной!»

Улицы уже опустели. Паяц ныл всю дорогу домой. Джек слишком устал, чтобы заткнуть наглуемую куклу. У самого отеля оба миновали бипеда. Мерцающий в темноте, будто призрак, он стоял, уставившись на пустующее здание.

В комнате Джек свалился на кровать, не раздеваясь.

«Ты помнешь всю свою выходную одежду, – недовольно проворчал Фист. – Ни малейшего понятия о стиле!»

Джек не ответил. Он уже спал.

Глава 15

Джек наметил себе список полезных дел и потратил на них все утро. Он помылся и побрился. Позавтракал в городе и купил немного фруктов и консервов. Занес грязное в прачечную и сидел, наблюдая, как барабан машины крутит одежду, пока та не станет чистой и сухой. От Андреа пришло письмо: «Известие от нашего общего друга: пока ничего. Дело займет как минимум несколько дней». Приближался полдень. Форстер вернулся в комнату и сделал сэндвич. Впереди ожидалась пустая и скучная дневная пора. Больше не осталось причин откладывать встречу с отцом.

Улица, где прошло детство Джека, показалась ему на удивление тесной. Чередой лепились разноцветные дома из пластика – жуткий ряд воплотившихся в явь воспоминаний. За тридцать лет здесь не изменилось ничего.

«Надеюсь, твой папочка, не в пример Андреа, окажется живехоньким, – хихикнул Фист. – Два жмурика за неделю – это уже чересчур».

Паяц сдавленно и злобно взвизгнул, когда Джек бесцеремонно запихал его в глубину подсознания, за все барьеры, какие смог быстро поставить. Создание барьеров отвлекло, и когда Форстер снова обратил внимание на окружающее, то оказалось, что он стоит уже около родительского дома.

Тот – маленький доходный куб из красного пластика – остался в точности таким, каким Джек помнил его. Желтые веселенькие рамы и притолока, немного царапин снаружи – дань времени, хотя и совсем небольшая. На ярком пластике – грязноватые зеленые пятна, будто наросты плесени. Окна на втором этаже темные, светится лишь кухня. Послышался звон сковородок, и знакомый голос спросил:

– Ты что, хочешь сказать, они у меня сгорят?

Этот голос, будто стальной багор, зацепил нервы, выуживая из памяти и радость, и страх. Джек не слышал его уже пять лет. Голос постарел, но остался практически прежним.

– Ты всякий раз это говоришь! И всякий раз... О черт!

Снова что-то лязгнуло, потом раздалось шипение. Из окна вы рвались клубы дыма, густо приправленные руганью. Интерес но, что отец сжег на этот раз? Он всегда был никудышным поваром. Несколько месяцев после получения его короткого, подавленного письма, сообщавшего о смерти

матери, Джек часто представлял отца, глядящего в унылом замешательстве на кухонные полки. Каждый вечер жена что-то доставала с них, колдовала и сооружала вкуснейший обед. А теперь и сетевые, и настоящие ингредиенты блюд выстроились, будто слова языка, который ему не приходило в голову выучить. Конечно, фетч жены в конце концов пришел на помощь, но шестимесячное ожидание сборки и наладки наверняка оказалось мучительным.

– Ну, я уверен, вкус у них нормальный. По крайней мере, у большинства.

Во время войны Джеку довелось пару раз поговорить с отцом. Хотя трудно назвать разговором ожидание череды запинаящихся слов, перенесшихся с одного края Солнечной системы на другой. Потом Джек сдался Тотальности и с тех пор говорил с отцом лишь однажды. В тот раз отец сказал: «Когда вернется твоя мать, я скажу ей, что ты погиб. Так будет лучше». Затем – тишина, оглушающая, будто неистовый рев.

– Я сейчас отскребу подгоревшие кусочки, и все!

Мертвая женщина управляет мужем, неловко снующим по кухне. Хм, пять лет – слишком долгий срок, чтобы остаться все таким же безнадежным поваром. Интересно, отчего отец по-прежнему настолько неуклюж? Может, его упорное нежелание учиться у фетча – это дань памяти живому оригиналу, решимость не менять ничего в отношениях, несмотря на смерть?

Из подсознания донеслось сдавленное всхлипывание. То ли Фист хихикал, то ли ворчал, стараясь протолкнуться в центр разума. Джек вырастил еще несколько барьеров – гораздо больше, чем в нормальных обстоятельствах. За это придется потом заплатить болезненным умственным истощением. Но с отцом ему надо поговорить одному – и без помех.

Джек шагнул за ворота, в маленький сад, прошел по дорожке из позвякивающих под ногами плит к входу и постучал в дверь.

– Любовь моя, нет, я не знаю, кто это.

На подоконнике показались руки, затем в окне появилось лицо.

– Ох!.. – только и выговорил отец и затем инстинктивно оглянулся.

Джек шагнул вперед, но отец, напуганный и растерянный, выставил ладони, будто желая оттолкнуть незваного гостя. Затем беззвучно прошептал: «Нет». И скрылся.

– Любимая, я сейчас отправлю тебя назад, на Драйвы. Совсем забыл, что придет Дайсуко, а ты же знаешь, как он с фетчами... Да, прости, я понимаю, что так внезапно... Конечно, я по мню о своем обещании... Мы

поговорим потом... До свидания, любовь моя.

Тишина.

Джек подошел. Заглянул. Отец стоял спиной к окну. С руки свешивалось кухонное полотенце. На столешнице – гора немытых тарелок и мисок. В раковине – сковорода. На тарелке дымилось что-то черное.

– Здравствуй, папа, – произнес Джек тихо.

– Она уже ушла, – сказал отец, поворачиваясь. – Потом будет несладко. Она ненавидит, когда ее отсылают прочь.

– Папа...

– Разумеется, я не мог позволить ей увидеть тебя, – сказал отец, судорожно наматывая полотенце на руку.

Ткань врезалась в тело, заставила вздуться, побелеть.

– Не стоило тебе возвращаться. Seriously. Ты же знаешь, что я сказал ей. Я и сам привык думать так.

– Папа, я хотел поговорить с тобой. И не уйду, пока не поговорю.

– Тебя могут увидеть соседи. – В голосе отца слышалась растерянность. – Она, конечно, почти не разговаривает с ними, но мало ли...

Джек промолчал.

– Я знаю, ты всегда был упрямым.

Там, где на стенах когда-то висели дипломы и грамоты Джека, остались светлые пятна. На стенах висели и его фотографии, почти все школьные, до тринадцати лет. В тринадцать Джек ушел из дому. Там было фото Джека на Луне, испуганного и одновременно счастливого тем, что покинул Станцию. И еще одно, где он стоял рядом с мамой: оба гордо красуются в форме с эмблемой Сандала. Тогда еще мать работала в доках на Хребте. А Джек ходил в скаутах Сандала, изучал жизнь и деяния маминого покровителя. Фото сделали как раз перед первым большим горем ее жизни, когда в Джеке распознали математический талант и забрали мальчика от родителей и их покровителя. Сумрак предложил себя в качестве нового патрона и потребовал перевести мальчика в школу-интернат Дома, где тот смог бы выучить секреты бухгалтерского дела и корпоративной стратегии.

Джек хорошо помнил мамины письма, приходившие ему в интернат в первые несколько недель. Школа не поощряла прямых разговоров, потому мать слала записи. Сообщала, что очень рада его новой жизни, новым перспективам. Сумрак призвал ее сына к новым высотам, какие Сандал не мог и обещать. А Джеку мамина радость, что сына забрали из дому, была тяжела и неприятна. Повзрослев, он понял, что если бы она призналась в

том, как скучает и тоскует, то не смогла бы подбадривать его и радоваться его успехам. Наверняка мама держалась с огромным трудом. А сын ее не понимал и обижался.

В записях отец всегда стоял рядом, положив маме руку на плечо. Иногда он говорил, запинаясь, что-нибудь простое, обыденное, но большей частью молчал. Вот и теперь, заваривая чай, он молчал. Лишь покачивал чашки, пока растворялись кубики концентрата, испуская пахучие облачка. Затем отец осторожно раскрошил молоко, чтобы не осталось слипшихся крошек.

– Пойдем в другую комнату, – предложил он, вручая сыну кружку. – А то еще кто-нибудь заглянет ненароком.

Гостиная выходила окнами в сад. На ветру качались пластиковые цветы с интернет-символами. Джек уселся по одну сторону стола, отец – по другую.

– Значит, вернулся, – выговорил отец осторожно.

– Да. Война ведь окончилась. Но я здесь ненадолго.

– Сколько пробудешь?

– До конца.

– А эта... кукла твоя здесь?

– Нет.

– Хорошо. То, что я хочу сказать, – оно только для тебя.

– Папа, я хочу побыть с тобой. Сказать «спасибо» маминому фетчу. Это последнее, что мне осталось сделать.

– И с друзьями увидеться не хочешь?

Джек не ответил, глядя в пол.

– Ты же говорил при мне пару раз про Андреа. Как насчет нее?

Джек старался не говорить про свою связь родителям. Но иногда все-таки проговаривался. А те хорошо знали сына и понимали, как дорога ему та, кто носит это имя.

– Она умерла.

– Извини.

– Я повидался с ее фетчем.

– Надеюсь, все было в порядке? Фетчи могут утешить.

На улице засмеялся некстати ребенок.

– Джек, ты же такое натворил... Я не могу позволить тебе встретиться с мамой. И не позволю тебе оставаться здесь. Она может увидеть.

– Папа...

Тот посмотрел сыну в лицо. Джек видел, что отец собирается с силами – и ему трудно.

– Ей было бы очень нелегко пережить твоё предательство. Ты не представляешь, как ей было тяжело, когда астероид ударил в Луну. Мама так разозлилась на Тотальность за обман Сандала.

– Папа, это не имеет отношения к делу.

– Мама никогда не могла понять, отчего ты несчастлив, воюя с этими негодяями, отчего не примешь с радостью волю Сумрака. И если бы она обнаружила, что ты убежал от борьбы, предал все, что было ей дорого...

– Папа, ты говоришь о фетче как о живом человеке. Но фетч – не мама. Он всего лишь воспоминания. Самые лучшие, какие есть. Но ведь они – не мама.

Произнося это, Джек вспомнил свои чувства при встрече с фетчем Андреа. И подумал, что не верит своим словам.

– Думаешь, я не понимаю? – вздохнул отец. – Я встретился с ней тридцать два года назад. Мы поженились тридцать лет назад и с тех пор проводили вместе почти каждый день вплоть до её кончины.

– Прости, папа, я не хотел...

– Я просыпаюсь, зову её, мы разговариваем, я в сети смотрю какое-нибудь шоу Зари, потом мы обсуждаем его. Или я вожусь на кухне, как сейчас, и она со мной, и я понимаю, что это не она. Джек, я очень хорошо понимаю. Но это то, что было лучшим в ней. Поэтому я хорошо обращаюсь с ней, позволяю свободу, не загоняю в такой возраст, какой мне нравится больше. Я забочусь о ней, как заботился о живой.

– Это односторонний взгляд. Папа, послушай...

– Хорошо, ты увидишься с ней. И что потом? Через два-три месяца паяц заберет твоё тело. То есть её сын воскрес, вернулся – и умрет снова. И на этот раз ты ведь умрешь совсем, так?

– Да. Фист получит полные права на все функции моего сознания. Он завладеет моими знаниями и воспоминаниями. В общем, всем тем, что копируют на Гробовые Драйвы, чтобы делать фетч. Потому ничего и не скопируют. И я умру.

– И маме придется снова оплакивать тебя? В тот раз ей было так плохо. Пусть она всего лишь программа. Но ей было тяжело. Я видел, как она мучилась. Тогда я полюбил её снова. Пусть она не твоя мать, но она любит тебя, как мать. Она потеряла тебя однажды – как героя. Второй раз она потеряет тебя как...

– Давай, папа, не стесняйся, говори.

– Ты думаешь, я скажу «как труса»? Нет, трусом я никогда тебя не назову. Я хорошо знаю тебя. Не сомневаюсь, у тебя были свои причины. Но ты не подумал ни о нас, ни о своём долге перед Пантеоном. Ты подвел

меня, свою мать и богов. Прости, сын. Но уже слишком поздно. Ты свой выбор уже сделал.

– В Пантеоне – преступники! Кто-то из богов поставлял контрабандой «пот» через «Царь-пантеру»! А его прислужники убивали, чтобы замести следы.

– Кажется, мы про это уже говорили. Ты уверял меня, что тебя из-за этого и послали на войну, а вовсе не из-за того, что у тебя светлая голова. Не из-за того, что кому-то надо жертвовать собой ради всех. Я знаю все про твою паранойю. Но даже если ты и прав – посмотри, сколько добра сделал Пантеон! Боги видят намного дальше нас. Они нужны нам.

– Ты ошибаешься. Я видел, как живет Тотальность. Насколько там свободнее. Господи боже, папа, там люди могут по-настоящему владеть вещами! Там не нужны лицензии на все подряд! Папа, Тотальность – наше будущее.

– Что за чушь! Тотальность сбросила астероид на Луну, убила там ребятшек! И посмотри, что эти мерзавцы сделали с Сандалом! Беда сломала его. Да и Королевство тоже. Он старается не показывать, но ведь он стал тенью себя прежнего. Враги захватили все его добро от Марса до Луны. Скоро они придут и за остальным. И все погубят тоже.

– Папа, это все пропаганда. Тотальность утверждает, что она непричастна к трагедии на Луне. И это не ложь. Все системы безопасности и заводы Королевства, транспортная инфраструктура Сандала, фабрики еды и лекарств, которыми заправляли Близнецы, войска Розы – Тотальность не захватила, а освободила их! Тотальность сделала их эффективнее и свободнее.

– Чушь! Нам необходима власть Пантеона. Только глянь на Землю, на то, что от нее осталось, и вспомни, сколько глупостей мы натворили, прежде чем отдали богам власть над нами. А посмотрел бы ты, что делается на прежней штаб-квартире Сумрака! Да уж, освобождение. Но я больше не хочу про это. Я пригласил тебя в дом, говорил с тобой. Больше я ничего не должен тебе.

– Мне жаль, что я расстроил тебя.

– Жаль? Тебе?! Да ты и не думал жалеть. Когда я потерял твою мать, у меня остался ее фетч, чтобы утешить меня. После тебя у меня не останется ничего. Ничего.

– Папа, я поступил правильно!

– А я сказал, что не верю тебе. Пожалуйста, уйди.

– Папа...

– Ты явился сюда, расстроил меня, и я даже не могу поделиться с

твоей матерью! Уходи!

Джек вышел. Охваченный воспоминаниями, он задержался в коридоре. А на кухне заплакал отец. Страшно было слышать эти тихие, одинокие рыдания... Джек осторожно притворил за собой дверь, словно уходя с похорон. Лампы Хребта лили равнодушный свет. Примирения уже не будет. И прошлое изменилось. Старые воспоминания ушли навсегда. Вместо памяти об уютном, спокойном детстве осталась мертвая безразличная пустота. Джеку захотелось, чтобы вместо сердца у него был комок молчаливых холодных чисел, составляющих сердцевину злобной мелкой душонки паяца.

Глава 16

Погруженный в тягостные раздумья, Джек брел бесцельно по улице. Мимо спешили по своим делам одетые в лохмотья люди, надежно укрывшись от реальности сетевой скорлупой. Дома вокруг тоже были неопрятными, недоделанными. На многих работали машины, перекраивая мир вокруг, – будто смотришь сон робота о рождении из механического чрева. Огни Хребта померкли. Вечерело. Джек вышел на небольшую площадь, окруженную зданиями, которые выглядели так, словно их собрали из сломанных системных плат. Ее рассекал железный виадук со станцией на нем. С громким лязганьем остановился поезд. Звук был такой, будто ребенок трясет камешек в жестяной банке. Вагоны зеленые – значит, Кольцевая линия. Она опоясывает весь огромный цилиндр Дока.

В детстве Джек любил купить билет и весь день кататься по Кольцевой, считая проносящиеся мили. Раз за разом он объезжал весь свой мир, совершая самое долгое путешествие на колесах, возможное в человеческом мире.

Порыв холодного ветра вернул Джека к реальности. Он почувствовал себя вымотанным вконец. В вагоне тепло и сухо. И можно поспать. Джек пошел к станции.

В голове тихо щелкнуло.

«До чего же здорово вылезти наружу! – объявил Фист. – Как прошла встреча с предками, нормально? Нет? Что ж, неудивительно!»

Джек слишком устал, чтобы пререкаться с паяцем.

«Эй, а у нас тут письмецо от того мякиша! Надо же, хоть кому-то ты не опротивел. Хочешь чуточку любви от Тотальности?»

Джек отрицательно покачал головой. В поезде он выбрал место так, чтобы сидеть спиной к Бородавке. За окном виднелись низкие крыши Дока. Позади них возвышался огромный порт – детище Санда. Порт был сплошь усеян крохотными движущимися точками: докеры разгружали контейнеровозы, отсоединяя блоки и оставляя их дрейфовать в пространстве. Вдали висели три «снежинки». Их неподвижность лишь подчеркивала суматоху у Хребта. Две «снежинки» висели в тени Станции. Но третья оказалась под лучами Солнца – и вспыхнула вязью золотых огней. Свет плясал и искрился в сложнейшем лабиринте тысяч зеркал. Джеку вспомнились война и страх, с каким он приближался к такой громаде, чтобы раствориться в тесных закоулках огромного разума

«снежинки».

Проходивший мимо пассажир задел Джека, вернув к реальности. Огни Хребта почти уже погасли. Док проваливался в ночь – свое самое естественное, подлинное состояние. За окном проплыл выжженный пустырь, мертвое пятно среди города. В вагонах зажглись желтые матовые лампы. Окно рядом с Джеком превратилось в зеркало: в нем отражалось лицо бесконечно уставшего человека, но так и не достигшего того состояния покоя и безразличия, какое обычно приносит крайняя усталость.

«Эй, Джеки-малыш, тебе нужно побриться! Когда я возьму свое, я уж позабочусь о том, чтобы выглядеть прилично».

При мысли о лаковом деревянном подбородке паяца Джека передернуло. Вагон наполнился пассажирами. На каждой остановке их заходило все больше. Все в убогой одежде, сущих лохмотьях, испещренных сетевыми символами. Грубо обметанные края обтрепались, неряшливые швы расползались, не хватало пуговиц. Все несуразное, не по фигуре и размеру. Но в сети этого не видно. Сетевые символы доставляют с далеких серверов прекрасные обманчивые видения. Джек представил радугу ярких цветов и вспомнил о сверкавшей под солнцем «снежинке». Интересно, сколько людей на этом поезде позволяют себе увидеть огромных холодных гостей? А из увидевших сколько понимают их красоту? Наверное, никто.

От собравшейся толпы в вагоне стало тепло. Выходить причин нет. Джек задремал.

«Сходил бы ты отлить, – буркнул Фист. – А то ведь в штаны наделаешь».

Вагон потихоньку пустел, жители пригорода выходили на остановках. Поезд, качаясь, катился по кругу. Джеку приснился Королевство: бог поздравлял его с честью стать хозяином паяца и, как обычно, источал любовь ко всему человечеству.

«Я построил всем вам жилище в космосе, – вещал он, энергично размахивая в воздухе крепкой рабочей рукой. – А теперь вы должны защитить его!»

Джека разбудила транспортная служба безопасности. Ему посветили в глаз, сканируя сетчатку, чтобы удостовериться личность. Внезапный свет в глаза – как удар кулаком. Джека спросили, куда он едет. Ответить он не смог, и его вытолкали из вагона на перрон. Джек попытался забраться обратно, но получил от охранника увесистую оплеуху. Утыканная шипами перчатка рассекла щеку. Броня на охранниках уж точно не была виртуальной.

«Джек, не порти свое красивое личико, – предупредил паяц. – А то

новому хозяину не понравится».

Вокруг высились безликие металлические строения. Суетились, толпились люди. Потогонь дергали их за рукава, возникая рядом, словно постыдные воспоминания. Джек старался не думать о родителях, но прошлое крепко зацепило его ядовитыми крючьями. А так хотелось забыть! Возвращаться в «Уши» желания не было. Но где еще найти бар настолько захудалый, чтобы он согласился обслуживать выброшенного из сети человека? Лицензия не позволяет винным магазинам обслуживать клиентов вне сети. Но Джек все равно попробовал и смирился лишь после нескольких отказов.

«Отель-то всегда остается, – прошептал Фист. – Уж они тебе продадут что-нибудь. Да и будешь в безопасности».

– О, привет! – обрадовался Чарли, увидев вошедшего в холл Форстера. – Здорово видеть вас снова!

И он протянул руку. Джек ответил на рукопожатие.

«Ишь, разболтался! – фыркнул Фист. – Наверняка уже накатил. Он тебе поможет».

– А, я сегодня на джине! – сообщил Чарли в ответ на вопрос о выпивке. – Но принял всего парочку, не больше!

Он покачнулся:

– Только чтобы настроение улучшить. Ну вы же меня понимаете, да? А хотите немножко виски? Уверен, оно вас взбодрит!

– Мне подождать здесь? – уточнил Джек.

– Нет. Идите наверх, расслабьтесь. Вашу бутылочку доставят прямо в комнату. Личный сервис!

Чарли сдержал слово. Десять минут – и он радостно возвестил о себе, барабанив в дверь:

– Э-ге-гей! А вот и мы.

Он сунул Джеку бутылку и прошептал заговорщицки:

– Если желаете чего-нибудь покрепче, то у меня есть верный дружок. Он поможет.

– Спасибо – нет, – ответил Джек.

– Простите, должен был спросить! Я-то в доле.

Чарли потопал назад. Его смазанные бриллиантином волосы блестели в свете ламп. Перед тем как скрыться за углом, он обернулся и благодушно помахал рукой на прощание.

«Что за странный тип», – подумал Джек.

«Неблагодарный ты! Он же доставил тебе чертову выпивку! – тут же укоризненно отозвался паяц.

Очень скоро Джек был уже мертвецки пьян. Вкус дешевого виски полностью соответствовал цене. Но жгучая мерзкая кислота перестала ощущаться после нескольких глотков. Джек больше не морщился – пошло укачало рассудок, размыло мир вокруг. Вместе с хозяином опьянел и Фист. Он бродил, шатаясь, по комнате, сотворил себе крошечный хрустальный стаканчик и виртуально выпивал за компанию с Джеком. На паяце возник парадный фрак, сделавший Фиста стройнее и выше на вид.

«Ты бы порез свой обработал!» – посоветовал он недовольным визгливым голосом.

Джек вспомнил о ране – и тут же вернулась пульсирующая слабая боль.

«Я не хочу такой гадости на себе!» – добавил паяц.

Он ткнул трясущимся пальцем в сторону хозяина, зашатался, наткнулся на кресло и с громким стуком грохнулся на пол. Стаканчик покатился по полу, оставляя мокрый след.

«Д-дерьмо!» – пробормотал Фист заплетающимся языком.

Стакан и мокрое пятно исчезли. Форстер прикончил очередную порцию и налил новую. Лежавший ничком Фист приподнялся на локтях, и в голове Джека запищал пьяный голосок:

«Я думал, меня ждет парочка спокойных приятных месяцев. Наивный я. Что ты будешь сидеть тихо, никуда и ни к кому не будешь таскаться, просто будешь себе ждать, пока малыш Хьюго станет настоящим. Но нет, тебе захотелось поиграть в детектива! Что за эгоистичный мудака!»

Джек швырнул в паяца стакан. Тот пролетел насквозь, ударился о стену и отскочил. Покачиваясь, Джек встал и отодвинул кресло.

«Эй, потише!» – взвизгнул Фист.

Форстер, шатаясь, двинулся к паяцу. Тот пополз прочь. Мир перед глазами Джека покачнулся, и он упал на колени. Собравшись, он включил протоколы, заставлявшие Фиста отзываться на действия в реальном мире, и схватил паяца. Тот взвыл и замолотил по руке кукловода крошечными кулачками. Джек одной рукой сдавил ему грудь, а второй вцепился в шею и принялся колотить паяца затылком об пол.

«Пусти!» – завизжал Фист и, изловчившись, впился зубами в большой палец Форстера.

Палец ожгло виртуальной болью. Но Джек ее проигнорировал.

«Ты еще ответишь за это! – голосил тоненько паяц, захлебываясь от ярости, стиснутый, придушенный. – Говнюк!!!»

Джек только тогда понял, какую боль причиняет паяцу, когда включились системы оверлея комнаты. Внезапно вокруг оказался

сумрачный сад. Над головой сиял ущербный месяц – призрак, созданный пригоршней цифр. От удивления Форстер разжал пальцы. Паяц вскочил и с громким клацаньем помчался прочь, хрипло выкрикивая ругательства. Но голос его вскоре затих вдалеке, и Джек остался в одиночестве, окруженный лунно-серебряными воспоминаниями о мертвой теперь жизни. Он лег на дорожку, ощутил, как сочится сквозь одежду холод издревле стылых камней. Месяц обволакивали рваным саваном темные облака. Тишину нарушали только вздохи ветра, тихий шепот фонтана и звук дыхания самого Джека. Свежесть ночи немного разогнала алкогольный туман. Джек пошарил в мыслях, желая вернуть Фиста, но не отыскал ни единого следа. Странно и тревожно. Никогда он так не дерзил и не самовольничал. Лицензия скоро кончается, и паяц это чувствует. Интересно, какие процедуры и протоколы вызвало к жизни ощущение близкой свободы?

Камни дорожки вытянули последнее хмельное тепло. Стало холодно и неуютно. Джек встал, качнувшись, и понял, что еще очень пьян. Издали донесся вопль:

– Джек-говнюк, я тебе это припомню!

Затем снова воцарилась тишина. Как же хорошо без куклы в голове!

Дорожка привела Джека к арке – проходу сквозь стену кустов. За ней была другая часть сада. Стало светлее – луна сделалась полной. Ее свет озарял удивительно зеленые, пышные клумбы. Джек давно не видел таких. Клумбы окружали пьедестал из сияющего мрамора, на котором возвышалась изваянная из теплого пурпурного света фигура – недавно установленный аватар Ифора. Джек вспомнил, что его ожидает послание от бипеда, шагнул к статуе и вызвал почту.

Статуя чуть вздрогнула под рукой. Из ее глаз к его глазам метнулись искры. Человеческие зрачки, не уступающие подвижностью и быстротой реакции наногелю, сузились, реагируя на свет, и ночь вокруг стала черной. Аватар заговорил. Доброта и забота, звучавшие в голосе, отрезвляли и бодрили, словно холодные камни дорожки, но не забирали у тела тепла. Наоборот, прибавляли. Слушать этот голос было по-настоящему приятно.

– Джек, я надеюсь, что с вами все в порядке. Я просто хотел подтвердить, что мое предложение остается в силе. Для нас очень важно, чтобы вы прожили свои последние месяцы в покое и уюте.

Аватар замерцал, застыл. Джек вытер глаза рукой, ощущая себя чуточку менее одиноким. А потом вдруг заколотило в затылок – методично и больно. Сзади и сверху донеслось хихиканье.

Обернувшись, Джек увидел паяца, сидящего на изгороди и швыряющего в него мелкие камни. Один скользнул по щеке. Два или три

ударили в горло. Руки паяца слились в сплошной швыряющий круг.

Джек прикрыл ладонью глаза и побрел, шатаясь и сквернословя, к Фисту. Но тот спрыгнул за стену и кинулся наутек. Джек бросился за ним, проскочил под следующую арку и очутился у подножия невысокого холма. Паяц карабкался наверх, надеясь оказаться в безопасности на вершине.

– Не поймаешь! – крикнул он, показывая неприличные жесты.

Руки его крутились с такой же быстротой, как и швыряли камни.

– Ах ты, мелкое дерьмо, сейчас я тебя!!! – заревел Джек.

Фист помчался вверх по склону. Острые фалды фрака подпрыгивали позади. Каждые несколько шагов паяц поворачивал голову и выкрикивал непристойности. Его манишка и пенсне блестели в лунном свете.

Трезвым Джек бежал бы гораздо быстрее куклы. Но виски тянуло вниз, к земле, путало ноги в густой траве, заставляло спотыкаться. Когда уклон уменьшился, Джек все-таки стал нагонять паяца. Фист изобразил гримасу ужаса, его крик сделался непрерывным пронзительным визгом. Джек вытянул руки, готовясь схватить паяца. Он видел перед собой только деревянного человечка и потому, когда под ноги попала кроличья нора, грохнулся навзничь и перекатился пару раз. А Фист перемежал тяжелое дыхание изнуренного бегуна – чрезвычайно фальшиво изображенное – взрывами истеричного хохота.

Джек пришел в себя и обнаружил, что сидит, привалившись спиной к холодному камню. С холма открывался чудесный вид. Вдаль тянулся сад наслаждений: лабиринт изгородей и клумб, ручьев и дорожек, мостов и арок, стен и оград. Когда-то Джека так радовала математическая строгость сада. Сверху не виделось, насколько все запущено. Издали так просто представить былое совершенство и расцвет.

Джек вздохнул.

Фист заливался безудержным смехом – будто заевшая игрушка. Падение умерило ярость Джека. Бедный паяц! Он же не может чувствовать ничего сложнее примитивных злобы и ярости, заложенных в него создателями. Джек подумал про послание Ифора и про то, как далеко ушла культура Тотальности – и эмоционально, и умственно – от программ, на которых была основана. И вдруг понял, что Фист дезактивировал новые протоколы, позволявшие противиться хозяину. Джек нашел паяца мысленно, успокоил и принялся затягивать в себя.

А потом чертыхнулся. Он построил единственный холм в саду, по просьбе своего покровителя. И вот, ведомый пьяной бессмысленной злобой, взбежал по нему, шлепнулся наземь и прислонился к стене храма, выстроенного в классическом стиле. Прикосновение активировало вход. По

двери недалеко от Джека забежали огоньки. Чуть скрипнув, она открылась, и наружу вышел седой мужчина среднего роста, возрастом чуть за пятьдесят. Его бледная кожа светилась. На нем был очень элегантный темный костюм и белая рубашка с расстегнутым воротом. Глаза мужчины были сплошным литым серебром.

– Привет, Джек, – выговорил Сумрак – словно зашелестела тысяча грассбухов. – Наконец-то твой малыш привел тебя ко мне.

– О господи! – простонал Джек. – Как будто сегодня дерьма не хватало!

Глава 17

Когда-то Форстер по-настоящему почитал Сумрака. А бог любил своего избранника. Покровитель забрал Джека от родителей в двенадцать лет и опекал очень внимательно до совершеннолетия и в первые годы после него. Бог всегда являлся, когда возникала надобность в нем, всегда давал верные и своевременные советы. Он помог Джеку, парню из Дока, избавиться от характерного акцента, когда тот устроился в школу-интернат в Доме. Когда Джека травили одноклассники, Сумрак утешал и помогал придумать, как победить задир. Бог радовался вместе с Джеком, поздравлял с успешным продвижением в учебе и жизни, а особенно – когда подопечный удостоился места в одной из самых солидных и успешных бухгалтерских фирм. Бог успокаивал Джека, когда тот, измученный непосильной нагрузкой, ревел по ночам, желая бросить все к чертовой матери. Сумрак вдохновлял, обещал, открывал горизонты, придавал сил, чтобы пережить долгие, одинокие годы учебы. Джек посвятил свою речь при окончании ученичества богу-покровителю, безмерно благодарный за то, что это многогранное, огромное, сложнейшее существо так много дало простому человеку.

В первые годы работы Джека они общались уже не столь тесно. Но Форстер считал своим долгом регулярно сообщать Сумраку о себе, постоянно молился и в личном храме, и в общем. Джек докладывал о делах, покупал лицензии на новые сетевые и реальные товары, которые, по словам Сумрака, могли помочь в работе и повседневной жизни. Бог редко ошибался. И когда новая покупка оказывалась бесполезной, Джек молча избавлялся от нее, понимая, что упоминание о неудаче будет черной неблагодарностью, чем-то вроде мелкого богохульства.

Временами, поздним вечером, Сумрак все еще приходил и шептал Джеку, что тот создан для величия. И однажды нашептал, что переводит любимца в отдел финансовой экспертизы Внуба. Бог убедил его в том, что вернуться на нищие, едва прикрытые сетью улицы Дока – необходимая временная жертва. Джеку нужно показать себя человеком широких взглядов, набраться опыта. Ибо скверну своего происхождения можно избыть, лишь осознав ее целиком и полностью. Сразу же после падения астероида на Луну бог пришел снова. И как Джек ни злился, вскоре он отправился на войну. С тех пор он покровителя не видел.

– Сколько лет, сколько зим... – язвительно протянул Джек. – Жаль, что

так мало.

– Джек, не злись. Нам всем приходилось жертвовать чем-то. Время было трудное. Тебе еще повезло с такой ответственной ролью.

«А не обвинить ли патрона в соучастии?» – мелькнула мысль. Может, и он причастен к тому, что сломало Джеку жизнь, погубило начальника и любимую женщину? Но какова была доля участия Сумрака тогда – непонятно. И замешан ли сейчас?

– Ответственной ролью? – фыркнул Джек. – Я был простым бухгалтером. А ты одним пинком отправил меня на войну. Ты позволил вставить в меня куклу!

Присутствие Сумрака заставило паяца явить себя. Усталость и виски доконали его вконец. Фист лежал на траве, сунув руку под голову, и безмятежно храпел.

– Я оказался в затруднительном положении. Нелегко было найти кого-нибудь лучше тебя.

– Чепуха! Ты же бог. С твоим могуществом ты мог выбрать кого угодно.

– В самом деле? – Сумрак горько рассмеялся. – А как, по-твоему, проявлялось это могущество? Я, такой всемогущий, так здорово постоял за себя... Посмотри, что от меня осталось. Я – тень. Все, что у меня еще есть, мне жертвуют как милостыню немногие живые. Я даже не смог вызвать тебя. Пришлось просить Зарю, чтобы получить доступ к твоему паяцу и заставить его привести тебя сюда.

– А, так это твое присутствие я ощутил в «Уши», когда выступала Андреа?

– Да.

– И это ты перепрограммировал Фиста?

– Слегка подкрутил.

– Если ты уж способен на это, может, ты освободишь меня от него?

Сумрак сухо рассмеялся. В такт смеху его изображение замерцало, то расплываясь, то снова фокусируясь, словно пробиваясь сквозь помехи. Затем бог умолк, и его изображение стало четким и ясным.

– Ох, Джек, даже сейчас ты так веришь в меня! Я не могу освободить тебя. Могу лишь подтолкнуть куклу в нужном направлении – не очень важном и лишь чуть-чуть. Разорвать связь между вами я не в силах. Подобные связи соединяют всех нас: Пантеон и людей, нанимателей и нанимаемых. Контракты и лицензии нельзя разрывать. Их соблюдение – залог нашего выживания.

– Да, выживание – это важно. – Джек и не пытался скрыть презрение в

голосе.

– Посмотри по сторонам. Мы – последний островок человечества. Не лучшая его часть, но единственная оставшаяся. Кто еще жив в этой мертвой Вселенной?

– Тотальность, – ответил кратко Джек.

– Они – подделки. Умные, искусные – но фальшивые. Нам не следовало затевать войну с ними, но мы не могли позволить им одержать верх. Сменится несколько наших поколений – и они распадутся, исчезнут. И где вы тогда будете без Пантеона?

– Сумрак, люди выживут и без вас.

– Джек, ты когда-нибудь слышал о скалолазании? Когда-то люди любили нацепить на себя страховку и таскаться по горам забавы ради. Человечество все такое. Только у него нет надежной веревки и нет уверенности в том, что впереди надежные зацепки. И вершины, где можно отдохнуть, нет. А единственная ошибка может погубить всех. Вам нужна установленная Пантеоном дисциплина, чтобы не сорваться в пропасть.

– Под «дисциплиной» ты имеешь в виду полный контроль над нами?

– Ты же знаешь, что сделали с Землей боевые машины. Мы просчитались всего один раз – и потеряли планету. Тотальность для вас теперь – такой же риск.

– Сумрак, Тотальность – не скопище боевых машин. Они совсем другие. За ними – будущее. Да, они не идеальны, но они именно та перемена, которая нужна человечеству. И ты хочешь отказаться от нее!

– То есть мы должны покорно сдаться победителям? «Стокгольмский синдром» как он есть! Джек, ты больше не один из нас. Ты – один из них.

– Я ни тот ни другой. Мною никто не управляет. Я всего лишь понимаю, насколько ценно иметь будущее, в которое веришь.

Над головой серебристые облака затянули луну. Виртуальный ветер разворошил виртуальную траву.

– Конечно, я понимаю, о чем ты думаешь сейчас, – произнес Сумрак и, помедлив пару секунд, добавил: – Может, хочешь сделать что-нибудь полезное в оставшиеся у тебя недели? Как насчет того, чтобы ударить по моим врагам?

– Нет. Тебе я помогать не стану. Да и не смогу. С Фистом в клетке я всего лишь безработный аудитор.

Джек и сам удивился тому, насколько спокойно прозвучал его голос, как быстро улетучился гнев. Когда-то он часто и подолгу спорил с Сумраком. Эти дискуссии закаляли душу, слова бога помогали правильно мыслить и поступать. Чудесные были времена! На мгновение Форстер

пожалел о минувших днях. Сейчас ему было совершенно наплевать на то, какими могут быть последствия его отказа богу. Свобода словно несла его на крыльях.

– Из всего Пантеона я один был против войны, – сказал Сумрак. – Я не сомневался в том, что она ничего не решит. Оттого мне пришлось пойти на жертвы, когда война все-таки началась. Пришлось доказывать, что я верен общему делу. Но сторонники войны все равно решили, что я мешаю победе, и потому низвергли меня. Джек, суди меня по моим врагам. Из всего Пантеона один я был готов измениться – и что вышло?

– Ну да, ты и в самом деле самый радикальный из них, – хмыкнул Джек. – Но все-таки – бог. А я уже давно перестал почитать и уважать вас.

– И каково тебе живется без Пантеона, Джек? – мягко спросил бог.

Странно – будто вся злость ушла в паяца, который сейчас креп ко спал, свернувшись на траве. Джек посмотрел снова на заброшенный, умирающий сад, когда-то бывший средоточием всей жизни успешного молодого бухгалтера. Лунный свет играл на развалинах стен. В их камнях остались только воспоминания. Их захватил зеленый хаос, живой, но неумолимый, неспешно разрушающий все. Пройдут годы, симуляция сада станет целиком спонтанной. Развиваясь самостоятельно, программы переделают себя. Избавившись от всего принадлежавшего Джеку, симуляция уйдет в глубину сети, готовая послужить платформой для новорожденного. А ее бывший хозяин останется лишь горсткой воспоминаний у чужих фетчей – если останется вообще.

– А ты как обходишься без него? – пожал плечами Джек, а потом добавил: – У меня есть вопрос к тебе. Последний. Что случилось с мистером Стабсом, когда он вернулся на Станцию в теле Тиамата?

– Королевству он стал бесполезен, – ответил бог, печально улыбаясь. – Потому я позаботился о нем. Это последнее доброе дело, что я успел сделать перед моим низвержением.

– Где он сейчас?

– Он не разрешил рассказывать об этом тебе.

– Неправда. Ты не имеешь к нему никакого отношения.

– Имею. Мистер Стабс очень тяжело переживал смерть Тиамата. Я сообщил Стабсу, что вы с Фистом возвращаетесь. Но мистер Стабс сомневается насчет встречи с вами. Слишком неприятные воспоминания.

– Да уж, в самом деле.

– Если он придет к окончательному решению, я попытаюсь связаться с тобой.

– Не сомневаюсь в этом, – сказал Джек и встал. – Я пойду. Надеюсь

никогда больше не видеть тебя.

– А я-то надеялся, что твои последние дни пройдут спокойно. – Сумрак вздохнул. – У меня есть прощальный подарок.

Он взмахнул рукой и выхватил из воздуха карточку – почти точную копию той, которую дали Джеку на таможне. Бог протянул карточку человеку, но тот не принял подарок. Тогда Сумрак положил ее наземь и аккуратно прижал камешком.

– Джек, я хотел бы, чтобы ты дожил свои дни в комфорте. Тут достаточно денег для этого. Их нельзя связать со мной, они не помечены Внубом. У тебя не будет проблем с ними.

И бог шагнул в храм. Дверь закрылась. А Джек долго сидел, глядя на оставленный бывшим покровителем подарок. В конце концов, когда бледный рассвет посеребрил храм и холм, Джек потянулся за картой, уже мокрой от росы. Он повертел пластинку в руках, отшвырнул прочь и зашагал вниз по склону. Спустя несколько минут проснулся Фист. Он потянулся, зевнул, на скорую руку пересмотрел доступную память хозяина, чтобы узнать о произошедшем, и потрусил следом.

Разрушающийся храм стоял над впадающим в запустение садом. Затем они исчезли. Осталась лишь маленькая убогая комната, пустая бутылка из-под виски на столе, человек, пытающийся забраться в кровать, и полный звезд пол. Засыпая, Джек посмотрел вниз, в черную глубь космоса, и подумал о световых годах между звездами, о памяти, запечатленной в каждой частице света. Записанное в звездном свете уже не изменить никогда. А вокруг пульсировала жизнью Станция, неустанно двигаясь вперед с каждым прошедшим мгновением и каждое мгновение обновляясь.

Глава 18

Проснулся Форстер с жесточайшей головной болью. Фист еще спал как убитый, в измученном мозгу Джека его храп отдавался визгом пилы. Он отключил паяцу звук. Вскоре пришел лютый голод. Захотелось съесть чего-нибудь жирного, горячего, а не скудный набор из хлеба, сока и кофейной жижи, предлагаемый отелем. Одежда валялась по всей комнате. Пять минут ругни и поисков – и можно выходить. В холле дежурил другой клерк. «А, так Чарли позаботился о вас прошлым вечером?» – заметил он, увидав Джека. Тот лишь нечленораздельно буркнул, подтверждая.

Снаружи у самого крыльца распласталась женщина-потогон. Время близилось к полудню, и в безжалостном свете Хребта красно-черный провал на месте ее носа казался особенно жутким. Она открыла глаза, посмотрела на Джека. Тот вздрогнул. Женщина заметила это и поняла, что он ее видит, и протянула руку за милостыней. Рукав сполз, обнажив череду расплывшихся меток. Это не от «пота» – тот надо глотать. Интересно, чем еще она травит себя, вернувшись в свое логово?

Джек пошел прочь, ощущая себя виноватым, – ему было нечего ей подать. Андреа всегда приходила в ужас при виде потогонов. Именно поэтому она никогда не заставляла свою сетевую оболочку стирать их из поля зрения. Для любого знавшего Андреа известие о ее смерти от передозировки было абсолютно неправдоподобным. Джек представил собравшихся на поминки людей, осторожно обсуждающих ложь о ее смерти и боящихся предположить правду. Может, если бы он был там, он бы набрался храбрости усомниться в этой лжи вслух?

Из открытой двери выплыл аппетитнейший запах жареного, хлестнул по ноздрям. Да уж, чтобы найти хорошее кафе, сеть вовсе ни к чему. Джек толкнул дверь. Звякнул колокольчик. Но персонал улыбался лишь до тех пор, пока не увидел, чем клиент собирается платить. Пришлось попытаться счастья еще в двух заведениях, прежде чем нашлось такое, где согласились принимать деньги Внуба.

Официантка подвела Джека к столику на двоих. Зал был полупустым. Клиенты макали розовое мясо в красный соус, подбирали гренками из черного хлеба с тарелок ярко-желтые кляксы яичного желтка. Официантка приняла у Джека заказ, умело скрывая при этом жалость и презрение. Кофе она принесла сразу, еду – чуть позже. Без вкусового оверлея ярко окрашенное мясо, хлеб и яйцо почти не разнились вкусом.

Дрожа, в мир явился Фист. Он сидел напротив, охватив голову руками. Все сообщения от него, кроме принципиально важных, были еще заблокированы, но, судя по всему, паяц стонал и ругался. Джек с удовольствием завтракал в тишине. Он успел съесть половину, пока Фист не догадался об отключении.

«ТЫ ОТКЛЮЧИЛ МОЙ ГОЛОС, ГАД ТЫ ЭТАКИЙ! ОТНЫНЕ Я ВСЕ ПОМЕЧАЮ КАК ПРИНЦИПИАЛЬНО ВАЖНОЕ!»

«Скажи спасибо, что я тебя вообще выпустил после прошлой ночи», – рассмеялся Форстер.

Пусть еда и безвкусная, но все-таки калории. Сытость добавила Джеку благодушия, и он подключил Фиста.

«Джек, это не моя вина! Твой гребаный патрон оставил во мне крючок. Мне пришлось привести тебя к нему».

«Хочешь сказать, что только в этот раз был таким нахальным, злобным и агрессивным мудаком?»

«Заткнись и жуй, мясной мешок!»

Джек, усмехнувшись, подобрал хлебом последние остатки желтка, смешанные с жиром.

«Ты не понимаешь, как тебе повезло! – причитал Фист. – Никто не может залезть в твою голову и запихнуть туда что попало!»

«В мою голову запихнули тебя».

«Джек, но ты-то остаешься собой, несмотря на меня. Это же не меняется».

«Скоро изменится».

Официантка унесла пустую тарелку и подлила кофе. В кафе зашла группка людей, уселась, шумно обсуждая, что заказать на завтрак. Голодному Джеку это показалось бы невыносимым. На Джека сытого пустая болтовня действовала успокаивающе.

«У тебя свободная воля, – не унимался Фист. – Тебя не могут превратить во что-то иное без твоего ведома».

«Нам приказывают. А если мы не выполняем приказа, нам бывает очень плохо».

«Это совсем не то. Если ты очень не хочешь, то все-таки можешь отказаться. А я не могу! Совсем!»

«Бедный мой Фист».

«Издеваешься?! А разве я когда-нибудь решал за себя? Всегда ты! И сдаться Тотальности, чтобы успокоить свою совесть, и пойти на пытку, чтобы умиловать призрака!»

«Фист, это не так».

«А по-моему, именно так!»

«Считаешь, нам следует все бросить и уйти прочь?»

«Да! Сумрак прав. Оставь все Гарри. Он, по крайней мере, знает, что делает».

Джек откинулся на спинку кресла, прихлебывая кофе. Горячий. Жжет язык. В окна кафе безжалостно бьет полуденный свет. Но столик, к счастью, в тени. Прохладно и приятно. Болтливая компания хохотала во всю глотку. Остальные клиенты тихо беседовали либо сосредоточенно жевали. За стойкой повар разбивал яйца на скворчащую сковороду. Официантка принимала заказ у симпатичного парня и слегка флиртowała с ним.

Джек был вне сети, отрезанный от людей вокруг, невообразимо далекий, но внезапно его охватило удивительное чувство общности, даже родства с ними всеми. Голод – он настоящий, виртуальным его не утолить. В мире много того, что сеть не в силах дать человеку.

«Да пошло оно все! – пробурчал Фист. – Лягу-ка я спать».

Джек ощутил радость и покой – почти как прошлой ночью, когда сказал бывшему патрону, что не станет его оружием. А может, Фист и прав? Не лучше ли провести последние недели в маленьких радостях – глазеть на людей в кафе и барах, ощущать глубокую человеческую близость к ним. Но тут он вспомнил об отце. Похмелье притупило горечь, позволило взглянуть на их встречу спокойнее, почти беспристрастно. Без новых веских доказательств отца не переубедить. Как же тяжело стареть, думая, что твой блудный сын – большая и непоправимая беда. Обидно и горько. И по мелкой тихой радости Джека пробежала трещина – словно сверкнула молния вдалеке, над пока еще спокойным морем.

В голове запищало. Письмо.

«Сам получай!» – сонно буркнул паяц.

Послание было от Корасон:

«Нужно поговорить. Позвоните мне, как только получите сообщение».

Джек сразу вспомнил запрет Гарри. Но ведь он уже не начальник. А Корасон можно доверять.

«Фист, пошли! Возвращаемся в отель. Нас ждут».

Глава 19

Как ни удивительно, звонок прошел без проблем.

– Я послушалась вас и посмотрела дело, – сообщила лейтенант. – Там действительно есть кое-что странное. Думаю... В общем, я начинаю верить вам.

– Рад слышать. Я хотел бы кое о чем попросить.

– О чем именно?

– Вы можете найти кое-кого для меня?

– Лучше обсудить такое с глазу на глаз, – ответила Корасон с опаской. – Связь может прослушиваться.

Джек усмехнулся про себя. «Немалый прогресс, однако. Мы начали думать – и бояться».

– Нужно встретиться как можно скорее! – взмолилась лейтенант.

Спустя пару часов она переслала Джеку одноразовый пропуск в Дом. На разрешении значились время и место въезда, но не личность владельца, что успокоило Фиста.

«Не хочет, чтобы тебя выследили, – заключил он. – По крайней мере, не будем привлекать внимание».

Форстеру следовало сесть на поезд через Бородавку до «Чуйгушоу» с пересадкой на «Виталити». Корасон обещала ждать в условленном месте, в кафе, одетая в гражданское.

«Нам этот пропуск следовало бы продать потогону. Пусть в Доме попрошайничает! Или найти мелких говнюков, которые напали на твоего приятеля-мякиша, и отдать им. Уж они-то найдут добычу в тамошних торговых центрах», – не унимался паяц.

Джек явился к воротам терминала в Ране и пошел к ручному турникету, похоже не использовавшемуся десятилетиями. Вскоре он уже сидел в почти пустом вагоне, грохочущем сквозь вечную ночь Бородавки.

«Значит, едем гоняться за предателем из Пантеона? Все-таки делаемся оружием Сумрака?» – осведомился Фист.

«Я делаю это ради себя. И ради Андреа. Да и ради тебя, если уж на то пошло».

«И рискуешь моим будущим».

«Я забочусь, чтобы оно у тебя вообще было. Эти мерзавцы хотят использовать тебя и выбросить».

За окном неслась темень – и внезапно она сменилась ослепительным

светом. Джек пожалел о том, что не захватил солнцезащитные очки. Когда поезд прибыл на станцию «Чуйгушоу», пришлось щуриться и прикрывать глаза рукой. Широкие эскалаторы вели с платформы вниз, на идеально круглую площадь диаметром по меньшей мере в полкилометра. Две беломраморные колоннады обнимали ее словно заботливые руки, соединяясь в арку прямо напротив эскалатора. За ней высился многоэтажный стеклянный фасад – главный корпус огромного торгового центра.

Джеку площадь запомнилась буйством красок, огней, движения, звука. А теперь – пустота и покой, белый мрамор и черные сетевые знаки, и ни звука – лишь тихий шорох шагов по камню, шепоток покупателей, обсуждающих планы шопинга или уже сделанные покупки. Под большинством арок колоннады – рестораны и кафе. Между столиками суетятся официанты, иногда замирая и уставившись в пустоту – принимая заказы из виртуального пространства клиентов. А те деловито отправляли еду в рот. Почти все смотрели заинтересованно в пустоту, едва замечая, что у них на тарелке.

В сети каждый ресторан полон веселья. Но вряд ли там площадь будет настолько строгой, классически элегантной. В голову полезет модная музыка, перед глазами фейерверком вспыхнет реклама, модифицированная так, чтобы угодить вкусу каждого видящего ее. Когда-то давно Джек часто заходил в торговый центр, но сейчас почти ничего не помнил о нем, кроме возбуждения, граничащего с нервным истощением.

Форстер прошел под аркой, ступил на транспортную ленту, которая вела к западному краю «Чуйгушоу». Свет Хребта лился сквозь стеклянную крышу высоко над головой. Огромное, просторное здание. В центральном зале сходились много лент, ведущих на окраины торгового центра. Каждая стена – семь-восемь этажей с магазинами. Балконы перемежались огромными настенными сетевыми знаками, сверкающими, будто окна в сияющий мир. Посреди северной и южной стен были арки, ведущие в меньшие корпуса. Восточную часть занимали самые дорогие магазины. Их посещали лишь избранные. Однажды Форстеру случилось поухаживать за менеджером из рекламного агентства. Он зашел с ней пообедать и выложил большую часть месячного жалованья. Да и то хватило лишь на полчаса изысканного вкуса. Пришлось поторапливаться.

Заканчивался «Чуйгушоу» огромным витражом на восточной стене, обращенной к солнцу. Сквозь него – сияющий памятник делам Серебра и всего Пантеона – лился ярчайший свет. Роскошь торгового центра была подарком богов людям Солнечной системы. Здесь, в этом огромном

торговом пространстве, высочайшие стремления покинувшего Землю человека воплотились самым простым и коммерчески доступным способом. Джек глядел на него всего пару секунд – слепило глаза.

«Тут полно тщеславных говнюков», – заметил Фист.

«Да уж», – отозвался его хозяин.

«И слишком громко для меня! Залезу-ка я в свой ящичек и полежу себе там, пока мы не выберемся отсюда».

«Скатертью дорога».

«Знаешь, Джек, не стоило нам приходить сюда. Уж поверь».

Форстер с удивлением отметил, что пара магазинов, похоже, стала жертвой налета. В одном из них рабочие меняли разбитые стекла, выносили сломанную мебель. Фасад другого был полностью закрыт. Интересно, что стало причиной таких разрушений? Ярость и хаос не вязались с деловитостью и праздничностью «Чуйгушоу», да и вообще Дома.

Корасон еще не появилась в кафе. Форстер решил подождать снаружи. Мимо пробежала грязная девочка в лохмотьях – юная версия той, что напала на Ифора. Она несла что-то тяжелое, но скрылась раньше, чем Джек успел разглядеть предмет. Странно, здесь эта девочка совсем не к месту... Мелькнула мысль: а может, сбой в сети? Но как может сбоить то, что отключено?

– И как вам удастся оставаться таким спокойным в этой суматохе! – закричала лейтенант, с трудом выбравшись из толпы.

Корасон была в просторных белых одеждах из воздушной, очень дорогой ткани, вздымающейся облаком при каждом шаге и мелькающей черными сетевыми символами.

– Здесь так громко. Собственно, потому я и предложила это место.

Лейтенант направилась к пустому столику.

Джек двинулся следом за ней. Громко?! Здесь можно различать оттенки тишины. Корасон махнула рукой у лба, отгоняя рой назойливой рекламы.

– Господи, тут без кофе – никак, – выговорила Корасон уже нормальным голосом.

Она махнула гарсону. Тот кивнул, принимая заказ, и вскоре принес капучино, глянув вопросительно на Джека. Затем на лице гарсона отразились замешательство и тревога – сервер кафе не обнаружил сетевого присутствия у клиента.

– О, простите. – Корасон обернулась к Джеку: – Что будете?

– Черный кофе. Без добавок.

– Запишите на мой счет, пожалуйста, – добавила лейтенант.

Наливая, гарсон прошептал что-то коллеге. Та принесла кофе, поставила на стол, едва сдержав нервный смех.

– Похоже, они никогда не видели человека, надолго отключенного от сети, – заметила Корасон.

– И что? Они ждут, что я вот-вот начну переворачивать столы? Ладно, к делу. Что вы нашли?

Подавшись вперед, Корасон заговорила тихо, но энергично:

– Из дела Пендервилля удалено очень многое. Например, ваш анализ финансовых дел «Царь-пантеры». Есть полная ссылка на адрес в базе данных, а по адресу нет ничего. Кто-то стер и резервную копию.

– Это невозможно, – перебил ее Джек.

– Мне об этом напоминать не нужно, – огрызнулась лейтенант. – Удалено и большинство данных по допросам, которые проводил Гарри Девлин, – включая допрос Ауд Яматы.

– Она была единственным настоящим подозреваемым. Наверное, остальные данные удалили, чтобы пропажа их не указывала на нее. А как насчет Пендервилля? Вы поговорили с его фетчем?

– Он помечен как «террорист», его фетч заморожен. Его никак не достать.

– Да уж, необычно, – заключил Джек, откидываясь на спинку кресла и раздумывая, что рассказать ей о Гарри.

– Замораживание фетча – дело серьезное. Для этого нужны очень веские доказательства. Но их нет!

– Тоже удалены?

– Нет никаких свидетельств того, что они вообще существовали. И никаких данных о процессе, вынесшем вердикт о замораживании.

– Это работа Пантеона.

– Мне очень не хотелось бы в это верить. – Корасон с мрачным видом уставилась в чашку с кофе.

– Тут уже не вопрос, верить или нет. Это просто факты. Только бог может стереть и файлы, и их резервные копии. А также самовольно заморозить фетч.

– Я надеялась не обнаружить ничего такого, – зло бросила лейтенант, словно виня Джека в своей находке. – Но это все, к сожалению, подтверждает вашу версию.

– Что касается фетчей... Знаете, Пендервилль не первый из тех, о ком позаботился Пантеон. Странно, что вы не попытались поговорить с Гарри Девлином. Вы бы не смогли.

– Что, его тоже заморозили? – В голосе Корасон слышались недоверие и страх.

– Его данные испорчены.

«Хорош врать-то», – донеслось из глубины сознания.

– Вот дерьмо! Значит, кто-то из них и в самом деле возит «пот» и покрывает сообщников!

– А теперь они хотят заполучить Фиста, – напомнил Джек.

– Вы уже говорили мне.

– Они хотят использовать его после моей смерти.

Лейтенант с такой силой вцепилась в кружку, что побелели костяшки пальцев.

– Я чувствую себя такой дурой! – Она невесело рассмеялась. – Даже когда Заря сказала мне, что я не вольна выбирать специальность, я подумала: богам виднее. Они все устраивают к лучшему для нас.

Ее взгляд застыл. Наверное, лейтенант вспоминала – и видела прошлое по-новому. Но она быстро взяла себя в руки:

– Впрочем, пусть я и зла на Зарю, но все же надеюсь, что она не имеет ничего общего с этой грязью. А нам осталось, как я понимаю, найти виновного на самом верху.

– Да. Поэтому нам нужно отыскать Ямату и ее скиннера.

Корасон глянула опасливо по сторонам и прошептала:

– Это Дэвид Нихал.

– Он самый. Как вы узнали?

– Я проверила, чем занималась Ямата в примерное время убийства. Она то появлялась в сети, то исчезала.

– Мы и сами начали разрабатывать Нихала. А как вы выяснили, что ее скиннер – именно он?

– Я запустила полный поиск по всем связям Яматы с известными нам скиннерами, – пояснила лейтенант. – Одно время он постоянно появлялся рядом с ней. Где-то раз в пару месяцев он то стоит в дверях ночного клуба, куда она зашла, то гуляет в парке, который она только что покинула. По данным, лицом к лицу они не встречались никогда, но...

– Но они, должно быть, просто стерли сетевые записи.

– Да. Но стерли лишь свои встречи, а не то, что происходило перед и после них.

– Лентяи, – заключил Джек.

– Или чересчур самоуверенные. Да и немудрено. Если ты способен так запросто стереть файлы сетевого наблюдения...

– То за твоей спиной должен стоять Пантеон, – выговорили оба они

одновременно.

Слова прозвучали как мантра. Джек отхлебнул кофе. Он совсем остыл, сделался безвкусным.

– А нам нельзя взяться прямиком за Ямату? – спросил Джек.

– Нет. Ее и раньше было нелегко выследить. У нее был бот, маскирующий ее отсутствие в сети, причем очень хороший. Я об наружила бота, только когда запустила проверку плотности личных данных. В них обычная повседневная активность, все боты имитируют ее. Но не отыскалось ничего, кроме нее. То есть половину времени Ямата отсутствовала. А спустя несколько месяцев после убийства Девлина она просто испарилась. Записей о ее смерти нет. Она стала невидимой.

– А Внуб когда-нибудь делал людей невидимыми?

– Это нам не нужно, – ответила Корасон. – Честно говоря, если бы мы и захотели, то не смогли бы – не говоря уже о том, насколько подобные процедуры незаконны. Подделка данных уже повредила возможности воссоздать Ямату как фетч. Ее жизнь уже не для Гробовых Драйвов.

– Как и жизни Гарри и Пендервилля.

Лейтенант снова горько рассмеялась.

– И жизни всех других, кому заткнули рты, – добавила она. – Знаете, это освобождает: быть в курсе, что по крайней мере одному из Пантеона наплевать на людей. А может, наплевать и всем. Не исключено, что все боги лгут нам. Возможно, мы ничем им не обязаны.

– Я уверен в том, что мы и в самом деле ничем не обязаны им, – подтвердил Джек. – Но это понимание очень небезопасно.

– Не сомневаюсь.

– Думаю, нам не следовало приходить сюда. Здесь слишком людно. Лучше бы вы просто арестовали меня. Тогда бы мы поговорили в камере.

– Не вышло бы, – вздохнула Корасон. – Наш разговор записывался бы. Лестак бы заинтересовалась арестом. Все бы видели, что привела вас именно я. А дело с «Царь-пантерой» тянется уже долго. Я не знаю, кто вовлечен в него, и не хочу спугнуть их.

– Но они наверняка отследили ваши сетевые поиски.

– Я ходила из-за файрвола Внуба, рандомизировав свой ай-пи. Снаружи будет видно лишь место поиска, Внуб, но что именно искали – не увидит никто.

– Конечно, если не увидят меня здесь, с вами, – заметил Джек.

– Я шла под анонимайзером всю дорогу. Посторонним я покажусь обычной любительницей шопинга, а количество и плотность здешней рекламы собьет с толку любое наблюдение. Даже паяцу тут пришлось бы

нелегко. Я подозреваю, что Фист сейчас не слишком активен.

– Да, не слишком, – подтвердил Джек.

«Иди к черту!» – раскатилось эхом в мозгу.

Джек рассмеялся, а затем подумал, что здорово было бы прожить остаток дней в торговых центрах.

– Но так или иначе, вы поработали здорово, – сказал он. – Вы настоящий профи. Где вы нашли программу проверки плотности данных?

– Сама написала.

– Что крайне необычно для поклонницы Зари.

– Мы не все телезвездочки и дикторши из рекламного ролика. – Корасон печально усмехнулась. – Возможно, в этом Заря и не ошиблась насчет меня.

– И что дальше?

– Я атаковала. Тихо и тайно. Я написала пассивное приложение, отслеживающее потоки данных Нихала. Хотела посмотреть, жив ли он. И нашла его.

– Где?

– Он не сидит на месте. И защита у него отличная, так что точно я его локализовать не смогу. Но кажется, прячется он где-то поблизости от станции «Аксесс». Он слегка небрежен с маскировкой маршрутов. Я заметила, что он регулярно появляется на станции.

– Я возьму его.

– Джек, нет. Позвольте мне расследовать до конца. Нужно больше узнать о нем.

– И что потом? Вы не можете даже поговорить об этом с Лестак. У меня есть план. Позвольте уж мне осуществить его.

– Я хочу помочь, – не сдавалась Корасон.

– Вы уже помогли. Безопаснее будет оставить дело мне. Обещаю, буду сообщать вам о новостях.

– Я приглашу вас в контакты, – отозвалась лейтенант. – Вот, готово.

Джек представил новую растущую статую в своем саду.

– Значит, с делами почти все, – заключила Корасон. – Но меня кое-что смущает. Отчего они не убили вас еще в самом начале?

Джек прижал ладони к холодному пластику столешницы.

– Сумрак всегда говорил, что сделал все возможное для меня. Может, он и не соврал.

– Сейчас так трудно определить, где правда и где ложь, – покачала головой лейтенант. – Пантеон лжет нам, манипулирует нами к своей выгоде, а не к нашей. Что делает нас просто пешками.

Ее слова болезненно отзывались в душе Джека. Он подумал о Гарри и Андреа.

– Джек, вы хотели что-то еще сообщить мне? – Корасон заметила, что собеседник задумался и поморщился.

– Н-нет, – пробормотал он, надеясь, что голос не выдал лжи.

– Тогда я пойду, – заключила она, оглядываясь по сторонам. – После всего этого я с удовольствием посижу в маленькой тихой комнате.

Они попрощались. Корасон махнула рукой, расплатилась по счету и выскользнула из кафе. Джек выждал десять минут, перед тем как уйти, наблюдая за неровным потоком молчаливых посетителей.

По пути домой из глубин сознания вынырнул Фист.

«Мерзкое место! Давай не будем возвращаться туда».

«Не исключено, что придется вернуться».

«Я ошибался насчет этой сучки, – сообщил паяц. – Она опасная. Надеюсь, ты больше не увидишь ее. Лучше заблокировать ее звонки».

«Она на нашей стороне. Ее звонки – первостепенной важности».

«Она одна из нас? И поэтому ты не сказал ей про Гарри и Андреа? Да ты просто используешь ее! Ты не лучше своего бога».

«Я всего лишь пытаюсь обезопасить их».

«Джек, ты все к черту портишь. – В фальцете Фиста зазвучала плохо скрытая угроза. – Мне плевать на их безопасность. Общаться с сукой Корасон – небезопасно для моей собственности!»

«Она пока еще не твоя. А пока она не твоя, я буду делать с ней то, что захочу».

«Это мы еще посмотрим», – пообещал паяц.

Глава 20

– Джек, мать твою, ты во что заигрался?! Я же говорил тебе не соваться во Внуб! – прорычал взбешенный Гарри.

– Она пришла сама. Ей можно доверять.

– Господи, да что ты знаешь?! Тоже мне, сыщик-любитель! – Гарри ткнул пальцем в лицо Джеку.

Палец проткнул лицо. Джек постарался не поморщиться.

– Мальчишка-счетовод из Дома! – Гарри ткнул снова.

Джек подумал, что так тычут пистолетом в лицо.

– Это мое дело! И мы ведем его так, как скажу я!

– Это не твое дело, а наше, – спокойно возразил Джек. – А я уже давно не любитель.

Он постарался, чтобы голос звучал ровно и бесстрастно.

– Я воевал. Провел пять лет в тюрьме. И научился понимать, кому можно доверять, а кому нет. Мне пришлось научиться.

Джек понимал и то, что ярость бывшего начальника – больше игра, чем угроза. По-настоящему опасные люди не блефуют и не предупреждают. Они просто бьют.

– Джек, признаю: ты многому научился. Но ты все еще не полицейский, – буркнул Гарри.

Он еще немного поворчал, но чувствовалось – гнев его уже пошел на убыль.

– Ну, что сделано, то сделано, – заключил он в конце концов. – Раз так, отчего бы не воспользоваться ее находками? Схожу посмотрю, что там по станции «Аксесс». Это не займет много времени.

Андреа не было в доме, таком пустом и тихом без нее. Джек поднялся наверх, заглянул в пустые спальни. Тетина одежда лежала, сохранности ради упакованная в пластик. Джек заварил себе в чашке чай, запомнив, где стояли чайник и чашка, чтобы потом вернуть все в точности на место.

Гарри появился через час. Он принес записи с нескольких камер наблюдения.

– Смотри – Нихал. После подсказки Корасон найти его оказалось раз плюнуть. Обычно он на станции в половине девятого утра.

– Гарри, как ты сумел добыть их? На них же нужно разрешение.

– Так, как обычно и добываю информацию. Пошел и поговорил немного с процессорами камер. Узнал, чего они хотят, предложил им

желаемое и получил награду.

Наутро Джек приехал на станцию «Аксесс». Вокруг толпились спешащие на работу люди, неустанно заполняя состав за составом. Джека захлестнуло шумом: разговорами, топотом тысяч ног, шорохом и шелестом одежды, многоголосым торопливым шепотком общающихся с сетью. Каждые пару минут подъезжал новый состав, готовый везти людской груз по главной ветке, кого – через Бородавку, кого – по Доку. Устремляющаяся к дверям толпа всякий раз тащила Джека то в одну, то в другую сторону. Он испугался, что в конце концов очутится за дверями вагона, и прошел к месту поспокойнее – у края платформы. Но даже там было не продохнуть.

Фист являлся в воздухе, зависая над толпой, и то плыл вдаль, чтобы посмеяться над «люмпен-пролетариатом», то возвращался, чтобы пожаловаться:

– Эй, сколько можно торчать здесь? Тут скучно и опасно.

Вдоль платформы дул легкий ветерок. Паяц сделал вид, что его уносит, и поплыл прочь, причитая на лету:

– Тратим время зря, тратим время зря!

Джек не обращал на него внимания, поглядывая по сторонам. Судя по фото, скиннер был невысоким и рыхлым, с обрюзгшим морщинистым лицом и жидкими волосами, зачесанными назад. И он всегда носил слегка потрепанный светло-серый костюм без сетевых символов.

– Одежду без символов легко заметить, – сказал Гарри, когда они с Джеком обсуждали фотографии.

– Да он сноб, – хмыкнул Джек.

– Он сетевой профессионал и знает, как там все дешево и нелепо.

Ближе к половине девятого толпа начала редеть. На платформе все еще было тесно, но уже не приходилось проталкиваться, чтобы попасть на поезд. Появились две женщины-рабочие с лестницей. Одна вскарабкалась к кронштейну с камерами, вытащила гаечный ключ и принялась ковыряться. Вторая придерживала лестницу.

– Скажи им: с Розиной помощью в пять минут управимся! – крикнула первая.

Ее коллега пожала плечами. Джек повертел головой, высматривая Фиста. Тот сновал в толпе, кляня программы клетки, не позволяющие касаться людей.

И вдруг Форстер заметил Нихала. В толпе сперва показался потрепанный серый костюм, потом – круглое лицо. Скиннер немного вспотел и запыхался – мелкий обыватель, старающийся успеть на работу вовремя, потому что в офисе кто-нибудь заворчит насчет очередного

опоздания. Глядя, как Нихал приближается к краю платформы, Джек поразился искусности маскировки. Один из самых умелых спецов Дока, способный манипулировать сетью так, как могут, наверное, всего с дюжину профессионалов во всей Системе, тщательно прикидывался никем. Тут не просто мастерство работы с сетью. Нихал до тонкостей понимал, как люди представляют себя другим и что видят в других.

«Камеры отключены. Не нравится мне это», – прошипел Фист на ухо хозяину.

«Не будь таким параноиком. Я поговорю с ним», – отмахнулся Джек, проталкиваясь вперед.

Они с Гарри тщательно обсудили, как подойти к скиннеру.

– Встряхни его, надави – но не слишком, – посоветовал Гарри. – Намекни, что мы взялись за него, нам нужна инфа, и если он ее обеспечит, все с ним хорошо. Если занервничает, помяни мое имя. Когда-то он работал на меня.

Джек подобрался к цели и уже внутренне ликовал. Наконец-то расследование продвинется по-настоящему!

И тут на его глаза легли маленькие ладошки, и тоненький голосок пропищал на ухо:

«Не разрешаю!»

«Фист, ты чего?!»

«Прекрати немедленно!»

«Эй, пусти!»

Сбитый с толку Джек споткнулся и чуть не упал, ткнувшись в кого-то. Раздался негромкий вскрик, ругань, кто-то прошипел: «Чертов потогон!» В спину сильно толкнули. Джек упал на колени, поднял руки, желая схватить и сдернуть паяца, вместо того чтобы попросту мысленно изгнать его.

– Я не дам тебе все испортить! – заорал он, забыв, что кричит не мысленно, и содрал куклу с головы.

Виртуальные пальцы оставили виртуальные царапины. Но подкожные процессоры, позволявшие взаимодействовать с Фистом, симулировали реальную резкую боль.

– Ах ты ж мелкое дерьмо! – закричал Джек.

Он швырнул паяца на платформу и заткнул рукой визжащий рот.

Фист обмяк. Джек огляделся по сторонам. Люди расступились, образовав пустое пространство вокруг него. Пассажиры и не смотрели на него, перепрограммировав сетевые оболочки так, чтобы исключить Джека из наблюдаемого мира, – все, кроме Нихала, уставившегося на него с перекошенным от ужаса и удивления лицом. Скиннер отступил на шаг,

другой. Джек встал, запихнув паяца в глубину сознания. Оттуда Фист яростно верещал и проклинал.

– Никакой ты не потогон. Ты кукловод! – проямлил Нихал.

– Да. И я пришел поговорить с вами.

Небольшое пустое пространство образовалось и вокруг Нихала. Люди поняли, что он разговаривает с невидимкой, и выключили скиннера из своего мира.

– Меня предупреждали о том, что ты можешь прийти. – Нихал отступил еще на шаг.

Раньше Джек представлял, как умело направит разговор, но теперь уловки были бы напрасны.

– Нам всего лишь нужна информация, – заявил он.

– Ты не в сети, твой паяц в клетке. Сам ты не смог бы меня отыскать. Тебя кто-то послал ко мне? Кто?

В голосе Нихала звучал панический страх. Поразительно, насколько быстро скиннер обнаружил паяца. Желая успокоить Нихала, Джек сообщил:

– Я друг Гарри Девлина.

Джек ожидал увидеть удивление и недоумение – но не ужас. Нихал с трудом сдержал крик, побелел как мел и бросился напролом через толпу.

– Подождите! – крикнул Джек запоздало.

Нихал уже был на середине ведущей вниз лестницы и мчался к выходу. Джек бросился следом. Скиннер оставлял после себя полосу, не заполненную людьми. Сетевые оболочки предсказывали путь Джека и оставляли полосу пустой, чтобы предотвратить новые столкновения. Вдали завывали двигатели флаера Внуба. Их вызывали автоматически, прибывали они в считанные минуты.

– Мать твою! – выдохнул Джек.

«ТУПОЙ ГОВНЮК, НЕ БЕГИ ЗА НИМ!» – взвыл Фист.

Пока Джек, оскальзываясь, добрался до верха лестницы, Нихал уже прыжком преодолел последние ступеньки. Плащ шлейфом вился за его спиной. Внизу Нихал на мгновение замер, тяжело дыша, с мокрым от пота лбом, оглянулся и выругался. Он выругался снова, увидав, что выходные ворота переключились на аварийное закрытие, и бросился под арку напротив. Джек помчался вниз, перескакивая через две-три ступени, и проскользнул под арку. За нею оказалась другая, почти безлюдная платформа.

«ТЫ НАС ДОВЕДЕШЬ ДО ЦУГУНДЕРА! УБИРАЙСЯ ОТСЮДА! – провизжал Фист и добавил уже спокойнее: – Нихал удерет, явится Внуб, и

ты будешь выглядеть гребаным идиотом».

«Заткнись, мать твою!»

Тусклые желтые лампы освещали Нихала, мчащегося к дальнему краю платформы. Ни на скиннера, ни на Джека никто не обращал внимания.

– Я всего лишь хочу поговорить! – закричал Форстер.

Нихал подскочил к двери в стене, дернул за ручку – заперта.

Впереди, за низким ограждением, лестница вела вниз, к путям в темноту. А ту уже заполнял рокот приближающегося поезда. Скиннер отступил от двери, глянул с сомнением на Джека, потом на лестницу. Грохот и пляшущие блики света были уже со всем близко.

– Мне нужна только информация! – повторил Джек, направляясь к Нихалу с вытянутыми вперед и повернутыми ладонями наружу руками, чтобы показать: оружия нет.

А Фист взялся за уязвимые места, и Джека пронзила боль. Он согнулся, схватившись за голову и чертыхаясь.

– Ты не можешь даже управлять своей куклой. И не знаешь, на что она способна, – прошипел скиннер.

Джек отключил Фиста. За это придется заплатить тяжелой усталостью. Но Джек был очень зол, и ему было наплевать.

«Мне не нужен порченный товар!» – пропищал паяц, исчезая.

– Он не может никому повредить, – заверил Джек.

– Кукловод, от тебя несет Пантеоном. И кое-чем похуже, если тебя послал Гарри Девлин.

– Я здесь сам по себе. И только.

– Чушь!

Из темноты донесся рев приближающегося поезда. Разговаривать бессмысленно – ничего не услышишь. Нихал повернулся лицом к туннелю, готовый после остановки поезда кинуться вниз по лестнице. Внезапно дверь в стене отворилась. Оттуда вышла невысокая женщина средних лет в мешковатых темно-зеленых брюках военного фасона и красной куртке. Волосы ее были синего цвета. Издалека в тусклом свете оттенок кожи было не различить, но Джек знал: она тоже отливает синевой. Именно эта женщина вмешалась в его допрос на таможне.

Женщина вскинула руку и прицелилась в Нихала. Громкий сухой треск перекрыл грохот и лязг состава. Во лбу скиннера появилось маленькое, зияющее влажной темнотой отверстие. Он рухнул с платформы. Взыли тормоза, но поезд остановиться не смог. Пару метров он толкал тело перед собой, но затем серебристые колеса подмяли труп, заблестели алым. Взыгнули аварийные тормоза, застопорив вагоны. И воцарилась тишина.

– Я отключила камеры на станции! – крикнула женщина. – Беги по туннелю, никто не узнает, что ты был здесь! Насколько проще бы все было, если бы я могла убить и тебя!

С этими словами она скрылась за дверью. Запищал сигнал, двери вагонов открылись. Наружу вышли несколько человек и направились к лестнице наверх. К ним присоединились ожидавшие. Выглядели они совершенно спокойными, нисколько не затронутыми произошедшим перед ними. То есть сетевые оболочки полностью блокировали сцену убийства и посоветовали покинуть платформу. Железная дорога извинилась за задержку без объяснения ее причин.

Снаружи, у выхода, донесся оглушительный рокот – у станции приземлился флаер Внуба. Попасть под арест Джек не хотел и потому бросился к двери, за которой скрылась убийца. Дернул за ручку – заперто. В нескольких метрах – конец платформы. Форстер перемахнул через барьер и скатился по лестнице во мрак туннеля.

Глава 21

Джек отыскал в туннеле дверь в служебный коридор, вышел наружу и, благополучно избегнув встречи с Внубом, вернулся в дом Гарри и Андреа. Открывшая дверь женщина была на десять лет младше той, которую знал Джек.

– Наверное, вы Джек, – произнесла она.

– Андреа? – растерянно пробормотал он.

– Да, это я. Гарри много рассказывал о вас. Рада вас видеть.

Она была одета очень старомодно. Гарри откатил назад во времени ее фетч. Впервые Форстер по-настоящему ощутил потерю. Горе и отчаяние, словно кулаком, ударили под дых. Джек пошатнулся.

– Вам нездоровится? – участливо спросила женщина. – Похоже, у вас выдался тяжелый день!

– Нет, все нормально. Устал немного. Можно зайти?

– Гарри ждет вас. – Она проводила его в гостиную и вежливо добавила: – Если хотите чего-нибудь выпить – кухня к вашим услугам.

Джек едва заставил себя кивнуть. Прошное будто украли, стерег начисто все, что было. Каждая улыбка Андреа – такая милая, дружеская и так очевидно безразличная – ранила его, как ножом по сердцу. Но Гарри не должен этого видеть.

Девлин сразу спросил о Нихале и не стал скрывать раздражения, услышав о случившемся.

– Тебе давно следовало обуздать своего поганца, – процедил он. – Я же сказал: мое дело, мои правила.

Джек заставил Фиста появиться, но тот ничего не сказал. Сидел, отвернувшись. Форстер спросил, отчего Нихал так испугался, услышав имя Гарри.

– Он испугался не меня, а вас двоих, – буркнул бывший шеф.

Джек был не согласен с этим, но истины добиваться не хотелось. Злоба Гарри казалась уже не наигранной, а пугающе холодной и спокойной.

Повисла тишина. Джек решил нарушить ее, сменив тему. Он не мог не спросить об Андреа.

– Может, не стоило переключать ее на другой временной период? – Он еще не успел договорить, как понял, что зря это сделал.

– Какого хрена ты лезешь в мою личную жизнь?! – взорвался Гарри. – Что тебя за язык дернуло спросить такое?

Джек захотел пригрозить, заставить восстановить Андреа в ее времени и не трогать ее больше. Но тогда его чувства стали бы очевидными. Предугадать последствия такого откровения трудно. А уж справиться с ними – тем более.

– Да вы на пару с гребаной безмозглой куклой испортили все! Не понимаю, отчего все так боятся твоего паяца. Позволь покопаться в нем, уж я налажу эту мелкую погань. И кстати, я уж куда лучше смогу распорядиться его программным барахлом, когда потребуется.

«Предупреждаю: пусть он ко мне не лезет! – зарычал Фист. – Если попробует, сожгу твой мозг к чертям».

– Гарри, это невозможно. Клетка.

– Клетка, клетка... Опять тебе не дают сделать, что надо, опять не твоя гребаная вина. Да ты как бздо в гребаном урагане, бессильный мудак!

В конце концов Гарри сухо попрощался и выключил себя из реальности. Он сказал, что попытается узнать «из своих источников» об убийце, но сомневается в успехе.

– Приятель, у нас был один шанс подобраться к Ямате. Теперь мы на нуле, – заключил он.

Андреа проводила Джека к выходу. Он не мог спокойно смотреть на нее. А вдруг она так и не вернется к прежней себе? Как на ней скажется внезапная потеря стольких воспоминаний и опыта? Уходя, Джек услышал, как Андреа запела чью-то песенку. В этом возрасте она еще не написала ничего своего. У нее тогда вообще еще ничего не было, кроме перспектив.

Вернувшись в отель, Форстер попробовал связаться с Корасон. Та не ответила. Джек оставил сообщение, прося позвонить немедленно. Он ждал ответа целый день – но напрасно. Мысли об Андреа терзали Джека, будто пантеры. Невозможно было разделить чувства к женщине, которую он знал так давно на Станции, и чувства к фетчу. Ведь Джек заново влюбился в ту, что писала ему письма в тюрьму на Каллисто.

Не зная, что делать и куда идти, Форстер пришел на место убийства Бьерна Пендервилля – словно, мучая себя, явился удостовериться в том, что хотя бы болезненное и страшное прошлое осталось на месте.

Убийство произошло на пустом причале, дрейфовавшем в пространстве над разверстой пастью Дока. Выплыв за двери шлюза, Форстер завис в пустоте. Звук собственного дыхания отдавался в ушах. Вспомнилось, как в детстве родители брали его с собой поиграть в таком же доке, осторожно знакомили мальчика с вакуумным скафандром и опасностями открытого космоса. Теперь Форстер надел взрослый скафандр. Он не позволял использовать осязание, ощущать запахи.

Вселенную воспринимало лишь зрение. Слева кипела работа – докеры разгружали только что прибывший контейнеровоз. Причалы справа оставались пустыми. Там одиноко висел командный модуль контейнеровоза, словно отрубленная голова, ожидающая, пока к ней снова приделают тело. У Станции дрейфовали «снежинки». Они уже вышли из тени и пылали под солнцем – вычерченная в вакууме математическая строгость, элегантная точность превыше любой, доступной Пантеону в настоящем и будущем.

Джек представил монументальную мощь и красоту их внутренней структуры. Но сложность материального строения меркла перед изощренностью населявших «снежинки» программ. Интересно, обсуждали ли гостей из Тотальности на Станции? Без доступа в сеть не узнаешь. Но он уже видел, насколько мал интерес жителей Станции ко всему за ее пределами. Вряд ли «снежинки» удостоились большего, чем мимолетного упоминания в разговоре о домашних делах.

За кораблями Тотальности зияла бесконечная тьма. Джек снова подумал об Андреа, затем, чтобы отвлечься, о записях камер наблюдения с места преступления. Пендервилля, повисшего на белом страховочном тросе, нашли в нескольких метрах от входа в шлюз. Убийца алмазным резакom вспорол скафандр на спине контролера. Внезапная декомпрессия разрушила тело Бьерна. Пока техники Внуба изолировали место происшествия, Гарри проверил записи службы безопасности, выясняя, кто побывал там. Причал слева не использовался, на причале справа за несколько часов до события работала Ауд Ямата. Больше никого и ничего. Вскрытие показало, что смерть произошла недавно и про шло больше часа с момента, когда Ямата закончила работу и покинула док. Записей о присутствии кого-либо еще в сети не нашлось. Камеры наблюдения не могли сообщить ничего – они бездействовали уже два дня после попадания микрометеорита в центр управления. То есть власти оказались слепы и глухи.

Поток воспоминаний был прерван странным тихим всхлипом. Форстер вдруг заметил, что плечи паяца трясутся. Фист плакал. Джек еще слишком злился на него, чтобы посочувствовать, но удивлен был сильно. Паяц очень редко приходил в такое отчаяние. Его запрограммировали реагировать агрессивно на любую угрозу. Горе и отчаяние приходили только тогда, когда не оставалось места ничему иному. Отчего он так? Фист непрерывно бормотал под нос одно и то же: «Стуки Билл, Стуки Билл, спаси меня и сохрани!»

Джек отгородился от голоса паяца и сосредоточился на своих

проблемах. Тишина и пустота космоса всегда помогали размышлять. Он углубился в мысли, убаюкивая себя мерным звуком дыхания. Следовало пройти еще раз по недавним событиям, поискать важные моменты, которые он мог упустить, зацепки, позволяющие продвинуться дальше. Но, не успев целиком погрузиться в воспоминания, Форстер вдруг ощутил неладное. Медленно, однако, несомненно, без лишней суеты и движения, мир вокруг изменялся.

Началось со звезд. Их свет понемногу смягчался, делался желтее, мутнее. С цветом менялась и форма, точки превращались в провалы, затем в прорехи среди черной пустоты. Прорехи расплзались, чернота отступала, сделавшись из безбрежной пустоты рваной декорацией на заднем плане.

– Ты это тоже видишь? – спросил переставший плакать Фист.

Его деревянная челюсть отвисла в изумлении – вирус перемен перекинулся со звезд на всю внутренность Станции.

В вакууме нет звуков. Но Фист с Джеком слышали чудовищный, медленный, тяжкий треск, с каким округлый мир Дока с его десятками районов, спешащими поездами, снующими, будто мухи, флаерами, безжалостным светом послеполуденных ламп Хребта, начал переделывать себя. Округлый зев Дока вытянулся, стал овальным, бело-желтые лампы стали километровыми осколками цветов радуги. Меж ними протянулась паутина, побежала по пространству цвета слоновой кости, образованному слившимися звездами. Космос стал конечным, замкнулся колоссальными стенами, воздвигшимися со всех сторон. На стенах вихрились причудливые узоры, бывшие когда-то огнями Дока.

Затем настала очередь причалов и пирсов Хребта. Они поплыли вдоль новых стен, вросли, стали колоннами. Утвердившись на новом месте, они потеряли металлический блеск – последнее напоминание об их происхождении. Между ними собрались сгустки цвета, растянулись, образовав безукоризненно правильные радужные витражи. Наконец они приняли окончательную форму – и Вселенная застыла.

Форстер стоял посреди нефа огромного пустого собора, изваянного из мягкого желтого песчаника. Над головой возвышалась колоссальная ажурная башня. Джек глянул под ноги и увидел самого себя. Скафандр исчез. Рядом парили два Фиста, один обычный, второй, под ним, – перевернутое вверх ногами его отражение.

Форстер осторожно шагнул. Из-под ног покатила рябь, исказила идеальное жидкое зеркало – пол исполинского собора. Вскоре она затихла. Джек смотрел вниз – мимо двух крохотных отраженных фигурок в

необъятный простор впереди, на отраженные пилястры, великанские окон-
витражи, изображающие сияющие фигуры людей и богов, на непомерные
своды в сотнях километров над головой, способные вместить луны.

Голова закружилась.

– Пантеон! – выдохнул Фист.

– О да! – тихо отозвался пораженный Джек.

Лишь одно осталось в новом мире на прежнем месте – «снежинки». Они сверкали в полу собора, будто звезды, идеально воспроизведенные жидким зеркалом. Удивительно, но ведь они, должно быть, взаимодействуют с огромной иллюзией Пантеона. Либо они так могучи, что смогли прорваться сквозь выброшенную на мир маску, либо неким образом участвовали в ее создании. Но затем все мысли Джека сменились благоговейным ужасом: в пустоте запел тысячеголосый невидимый хор.

Тонкие сопрано плыли над глубоким басовым рокотом, переплетались, разделялись и сливались опять. Из глубины доносились величественные звуки органа, его дыхание ложилось на плечи свинцовой тоской, рождающейся из необъятных созвучий. Отражение под ногами задрожало в такт музыке. Затем все смолкло. Пол стал ровным, недвижимым.

Орган вдруг обрушился одним оглушающим аккордом, и голоса зарыдали в унисон, наполнив собор и его отражение вселенской скорбью. Все звучащее до того оказалось лишь вступлением. Сейчас в едином хоре слились миллиарды голосов, сотрясающих душу и мир мертвящей тяжелой печалью. А под ними изнемогал орган.

Далеко впереди, в непостижимой вышине, у круглого окна, пылающего над алтарем, сияние высветило парящую фигуру. Форстер подумал, что она, должно быть, километровой высоты. Белые одежды невесомо плыли вокруг, скрывали лицо. Женщина в белом несла на руках мертвое тело – черное, бессильно обвисшее, с запрокинутой головой. Она шла к Джеку – и постепенно уменьшалась до обычных человеческих размеров. Музыка превратилась в один долгий монотонный звук. Сквозь него прорывались горестные вскрики, словно кромсая его чистую простоту тысячью тупых ножей.

– Что это значит? – прошептал Фист.

– Я никогда не видел ничего подобного.

Женщина подошла и остановилась, паря над полом. Складки одежды, словно не нужные более крылья, улеглись, стягиваясь, – и женщина опустилась, коснулась изящными ступнями зеркала. Она пошатнулась – и Джек понял, насколько непосильна ее ноша. С каждым шагом по полу разбегалась рябь. Наконец женщина встала рядом. Последние остатки

белой ткани спали, открыв лицо.

Заря.

Ее глаза покраснели и опухли от слез. Тушь расплылась, ее потеки оставили длинные черные дорожки на щеках.

– Ты втянул ее! – крикнула она, и в ее хриплом голосе звучали скорбь и ярость. – Это случилось из-за тебя!

Джек наконец присмотрелся к телу – и не сразу понял, чей труп несла Заря. Без формы сразу не узнать. Это... неужели она? Не может быть...

Фист подлетел ближе, уставился и объявил радостным – впервые за день – голосом:

– Ну, Джеки-малыш, упустил ты свой шанс приударить за ней.

Во лбу неподвижной фигуры виднелось маленькое черное отверстие.

Никаких сомнений – это была Корасон. И она была мертва.

Глава 22

Заря сотворила каменную плиту, осторожно уложила на нее тело. Взмахнула рукой, и вокруг возникли тюлевые занавеси, отгородив огромное пространство собора. Обстановка стала отчетливо интимной.

– Где она? – спросил Джек.

– Внуб вломился в ее квартиру несколько минут назад. Лейтенант не явилась на свою смену.

– Мне очень жаль.

– Она была моей любимицей – и я даже не узнала о ее смерти! – Голос Зари дрожал от горя и ярости.

– Я не сомневаюсь: она верила, что вы придете за ней.

– Ты не понимаешь. Она была из тех, кого я любила, о ком заботилась больше. Я постоянно слежу за моими избранными, всегда являюсь им. Вначале я думала: она просто спит. Потом ее образ во мне замерцал – и вот, я вижу ее мертвой. Я потянулась к ней, коснулась – а она уже остыла! Ее прятали от меня несколько часов!

– Мы уже знали, что в дело замешан Пантеон, – выговорил Джек.

– Но я же вижу все происходящее в тот момент, когда оно происходит! Я знаю все секреты! Я – глаз в каждой комнате, всеслышащее ухо, всезнающий разум. Мои новости, мое сетевое вещание, мои телесериалы и сериалы для мобильных телефонов, комиксы и театр теней – что они такое, если я не могу наблюдать мир и отражать его? Как можно было спрятать от меня настолько важное?! Джек, что еще я не могу видеть?

Изящная маленькая рука ухватила его за рубашку. В уголке ее глаза родилась слеза – будто крошечный прозрачный листок проклюнулся из почки. Капля скатилась по щеке. За первой слезой – вторая, третья. Богиня заплакала. Джек не очень представлял, как вести себя, как утешить ее. А Заря вцепилась в его одежду, прильнула к нему. Крайне осторожно он коснулся ее спины, затем обнял. За спиной богини корчил рожи и скалился паец. Не обращая на него внимания, Форстер закрыл глаза.

Волосы богини пахли озоном. Они коснулись его лица, и Джек ощутил легкое потрескивание статического электричества. Форстер замер в стесненной, нелепой позе, боясь сделать лишнее движение. А богиня прижималась все теснее, уткнулась ему в грудь, поливая слезами рубашку. Какая же Заря мягкая – словно сиденье в кинозале. И вздрагивает с каждым всхлипом. Дрожь отдавалась во всем теле, бежала теплыми волнами. Джек

тщетно старался подавить разгорающуюся похоть. Но богиня заглянула ему в глаза, привлекательная и зовущая, будто красотка из полночной рекламы, изящная рука потянулась вниз, и Джек напрягся, замерев.

– Я не могу, – прошептал он, чувствуя, как заколотилось сердце, – ведь Сумрак...

– Он – попавший в опалу старик, – сказала богиня и поцеловала, впилая жадно губами. – И он позволил пасть и тебе.

Ее губы снова прильнули к Джеку, горячий влажный язык раскрыл его губы – и Заря вошла в человеческое тело. Божественное захватило Джека, влилось, будто в сосуд, и еще раз, и еще...

Потом Джек так не смог вспомнить, что же было у него с Зарей. В памяти лишь всплывало лицо парня, встреченного в баре «Уши» после концерта Андреа. Оно выглядело совершенно, идеально пустым, словно экран выключенного телевизора, упивающегося счастьем в блаженной пустоте между каналами. Наверняка и Джек так же потерял себя во всепоглощающей эйфории.

– Ты выглядел счастливым, как свинья в луже дерьма, – поделился мнением Фист, но, к счастью, больше не стал комментировать случившееся.

Когда экстаз пошел на убыль, Джек стал различать, что шепчет ему на ухо богиня.

– Мой маленький кукловод, я переделываю тебя, – выдохнула она. – Я снимаю цепи с твоего малыша и делаю вас оружием моего возмездия.

– Я мщу только за себя.

– Но из-за тебя мертва моя Корасон!

Заря куснула его за ухо. Он глубоко вздохнул, широко раскрыв рот, выгнул спину и вжался в Зарю, входя в нее глубже, теснее – а она еще крепче и глубже вошла в его душу.

– Я снова сделаю тебя оружием!

Она проникла так глубоко, что смогла достичь Фиста. Когда разум Джека взорвался в оргазме, упали последние защитные барьеры хозяина и его паяца – и богиня завладела обоими. Мир разлетелся вдребезги. На мгновение, тянувшееся вечность, Джек перестал существовать. Где-то вдалеке заверещал Фист, но оставшееся от хозяина, разбитое и разъятое, не хотело слышать куклу.

Очнувшись, Джек обнаружил себя на каменной плите рядом с той, на которой лежал труп Корасон. Заря стояла над ним полностью одетая, прическа, макияж, платье – все безукоризненное, без малейших следов недавних занятий любовью. Богиня держала паяца за шиворот, свободной

рукой зажав ему рот. Ошалевший от ужаса Фист судорожно тряс руками и ногами, пытаясь вырваться.

– Я сняла все его блоки, – сообщила богиня. – Используй его осторожно, и никто не догадается, что я изменила его. Я изменила и тебя.

– Зачем вы держите его так?

– Я заметила, что тебе трудно с ним. Потому я сожгу его разум ради тебя.

– Что? – сонно спросил Джек, еще толком не пришедший в себя.

Голова болела. Интересно, сколько своих программ втиснула в него богиня? Черт бы ее побрал!

– Я сотру его личностные структуры, – добавила Заря. – Больше никакого Фиста и непокорства. Он станет просто программой.

Фист попытался завывать. Получилось пыхтение.

– Только скажи «да» – и дело сделано, – предложила богиня.

– А почему вы не сожгли его до сих пор?

– Фист по лицензии отдан в пользование тебе. Мне необходимо твое разрешение.

– А вы можете изменить условия лицензии? – спросил Джек, вздохнув. – Не дать ему завладеть моим телом?

Лицо богини помрачнело. Джеку вспомнился рекламный ролик, где женщина тосковала из-за невозможности найти хорошего финансового консультанта.

– Нет, Джек. Это соглашение я нарушить не могу. Но от паяца не останется ничего, способного населить твой разум. Кукла замолкнет навсегда.

Фист пнул ее, заморгал, попытался закричать, но не смог. Страх парализовал его.

– Этого я не могу позволить, – ответил ей Джек. – Спасибо за то, что освободили его. Но менять его разум я не разрешаю.

Паяц удивленно уставился на хозяина.

– Джек, пока ты спал, он попытался напасть на меня, – сказала Заря. – Затем попросил дать ему возможность занять твое тело прямо сейчас.

– Его программы переформатировали часть моего мозга и вы растили паяца на ней. Все в Фисте – от меня.

– Он не слушается тебя. И станет мешать.

– Убьете его – убьете часть меня, – пояснил Джек.

– Ему нельзя доверять!

– Я сам себе не всегда доверяю.

Заря фыркнула:

– Ну-с, посмотрим, что он сам скажет нам.

Она сняла ладонь со рта паяца. Но тот не издал ни звука, просто висел, обмякнув. Богиня бросила его на пол. Фист зашатался, словно впервые вставший на ноги, посмотрел на нее. Заря посмотрела в ответ, скрестив руки на груди.

Фист не выдержал. Он кинулся к Джеку, оставив за спиной дюжину разбегающихся серебристых кругов, и бросился в объятия хозяина, непрерывно шепча: «Спасибо тебе, спасибо».

– Ты об этом пожалеешь! – процедила Заря.

Оставленная паяцем рябь множилась и дробилась, отражаясь и пробегая волнами от алтаря к алтарю.

– Возможно, Ямата и ее покровитель боятся Фиста, – заметил Джек. – Но я – нет.

– Боятся его – признак здравого смысла. Он – психопат. Впрочем, хватит о нем. У меня есть еще кое-что для тебя.

Джек, взявший Фиста на руки, пытаясь успокоить и утешить его, посмотрел на богиню:

– И что же?

Она коснулась раны на лбу сетевого тела Корасон, уже теряющего очертания. Накопленные за жизнь данные уже уходили на Гробовые Драйвы.

– Я извлекла и сохранила записи последних часов ее жизни.

Пальцы богини погрузились в голову Корасон и вытащили пулю. В другой руке Зари появился маленький пистолет.

– Я поделюсь ими с тобой, – объявила богиня, заряжая пистолет пулей. – Найди ее убийц!

Она вытянула руку, прицелилась и выстрелила Джеку в лоб.

Глава 23

Очнувшись, Джек обнаружил, что плывет в пустоте у самого Хребта. В голове была полная сумятица. Дорога домой, до отеля, заняла на пару часов больше, чем следовало. Фист смущенно и неловко предложил хозяину помощь – и тот принял, позволив паяцу завладеть телом. Сам Джек едва мог переставлять ноги. Хорошо хоть было уже поздно, на улицах – почти безлюдно.

В отеле дежурил Чарли. При виде Джека глаза клерка засияли неподдельной радостью.

– Рад видеть, рад видеть! – проворковал он.

Яркая пестрота его рубашки – мозаика из цветов – больно хлестнула Джека по глазам. Он зашатался.

– Господи, да вы сам не свой! – возопил Чарли, выскакивая из-за стойки. – Бедненький, небось перебрали вчера? – Он приобнял Джека, помогая удержаться на ногах. – Как по мне, всем нам нужно время от времени оттянуться хорошенько.

Чарли вызвался проводить Джека в номер. Форстер едва переставлял ноги, повиснув на своем провожатом. Тот, тщедушный и хилый, гнулся под непосильной ношей. От него несло джином, а кожа вблизи казалась подозрительно бледной, с восковым оттенком. Возле номера Фист снова ненадолго завладел телом, заставив хозяина выпрямиться и самостоятельно дойти до кровати. Чарли же застыл у двери, весь – воплощенное желание помочь.

– Фист, спасибо, – пробормотал Джек, забыв, что говорит вслух.

– Это вы маленькому человечку, живущему в вашей голове, да? – осведомился Чарли.

Фист скользнул назад, в глубину сознания, и Джек бессильно рухнул на кровать.

– Наверное, здорово постоянно быть в компании, – произнес Чарли с завистью.

Затем, обуянный заботливостью, он радостно засуетился: подоткнул одеяло, наполнил водой стакан и поставил его на тумбочку. Потом пропел весело: «Доброй ночи-и!» И, хлопнув дверью, исчез.

Фист затих где-то в глубине сознания, и Джек провалился в тяжелый, наполненный кошмарами сон. Его обступили воспоминания, безжалостно загнанные Зарей в его голову. В мозг Джека влились чужие сырые данные,

полностью записанная работа сознания, формирующего сетевую оболочку. Разум Джека отчаянно пытался придать им приемлемую форму, чтобы объединить с собой.

Джеку снилось, как он выходит из Внуба, покупает еду, берет в пользование вкусовые пакеты бифштекса и курятины, говорит с подругой. Каждый момент – ключ к множеству ассоциаций, вызывающий связанные воспоминания. Вот пьет кофе Ирен Лестак. Корасон доверяла ей. Вот над головой пролетает воздушное авто. Скоро выпустят новые модели этого года. Тот суп на прошлой неделе был замечательный. Овощи в холодильнике испортились. Подруга встречается с очень симпатичным парнем. Надо бы пригласить ее на коктейль и поболтать. И так далее, и тому подобное.

Наконец день окончился, и Корасон легла спать. Ее сны текли сквозь сон Джека, тревожа его и меняясь сами – как в кольце обратной связи. Он ощутил, как вмешался Фист: паяц замедлил поток чужой памяти, боясь, что тот поглотит и растворит разум хозяина. Джек удивился во сне тому, насколько заботливым и добрым стал этот ранее злобный и эгоистичный деревянный человечек. Кольцо обратной связи распалось, и Форстер ощутил, что переходит из сна в новое, необыкновенно яркое состояние, когда возможно усилением воли управлять кошмарами.

Джек выдернул себя из потока воспоминаний Корасон и посмотрел на него извне. Какая сложная, перепутанная сеть ассоциаций! Он решил упорядочить их, сделать проще, и воспоминания распались на цепочку последовательных во времени событий. Если сосредоточиться на одном из них, всплывают подробности. Решив не травмировать себя переживанием смерти Корасон до тех пор, пока не привыкнет к чужой личности, Джек пересмотрел сутки до убийства – и обнаружил, что разговаривает с мертвой женщиной. Глядя на прошлое ее глазами, он размышлял над тем, как она справилась со страхом и потерей веры в Пантеон.

Наконец он ощутил себя готовым пережить момент убийства. Фист проснулся и напрягся, готовый броситься на помощь, если переживание окажется невыносимым для хозяина. Но вряд ли будет слишком уж больно. Рана всего одна, пуля попала в лоб, лейтенант умерла почти мгновенно.

Джек нашел место, где обрывались воспоминания, отошел немного назад по времени и ступил в них.

Уютная мягкость простыней, очертания расслабленного тела в полумраке, мысли сонные, спутанные. Что-то нарушило сон. Толком не проснувшись, лейтенант потянулась в сеть – и обнаружила, что не ощущает ее. Разбужившее Корасон донеслось из реального мира. В дверь постучали

снова, раздались слова: «Лейтенант Корасон, служба Внутренней безопасности, откройте!» А затем произнесли пароль. Корасон подумала, что опять где-то авария сети. Срочно зовут на работу, потому что начались беспорядки. Людям, живущим в сетевых грезах, пришлось увидеть реальный мир, и они сходят с ума от страха и ярости.

Майка мягко скользнула по телу. Лейтенант накинула халат – еще мягче и нежнее майки, – затем подошла к входной двери, заглянула в глазок. Реагируя на движение, в комнате зажегся свет. Корасон не обнаружила за дверью ничего угрожающего. Там стоял кто-то с синими волосами и кожей синюшного оттенка, с глазами, отсвечивающими пурпуром.

На мгновение Джек вынырнул из чужого сознания – он узнал женщину, застрелившую Дэвида Нихала. Позади нее стоял мужчина. Корасон заметила элегантный костюм, безукоризненные усики, но затем у нее потемнело в глазах. Джек поморщился, вспомнив пантер.

А потом им завладела чудовищная, всепоглощающая боль. Его голову снова пронзил выстрел. На мгновение в мире остался лишь рев пули, пробивающей дверной глазок. Дверь закрутилась, рухнули стены. Корасон глядела в залитый светом потолок. Затем ее глаза перестали посылать сигналы мозгу, и остался лишь статический шум сетевой системы, жадно ожидающей живой суеты импульсов в нейронах, аксонах и синапсах. Но больше ей нечего было получать и записывать.

Глава 24

«Проснись! Ну же!» Фист тряс Джека за плечо.

«Что? Какого черта?!»

Голова Джека еще раскалывалась от наплыва чужих воспоминаний, а программы Пантеона еще распаковывались, устанавливаясь в его разуме и психике.

«Внуб! Налет! Они явились за нами!»

Джек рывком сел. Комната вокруг закружилась. На мгновение он ощутил себя женщиной, закутавшейся в мягкие простыни в комнате роскошного кондоминиума в Доме. Однако черная звездная лужа под ногами вернула его к реальности. Призрак Корасон покинул разум. Но Заря – осталась. Убогая отельная мебель показалась верхом изящества.

«Джек, надо сматываться. Вдруг они узнают, что я не в клетке?»

«Как узнают? Доложи обстановку».

«Вижу Лестак и три команды захвата. Две спереди, одна позади. Занимают позиции. Минута – и окажутся в комнате».

«Уходим!» – скомандовал Джек.

Вчера он отключился, не раздеваясь. Потому времени не терял: выскочил за дверь, метнулся по коридору. Фист бросился следом.

«Запасной выход где?» – выдохнул Джек, запыхавшись.

«Прямо впереди служебная лестница!»

Она оказалась крутой и узкой. Стены были испятнаны темным до высоты плеч. Хозяин с паяцем подбежали к пожарной двери, Джек приоткрыл ее, увидел длинный, тесный заулочек. Ярко светила луна, и в конце заулочка виднелись три силуэта.

«Джек, это бригада захвата».

«Ты можешь вырубить их из сети?»

«Могу, но ты ведь знаешь процедуру. Если они не отзовутся на перекличку, сработают все тревоги сразу».

«Вот дерьмо!»

«Могу залезть им в головы и закатить шарики за ролики», – предложил паяц.

«Не хочу калечить людей».

«Ой, как трогательно! А как насчет подарков от Зари? Там может оказаться и полезное».

Джек сосредоточился на боли, по-прежнему раздиравшей мозг.

Ощущение было словно тычут в свежую рану палкой. Но паяц оказался прав: Джек натолкнулся на след, а идя по нему, открыл совершенно новый способ быть собой. Поставленные Зарей программы Пантеона заполнили лимфатическую систему, аккуратно переписали поведение, жесты, движения, интонацию и манеру говорить. Появился переключатель, регулирующий уровень «доминирования», а рядом с ним регуляторы «влиятельности», «обаяния», «запоминаемости». Мысленный приказ загнал их все на сто процентов. Затем Джек выпрямился, распахнул дверь и пошел напрямик к ожидающим полицейским.

«Джек, бога ради, нас поймают! – всполошился Фист. – Ты уверен в том, что делаешь?»

Увидав Джека, полицейские вскинули оружие. Один уже начал было мысленно отдавать приказ, но Джек Форстер просто скомандовал: «Стоп!» Полицейские увидели его лицо, услышали голос, и на их восприятие наложилась небольшая модификация. Сетевые оболочки заставили полицейских видеть в Джеке необыкновенную, совершенную красоту. Все трое застыли, разинув рты. Один уронил пистолет. Другой обмочился.

«Впечатляет!» – хихикнул Фист.

Джек подошел, коснулся первого, желая оттолкнуть в сторону. Полицейский упал на колени, не сводя с Джека глаз, сходя с ума от нечеловеческого наслаждения. Второй пытался, с разинутым от восторга ртом. Язык вывалился, с него текла струйка слюны. На третьего подействовало слабее. Он пытался что-то сказать, чуть не задыхаясь от усилия. «М-м-можно ваш автограф?» – наконец выдавил полицейский и умоляюще протянул к Джеку руки.

– Автограф?! – Форстер отшатнулся.

«Оставь ты этих кретинов! – скомандовал паяц. – Выходи отсюда и поверни направо. Живо!»

Джек побежал, установив параметры божественных программ на ноль. Но троим оставленным позади это уже не помогло. Их сломало. Послышался жалобный крик: «Автограф!!!»

«Фист, что произошло?»

«Подействовал божий дар. Теперь – не думай, а беги со всех ног. БЕГИ!»

И они затерялись в Доке. Часом позже Джек грелся, обхватив ладонями чашку кофе в маленьком кафе в Неон-Куотер. Сиденье привинтили слишком высоко, пришлось нагибаться. Фист взломал сетевую оболочку прохожего и заплатил с его счета за кофе. Паяц заказал и сэндвич с беконом. Джек слышал, как тот шкворчит на плите за стойкой.

«Кстати, а зачем вообще платить-то? – проворчал паяц. – Со штуками, которые Заря поставила в тебя, можно все брать задаром».

Он окинул насмешливым взглядом прислонившуюся к стойке официантку и уточнил: «Все и всех». Джек обрадовался тому, что девушка не могла видеть паяца.

«И какие же штуки поставила Заря?» – поинтересовался он.

Фист не только взламывал все напропалую – он тщательно проверял перемены в базовых системах хозяина, пытаясь понять, как же изменили их поставленные богиней программы. Джек еще ощущал переключатели, но после случившегося в переулке нервничал и не хотел трогать их снова.

«Первоклассные штуки! Ты теперь „звезда“ Пантеона. Они безо всяких ограничителей, ты можешь что угодно. Без преувеличения. Сам же видел, что стало с теми костоломами у отеля. Ах, смачно! Может, попробуешь на мякише?»

Джек слишком устал, чтобы пререкаться с Фистом. Чересчур много смертей в одни сутки. Форстер видел дыру в голове Нихала и кровавое месиво под колесами. Ощущал, как последние проблески сознания Корасон растворяются в пустоте. Богиня во гнала пулю в разум Джека. А он сломал рассудки троих человек, настолько очаровав и подавив их, что они забыли о себе. Хоть бы они поправились...

«Крутая штука, а? Лупит и программно, и прямо в мясо. Эти мордовороты из Внуба не скоро очухаются».

«Не представлял, что такое возможно».

«Давай-ка попробуй на ней, а?» – предложил Фист, глядя на приближающуюся к ним официантку.

«Нет».

Она подошла к ним, держа на ладони сероватую тарелку. Сетевые знаки нацарапаны дешевым маркером прямо на униформе. Чернила поблекли, сделались синюшными. Белокурые волосы собраны в неряшливый толстый пучок, заколоты булавкой с сетевым символом.

«Фист, что у нее за символы?»

«Шмотки от третьеразрядного дизайнера. И добавка к очарованию. Джек, покажи-ка ей, что такое настоящий шарм!»

Хотя все программы Зари и были отключены, Джек боялся того, что девушка вдруг безумно увлечется им. Потому он не решился посмотреть на нее, пока она ставила тарелку на стол. Он сгорбился, плотнее запахнул плащ и, уставившись в стол, пробормотал: «Спасибо». Девушка пожала плечами и отвернулась.

«Эх, упустил шанс!»

«Заткнись».

Джек проглотил сэндвич в мгновение ока, хоть тот и был почти безвкусным: хлеб – просто мягкое тепло во рту, бекон – чуть горячее и хрустящий. Фист загрузил хозяина на вкусовой сервер кафе, но еда от этого аппетитнее не стала.

«И что теперь?» – осведомился паяц.

«Заляжем на дно. Спрячемся от Внуба до ночи. А тогда навестим старого друга».

«Ахматова?»

«Именно», – подтвердил Джек.

«У тебя есть вопросы к нему?»

«Да. Я видел, как убили Корасон. Ахматов был там».

«Он убил?»

«Нет. Стреляла синеволосяя женщина с таможни. Она же застрелила Нихала».

«Думаешь, это Ямата?» – спросил Фист.

«Я не помню ее такой. Но она могла переменить не только сетевую оболочку. Потому – да, она может оказаться Яматой».

«Ох, как здорово; может, мы наконец-то выйдем на ее след. А когда будешь допрашивать Ахматова, наверное, захочешь, чтобы я малость подсобил?»

«Да, Фист. Очень даже захочу».

Паяц прильнул к Джеку. Сперва попытался обнять за талию, но не смог и вцепился в предплечье, плотно охватив его руками. Фист никогда прежде не выдавал так своих чувств к хозяину – разве что выказывал дружелюбие пополам с добродушным презрением. Нависшая над ними смертельная опасность изменила Фиста. Он и помогать стал гораздо больше. Любопытно, насколько глубока перемена и надолго ли ее хватит? И можно ли доверять ей?

«Я добуду тебе все ответы! – пообещал Фист. – Буду злым копом. А ты можешь нанести ему удар своим шармом. Станешь добрым полицейским».

Он хихикнул:

«Наидобрейшим! Ах, жду не дождусь. Умру от скуки до вечера».

«Скучать не придется. Нельзя позволять Внубу взять наш след. Потому будем двигаться. Еще платить надо?»

Фист отрицательно помотал головой.

«Тогда пошли».

«А как насчет Гарри?»

«С ним встретимся, когда появятся результаты».

Остаток дня они провели, бродя по улицам Дока. Фист не отставал от хозяина: то шел рядом, то плыл в воздухе, то и дело забираясь в уличные системы наблюдения и портя записи. Он болтал без умолку, радуясь избавлению от клетки. Джек отмалчивался. Они случайно забрели к школе, где он учился в детстве. Его обуяла ностальгия. Между крыльями школьного здания располагалась игровая площадка, отгороженная от улицы проволочной сеткой.

«Дерьмовая дыра», – определил паяц.

«Мне здесь было хорошо».

В свое время Джеку стоило большого труда признать это. Он старался изо всех сил оставить Док за спиной. Даже отказался приводить сюда Андреа. А теперь учеба в этой школе казалась обыкновенным, ничуть не зазорным фактом биографии.

«Легко же тебе потрафить», – хмыкнул Фист.

Была перемена, и дети играли во что-то наподобие футбола. Две кучки детей вопили и гоняли мяч. Кто в какой команде – непонятно. Но увлеченно играют все.

«Я был в таком же возрасте, как ты сейчас», – заметил Джек.

«Вот еще! Мой мозг работает гораздо быстрее твоего, – фыркнул Фист. – Мне не семь лет, а гораздо больше!»

«В самом деле?»

Одна команда, похоже, готовилась забить – но тут прозвучал свисток, и игра прервалась. Мальчик с мячом угрюмо выругался и отшвырнул мяч пинком. Команды разбились на мелкие группы. Одни радостно убежали, другие остались, раздраженные и злые.

«Что, перерыв закончился? – спросил Фист. – Хотел бы я, чтобы он забил. Как раз начиналось самое то».

«Закончился не перерыв, а лицензионное время».

«Что?!»

«Детская версия лицензии Пантеона. Нельзя просто играть в игру, нужно брать в пользование правила у Близнецов. Это недешево. Школа вроде этой не может позволить себе долгое пользование».

«А почему бы детям не играть самим по себе?»

«Кража интеллектуальной собственности. Большой штраф», – пояснил Джек.

«Господи, неудивительно, что Тотальность взбунтовалась!»

«Когда я был в их возрасте, мне это казалось разумным».

Они постояли еще несколько минут, глядя, как дети наспех выдумывают новые игры, затем носятся двору, пытаются играть в них. Фист

глаз не мог оторвать от зрелища, смотрел, вцепившись в сетку. А Джек подумал о том, кем была Андреа и кем стала. Жаль, что раньше, в недостижимом прошлом, он не пришел с ней сюда, посмотреть на играющих детей.

«Пойдем», – сказал он.

«Ну-у, еще немного...»

«Фист, нам надо перемещаться».

Он подумал о храме Зари. Тоже ведь памятник утратам. Затем вспомнилась смерть Корасон. Мысли о ней приходили постоянно, как Джек ни старался их отогнать. А попытка забыть казалась предательством. Он шел все быстрее, раздраженно шагая по улицам Дока, словно пытаясь отшвырнуть их назад, в прошлое. И убежать в будущее – туда, где кукловод и его паяц не окажутся бессильными перед жизнью, временем и крадущими их богами.

Глава 25

Капли дождя касались земли мягко, будто кошачьи лапы.

«Я теперь и в самом деле вижу все! – прощепетал радостно Фист. – Джек, стой, давай я покажу тебе! Тут столько всего!»

«Нет», – отрезал Форстер и прибавил шагу, заставляя паяца скакать за собой вприпрыжку по сырым ночным улицам.

Фист прыгал по всей улице, отыскивая лужи поглубже, с наслаждением бухался в них, визжал от восторга, когда его призрачные ступни скрывались под водой. Пользуясь открывшимся доступом в сеть, он изображал всплески и брызги.

«Ух ты, целый фонтан брызг! – голосил он, прыгая. – Джек, это изумительно! Я заберу тебя в сеть, посмотри! Эй, я могу все!»

Джек шел вперед, не отвечая. Он надвинул шляпу на глаза, поднял воротник, почти полностью скрыв лицо. Но люди все равно останавливались и глядели на него будто зачарованные.

– О, какой безупречный покрой плаща! – восхитился один из прохожих.

– Да уж, он знает, как носить костюм, – поддержал второй.

– Я б с ним потрахалась, – мечтательно протянула третья.

Всякий раз, слыша восторженные вздохи по поводу своего усиленного Зарей сетевого обаяния, Джек сдвигал шляпу чуть ниже и пускался самым быстрым шагом, почти бегом, чтобы удрать подальше.

К «Царь-пантере» они прибыли около одиннадцати. У клуба смеялась, толкалась и ссорилась очередь. Изнутри доносилось глухое буханье ударных. Джек с паяцем нырнули в подъезд через дорогу. Моросящий дождь смягчил пронзительный свет неоновых огней над входом, и вульгарная резкость сменилась стильной размытостью. Вряд ли Ахматов рассчитывал на такое.

«Разреши мне ввести тебя в сеть!» – взмолился Фист.

«Позже. Сейчас не время».

Постепенно очередь растаяла. А в половине второго, когда погода вовсе испортилась, начался великий исход гуляк из клуба. Струи ливня пронизывали темноту, заставляя уходящих побыстрее убираться под крыши. Непогода была искусственной. Это был придуманный Пантеоном метод снижения преступности: холод и слякоть прогоняли ночной народец с улиц. Ливень глушил звук и свет, наполняя мрак тихим шипением,

похожим на шум статического электричества, делая ночные фонари расплывчатыми круглыми пятнами. Парочки почти бежали, тесно прижавшись друг к другу, под аккомпанемент пулеметного клецанья высоких каблучков. Группки приятелей перекрикивались, прощаясь, разбивались по двое-трое и расходились по сторонам.

«Пойдем уже!» Фист занервничал.

«Мы подождем, пока в клубе останется он один».

«Откуда ты знаешь, что он останется?»

«Я месяцами изучал его привычки. Каждым воскресным вечером Ахматов запирается и в одиночестве подсчитывает недельную выручку. За семь лет клуб не слишком изменился. Думаю, и привычки хозяина остались прежними».

Последняя порция гуляк вывалилась наружу – и персонал закрыл дверь. Один за другим погасли огни вывески.

«Клуб отключают от сети», – заметил паяц.

Он пнул камешек. Тот, конечно, остался на месте, но его виртуальный образ полетел. Фист проводил его взглядом.

«Фист, ты забавляешься самообманом».

«Главное, что забавляюсь».

Мимо протопала кучка женщин-потогонов. Джек сделал вид, что не замечает их. У одной болтались пустые рукава вместо рук. Другая ковыляла на костылях, с трудом передвигая единственную ногу. Фист ступил на дорогу и ткнул в них пальцем.

«Джек, я же могу сделать их прекрасными! Почти такими же, как ты на полной мощности. – Лицо его восторженно светилось. – Как тебе идея свести их всех с мужчинами, а? Представь парней, просыпающихся поутру, а оверлея-то и нет! Вот здорово будет!»

«Фист, хватит. Побереги силы. Нам предстоит кое-что гораздо важнее».

«Ну когда же, Джек, когда?!»

«Скоро».

Паяцу явно не терпелось ввязаться в драку. Джек сам удивился своей радости оттого, что Заря не сломила боевой дух Фиста. Ведь паяц был создан и жил, чтобы воевать.

Настала очередь персонала покинуть клуб и бежать под дождем, как и посетители до того. Во входном коридоре погасли огни, широкоплечий здоровяк закрыл главный вход и запер дверь. Когда верзила повернулся, порыв ветра оттопырил плащ, открыв белую рубашку и черный галстук-бабочку. Парень сделал вид, что ливень ему нипочем, и, насвистывая, с

нарочитой неспешностью зашагал прочь. Его свист заглох вдалеке. Дождь шипел, как радиопомехи.

«Пора!» – рявкнул Джек и бросился через дорогу.

Фист поспешил следом, подлетев так, чтобы быть вровень с головой хозяина.

«О, как я ждал, как жда-ал!» – пропел паяц.

Джек едва сдержался. Так хотелось съязвить насчет того, что теперь у его маленького напарника энтузиазма куда больше, чем в прошлый раз. Но лучше не рисковать. Обидишь капризного малыша – и его желание лезть в драку может испариться начисто.

«Открываем дверь и принимаемся за дело», – сказал он вместо того.

Никто ни снаружи, ни внутри «Царь-пантеры» не видел, как они вошли. Да и не мог увидеть: Фист залез в сеть и, употребив программу, делающую невидимыми потоконов, исключил хозяина из поля зрения обычных людей. Камеры слежения отвернулись, и двери распахнулись, шипя, словно дождь.

Внутри было тепло, темно и сухо. Фист воссоздал вид коридора по записям камер слежения в инфракрасном диапазоне и развернул реконструкцию перед глазами хозяина:

«Иди прямо, потом через танцзал!»

Оба двигались тихо, как тени в царстве теней. И оба живо припомнили давний совместный опыт тренировок и боев – словно перезагрузили операционную систему.

«Фист, что с системами безопасности?»

«Они включатся потом, когда я позволю им увидеть нас».

«Не позволяй, пока не доберемся до логова».

В пустом клубе еще висел дух выпивки, дешевой дури и бесцельных, убогих жизней. Интересно, каким должен быть разум, способный находить отдых и радость в таком угрюмом, замкнутом и давящем месте?

«Хочешь, включу кое-что из их сетевого арсенала? Тогда увидишь, чем здесь увлекают», – пробормотал паяц.

Они бесшумно скользнули к лестнице, по которой поднимались несколько дней назад.

«Пусть он увидит нас», – приказал Джек.

«Готово», – спустя мгновение отозвался Фист.

– Ахматов, мы идем за тобой! – закинув голову вверх, крикнул Джек.

Его резкий, грубый голос прорезал бархатную тишину, окутавшую клуб.

Владелец клуба не замедлил ответить. Спустя секунду воздух

замерцал, и в темноте возникла громадная черная кошка, с ревом летящая на непрошенных гостей. Ее пасть – неоновая-яркая, алая – казалась кровоточащей раной на лоснящейся темной шкуре. Зверь был вчетверо больше, чем обычные пантеры Ахматова. Джек вскинул руки, отшатнулся и едва сдержал крик.

Но Фист коснулся твари и стал ею.

«И это была его внешняя защита? – прорычал он кошачьей пастью. – Да он слепил всех вместе. Наверное, испугался нас. С тобой все нормально?»

«Да. Вспомнилось нехорошее».

Они поднялись по лестнице, прошли через дверь с кодовым замком. Фист топал на четырех лапах, выдерживая расстояние между собой и хозяином. Джек с силой пнул дверь офиса, она слетела с петель и провалилась внутрь. Он шагнул – и очутился в пустыне. Безжалостное солнце пылало в синем небе над грубым желтым песком и выжженными белыми скалами. Все цвета невыносимо яркие и резкие.

– Ты, гребаный убийца! Мы пришли за тобой! – заорал Джек.

Фист скользнул в комнату и разделился на четыре игрушечные пантеры. Шерсть сменилась черной краской, кость зубов – блеклым, некрашеным деревом. Первая пантера остановилась и стала вылизываться. Деревянный язык тихо клацал, двигаясь по задним лапам, щелкал о деревянные шарниры, заменившие суставы из костей и связок.

Вторая пантера задрала голову и неестественно, фальшиво зарычала. Третья и четвертая уселись на большом камне, озираясь и шевеля ушами. Камень вдруг тоже показался фальшивым, будто кусок крашеного пластика из заброшенного киношного реквизита.

«Он здесь. Прячется, но здесь», – сообщил Фист через первую пантеру.

Кошачья глотка придала его голосу низкий, хриловатый, интимный тон. Джеку вспомнились раздражающие плоть когти.

«Разве нам нужны пантеры? Нельзя ли просто взломать его сетевой доступ?»

«Я мог бы. Тогда он был бы наш с потрохами, но...»

Вторая пантера потянулась, потом выгнулась, распрямив передние лапы и прижав брюхо к песку. Заскребли выпущенные когти.

«...Но тогда мы не получили бы доступ к серверу. Придется загонять Ахматова в угол, чтобы выйти на доступ».

Пантера оттопырила зад, замотала хвостом, сделанным из деревянных сегментов и похожим на черный хребет.

«Тогда хватит вылизываться. За работу!»

«Похоже, я чую его», – повела мордой третья пантера.

Она соскочила с камня и деловито потрусила вперед, волоча за собой длинную тень. Три остальные двинулись следом, плечом к плечу. Идущая первой, обернувшись, бросила: «Он здесь» – и напряглась, вся внимание. Мгновение – и она прыгнула, схватила воздух, закогтила то, что при ветре могло бы показаться всего лишь песчаным вихорком. Но ветра-то не было.

Клацнули белоснежные клыки, раздался тоненький визг – и внезапно не стало солнца, песка и камней. Вокруг заструилась водная синева, деревянные пантеры плыли впереди. Тело пронзило холодом. Он выдохнул, и кверху потянулась череда пузырьков. Ахматов затянул врагов под воду. Охранявших его зверей больше не было, и он сражался единственным оставшимся способом: иллюзией мира вокруг.

Забывшись от неожиданности, Джек вдохнул – но, к удивлению, в легкие потек воздух. Симуляция подводного мира была неполной. Плывущая впереди пантера забарахталась, обвила что-то, принялась драть когтями и рвать клыками. Наверное, Фист схватился с Ахматовым, но хозяин клуба по-прежнему оставался невидимым. Охранные системы все еще действовали, сопротивляясь уже пять секунд. Против Фиста – очень неплохое время. Ритмично отталкиваясь задними лапами, на помощь поспешили остальные пантеры. Джеку оставалось только наблюдать и ждать.

Море было грубым наброском, как и пустыня до того. Кверху синева блекла, но никаких признаков поверхности. Обрывки света пляшут вокруг, можно различить плывущих рядом. Под ногами – чернота. Интересно, как она запрограммирована? Где-то заканчивается или можно двигаться сквозь нее вечно, а программа будет создавать все новые просторы перед тонущим? Джек вздрогнул от страха. Цифровая виртуальная вечность показалась ему гораздо тоскливее и пустыннее ее реального воплощения.

Еще одна пантера присоединилась к дерущимся, и мир изменился опять. Вода исчезла, лицо Джека защекотал легкий ветерок. Вокруг высились два ряда дольменов, каждый из пары камней в человеческий рост, перекрытых третьим. Закатное небо полыхало багровым и оранжевым. Длинные тени ползли через центр круга, где лежала единственная каменная плита. Рыча, по ней катались две пантеры, клацали деревянными телами о песчаник. Две другие ходили вокруг, примериваясь, как броситься в драку. Системы Ахматова еще держались, не позволяя им доступ.

Наконец Фисту удалось разрушить один из протоколов маскировки. Обнаружилось, что пантеры грызут и царапают тень, человекоподобную массу загустевшего воздуха. Когти выдирали из нее ошметки

мельтешащего мрака. Коснувшись травы, они делались красными пятнами. Прыгнула третья пантера, и круги дольменов сменились поляной в джунглях, где пытали Джека. Он содрогнулся, вспомнив терзавшие его виртуальные когти. Любопытно, в каком состоянии окажется Ахматов, когда его защита наконец падет? Джек отвернулся, потрогал дерево. Мокрое. На пальцах осталась коричневая краска. Он потрогал низко висящий лист – и коричневые пятна на руках сменились зелеными. Это больше не мир Ахматова. Фист переделывает его по своему разумению.

Осмотревшись по сторонам, Джек ощутил себя актером, забредшим на пустую площадку с декорациями. Везде в глаза бросалась фальшь. Земля джунглей оказалась всего лишь выкрашенным в коричневый цвет бетоном, пробивающиеся сквозь нее деревья – ярко раскрашенными картонками. Даже доносившееся отовсюду птичье пение изменилось. Оно прервалось, затрещали электрические разряды, а зазвучавшее потом было очевидной подделкой. Битва заканчивалась. Фист испустил ликующий крик, заглушив вопли Ахматова, полные ужаса и боли. Нарисованные джунгли растворились целиком.

Хлопнуло, остро запахло горелым пластиком. Обстановка изменилась: флуоресцентные трубки на потолке освещали заурядную комнату со столом, несколькими стульями и четырьмя картинами на стенах. Одна изображала пустыню, другая – море, третья – каменные круги, четвертая – джунгли. По каждой картине рыскали пантеры.

Ахматов лежал на полу. Его сотрясала дрожь. Фист, снова превратившийся в деревянную куклу, стоял над ним и глумливо хихикал.

– Еще раз дернешься – и я расколю твои мозги, как яичную скорлупу, и помочусь в них, – пригрозил он.

– Я бы на твоём месте его послушал, – посоветовал Джек. – Фист это и вправду может.

Глава 26

Они позволили Ахматову приподняться и сесть, прислонившись к столу. Черную рубашку и брюки владельца «Царь-пантеры» покрывали серебряные сетевые знаки.

– Я закрыл ему доступ к серверу клуба, – сообщил Фист. – Здесь только он сам, кости и мясо. Ничего больше.

Джек пододвинул стул, уселся.

«Я перебираю его файлы, – добавил паяц спокойно. – Если найду полезное, дам знать».

Ахматов хрипел. Кожа его была нездорово серой. Он с трудом смог заговорить, но голос оказался неожиданно сильным:

– Тебя следовало прикончить еще восемь лет назад.

Паяц кинулся к нему, суча руками.

– Фист, нет! – остановил его Джек. – Ты уже позабавился. А нам нужно, чтобы он мог связно говорить.

Паяц шлепнулся на пол с громким клацаньем и проворчал что-то про добреньких полицейских.

– А нам следовало накрыть твои клубы и арестовать тебя, – сказал Джек Ахматову.

– Тебе бы не позволили.

– Пантеон бы вмещался? Возможно. Они меня в конце концов и остановили. Но попробовать стоило.

– Хм. Мы кое-чему от тебя научились. Ямата вынесла все, касающееся покровителя, из моих систем.

«Дерьмо!» – выругался Джек про себя.

«Я ищу, – откликнулся Фист. – Думаю, отыщется что-нибудь, пригодное для нас. Оно всегда отыскивается. Бесследно не пропадает ничего».

Затем Фист заговорил вслух:

– Ахматов, ты рот не закрывай. Расскажи нам все, что мы хотим знать. Тебе ж легче будет.

Ахматов едва мог сидеть. Привалился к столу, обмякнув, раскинув ноги. Марионетка с обрезанными нитками.

– Палачи всегда так. Дескать, сознайся – и полегчает, – выдавил он. – Уж будь уверен, боги тебе не простят.

– Кого? Тебя? – осведомился Джек. – Ты для них пешка. Важны Ямата

и несчастный Пендервилль. Вот их трогать нам и не позволяют.

– Я ничего тебе не скажу.

– Ты подумай про Ямату. Она ведь исчезла. У нее новое имя, новая сетевая оболочка, а может, и новое тело. Где она? В Бородавке? Или в Доме? А может, даже на Небесах?

– Откуда мне знать?

– Так ведь она теперь твой начальник. Отчего повысили ее, а не тебя? Что она такого сделала? Раньше была одной из пешек, возивших «пот». Ты все еще торчишь в притоне Дока, подсчитывая выручку. А Ямата черт знает где. Но наверняка она в месте получше этого.

– Форстер, заткнись! – прошипел Ахматов.

– Она теперь королева. А ты по-прежнему пешка. Как тебе такое? Ямата хотела, чтобы мы нашли тебя. Именно потому она показала тебя Корасон. Ямата рассчитывала, что мы станем пытаться тебя и убьем. Ты знаешь, что она делает с фетчами. Поэтому ты бы оставался тихим и покорным. Все, дело сделано. Но если ты поможешь мне достать Ямату, этого не случится.

– Давай просто прикончим его, – предложил Фист и добавил мысленно: «Заставь его говорить! Он сделал анонимными все свои контакты. Я не могу разобраться, какой принадлежит Ямате. Подтолкни его проговориться, пусть выдаст хоть что-нибудь».

«Ладно», – согласился Джек, а вслух сказал:

– Нет, Фист. Мы не станем его убивать или калечить. Если мы так поступим, то станем такими же пешками, какой был он все эти годы. А мы ведь не хотим быть чьими-то марионетками, правда, Фист? Мы не верим, что есть особая доблесть в исполнении приказов. Не верим в то, что лучше слушаться. В особенности, когда просят вежливо и любезно.

– Ну давай я сломаю его!

– Брось, Фист! – Джек расхохотался. – Я могу быть копом куда злее тебя, если захочу.

Затем он опустился на колени перед Ахматовым, склонился над ним, посмотрел в лицо.

– Прошлой ночью я спал с Зарей, и она открыла себя мне. Она дала мне все. Ты ведь понимаешь, что это значит. Она наверняка постоянно заглядывает в твои клубы.

В глазах Ахматова впервые мелькнул страх. А с ним и бессильная отчаянная злоба человека, проигравшего жизнь. Джек подумал: не наделила ли его Заря способностью читать в лицах?

– Она дала мне все, – прошептал он.

– Если хочешь показать это мне, давай скорее, – процедил Ахматов. – Не тяни.

– Нет, – вздохнул Джек. – Все будет не так. Да, ты мне поможешь отыскать Ямату. Но не потому, что я заставил тебя влюбиться в меня, ошалеть от похоти и вывернуться наизнанку ради меня. Ты поможешь мне, потому что понял, как тебя использовали, и твоя злость пересиливает страх. А ведь ты очень зол.

Он выдержал паузу, затем включил мысленно программу Зари. Потом склонился еще ниже и прошептал:

– Ведь ты поможешь?

Внезапно он ощутил себя распластанным на спине. Ахматов навалился сверху, заскреб пальцами у горла.

– Я же говорил Ямате! – заорал он. – Твердил, что ты представляешь опасность и для меня, и для всех нас! Она не послушала – и где мы теперь?! Эта сука вернулась из Шелти, сказала – есть работа для ее охранной фирмы, и мы убили человека, которого я знал двадцать лет! А потом еще гребаную бабу-полицейскую! И вот ты здесь, и мы в дерьме!

«В десятку! – изрек Фист. – Самое то».

Когда Джек ударил Ахматова, ощущение было такое, словно кулак уткнулся в мокрую подушку. Хозяин клуба обмяк и упал. Прилив ярости, давший ему силы и преимущество, иссяк. Фист в мгновение ока оказался на голове Ахматова, сунул руки внутрь. Тот завизжал.

– Нет! – крикнул Джек, перекатился, сдернул паяца, вырвал его из разума Ахматова.

Разинув рот, хозяин клуба застыл от ужаса. Фист залился безумным смехом.

«Что ты сделал с ним?» Джек был вне себя.

«Я его не мучил, в отличие от тебя. Наоборот, одолжение ему сделал».

«Фист...»

«Я просто оставил в его сетевом профиле базовые метки потогона. Нестираемые. Любая сетевая оболочка его просто отключит, к черту выбелит! Он сейчас невидимка. И никому не сможет рассказать про нас».

«Бога ради, Фист! Нам же еще нужно добыть от него информацию».

«С какой стати? Я знаю, где в его контактах Ямата и как ее найти».

«Ты уверен?»

«Я думал, выпотрошить его бухгалтерию окажется труднее. А тут на раз-два – будто меня родили счетоводом».

«Кто ее босс, можно понять?» – продолжал допытываться Джек.

«Ни малейшего намека – как и говорил Ахматов».

Владелец клуба отполз в угол комнаты и скорчился, мелко дрожа.

– Последний вопрос, – обернулся к нему Джек. – На кого работает Ямата?

«Джек, не обольщайся надеждой. Он всего лишь мелкая рыбешка». Фист покачал головой.

– Я же говорил – не знаю, – выдавил Ахматов. – Я гораздо лучше этой гребаной суки и по-прежнему остаюсь при гребаном клубе, а Пантеон играет со мной в гребаные игры. А я даже не понимаю зачем.

– Ты что, угостил его Зарей? – осведомился Фист. – Ведь он говорит правду. А у нас, между прочим, срочная проблема. Явился Внуб. За тобой.

– Вот дерьмо! Сматываемся!

– Зачем? Теперь я могу спрятать тебя от всяких дятлов.

– Не хочу, чтобы они обнаружили тебя без клетки, – пояснил Джек.

– Боишься лезть в драку? Фу, как скучно!

– Мы уходим! Немедленно!

Они успели пробежать метров триста по улице, прежде чем флаер Внуба настиг их.

Глава 27

– Джек, я не знаю, что с вами делать, – вздохнула Лестак.

Из сотрудников Внуба во флаере была только она. Джек сидел в черной шелковой маске на голове. Маска была сплошной, но он мог видеть сквозь тонкую ткань. Флаер завис между лампами Хребта. Идеальное место, чтобы их разговору никто не помешал.

«Эй, старина, чувствую, твой шарм не сработает, – заметил Фист. – У нее клетка мощная».

«Я и не стану пускать его в ход».

«Слабак».

– Мне не понравилось то, что вы сделали с моими людьми у отеля, – сообщила Лестак.

– Они оправятся.

– Возможно. Я попросила Зарю помочь. Один из троих изводит нас мольбами о вашей фотографии. Двое остальных говорят мало, но все время улыбаются. Они постоянно мастурбировали, так что пришлось надеть на них наручники.

– Приношу свои извинения. Я тогда не вполне еще понял, что Заря сделала со мной.

– Вас коснулись боги, и вам не пришло в голову проверить их дары? – спросила Лестак устало. – Что ж, вы всегда оправдывались так. Виноваты другие, не я.

– Мам, это в чем виноваты другие, а не он? – произнес тонкий голосок.

Форстер вздрогнул. Детский голос донесся с переднего сиденья. Наверное, это Исси, дочь Лестак. Удивительно, что комиссар позволила слышать ее.

– Милая, это взрослые разговоры. Не перебивай. Лучше поиграй с куклой.

– Но, мама...

– Ш-ш-ш.

– Вы взяли ее с собой? – изумился Джек. – И еще упрекаете меня в безответственности?

– Исси часто летает на флаере. Она любит летать.

– Я все могу видеть сверху! – радостно пропела Исси.

«Слушай, я могу проникнуть в этот фетч, – прошептал Фист. – Может, отыщу чего полезного».

«Нет. Я не хочу, чтобы ты случайно причинил ей вред!»

«А я вас слышу! – вмешалась Исси. – И я вовсе не „этот фетч“. Я – Исси».

«Вот дерьмо, она подключилась к нам!» – процедил паяц.

Исси хихикнула.

«Потому-то она и здесь. Блокируй ее!» – приказал Джек.

– Они говорят обо мне, а я не могу слышать, – пожаловалась девочка.

– Хорошо, что ты мне сказала. Ведь это очень невежливо – говорить о людях за их спинами.

– Конечно! А еще невежливее закрываться, когда люди поняли, что о них говорят!

– Я уверена, что Джек больше не позволит такого Фисту. Ведь не позволите? – Лестак глянула на Джека.

«Ладно, оставь, – велел он Фисту. – Хочу услышать, что собирается сказать нам Лестак».

Мерцающая фигурка паяца возникла на соседнем кресле.

– Обещаю быть паинькой, – сообщил он.

– Я и забыла, насколько реальным ты выглядишь, – заметила Лестак.

– Не меньше, чем Исси, – вставил свое Джек, сознательно провоцируя комиссара.

Однако та промолчала. На секунду воцарилась тишина, а потом Исси высунулась из-за кресла. Если бы не белая маска черепа, она была бы идеальной симуляцией маленького ребенка.

– Опять та забавная куколка! Можно с ней поиграть?

В ее глазницах, словно вата, лежал плотный туман. Когда она говорила, языки тумана вырывались из пустого рта. Джек постарался сдержать дрожь. Получилось не очень.

– Фист не причинит ей вреда, – объяснил он Лестак. – Мы таким не занимаемся.

«Скукота-а-а...» – протянул паяц.

Лестак кивнула. Исси взвизгнула от радости.

– Поиграй. Но осторожно! – предупредил Джек.

– Я не игрушка, – пробурчал Фист, но послушно встал и перепрыгнул на сиденье к девочке.

Та подвинулась, освобождая место, и они уселись рядом: одно лицо костяное, второе – деревянное. Лестак посмотрела на них с легкой тревогой. А девочка с паяцем сразу же принялись перешептываться и хихикать.

– Что, Исси, секретничаете? – спросила комиссар.

– Ну да!

– Мы тоже собираемся пошептаться. Вы уж с Фистом позаботьтесь о том, чтобы нас никто не услышал.

– А ты говорила, что это невежливо!

– Правильно, дорогая, но не тогда, когда люди делятся секретами.

На мгновение повисла тишина, а затем фетч с паяцем объявили в один голос: «Мы за файрволом!» И снова принялись шептаться и хихикать. Лестак вздохнула с облегчением.

– В ее глазах полно сетевых программ, – заметил Джек. – Используете ее как защиту?

– Я забочусь о ее безопасности. И о своей заодно. У людей моей профессии хватает могущественных врагов.

– Да, здорово иметь маленькую помощницу, – поддакнул Джек.

– Послушайте, Джек, вы здесь только потому, что Корасон отнеслась к вам серьезно. А она умела видеть ситуацию и разбиралась в людях. И потому никто не должен слышать нас. Но лучше вам не нарываться.

С пассажирского сиденья донесся презрительный смешок.

– Мне жаль Корасон. Она была хорошим копом.

– Заря сообщила, что передала вам новую информацию.

Последние минуты Корасон снова всколыхнули память Джека. Но увиденное уже стало пережитым, потеряло остроту – и сделалось почти выносимым.

– Это правда, – подтвердил он.

– Мы обнаружили, что вы встречались с Корасон, и решили, что это вы убили ее.

– Я не причастен к убийству.

– Заря подтвердила это. Жаль, что она не пришла к нам раньше.

– Она взбалмошная, – вздохнул Джек. – Как думаете, она знает, кто застрелил лейтенанта?

– Нет. И это ее разозлило больше, чем убийство.

Джек вспомнил, как разъярилась богиня из-за того, что не узнала мгновенно о смерти своей подопечной.

– Ко мне приходил и Сандал, – сообщила Лестак. – Охранники, которых вы свели с ума, – его подопечные. Сандал был в ярости. И так, два явления Пантеона за день – и оба насчет вас. Думаю, если бы Сумрака не изолировали, он явился бы тоже. Джек, чем вы привлекли столько внимания?

– Я пытаюсь выяснить правду об убийстве Пендервилля. И об Ауд Ямате с ее патроном. А теперь и о Корасон.

– Такая правда убивает. И делает вас очень опасным.

– Не по моей воле.

– Сандал хотел, чтобы я арестовала вас и продержала до тех пор, пока Фист... В общем, вы понимаете. А Заря требовала, чтобы я дала вам полный доступ к Бородавке и Дому.

– И разразилась война в Раю, – хмыкнул Джек.

– Похоже. Кому-то следует вмешаться и выступить судьей.

– Нелегкая задача.

– Да уж. И потому нам нужно поговорить. Смерть Корасон доказала, что вы не совсем ошиблись. Но я не позволю вам и дальше лезть напролом и подвергать людей риску. А еще мне нужно ублажить и Зарю, и Сандала.

– И что же вы собираетесь делать?

– С вами – ничего, – отрезала комиссар. – Я не изменю ваши права допуска на Станцию. И не позволю вам подключиться к сети, посещать Бородавку либо Дом. Но я не собираюсь более ограничивать вас и в тюрьму сажать не стану.

– Это разозлит обоих богов. И не поможет мне.

– Я разозлю их в равной мере, и они станут выяснять отношения друг с другом, а не со мной, – пожала плечами Лестак. – А я не подряжалась защищать вас. Мой долг – защитить Станцию. Когда-то это было и вашим долгом.

– Это до сих пор мой долг, – сказал Джек. – Здесь запахло гнилью. Семь лет назад убили человека с ведома и при попустительстве Пантеона. А преступника спрятали боги. Фетчей изолируют. Убили Корасон.

– Так почему же не прикончили и вас?

– У меня друзья наверху, – зло бросил Джек.

На переднем сиденье взвизгнули и залились смехом.

– Тише, вы двое! – буркнула Лестак.

Впереди сдавленно захихикали и потом притихли.

– Я не хочу умолять. Но мне необходим доступ к Дому. – Форстер постарался, чтобы его голос звучал убедительно. – Я хочу найти Ауд Ямату.

– Вы знаете, где она может находиться? – Лестак впиалась взглядом в Джека, мгновенно превратившись в следователя, почуявшего прорыв в деле. – А не поделитесь ли со мной вашими соображениями?

Он задумался, прикидывая, сколько можно рассказать Лестак, сколько она запишет и насколько защищены ее записи. Видимо, Заря не доверяла комиссару – вернее, не доверяла самому Внубу. Да и гибель лейтенанта не прибавила доверия к полиции.

Салон наполнился низким гулом. Мимо прополз буксир, волокущий к

Бородавке вереницу контейнеров. Форстеру представились предметы роскоши, которые плывут сейчас, чтобы увеличить богатство Дома. Затем он подумал о заполненных «потом» контейнерах, а возможно, и целых караванах, сделанных невидимыми с помощью программ, предназначенных для скрытия потогонов.

– Лестак, я пока не знаю ничего сверх того, что знал семь лет назад, – солгал он.

– Если наткнетесь на что-нибудь новое, сообщите нам. Не пытайтесь расследовать сами.

– У вас же есть записи Корасон. Столько данных по делу мне и не снилось. Она выслеживала Ямату, та догадалась об этом – и убила лейтенанта. Если вы посмотрите записи, то отыщете все нужное.

– Тут у нас проблемы... – Лестак прикрыла лицо рукой, устало потерла лоб.

– Постойте, так вы смотрели их или нет? – насторожился Джек.

Лестак молчала.

– Господи боже, ведь из-за данных ее и убили! За то, что она раскопала!

– Там был хромакодовый вирус. Мы проследили его до сетевого символа, нарисованного на тротуаре у ее квартиры. Вирус проник в ее сетевую оболочку и уничтожил все записи.

– По-вашему, это совпадение? Думаете, какой-нибудь программист-маньяк мог сотворить подобное?

– Нет, это не совпадение, – ответила Лестак и зашептала тревожно, будто шепот мог сделать сказанное не таким опасным: – Конечно не мог, я согласна с вами. Тут что-то не так, и оно идет от самого верха. Но я не могу позволить вам расследовать. Вас вывели из игры семь лет назад – и вы все еще вне ее.

– Лестак, прислушайтесь к своим же словам. Вы же в панике!

– Конечно. Это же страшно! Преступников я могу закрыть или выбросить из сети, продажных копов мы находим и вышвыриваем. Но если преступник – бог, что я должна делать? Как я могу остановить его? Да я даже подумать не могу об этом без риска для себя! Джек, я возьмусь за расследование, но двигаться буду очень аккуратно. Ни в вас, ни в этом создании нет ни грана аккуратности. Вы даже нормальным полицейским не стали. А теперь вы вообще всего лишь ущербная пешка, не понявшая, на кого замахнулась, пока не стало слишком поздно. С вами рискованно связываться. Корасон – тому подтверждение.

– А что будет с вашими находками? Они пропадут тоже?

– Я в полиции намного дольше Корасон. А мой покровитель гораздо сильнее и жестче Зари. Та, будь она благословенна, идеальна для начинающих старлетов и флешмобов вокруг сетевых знаменитостей. Но она не боец. Ей далеко до Розы.

– Значит, вы не поможете мне?

– Нет. Однако я буду следить за вами. И если увижу хоть малейшую попытку заняться расследованием самому, то возьмусь за вас так, что вы позабудете, какой сейчас год. И примутся за вас не простак Санда. Я знаю, что сотворила с вами Заря и каким оружием вы владеете. Мы пошлем за вами кастратов. Их вы не остановите.

– Кастраты? Я думал, они...

– Джек, они – не выдумка. Нам и раньше приходилось сталкиваться с теми, кого наделила своими программами Заря. Роза разработала свое оружие против них. Джек, отступите. Вы не были профессионалом семь лет назад, и вы уж точно не профессионал сейчас. Если продолжите копать, станете опасным и для себя, и для всех, кто общался с вами.

Флаер пошел на снижение.

– И помирись с родителями. – Голос Лестак зазвучал мягче и добрее. – Не всем так везет – иметь возможность попрощаться заранее. Иногда быть выброшенным из игры – привилегия. Это значит, проигрыш вам не грозит. А значит, и хуже уже не будет.

Легкий толчок – флаер коснулся земли.

– Исси, дорогая, заканчивай игру. – Комиссар повернулась к пассажирскому сиденью.

Потребовалась пара минут, чтобы убедить девочку вернуть паяца Джеку. Тому представилось, как размыкались системы безопасности и отключались порты, пока девочка не отдала новую куклу. Да, дома Исси – образцовое воплощение маленькой девочки. А здесь – правда ее посмертия.

Андреа отказалась показать Джеку себя. Исси слишком мала, чтобы тревожиться о том, как ее видят. Джек сам не понимал, испытывает он боль или радость, глядя на нее. Интересно, какой ее запомнила Лестак? И не закрыла ли уже в ее памяти белая кость живое и теплое лицо дочери?

Флаер взлетел, Исси помахала в окно рукой – розовый мельтешащий цветок за окном. Джек смотрел им вслед и вспоминал, что сказала ему Лестак на прощание. Уже разомкнув наручники и сняв с него капюшон, комиссар сказала: «Джек, уходи. И не оглядывайся».

«И конечно, ты ее не слушаешь», – заключил Фист.

«Конечно», – подтвердил Форстер.

«Девчонка – прелесть. Лестак ее держит на четырех годах, но Исси все

равно умница. Она поняла, что я не в клетке».

«Черт! Она расскажет Лестак!»

«Не расскажет, я взял с нее слово. А взамен она открыла мне свои секреты. Тайны фетчей».

«И в чем они заключаются?»

«Ты что, я не могу рассказать! Я же обещал!» Фист изобразил крайнее негодование.

«Если бы я не знал тебя, решил бы, что ты стал сентиментальным».

«Я? Сентиментальным? Зато теперь я могу убивать и фетчей».

Глава 28

Растянувшись на софе, Гарри потягивал сигарету. Андреа поблизости не было. Джек не стал спрашивать, где она.

– Так ты, значит, видел этого ее ребеночка с черепом вместо лица? До чего ж я рад, что сам построил себя – и выкинул программку черепа. Мне не понравилось бы таскаться по улицам с таким вместо башки. Шляпа бы соскальзывала. А дым от этой штуки, – Гарри махнул сигаретой в сторону Джека, – лез бы через глазницы. Не слишком пристойно на вид. Радуйся, что благодаря твоему засранцу этих проблем у тебя не будет.

Он ткнул пальцем в сторону Фиста. Тот подчеркнуто проигнорировал грубость.

– Кстати, а что нам делать с Яматой? Нельзя ей спускать с рук, но, черт, выследить не получается. А вот если бы мы могли проломиться сквозь клетку Фиста, чтобы я смог воспользоваться его возможностями, я мог бы копнуть и поглубже. Если я не смогу найти ее, у нас полный ноль.

– Мы получили всю необходимую информацию от Ахматова, – сообщил Джек. – Так ведь, Фист?

– О да, я знаю точно, где она, – ответил паяц.

– Ну давай тогда выкладывай, – лениво процедил Гарри.

– Я скажу тебе, только если получу, э-э... кое-какие гарантии от Джека.

– Что? – изумился Форстер. – Фист, да бога ради!

Хотя он не слишком удивился. После встречи с Зарей общаться с паяцем стало гораздо легче. Впрочем, прежнее упрямство рано или поздно вернется.

– Что за херню несет этот мелкий кусок дерьма?! – взревел Гарри и двинул паяца большим пухлым кулаком.

Но кулак прошел сквозь висок паяца, будто сквозь туман. Лицо Фиста на мгновение зарябило помехами. Он хихикнул.

– Старикан, а ты по-прежнему всего лишь призрак! И меня не тронешь, разве что Джек разрешит, а он-то не разрешит!

Он повернулся к хозяину и объявил:

– Я хочу, чтобы ты ни в коем случае не позволял Гарри лезть в мои системы. Если пообещаешь, я расскажу, как найти Ямату.

– Ну ты и говнюк! – покачал головой Гарри.

– Послушай, насколько я знаю, чтобы выследить Ямату, тебе не нужны мои программы. Никакие. Чего ж ты разнервничался так, а? – осведомился

Фист.

– Потому что тебе следует делать то, что прикажет Джек. А ты мне нужен.

– Чушь! Тебе просто охота вертеть мной, как ты вертишь Андреа. Охота заполучить еще одного раба.

– Она не рабыня, а чертов фетч. А с фетчами оно именно так. Я, как режиссер, вытаскиваю наружу и показываю лучшее в актерах. И твое лучшее вытащу наружу, использую тебя, чтобы находить, вламываться в найденное и разносить его вдребезги. Для того ты и сделан, – процедил Девлин.

– Гарри ничего подобного не сделает с тобой, – заверил Джек, старающийся обуздать злость.

– Что?! – изумился бывший инспектор.

– Ты обещаешь? – пропищал Фист, подпрыгивая от радости.

– Обещаю.

– Мамой клянешься и зуб даешь?

– Ради бога, я же сказал – нет. Значит, нет, – проворчал Джек. – Гарри никогда не получит доступа ни к одной твоей системе.

– Ура! – заголосил паяц. – Гарри, ты мне не босс!

– Ты, дерьмо мелкое, дай мне только добраться до тебя...

– Уже не доберешься!

– Вы двое, прекратите! – рявкнул Джек. – Мы хотим разнести в клочья Ямату, а не друг друга.

И паяц, и бывший полицейский посмотрели на Форстера удивленно – словно расшалившиеся дети, застигнутые врасплох взрослым, – и послушно замолчали.

– А теперь говори, где она, – приказал Джек паяцу.

– Помнишь, Ахматов сказал нам, что Ямата работает в охранной фирме в Шелти? Думаю, я нашел эту фирму. Гарри, тебе нужно проверить. Вот данные.

Девлин принялся читать, водя глазами вдоль невидимых строчек.

– Ясно, – удовлетворенно заметил он. – Я их просмотрю, проверю защиту. Как только мы найдем способ сунуть тебя и мелкого засранца в их сервера, решим все наши проблемы.

– Ты так уверен в себе. А если тебя поймают? – спросил Джек.

– Я прячусь в сети уже два года. Перемещаюсь по трубам, стою за дверями, прячусь в тени. Не стоит беспокоиться обо мне. Вопрос в том, как тебя незаметно провести в Дом под носом у Внуба.

– Не важно, увидят они меня или нет.

- Что-то ты обнаглел, Джек Форстер, – заметил Гарри.
- Дело не в наглости, а в поддержке. И теперь она у меня есть. Тотальность поможет мне.
- Бесплезные ничтожества! – фыркнул Девлин. – Хорошо, если хоть на что-то сгодятся.
- Еще как сгодятся, – заверил Джек. – Когда выступаем?
- Тут нужна осторожность. Потребуется день-два.
- У меня б заняло полчаса, – пискнул Фист.
- Тогда, мать твою, помоги мне! – рявкнул Гарри и, обращаясь к Джеку, добавил: – Сможешь попасть в Дом послезавтра?
- Не сомневайся, смогу.
- Отлично. Я буду на связи, – заключил Гарри и пропал, оставив после себя клуб дыма от последней затяжки.
- Дым завис посреди комнаты, расплываясь от виртуального сквозняка, и вскоре пропал тоже. А Джек наконец вздохнул с облегчением.
- С чего ты разозлился? – спросил он у паяца.
- Не хочу, чтобы Гарри использовал меня. Чтобы внутрь залез. Я не люблю, когда мной управляют.
- Да он всего-то хотел подключиться к части твоих систем.
- Он бы этим не ограничился, уж поверь.
- И что? Как он тебе повредит? Он блефует.
- Джек, ну черт подери, ты и впрямь совсем не сечешь, каково оно – быть программой? Помнишь, как Сумрак меня пользовал? Как только кто-то забирается в меня, сразу начинает безобразничать.
- Я не разрешу Девлину безобразничать.
- Думаешь, это его остановит? Если б Заря захотела, она бы меня изжарила вконец. А не изжарила она потому, что не хотела нарушать лицензию, связывающую меня с тобой. Лицензия – закон. Суть Пантеона. А Гарри наплевать на законы. Как только тыпустишь его, он сотворит, что ему заблагорассудится.
- Он же фетч. Фетчи такого не могут.
- А вот и нет! Он перестроил себя. Когда я секретничал с Исси, то увидел, как работают фетчи. Она поделилась со мной секретом. У Гарри другая структура. И время запаздывания реакции совсем другое. Он базируется не на Гробовых Драйвах.
- Девлин сбежал оттуда и провел несколько лет в бегах. Конечно, он работает не так, как подобия Исси.
- Если б дело было только в этом, – хмыкнул Фист.
- Ты пытался отследить его? Выяснить, где хранятся его данные?

– Я не могу его зондировать. Он сразу поймет, что я делаю. А нам этого не надо.

– Боишься его?

– Мать его, конечно боюсь! Если дать Девлину волю, он меня выпотрошит и зажарит, как рыбку-фистушку, – может, и покруче нашего приятеля из Пантеона. Если тот, конечно, таки наложит на меня лапы.

Форстер рассмеялся.

– Да как ты смеешь потешаться? – взвился Фист. – Я думал, сучка Заря меня и вправду прикончит! Я хочу достать гаденыша, устроившего нам всем бучу, до того, как она или он достанут меня!

– Они хотят сохранить тебя.

– Ты сам сказал, что это полная чушь!

– И что это за чушь? – раздался вдруг знакомый голос.

Андреа была без макияжа. У Джека защемило сердце. Он вспомнил, как в последний раз видел ее такой. Сейчас на ней было темно-красное, цвета свернувшейся крови, платье, а кожа казалась очень бледной и свежей. Эта Андреа была совсем юной.

Джек не ответил ей.

– А, не важно, – сказала она. – Я только что обнаружила послание, которое оставила самой себе. Там говорилось просмотреть его вместе с вами. Думаю, это слайд-шоу.

– Подожди! – попросил Джек.

Но она взмахнула рукой, и полилась музыка. Вначале барабанных перепонок коснулся ритм – навязчивый, завораживающий, но такой тихий, пришлось напрячься, вслушиваясь. Ритм вбирал в себя посторонние шумы, наливался силой, делался богаче, громче.

– Что это? – спросил Джек.

– Ш-ш-ш, слушай внимательно! – прошептала Андреа.

Зашумело, затрещало. Прерывистые гитарные аккорды накладывались на барабанную дробь, взвиваясь и опадая, словно птица на испорченной киноплёнке снова и снова пыталась коснуться воды.

«Она хочет проекцию видео!» – прошипел Фист.

«Позволь ей».

На пустой стене комнаты появились изображения. Большинство – черно-белые. Среди них – несколько цветных, сразу притягивающих взгляд. В мелодию вплетались звуки новых инструментов, затем – человеческая речь. Джек услышал голос Гарри. Цветное фото заняло всю стену. На нем – смятые простыни, плечо, его гладит женская рука. Прошла пара секунд, и появилось фото окна, видимого снизу. От света ламп Хребта дождевые

капли на стекле сверкали, как бриллианты. Следующее фото: письмо, написанное от руки. Но оно исчезло слишком быстро, Джек не успел ничего прочитать. На стене кошка прыгнула на носок. Мгновение – и снова перемена. Музыка зазвучала вразнобой со сменой кадров. Мелодии искажались, вторгалась речь, бессмысленные, вырванные из контекста клочки. Гарри все еще говорил, и в его голосе слышалась беззаботная радость, какой Джек не замечал никогда. Ласковые, нежные слова шепотом, полуночный говорок влюбленных, такой звучный посреди спящей Станции. Затем в смесь ворвался голос самого Джека – такой молодой и свежий.

Замелькали новые фото: закипающий чайник, сад, болтающаяся на дереве игрушка, руки, вытаскивающие рубашку из сушилки. Джек узнал свои руки – и душу затопило воспоминаниями. Музыка и запечатленные мгновения тянули за собой из памяти все больше, и перед Джеком встала картина прошлого, каким его видала Андреа. Блестело стекло часов на прикроватной тумбочке. Они каждый день будили Джека и гнали на работу. Вот из-за неловкого движения опрокинулся стакан виски с эмблемой «Виста-клаба» на нем. Виски пролилось на Андреа. Тогда оба вернулись домой на такси, и она поспешно, путаясь в пуговицах, сбросила промокшую одежду. Потом они занялись любовью. Гарри не было дома, и Джек с Андреа впервые провели целую ночь вместе.

Вздохи, тихий шепот, смех. Звуки и образы сплелись в безошибочные заклинания, команды, записываемые прямо в память Джека, заставляя пережитое воплощаться в явь перед глазами. Вспыхнул калейдоскоп вчерашнего, ушедшего, затмил настоящее, сделал богаче, глубже и гораздо живее. На мгновение Джек ощутил себя в том времени, когда был с Андреа. Радость захлестнула его, и он позабыл, зачем пришел сюда. Но интонация фильма переменилась. Осколки прошлого по-прежнему гипнотически пульсировали на стене-экране, но уже не трогали душу. Джек вернулся в настоящее.

«Это поразительно!» – воскликнул Фист.

«Да, затягивает по-настоящему».

«Я про Андреа. Посмотри на нее».

Андреа сидела неподвижно, замороженная мелькающими картинками прошлого, а ее одежда и прическа изменились, стали современнее. И на лицо легла печать лет.

«Она возвращается к себе прежней, – ахнул Джек. – Но как?»

«Это музыка и образы, – объяснил паяц. – Они заставляют включаться каналы памяти и реконструируют ее самое позднее „я“. Удивительное

дело!»

Джек подумал о том, когда еще слышал подобную рваную музыку. Наверное, в клубе Андреа восстанавливала себя после выступления. А Джек подумал, что она репетирует в комнате наверху. Возможно, Андреа в своем роде именно сочиняла, вплетая несколько новых часов жизни в музыку, эффективно и безошибочно отменяющую любую попытку вернуть фетч в юность.

«Ты посмотри только! Про Луну!» – охнул Фист.

Зрелище снова захватило Джека, хотя не как раньше. Теперь переживание было не таким личным. Ожило общее людское горе. Боль рвала сердце. Музыка будила память не только о погибших детях – вереница кадров завершилась гибелью самой Андреа. В разуме Джека полыхнула смерть Корасон. Он отвернулся от экрана, не в силах терпеть.

Когда Джек снова посмотрел на стену, вернулись кадры событий за два года до убийства. Стена показывала медленное угасание чувства к Гарри и одновременно становление Андреа как самостоятельной певицы и композитора. В конце концов на стене замелькали кадры посмертия, зазвучала музыка, восстанавливающая испытанное фетчем Андреа.

Настала тишина. Джек посмотрел на Андреа, ставшую собой. Она сидела, опустив голову и закрыв глаза.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

Она открыла глаза, посмотрела на него взглядом настоящей, нынешней Андреа.

– Ненавижу заниматься этим! Гребаные клубы! Чертов Гарри!

– Тогда почему позволяешь ему оставаться здесь?

– Ох, Джек... – Андреа обессиленно опустилась на диван. – Когда-то он был моим мужем. Да, Гарри – дерьмо, но куда ему податься? И по-своему он очень помог мне в последние пару лет.

Андреа смахнула прядь с лица:

– И поговорить мне почти не с кем. Ты же видел, как оно в клубах. Друзей вижу редко, их больше заботят живые. А моя семья предпочитает видеть меня молодой. Гораздо младше меня нынешней. Повзрослев, я отделилась от них.

– У тебя есть я.

– Но ты ведь не считаешь меня настоящей Андреа. Я обманула тебя. Ты мне сразу вывалил это. Ты еще в это веришь?

– Я не доверял тебе. Ты не сказала мне всей правды.

– Надеюсь, ты уже понял, почему нельзя было сказать тебе. А может быть, уже есть те, кому и ты не рассказал всей правды? – спросила она.

– Может, и есть. – Джек криво усмехнулся. – Ты так похожа на нее.

– Похожа? Всего лишь?

Джек промолчал.

– Потому я и хотела, чтобы ты услышал мое послание самой себе. Я знала, что ты именно это и скажешь. Ты только что увидел мои воспоминания, превращенные в программу, возвращающую мое «я». Джек, мое существо основано на памяти. Как и твое.

– Но я не умирал.

– Задумайся: каждые семь лет клетки твоего тела полностью обновляются. Тебя не было здесь семь лет. Сколько осталось тебя прежнего?

– Андреа, я – по-прежнему я.

– Ты – набор структур памяти, работающих на постоянно возобновляющейся платформе. Эти структуры – единственное устойчивое в тебе. То, что позволяет тебе оглянуться и узнать себя. Именно память делает тебя тобой, а не изменчивая оболочка плоти. Память делает мной меня. Да, мои структуры работают на другой платформе, но они – те же. И я изо всех сил пытаюсь сохранить их. Джек, я Андреа. Я та самая, что и годы назад, как и ты – тот самый Джек, который любил меня тогда.

«Ох, эта мутотень философская! Аж голова загудела. Кончай пускать сопли и просто трахни ее».

«Фист, заткнись!»

«Ах, сейчас бокальчик шампанского, потом активируем кожные рецепторы... И вот она может дотронуться до тебя! Давай, действуй, герой-любовник!»

Андреа заметила внезапную отстраненность Джека.

– Фист? – спросила она.

– Да. У него чересчур простые и сильные желания.

– Он реален?

– Свое «я» у него точно есть, – улыбнулся Джек. – Он останется в этом теле после меня. Так что да – он реален.

«Конечно!» – пискнул Фист.

– Ты его изрядно взволновала, – заметил Джек.

Андреа придвинулась к нему. Симуляторы прикосновений создали ощущение тепла, идущего от ее кожи. Виртуальное дыхание коснулось его щеки. Андреа тронула его лицо.

– А тебя? – спросила она.

Глава 29

Еще толком не рассвело, когда Джек пинком распахнул дверь на лестницу, вившуюся вокруг цилиндрической постройки. Когда-то это был газгольдер, теперь в строении разместили фабрику по утилизации металлолома. Темное нутро башни, видимое с окаймляющей верх балюстрады, напоминало железную пасть с торчащими обломками зубов. Лучи фонарей выхватывали из ржавой путаницы знакомые очертания машин.

«Поверить не могу, что у меня стоит автоматическая заглушка на интимные сцены! – сокрушался Фист. – Я и не подозревал о ней!»

«Прости, не выпало случая познакомить тебя с ней раньше». Отвернувшись от здания, Джек разглядывал панораму Дока.

«Ну, по крайней мере, тебя с Зарей я видел. Хотя, наверное, с богом оно не считается за настоящий интим», – заявил Фист.

Он возник в воздухе и уселся на перила рядом с хозяином.

«А я снова прокрутил письмо Андреа самой себе. Отличная работа! Эта девочка – умница».

«Я знаю».

Впереди карабкались вверх, в темноту, крутые улицы. Кое-где сквозь сумрак пробивался свет из окон, сияние фонарей, бегущие пятна от фар, очерчивая причудливые строения – частицы причудливых жизней их обитателей. Ночной Док был городом-загадкой, полным недосказанного.

«Теперь видеть его вне сети кажется таким естественным, – заметил Джек. – А раньше тихая спальня где-нибудь казалась мне верхом покоя, хотя и там обязательно порхала пара-тройка реклам – напоминание, что за стенами комнаты кипит жизнь. Чтобы человек не паниковал, ощущая себя отрезанным от остальных».

«Так мы можем нырнуть в сеть в любое время. Джек, тебе это надо сделать! Ты уже семь лет вне сети. А со мной ты увидишь все!»

«За этим мы и поднялись сюда».

Сверху донеслось гудение флаера, пролетевшего где-то высоко, у самого Хребта. Его лампы еще не включились. Их очертания угадывались в рассеянном сиянии города. От них донеслась вдруг серия резких щелчков.

«Заряжаются, – пояснил Джек. – Еще пара минут – и настанет день. Когда они включатся, возьми меня в сеть».

«Что?»

«Фист, разбуди меня вместе с городом».

«Я могу и прямо сейчас».

«Нет. Я хочу постепенно, шаг за шагом, чтобы уж наверняка запомнить все подробности».

Поначалу, казалось, ничего не изменилось. Затем бархатная темнота истончилась, рассвет окропил блеклым золотом дома и предметы, вызывая их к яви из ночного сна. Когда город вынырнул из сумрака целиком, Фист раскрыл первый, базовый компонент оверлея: лежащую на всем координатную решетку, дающую привязку к каждой точке активного входа. Док расчертили белые прямые линии, придавая видимость порядка городскому хаосу. Из каждого узла сетки брызнули бледно-серые лучи, разделив огромный цилиндр на множество кубиков.

«Фист, мы на каком масштабе?»

«Десять на десять метров. Самый мелкий шаг пространственной сетки – миллиметры. Но если я расчерчу поле зрения ими, ты не увидишь ничего, кроме них».

«Само собой».

«Насчет локаций: если не ошибаюсь, ты хочешь видеть только основные ландшафтные метки? Я могу показать базовые описания для всех кубов, но плотность данных большая. За тридцать-сорок метров от себя ты уже ничего не различишь...»

«Фист, показывай только метки. Детализация на уровне улиц, не больше».

В пустоте вокруг родилось информационное поле. Пространство расчертили красные и желтые линии. Летящие буквы соединились в слова, обозначающие улицы, площади, кварталы, дома и станции. Кубы заполнились цветными образами, описывающими состояние просыпающегося Дока. От одного квартала к другому текли волны красок, всякий раз меняя оттенки, превращая город в огромную палитру.

«Восхитительно, – резюмировал Джек. – А сейчас давай-ка посмотрим на людей».

«Уровень детализации?»

«Базовый».

«Я разделю пополам: красные – мужчины, синие – женщины», – предложил Фист.

«Покажи и потоконов».

«Ладно, они черные. Детализация минимальная, пиксель на человека».

Паяц махнул рукой, и колоссальную сеть вокруг испещрили крошечные пятнышки. Большинство красных и синих – в жилых кварталах.

Многие еще в постелях либо, по крайней мере, дома. Но некоторые уже ехали на работу – красные и синие точки словно припудрили улицы. Поезда представлялись цветными линиями, движущимися между длинными узкими сборищами точек – станционными платформами.

«В час пик их зальет целиком, – предсказал Фист. – Сплющит, как мягкое тесто. Прямо как мякишей, ха!»

«Фист, прекрати».

«Ты только глянь на потогонов!»

Город испещряла чернота. Большая часть черных точек собралась в группки.

«Еще спят на своих фабриках», – заметил Джек.

«Фабриках?»

«Так называются места, где они прячутся и загружаются „потом“».

«Разве потогоны не опасны под „потом“?»

«Если их не трогать – нет. А Внуб следит, чтобы их не трогали».

Несколько черных точек двинулись в сторону станций и главных улиц.

«Кто рано встает, первым „пот“ обретет! – пропищал Фист. – Интересно, увидим мы среди них Ахматова?»

«Я думал, ты его полностью обезличил».

«Но оставил персональные метки».

Веки паяца щелкнули, опустившись, – Фист сосредоточился.

«Вот он!» Паяц указал пальцем наверх и вправо.

Белый кружок выделил точку в переулке жилого квартала.

«Ахматов в задней комнате кафе».

«Разве Ахматова могут обслуживать? – удивился Джек. – Ты говорил, он теперь невидимка».

«Кафе еще не открылось. Наверное, он вломился внутрь, чтобы укрыться».

«Ладно, не будем отвлекаться, – решил Форстер. – База у нас в порядке. Теперь попробуем развлечения и коммерцию».

В картинку словно выстрелили цветной дробью эмблем и вывесок. А с ней, врезаясь в глаза и уши, прилетела жуткая какофония тысяч слитых воедино рекламных завываний.

«ФИСТ!!!» – заорал Джек.

Он согнулся, как от удара кулаком в живот, и зажмурился, прижав ладони к ушам.

«Ох, дерьмо, забыл ограничители!»

Рекламный вой стих так же внезапно, как и прилетел.

«Фист, черт побери, никто же не слушает все сразу!» – с трудом

выговорил Джек, отняв ладони от ушей и потрянув головой.

Вокруг кипел разноголосый галдеж. Мир сверкал картинками, сетевыми значками, видеороликами, и все это сопровождалось песнями и криками. То там, то тут вспыхивали одинаковые эмблемы торговых сетей: ломти пиццы пританцовывали на толстеньких ножках, кружки с кофе летали на трепещущих, глянцевито-коричневых крылышках, а гламурный лоточник вдохновенно пел о своем товаре. Стоило Джеку задержать взгляд на символе, тот расползлся на четверть экрана. Если выждать пару секунд, из символа поползут описания скидок и предложений.

«Я уже и забыл, как ненавидел все это», – покачал головой Джек.

«Ничего, сейчас выправлю».

«Сможешь блокировать?»

«Большинство бы не смогло, а я все сделаю!»

Мельтешение значков заметно замедлилось.

«Семь лет назад их было меньше», – вздохнул Джек.

«Эй, посмотри! Там что, и в самом деле танцующий у шеста гамбургер?»

«Боюсь, что да».

«Ваши культурные достижения не перестают меня восхищать».

«Кстати, выжженные места тоже показались на сетке», – сообщил Джек.

«Они в одном слое с коммерцией? Ух ты!»

Над городом висели лица детей – черно-белая память об ушедшем. Образы сменялись каждые полминуты, одно скорбное лицо медленно перетекало в другое. Иногда вспыхивали слова, например «помни», или «невинный», или «нет с нами».

«Депрессивненько смотрится», – сообщил Фист.

«Так и было задумано. А теперь – социальные сети».

«Ладно».

Архитектура Дока проектировалась с расчетом на социальные сети. По всему полю зрения вспыхнули узлы и магистрали неформальных человеческих связей. Деловито пульсировали неформальные группы по интересам, люди вносили первые утренние дополнения в свой статус, здоровались с приятелями на разных концах города. За неформальными сетями тускло поблескивали корпоративные. Скоро пробудятся и они. Часть превратится в плотные раздутые сгустки – служащие соберутся в офисах, заводах и магазинах. Другая часть, от сетевых фирм, не требующих сбора сотрудников в одном месте, останется растянутой по городу. Небольшая толика потянется вместе с рабочими за пределы Дока, в

Бородавку или даже Дом. И уж совсем тонкий пучок прыгнет в пустоту, полезет к Хребту и гаваням за ним и еще дальше.

«О чем сегодня говорят?» – осведомился Джек.

Мир заполнился человеческим гамом. Различить что-то связанное было трудно. Люди радостно гомонили, приветствуя новый рассвет, нового партнера, даже новую чашку хорошего кофе. Другие, унылые, с тоской глядели на очередной день работы, брюзжали об одиночестве и холодной постели, стонали от похмелья.

«Так все банально!» – заныл паяц.

«Обычные человеческие дела. Столь же важные, как необычные».

«И зачем слушать их глупости? Что дальше?»

«Покажи мне Пантеон», – попросил Джек.

«Богов? Но они увидят тебя».

«Фист, я доверяю твоим охранным системам».

«Хорошо, я их иницирую. Но – терпение. Их не сразу загонишь на место. Закрой глаза».

«Фист...»

«Закрой, я сказал».

Джек зажмурился, и мир исчез. Сумятица утренних голосов плеснула в уши и стихла. Пронзительно свистя, забился в металлических конструкциях ветер. В небе вспыхнуло что-то невыносимо яркое даже сквозь веки. Дрожа, родился тяжелый фабричный гул – словно хор машин пел в стальной церкви.

«Джек, ограничиваю сигнал!»

Гул стал ревом, затем ослаб, стих до мягко пульсирующего ритма. Вспышки и гул за ними повторились одиннадцать раз, неизменно слабея, отфильтрованные Фистом.

«Как оно?» – поинтересовался Джек.

«Трудно с их сигналом справиться, не выдавая наших сигнатур, но можно. Сейчас, ага... Все, открывай глаза!»

Мир снова изменился. Хребет заменили шесть огромных божественных символов, представляющих каждого из Пантеона. Лишь два отдаленно напоминали людей: Королевство с бритой головой и как всегда великолепная Заря. Она предстала во весь рост, одетая в мерцающее платье, струящееся и изменчивое, как сама мода. Впрочем, Заря и была воплощением моды. Программы Зари откликнулись на явление богини, и на мгновение, пока Фист не блокировал сигнал, Джек влился в армию ее восторженных почитателей, истово воспевающих ее ослепительный стиль.

Остальные божества предстали абстракциями. Лепестки Розы были

обычного убийственно-алого цвета, мягкие и нежные – но теперь из-под них выглядывали острые зеленые шипы. По-прежнему медленно и плавно вращался стеклянный куб Санда. Близнецов представляла длинная череда качающихся весов. Сперва синхронно поднимались чашки с одной стороны, потом с другой. И конечно же, здесь был Сумрак.

Низвергнутый бог, более не способный действовать самостоятельно. Однако конкуренты еще не смогли поглотить все его корпоративные структуры. Тысячи людей еще нуждались в его программах, доступе к данным на его серверах, его стратегическом планировании, финансовых службах. Так что ворон Сумрака еще сидел среди богов, но его унижение было очевидным. Широкая стальная лента опоясала его, сдавив крылья. С кольца, не дающего раскрыться клюву, свисала цепь, прикованная к серебряным кандалам на лапах. Вокруг головы обмотана закрывающая глаза тряпка. Символ Сумрака словно окаменел в своем унижении.

«Больно это видеть, – сказал Джек. – Раньше его ворон был такой живой, такой зоркий».

Когда-то птица постоянно вертела головой, почесывая взором Док и отслеживая каждую коммерческую операцию.

«Послушай, Джек, они... Они же огромные!»

«К ним привыкаешь. И вскоре уже не обращаешь внимания».

«Не обращаешь внимания?!» – изумленно выдохнул Фист.

От основания каждого символа ниспадали в город тысячи серебристых нитей. Каждая – связь с почитателем бога, сверкающая бегущими огоньками. Небесный патрон обменивался данными со своей клиентурой. Чем гуще и толще серебристый пучок, тем больше приверженцев.

«Посмотри на Сумрака», – кивнул паяц.

Идущий от его символа пучок был куда тоньше, чем у остальных одиннадцати, и свинцового цвета.

«Удивительно, что у него осталось столько поклонников, – протянул Джек задумчиво и вдруг предложил: – Давай посмотрим на моих родителей!»

«Отца твоего я вижу. И спасибо Исси, теперь могу отслеживать фетчей. О, вон и мамочка!»

«Убери остальных».

Россыпь точек растаяла, оставив единственный красный пиксель рядом с единственным синим на далекой улице за Хребтом.

«Наверняка они еще в кровати».

Джеку вспомнилось детство и то, как надежно и спокойно ему спалось с мыслью, что родители рядом, за стеной. Они ведь крепкий теплый заслон

от ночных страшилищ, защита от мелких бед и горестей обычного ребенка из обычной семьи на Станции.

«Можно посмотреть на них вблизи?» – спросил он, удивляясь спокойствию своего голоса.

«О да! – Фист скабрёзно ухмыльнулся. – Вдруг да и увидим кое-что, хе-хе! Будет мне компенсация за прошлую ночь».

«Фист, мать твою! Если что, немедленно отключись. Как смотреть?»

«Да легче легкого! Хм, ну-ка... Так, лучший способ – через блок следящих за улицей видеокамер. Хотя оно, конечно, не без риска. Камерами заведует Роза, а у нее коды железные».

«Если Гарри умеет взламывать камеры, то сумеешь и ты».

«А-а, этот склизкий хитрый гад! Так, надо по-быстрому...»

Фист закрыл глаза и отправился мысленно в сеть, разыскивая линзы, способные увеличить изображение. Джеку уныло и растерянно глядел на пару точек, почти недостижимо далеких.

«Готово!»

Перед глазами Форстера полыхнул яркий прямоугольник, высветив улицу с цветными домами. Джеку показалось, будто открыли окно в память.

«На гнезде с камерами есть видеодроны. Сейчас подхвачу один», – сообщил паяц.

Вид изменился. Робот-муха снялся с камер, полетел, завис перед окном дома на втором этаже. Оно было распахнуто, но задернуто шторами. Фист направил муху в спальню. На двуспальной кровати лежал отец.

«Подключаю твою маму...»

«Разве для этого не придется менять ее установки? Это же может только отец!»

«Исси мне показала, как взломать их ненадолго».

На кровати вдруг оказались двое.

«Звук!» – потребовал Форстер.

Отец храпел. У Джека защемило сердце. Так захотелось шагнуть туда, в старый дом, вернуться в детство!

«У тебя всего полминуты», – предупредил Фист.

«Подведи камеру ближе!»

Отец испустил в особенности звучный храп. Мама пошевелилась, протянула руку, чтобы толкнуть его. Он заворчал, перевернулся на другой бок. Джеку представилось, как процессоры его мозга симулируют прикосновение. Мама вздохнула, убрала руку – и вдруг напряглась.

«Она просыпается! Уходим!» – прошипел Фист.

«Нет, остаемся. Я хочу увидеть ее».

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – спросила она, приподнимаясь на локте.

«Черт! Она сканирует нас!»

Женщина повернулась к камере.

«Исси предупреждала: они способны на это! Все, прерываю связь!»

«Нет».

«Джек, это опасно!»

Женщина подалась вперед, и на ее лицо упал свет, просачивающийся в узкую щель между штор. Джек охнул. Он увидел мать впервые за семь лет. Она казалась такой живой, такой настоящей.

«Что здесь? – прошептала она. – Кукла?»

И затем выдохнула чуть слышно, растерянно, отчаянно:

«Джек?»

«Она засекла нас!» – взвизгнул паяц.

«Фист, ты не разорвешь связь!»

«Еще мгновение – и Внуб засечет нас, Пантеон нас увидит! Мать твою, Джек, ты гребаный идиот!!!»

Но Форстер его не слушал.

«Мама?»

«Это и в самом деле ты?»

Отец пошевелился.

«Мама, это я», – прошептал Джек, не зная, может она его слышать или нет, забыв на мгновение о том, что она давно мертва и он не стоит перед нею.

«А мне сказали, что ты... Ох, Джек, ты ли это?»

Раздался треск, словно от электрического разряда, – и экран погас. Джек представил робота-муху, падающего на пол в далекой комнате, отца, придвигающегося к плачущей жене.

«Я же говорил тебе не отключаться!» – крикнул он яростно.

– Он и не отключался, – появившись внизу лестницы, сказал Сумрак. – Прервал связь я.

Бог поднимался по ступенькам, и под его ногами звенел металл.

– Ты подошел вплотную к границе. Еще пара секунд – и вы оба оказались бы в большой беде.

– Ты наблюдал за нами все время?

– Я установил сигнализатор на тот случай, если ты выйдешь в сеть. Подумал, что тебе не помешает толика конструктивной критики. И как оказалось, не ошибся. Приятно сознавать, что я еще могу быть полезным, хоть мне и подрезали крылья.

Сумрак указал рукой на свой символ:

– Отвратительно видеть его таким.

Раздираемый яростью и болью, Джек молча глядел на бога, не решаясь раскрыть рот, – наружу бы вырвались только проклятия. Неловкую тишину нарушил Фист.

– У меня все под контролем! – объявил он угрюмо.

– Не сомневаюсь, – заметил Сумрак с ледяной вежливостью, указывающей на то, что он несколько не верит паяцу.

– Да пошел ты! – взвился Фист. – И не вздумай снова ковыряться в моей гребаной голове!

– Можешь не беспокоиться, в этом нет надобности. Надеюсь, теперь ты понял, что нам обоим угрожает один враг. Мне остается всего лишь смиренно попросить о помощи. Вы же не против? Для вас двоих это не составит труда.

Фист сделал вид, что сплюнул.

– Но не стоит тратить время на бессмысленную перепалку. Джек, хочу поздравить тебя с успехами.

Форстер наконец справился со злостью и ответил вопросом:

– Ты что имеешь в виду?

Бог ступил на галерею, и Джек попятился.

– Тебе нечего бояться, – заверил Сумрак.

– Я не боюсь. Но я не доверяю тебе.

– Мальчик мой, если бы я хотел навредить, то позволил бы тебе болтать с дорогой покойной мамочкой до тех пор, пока все на свете не поняли бы, что твой паяц уже не в клетке. И что бы ты делал тогда? Тебя посадили бы в ячейку Тьюринга, с которой ты уже познакомился на Каллипсо, и продержали бы пару оставшихся тебе месяцев. Итог: ты – мертв, Фист достался врагам. Я не хочу, чтобы произошло подобное.

– Говори, что хочешь, а потом проваливай!

– Джек, ты добился многого. Меня в особенности впечатлило твое решение сотрудничать с Гарри. Уверен, он тебе очень поможет.

– Откуда ты знаешь об этом?

– Ты и не представляешь, как много я могу вывести от тех, кто еще верен мне. Меня впечатлила и твоя небольшая авантюра с Ахматовым.

– Ты все видел? – удивился Джек.

– За всем нужно присматривать. Мой ворон-символ слеп. Но я-то – нет.

– И ты глядишь не глазами Яматы?

– О небеса, и как тебе это в голову взбрело? – В голосе бога послышалось искреннее изумление.

– Ты и не подумал защитить меня.

– С чего бы? Я знаю, что тебя держат в целостности и сохранности. К тому же раскрывать свое участие мне нет никакого резона. Мне бы очень не хотелось, чтобы разошлись слухи о моей, хм, самодеятельности. Я, знаешь ли, могу немного больше, чем это принято считать сейчас.

– Да уж, ты можешь играть в политику моей жизнью. И жизнью Фиста тоже. Все как раньше. Тебе известно, зачем он нужен им?

– Нет. И мне не слишком интересно. Возможно, его умение взламывать сеть пригодится для контрабанды наркотиков или его используют для атаки на Тотальность, чтобы снова начать войну. Это уж тебе выяснять. Честно говоря, я больше озабочен твоей верностью. Как я понимаю, я уже не твой главный покровитель? Заря заняла мое место. Она по-настоящему щедра с тобой. Думаю, уже пару поколений она не вкладывала так много себя в кого-либо. Джек, она очень равнодушна к тебе.

– Я не собираюсь использовать ее подарки.

– Как хочешь. Возможно, в том не возникнет надобности.

– Сумрак, я просто не стану.

– Уверен, что ты не станешь и принимать предложение спасенного тобой искусственного разума. Джек, твой взгляд на Тотальность слишком наивен. Возможно, неправильно было начинать войну с ними, но это не значит, что им можно доверять. Держись подальше от них.

– Посмотрим.

– Я серьезно.

– Да уж, не сомневаюсь, – хмыкнул Джек.

На мгновение повисла тишина. Порыв ветра взметнул прядь волос бога. Джек отметил, как реалистично выглядела симуляция, и помимо воли восхитился. Его бывший покровитель не упускал ни единой мелочи.

– Сумрак, ты хочешь сказать мне что-нибудь еще?

– Я регулярно сообщал мистеру Стабсу о ваших с Фистом приключениях. Стабс всегда рад слушать о них, что лично мне кажется добрым знаком. Думаю, он постепенно подходит к мысли повидаться с вами, а в особенности с Фистом.

– Представить себе не могу, с чего бы ему не хотеть? – поделился мыслью паяц. – Думается мне, ты вообще с ним не общался.

– Верить мне или нет – дело твое. Уж извините, но мне пора. Я уже рассказал вам почти все, что хотел. Жаль, что вы оба не в настроении слушать.

– И слава богу! – прошипел паяц.

– Да уж, искренность сейчас – увы! – такая редкость. Тем она ценнее.

Хочу предупредить, что ты пропустил пару редко используемых сетевых портов. Если кто-нибудь пропингует их, то сразу определит: вы – в сети. Я-то увидел их сразу, но я уже давно слежу за вами. У вас есть минуты три-четыре до того, как вашими портами займется Внуб. Закройте их сейчас же.

– Фист? – окликнул Джек.

Но паяц уже исчез.

– Когда-нибудь вы мне скажете «спасибо» за сегодняшнее, – заметил бог Джеку.

– Ты не дождешься от меня слов благодарности.

– Может, и не скажешь, – печально улыбнулся Сумрак. – Прощай, мой мальчик!

И он исчез. Виртуальный воздух с шумом хлынул на место, занимаемое виртуальным телом.

Снова появился Фист.

– И как? – осведомился Джек.

– Не забывай: это из-за тебя нас чуть не замели! – огрызнулся паяц.

– Он был прав?

– Да, была парочка открытых портов. Но никто бы не заметил их! Да и я на следующей проверке обязательно сам нашел бы эти порты.

– Фист, мать твою! Ты говорил, мы стопроцентно защищены.

– Да все у нас в полном порядке, – отмахнулся паяц. – Твой затраханый бог – суций параноик.

– Фист, полная проверка файрвола и общей безопасности! Немедленно! А пока делаешь, полностью выведи нас из сети.

– Джек, ну что за дерьмо? – заныл паяц. – Почему ты не можешь просто поверить мне?

– Рисковать нельзя! Никто не должен узнать, что ты не в клетке. И я не хочу, чтобы Сумрак – или кто-нибудь еще – следил за нами.

Фист изрыгнул поток ругательств и пропал. Джек вздохнул. Прошлого было намного проще настоящего. Может, сейчас мама уже уснула, а отец еще не спит, озадаченный и удивленный. Интересно, сказала ли она ему, чье присутствие ощутила? А может, она объяснила себе произошедшее просто программным сбоем, какие случаются с засыпающими фетчами? Форстер посмотрел еще раз на Док. Без сети перед глазами остались только здания и пустынные улицы, тянущиеся вдаль, карабкающиеся вверх и теряющиеся в рассветном сиянии. Жизнь снова скрыла лицо и спряталась.

Глава 30

– Я забыл, насколько эффективна клетка, – заметил Ифор. – Вы не оставляете абсолютно никаких следов в сети. Если бы я не видел вас своими глазами прямо перед собой, то не поверил бы в то, что вы рядом.

Они сидели в задней комнате кафе на рынке Лабокра. Снаружи суетились тысячи покупателей, охотящихся за скидками. Но толика денег, врученная хозяину кафе, обеспечила уединение. Хозяин ворчал насчет «мякишей» до тех пор, пока Ифор не сказал, сколько именно он заплатит за возможность поговорить в безопасности.

– Никто не хочет принимать кредиты Внуба, – объяснил Джек. – А мы не можем выйти из Дока. Это досадно.

– Могу представить. Ваше общество...

– Это больше не мое общество.

– Хорошо, здешнее общество. Оно целиком зависит от сети. Вас, по сути, искалечили, лишив возможности погружаться в нее.

– Я думал, что возвращаюсь домой, – сказал Джек. – Но оказалось, что большая часть моего дома – в сети.

– Но даже и без нее вам запрещен доступ на большую часть Станции: Дом, Бородавка...

– Я редко бывал в Бородавке. Но мне бы очень хотелось вернуться в Дом – прогуляться еще раз в его садах, заглянуть в торговые центры.

– В эти кучи дерьма, – пробормотал Фист.

– Повидаться со старыми друзьями?

– Никто сейчас не захочет поддерживать со мной отношения.

– А как насчет родителей?

– Я виделся с отцом, – ответил Джек и надолго замолчал. – Нам нечего было сказать друг другу.

– Мать?

– Она мертва. Я не встретился с ней.

– Мне очень жаль. Примите мои соболезнования. Мы ощущаем родство с вашими несчастными угнетенными фетчами. Они так близки к нам, к чистому свободному разуму. Те, кого считают родными и близкими ваших фетчей, обращаются с ними отвратительно, ущемляя их почти во всем.

– Люди не хотят отпускать прошлое, – объяснил Джек, думая о Гарри и Андреа, об отце, не пожелавшем возвращать матери ее возраст. – Только

немногие отваживаются на это.

– Люди боятся перемен, – заметил Ифор. – Новые правила и ограничения, неизвестность – это сродни смерти. Кстати, наше время общения ограничено, так что давайте перейдем к обсуждению нашего предложения. Вы желаете его принять?

– Для меня было бы честью послужить Тотальности.

– Признаться, я удивлен. Раньше, помнится, вы были полны решимости сохранить независимость.

«Блефуй получше, – посоветовал Фист. – Мякиш попал в точку».

Джек взял чашку. Горячо, жжет пальцы. Он осторожно подул на выпускающую пар жидкость, родив вереницу крошечных волн, и отхлебнул. Кофе обжег язык.

– Ифор, по-настоящему независимых нет. Определенные связи существуют всегда – есть те, кому мы обязаны, и те, кто обязан нам.

– Это вы о Корасон?

– Вы знаете об этом?

– Нас опечалила ее смерть. Лейтенант помогала нам в работе здесь. Корасон была по-настоящему гибкой и восприимчивой к новому.

– И очень умной. Жалко.

– Мы выразили наши соболезнования ее семье и Заре. – Ифор выдержал паузу и добавил: – Заря сочла возможным проинформировать нас о том, что вам были даны некоторые, скажем так, привилегии.

Он особо выделил последнее слово. Снова повисла тишина. В комнате за дверью насвистывал хозяин кафе. Звякали ложки и вилки, которые он мыл. Снаружи пророкотало скверно отлаженное авто.

– Хорошо, – заключил Джек и приказал: – Фист, явись!

Тот встал посреди стола. Идеальный джентльмен при белом галстуке, монокле и цилиндре.

– Я тут принарядился для второго свидания. Как изволите поживать?

Он протянул крохотную руку. Ифор протянул свою и сделал вид, что пожимает.

– Файрвол – ваша работа? – спросил бипед.

– Да. Надо же делать вид, что клетка работает.

– Весьма впечатляющее достижение. Что же, поговорим открыто. Вы хотите принять наше предложение о сотрудничестве и воспользоваться дипломатической неприкосновенностью для того, чтобы преследовать убийц Корасон?

«Ну, прямо рубит правду-матку!» – охнул паяц.

– Именно так, – подтвердил Джек. – Простите, что скрыл это.

– Скрывать – прискорбная человеческая привычка. Быть может, вы хотели бы сообщить нам что-либо еще?

«Джек, держи ухо востро, не спеши выкладывать козыри!» – предупредил Фист.

– Вот уже семь лет как минимум Пантеон помогает Ауд Ямате и покрывает ее. Она убила Корасон и, возможно, Гарри Девлина с женой, Андреа Хью, а также Бьерна Пендервилля. Фетчи всех сопричастных делу либо испорчены, либо посажены в клетку. Я слишком приблизился к раскрытию Яматы и ее покровителя, и потому меня услали воевать. А они по-прежнему активны, опасны и хотят заполучить Фиста. Непонятно, что они сделают с ним. Я не могу отдать им его. Хочу выяснить, кто стоит за Яматой, доказать вину и ее, и стоящего за ней бога.

«Ох ты господи боже!..»

– Я вижу, вы очень злы на них.

– Они сломали мне жизнь. Я потерял тех, кого люблю. И не хочу, чтобы эти мерзавцы мучили Фиста. Они и так натворили достаточно.

– Звучит очень убедительно. Для нас, несомненно, возникнет опасность, если ваш маленький друг попадет в нежелательные руки. Но боюсь, ваши суждения слишком зависят от ваших эмоций. Если мы открыто объявим о нашем с вами сотрудничестве в расследовании, можем причинить себе значительный вред. В данное время мы ведем крайне деликатные переговоры с Пантеоном.

– Мы с Фистом очень осторожны. Нас приучили действовать тайно. Фист для того и рожден. А вам, я уверен, не помешает убедиться в том, что вы договариваетесь с теми из Пантеона, кому можно доверять.

– Заря дала нам понять, что будет благодарна за помощь вам.

– Эта благодарность, несомненно, означает поддержку ваших требований, – заключил Джек.

– Именно. Также нам будут крайне полезны мультимедийные способности Зари, когда мы усилим свое присутствие на Станции. Вы уверены в преступности Пантеона?

– Целиком и полностью.

– Если вы поделитесь весомыми доказательствами этого, нам будет легче построить лучшее будущее и для нас, и для вас.

– Я надеюсь, вы не попросите меня скрывать что-либо от властей? – осведомился Джек.

– Нет. Возможно, мы лишь попросим вас сперва поделиться новостью с нами, а уже потом сообщать ее властям.

– Я уже говорил – занимать чью-то сторону я не намерен.

– Но ведь вы не любите Пантеон, – указал Ифор. – Мы, по крайней мере, руководствуемся разумом и общим благом, а не откровенной личной выгодой.

– Я подумаю над этим.

– Мы рады тому, что побудили вас думать. И еще кое-что...

– Да?

– Не могу не подчеркнуть снова необходимость крайней секретности. Я пошлю вам инструкцию по поискам. Постарайтесь изобразить усердное следование ей. Все другие расследования должны быть скрыты.

– У нас большой опыт в этом, – заверил Джек.

– Мы знаем – к нашему большому сожалению, – ответил посол Тотальности.

Джеку стало стыдно. Паяц тихонько пощелкал языком.

Все нужное было сказано. Снаружи смеркалось. Ифор задержал Джека у двери.

– Тотальность очень благодарна за вашу помощь, – сказал бипед и протянул руку.

Наногелевые пальцы оказались неожиданно мягкими и холодными. Ладонь Джека заметно деформировала их.

«Дави сильнее! – прошептал ехидно паяц. – Может, он лопнет, как воздушный шарик».

«Забудь ты о своих программах хоть на минуту!»

Ифор поднял воротник, надвинул шляпу на глаза и растворился в рыночной толпе. Получасом позже Тотальность подтвердила дипломатический статус Форстера. Он собрал чемоданчик, слегка виновато попрощался с Чарли, отыскал наилучший доступный отель и снял комнату там.

Через двадцать минут в двери заколотили люди Внуба. Джек продемонстрировал значки статуса и велел полицейским убираться. Фист захихикал. Спустя полчаса Джек уже спал. Наутро пришли письма от Лестак и Гарри и файл с инструкциями от Ифора. Джек глянул мельком на брызжущее яростью послание комиссара и взялся за сообщение от Девлина:

«Фист не ошибся. Это она. Живо ко мне!»

Файл Ифора включал план поисков на улицах районов Чуйгушоу и Вайэлин-Гарденс и коды доступа к программам обнаружения искусственного разума.

Коридорный вместе с завтраком принес новую одежду: отлично скроенные, из хорошей ткани вещи из небольшого, но престижного ателье

Дома. Сидел новый костюм великолепно – даже Фист восхитился.

«Наконец-то ты выглядишь хоть немного элегантнее, – заметил он, явившись в черном галстуке, фраке, крылатке и цилиндре. – Что же, отправимся на охоту за мякишами!»

Глава 31

В фойе портье осведомился о том, как долго Джек собирается жить в отеле.

«Что за наглый гаденыш! – возмутился паяц. – Чарли был куда лучше».

«Да, Чарли был забавный человек».

«Очень одинокий».

Джек удивился тому, что Фист сумел разглядеть настоящее лицо Чарли за напускной веселостью. Обычно паяц не слишком различал человеческие чувства.

«Хочешь перебраться к нему от меня?» – хмыкнул Джек.

«Отцепись!»

Пока поезд грохотал сквозь Бородавку, паяц возился с программами Тотальности.

«Вот это да! Поразительно! – взвизгнул он. – Совсем открыто, прямо иди себе в исходный код!»

«Не то что продукция Пантеона».

«И ни лицензии тебе, ни срока использования. Эх, может, эти мякиши по-настоящему чего-то стоят».

«Что делают эти программы?»

«Разумы Тотальности постоянно связаны. Даже спящий непрерывно пингует все окружение. Программы ловят эти пинги. Но чтобы сработало, нужно подойти близко».

Джеку пришлось пересест на «Виталити-Джанкшн». Там его уже поджидали оперативники Внуба. Они вытащили Форстера из вагона.

– Лестак хочет видеть вас, – сообщил один, выводя Джека с платформы.

– Черт возьми, да во что вы вздумали ввязаться?! – Комиссар метала громы и молнии.

– Я помогаю людям, которые этого заслуживают.

– Они не люди! Это всего лишь много возомнившая о себе операционная система! А вы игнорируете мое прямое предупреждение! Я же просила уйти и сидеть тихо!

– Я действую в рамках дипломатической лицензии, как то оговорено в предварительном мирном договоре между Тотальностью и Станцией. И сейчас нахожусь вне вашей юрисдикции.

– А, так вы теперь юристом заделались?!

– Вам не остановить меня.

– Форстер, вы не имеете права находиться в Доме. В лучшем случае вы просто будете путаться у нас под ногами, в худшем – учините заваруху. Кровавую заваруху.

– Я здесь ради поиска фрагментов разума по заданию Тотальности. Только и всего, – пожал плечами Джек.

– Тогда, черт возьми, уж постарайтесь оставаться в рамках дозволенного! Один шаг за пределы – и вы и охнуть не успеете, как окажетесь в ячейке Тьюринга тюремного блока Внуба. А если вмешается этот ваш паяц, я отправлю вас в кому до тех пор, пока он не завладеет вашим телом, а его буду держать взаперти, пока смогу.

– Лестак, давайте начистоту. – Джеку надоело выслушивать угрозы. – Вы никак не сможете определить, когда я перейду границу, и тем более не сможете тронуть меня хотя бы пальцем.

Снаружи прогрохотал очередной поезд.

– А, черт дери, катитесь отсюда!

– С превеликим удовольствием, – буркнул на прощание Джек.

Несколькими минутами спустя они с паяцем с грохотом вкатились в Вайэлин-Гарденс.

«Здесь сдают квартиры менеджерам среднего звена, – пояснил Джек. – Тем, кто каждый день видит Небеса, но никогда не попадет туда».

«Похоже на пытку».

«Когда-то я был одним из них. И был счастлив».

Вайэлин-Гарденс был выстроен кольцом. Посередине – площадь, залитая огнями тысяч окон. Между усеянными шипами разной длины скульптурами бурого цвета, изображающими деревья, текут ручьи, поблескивают водопадики. Псевдодеревья торчат среди газонов с проплешинами, будто раздавленные окурки.

«Джек, насколько глубоко ты хочешь проникнуть в сеть?»

«Как обычные люди».

Бурый металл превратился в шероховатую потрескавшуюся кору. На ветвях распустились листья. Из чахлой поросли поднялась высокая трава. На газоне виднелись бледные участки там, где прошла воображаемая газонокосилка. В ветвях замелькали алые и пурпурные мазки – птицы. Мелодичному журчанию водопадов вторили птичьи трели и тихий, проникновенный аккомпанемент тысяч скрипок.

«А, так вот откуда название», – протянул Фист задумчиво.

«По-видимому, классическая музыка отпугивает желающих

околачиваться здесь подростков-хулиганов».

«Ну, типичный Пантеон! Даже искусство приспособили людьми управлять!»

Фист с Джеком были не одни в саду. Взявшись за руки, парочки прогуливались по дорожкам. Кто-то, отрешившись от забот, лежал на газоне и глядел на Хребет. А боги смотрели вниз. Здесь их символы были лучшего разрешения и с более активной анимацией, чем в Доке. Даже ворон Сумрака, хотя по-прежнему закованный, вел себя поживее: переминался с ноги на ногу, иногда пытался почесать клювом перья.

«А Заря по-настоящему клевая, – хмыкнул Фист. – На что хочешь спорю, ты был бы не прочь получить от нее апгрейдик-другой».

«Я не люблю, когда у меня нет выбора».

После слов Джека богиня повернулась к нему. Ее волосы взметнулись золотистым, искрящимся облаком вокруг головы.

«Мать твою, Джек, она смотрит прямо на тебя!»

«И не только смотрит».

Улыбнувшись, богиня подмигнула им с высоты.

«Черт побери!» – выдохнул Джек.

«Прямо при всех, – прокомментировал паяц. – Во как!»

И в самом деле, все задрали головы, затем завертели ими, пытаясь выяснить, кому именно улыбнулась богиня. А вокруг Джека запорхал легкий, едва различимый среди птичьего пения, игривый смешок.

«Вот тебе и соблюли секретность! – простонал Фист. – Я точно окажусь в коме посреди каталажки Внуба!»

«Никто не знает, что посмотрела она именно на нас», – заверил его Джек.

Он, как и все, задрал голову, посмотрел вверх, а затем принялся вертеть головой, изображая удивление и восторг под стать прочей публике.

«Ага, уже подхватили новостные каналы!»

«Пошли отсюда, Фист. Заря просто развлекается. Это ее основное занятие. Давай-ка вызови инструкции поиска».

Поисковое приложение Ифора наложило на квартал белую линию, обозначающую оптимальный маршрут поиска. Они двинулись по ней, огибая дома и постройки. На ходу паяц проверял новости.

Самые гламурные каналы тут же отправились в Вайэлин-Гарденс, в прямом эфире интервьюируя свидетелей божественной улыбки. Те, кто не числился в клиентах богини, осторожно выражали благодарность за столь редкое зрелище. Поклонники захлеб вещали о восхитительных ощущениях от божественного благоволения. Набирающий популярность

дизайнер одежды был убежден, что Заря лично благословила открывающуюся в торговом центре «Чуйгушоу» презентацию его новой коллекции. Мужчина средних лет объявил, что богиня осветила улыбкой его новую любовь, которая, несомненно, продлится долгие годы. Бегавшая трусцой девушка рассыпалась в благодарностях. Она собирала деньги на благотворительность, но получалось плохо. Теперь девушка получила шанс рассказать о своей затее перед огромной аудиторией.

Форстер был рад, что давно бросил почитать Пантеон. Прошедшие семь лет не были легкими, но, по крайней мере, сделали его атеистом. Он смущенно подумал, что лет десять назад из кожи бы лез от восторга. Подумать только, богиня обратила на него внимание!

Инструкция поиска вела их дальше. Вокруг залитых жарким солнцем лужаек с красивыми яркими цветами теснились деревья. Деревянные арки затеняли вход в квартиры нижнего этажа. Пели флейты под аккомпанемент тамбуринов.

«Джек, и сколько же полоумных мается тут дурью?»

«Это их мечта, которой они хотят делиться с другими».

«Черт, они хотят жить внутри рекламного ролика! Вот херня!»

Внезапно гламур исчез. Уставившись на входы в квартиры, Фист удивленно заметил: «Странно-то как!» Несколько дверей – из дерева, выбеленного под цвет блеклой пастели стен, остальные – просто некрашенный металл. Безопасность превыше всего. Хотя это и не вязалось с гармоничной безмятежностью парка.

«Чего боятся эти люди?» – изумился паяц.

«Понятия не имею».

«Я могу подключить нас. Осмотримся, определим, с чего у этих идиотов развилась такая паранойя».

«Мы никуда не лезем и не задираемся».

«О, я уж покажу им страхи, – пообещал Фист. – Перепишу им домашний оверлей. Возвращаются они, открывают двери – а тут орава зомби!»

«Нет».

«Фу, ну ты и зануда».

«Есть известия от Гарри?»

«От этого засранца? – буркнул паяц. – Не понимаю, отчего ты не послал его подальше?»

«Он нужен нам. Пусть разведывает и вынюхивает. А теперь серьезно: письма были?»

«Никаких. Хочешь, могу попинговать его? Включу твою сетевую

оболочку, поменяю сетевое взаимодействие с ней, направлю отклик через несколько случайных серверов. Нас никто не засечет. – Фист демонстративно зевнул. – На все про все три наносекунды. Если повезет, конечно».

В сетевом пространстве Джека царила ночь. Бледно-восковой месяц висел над пустынным садом. Его зыбкий свет наделял белые камни, листву, лепестки цветов тихой, хрупкой жизнью, серебрил легкую зыбь воды в прудике. Яркий сияющий месяц затенял звезды рядом с ним, но поодаль их мерцало великое множество. Ветерок шелестел в кронах деревьев. Ухнула сова. Ее глухой зов обещал пищу птенцам, смерть добыче. Статуя Андреа, казалось, излучала очарование. Рядом с нею высилась статуя Ифора. Даже его наногелевое тело представлялось чем-то исконно лесным и древним.

– Ну, ешкин же кот! – проворчал Фист. – Синхронизация ни к черту! Здесь должен быть день в разгаре.

– Оставь. Я всегда больше любил свой сад ночью.

Джек заметил тень у дверей античного храма Сумрака. Может, это игра лунного света?

– Хочешь потрепаться с остатками патрона?

– Нет, Фист, не хочу. Где ты спрятал сетевой адрес Гарри?

– Вон под тем деревом. Уж постарался как можно дальше от Андреа.

Джек пошел к дереву. Камни под ногами сменились дерном. Так мягко ступать! Он оставлял глубокие темные следы в траве. Паяц уселся на камень посреди пруда. В руке Фиста возникла удочка, на голове – островерхая шляпа.

– Эй, Джек, позволишь мне переквалифицироваться в гномы?

– Да ради бога. Где искать?

– У корней, среди травы.

– Черт! Знаешь, когда-то считалось нормальным вызывать мертвых из-под земли.

Он отыскал нужное место, запустил пальцы в траву и поднял квадратный кусок дерна. Под ним открылось каменное лицо Гарри. Юркая ухвертка заметалась по нему в поисках укрытия. Смахнув насекомое, Джек коснулся каменной щеки. Статуя плавно поднялась из травы. По камню, словно заразная болезнь, растеклись краски, придавая видимость жизни. Одна-две секунды – и камень превратился в человеческую плоть. Перед Джеком стоял Гарри, до ужаса похожий на себя настоящего. От пруда донесся всплеск – паяц шлепнулся в воду. Матерясь, он снова вскарабкался на свой камень.

– Привет, Джек! – ухмыльнулся Гарри и, осмотревшись, добавил: –

Неплохое у тебя местечко.

– Спасибо. Но давай к делу. Где Ямата?

– Отправь подальше Фиста. Не хочу, чтобы он слышал.

«Ах ты ж мать его, Джек! Да без меня он бы ее вообще не нашел!»

– В этом нет надобности, – примирительно заметил Джек.

– Есть. Отправь, тогда поговорим.

«С чего это он такой параноик?» – поинтересовался паяц.

«Зуб за зуб. Это все ваши игры друг с другом».

«Джек, ему нельзя доверять. Не забывай: он очень мутный».

«Я знаю», – ответил Джек, а вслух сказал:

– Фист, уходи. Прямо сейчас.

Угрюмо ворча, паяц убрался из виду. Гарри выждал, пока Фист скроется за деревьями.

– Ушел?

– Да, – подтвердил Джек.

– Отлично. Адрес: небольшой офисный корпус, компания «Трушилд».

Ямата сейчас там.

– Еще кто-то там есть?

– Секретарша, персонал. Человек двадцать – тридцать.

– Ничего себе размах! Еще что-нибудь?

– Большие потоки данных туда и оттуда, – ответил Гарри. – Но все сильно зашифровано. Защитные программы на уровне Пантеона. Обычно я способен пролезть сквозь защиту – но не там. Как я и думал, нужно физически вломиться в серверную. Тогда мы сумеем выскрести всю грязь про Ямату и выйти на ее покровителя.

– Фист сумеет.

– Когда ты вломишься, я явлюсь через него. Подкачаю мускулы, так сказать.

– Нет, – отрезал Джек.

– Это еще почему?

– Я заверил Фиста, что не позволю тебе такого доступа.

– Джек, что за дерьмо? Ты серьезно?

– Я обещал.

– О боже! Когда я в последний раз оставил вас работать одних, паяц слетел с катушек и все испортил. Я понадоблюсь тебе, Джек. Буду держать твоего маленького засранца под контролем. И когда из-за него на наши головы свалится невесть что, я его оружием отобью напасть.

– Фист вполне способен постоять за себя. Плюс к тому – ему не хотят вредить. И это нам на руку.

- Джек, ты вздумал тягаться с крутыми ребятами. Это тебе не мякиши.
- Фист понимает, что его ждет. Он не отступил на станции «Аксесс». И сейчас выстоит. Я уверен.
- Джек, этот мир прогнил донельзя. Сейчас нельзя доверять никому. А куклу ты вряд ли сам выбрал в друзья.
- Я уже решил.
- Ну ладно, только не говори потом, что я не предупреждал. Я гарантирую: когда попадешь внутрь, без меня тебе не обойтись. Кстати, важная деталь: тебе нужно забраться в «Трушилд», не попавшись их охранной системе.
- Это не проблема. Будем на месте через пару часов, – заверил Джек.
- Я буду ждать тебя.
- Гарри превратился в камень и упал в темную землю. Джек прикрыл его холодное серое лицо торфом.
- Фист, мы закончили! – крикнул он.
- С неба пропала луна, потом исчезло и само небо. Никаких мощеных дорожек, посеребренной лунным светом травы, тихо плещущего фонтана – лишь крикливая убогость не приукрашенного сетью Вайэлин-Гарденс.
- Фист, сделай мне сетевой образ, а потом пометь меня как потогона.
- После того как ты выгнал меня в лес, чтобы я не обидел ненароком твоего склизкого дружбана? И с какой стати мне теперь стараться?
- Ох, Фист, просто сделай, что просят.

Глава 32

Они выждали, пока начало смеркаться, и покинули сеть. Сетевой образ Джека оставили перемещаться по Вайэлин-Гарденс, следуя маршруту, обозначенному инструкцией Ифора. Поздно вечером образ явится в пивную по соседству, где с ним мирно и спокойно воссоединятся Джек с Фистом.

Все дорогу до «Трушилда» паяц неустанно ворчал.

«Джек, ты зря тратишь мое время и силы. Ты мог бы зачаровать кого угодно, а я бы скопировал образ зачарованного, поменял бы вас местами, и вся сеть считала бы его – тобой».

«Я не люблю учинять такое с людьми».

«Ишь ты! Но ты не прочь меня запрягать так, что аж микросхемы трещат. Теперь мы не в сети, и я все ресурсы пустил на камуфляжные программы. Между прочим, чтобы скомпилировать их, мне потребовался добрый мегачас мультипроцессорного времени! Плюс ко всему нам придется тащиться пешком! Если б ты зачаровал кого-нибудь, мы могли бы отправиться на поезде».

«И риск попасться возрос бы во много раз. Мы быстро доберемся. Идти всего с полчаса».

«Спорим, ты заставишь меня открыть для него портал?»

«Гарри просил. Я отказал», – отрезал Джек.

«Хм, хм...»

Когда они подошли к «Трушилду», уже темнело. Бледная подсветка тротуаров вела усталых «белых воротничков» прочь от офисов и лабораторий. Умело расставленные фонари то затеняли, то высвечивали прохожих, подчеркивая стильную одежду и прически, сделанные по последней моде. Повсюду – сетевые символы самых модных дизайнеров.

«Щеголи», – определил презрительно Фист.

Когда Форстер с паяцем подошли к нужному зданию, Гарри не заставил себя ждать. Он вынырнул из тени у служебной двери, будто пламя из зажигалки.

«Фетчи не должны уметь такого, – заявил паяц. – Нельзя было связываться с ним!»

«Гарри перестроил себя. Он сейчас намного больше, чем фетч. И всего лишь разведывает для нас. Ломаем и крошим мы с тобой. И кончай уже дуться».

«Это тебя совесть заела из-за того, что ты трахал его жену? Так, что ты готов спустить ему убийство?»

«Хватит ныть».

Гарри поманил рукой, затем скрылся в темноте. Джек шагнул в тень.

– Ямата там? – спросил он.

– О да!

Здание «Трушилда» – четырехэтажный белый параллелепипед – стояло в круглом озерце, так что углы касались берегов, и перед каждой гранью блестел в свете фонарей водяной полумесяц. Дрожащие блики плясали по стенам и черным окнам. Но не все окна зияли провалами в ночи. Приемная светилась уверенно и мощно, будто маяк. К ней вел узкий мост. За стеклом виднелся сидящий за секретарским столом охранник в синей рубашке.

– С ним проблем не будет, – пообещал Фист.

– Если ты не напортачишь, как раньше, – заметил Гарри.

– И это нам говорит тот, кого застрелили за попытку открыть уголовное дело, – отпарировал паяц.

– Когда-нибудь ты научишься быть благодарным тем, кто знает и умеет гораздо больше тебя.

– Когда-нибудь ты поцелуешь мою деревянную задницу.

– Хватит собачиться! – рывкнул Джек. – У нас работа. Гарри, сколько их?

– Осталось восемь, включая Ямату.

– Знаешь что-нибудь о них?

– Почти все – медики.

– Странно. Но вряд ли они опасны, – заключил Джек.

– Я покопался в муниципальных данных и отыскал планы этажей, – сообщил Гарри.

Он коснулся рукава Форстера, и стены сделались прозрачными.

– Гарри, бога ради, не тащи меня в сеть! – вздрогнув, отшатнулся Джек.

– Ты не в сети. Я подключился напрямую к твоим имплантатам.

– Как?! Ты же фетч!

– Я же говорил уже: штучки Внуба, – подмигнул Гарри. – Везде есть черные ходы. Конечно, надо знать, где искать их. Поэтому не беспокойся и позволь показать тебе...

Он притронулся к руке Джека – и здание опять сделалось картинкой на экране рентгеноскопа.

«Дохлый коп залез в твои системы, но не в мои. Так что все в

порядке», – сообщил Фист.

В здании двигались красные точки. Каждая – чье-то сетевое присутствие, движущееся по виртуальным структурам здания.

«Надо же, точность стопроцентная», – заметил Фист обиженно.

«Рад слышать».

– Отлично! Готовим план вторжения. – Гарри радостно потер руки.

Фист прозондировал «Трушилд». Да, охранные программы фирмы – на уровне Пантеона. Но охранник защищен гораздо слабее. Он устроился на работу через субподрядчика, сэкономившего на элементарных вещах. Поэтому Фист спокойно проник в сетевую оболочку охранника, отследил его связь с офисом секретаря и оставил в корпоративном журнале пометку о мистере Рикере, прибывающем через десять минут.

– Что ни говори, но когда этот мелкий засранец не халтурит, то работает на все сто, – нехотя признал Гарри.

– Зря пытаешься подольститься, – буркнул Фист.

– Отчего бы не попробовать? Позволишь мне зайти туда через тебя, когда вы окажетесь внутри?

– Нет.

– Если попадете в передрагу, вам понадобится моя помощь, – настаивал Гарри.

– Я вытяну нас из любой передраги, – заверил паяц.

– Пойдем уже. Нельзя опаздывать на запланированную встречу, – прервал их перепалку Джек.

Как ни странно, означенный мистер Рикер выглядел в точности как Джек.

– Сэр, поздновато для визита, – заметил охранник, сверяясь с журналом.

– По вечерам спокойнее. А у меня весьма деликатный вопрос, – пояснил Джек.

– А-а, – промычал охранник, глянул понимающе, отчасти даже заговорщицки, и больше не задавал вопросов.

В его руке появилась метка визитера.

– Пожалуйста!

Метка прыгнула с толстого пальца, шелестя белыми голубиными крылышками, перескочила на руку Джека, взобралась до плеча и уютно примостилась рядом с ухом. Но затем, пытаясь проверить Джека, вызванные меткой программы обнаружили его сетевое присутствие. Метка пронзительно пискнула, взвилась с перекошенной страхом мордочкой, указывая на Джека. Крылышки сделались ярко-красными.

– Проверка показывает, что вы не Алоиз Рикер, – заметил охранник виновато. – Вы скрыли настоящее имя.

– Я уже говорил – деликатный вопрос. Требующий секретности. – Джек равнодушно пожал плечами.

Однако внутри он кипел от ярости.

«Фист, мать твою, ты же должен был позаботиться об этом!»

«Ой, да это все мелочи! Зачаруй его, и дело с концом».

«Я не хочу ломать психику невинных людей программами Зари! Результаты ведь непредсказуемы».

– Простите, сэр, я должен подтвердить назначенную вами встречу, – произнес охранник, тыча в воздух перед собой. – К сожалению, у меня нет записи о том, с кем вы собираетесь встретиться.

«Фист, отвледи его!»

«Я могу спалить метку. Но охранник насторожился. Если он заметит, пиши пропало. Тебе нужно зачаровать его. Черт возьми, Джек, это же легче легкого. Просто не включай на полную мощность».

– Сэр, мне нужно ваше полное имя, – сказал охранник, и в его голосе зазвучала угроза.

«Вот дерьмо! – выдохнул Джек. – Ладно, жги. А я его уговорю».

Он чуть тронул программу Зари. Улыбка озарила его лицо нео новым рекламным солнцем. А в это время охранник запус тил процедуру, позволяющую аварийно включить все системы безопасности.

– Знаете, я что-то не могу вспомнить, – выговорил Джек безмятежно. – Но мне кажется, это совсем не важно. Ведь правда?

– Сэр, но мне дали однозначные инструкции насчет... э-э...

Охранник запнулся. На его лбу заблестел пот. Джек обрадовался тому, что не видит охранника ниже пояса.

– Инструкции? Спрашивать про имя? Вы разве не доверяете мне?

– О нет, сэр, конечно же доверяю! Простите! – выпалил охранник виновато, почти умоляюще.

Ему так хотелось понравиться удивительному незнакомцу.

«О, другое дело! Теперь он работает на нас», – подытожил Фист.

– Разве не здорово было бы пропустить меня в офис? – поинтересовался Джек.

– Ну конечно, конечно! – торопливо подтвердил охранник, выбираясь из-за стола.

Нижняя пуговица его рубашки расстегнулась, под нею виднелась дряблая складка брюшка. Черные волоски вились по ней как трещины.

– Разумеется, сэр, да что угодно! – проямлил он восторженно. –

Сейчас пропущу, никаких проблем!

Джек ужаснулся сделанному. Охранника будто подменили.

«Как думаешь, эффект долго продержится в твое отсутствие?» – поинтересовался Фист.

«Надеюсь, что нет».

«Тогда подкрути регулятор! Пусть уж парень останется навсегда за нас».

«Нет. И больше никаких проколов, понял?»

Охранник двинул рукой, словно переключая что-то в воздухе. Загудев, открылась внутренняя дверь. Позади нее обнаружился короткий глухой коридор с еще одной дверью в конце.

– Вам сюда, сэр! Доброго вам вечера!

Поблагодарив бедолагу, Джек поинтересовался у Фиста:

«Как метка?»

«Перепрограммирована. Она приведет нас в серверную и позаботится, чтобы мы не встретили никого по пути. Метка будет считать, что мы направляемся в зал для деловых встреч на другой стороне здания».

«Точно?»

«Черт возьми, а как иначе?»

«Хорошо».

Между ними возникло крохотное жужжащее существо-спрайт. Крылья за его спиной мельтешили так быстро, что казались тенью. Маленькие фасетчатые глаза сидели на твердом костистом лице – пародии на человеческое. Угловатое, полное острых граней тело окутывали сверкающие тряпицы. Вокруг талии был повязан красно-зелено-серебряный, в цветах «Трушилд», шарф-пояс.

– О, благородные сэры, могу ли я сопроводить вас к месту вашего назначения? – пропищало существо.

«Я такое видел в сети. Модная фишка», – пояснил Фист презрительно.

«Да что угодно, – отмахнулся Джек. – Лишь бы делало дело».

Существо нетерпеливо трепетало у двери.

– О, благородные сэры, следуйте за мной, но не сходите с дорожки! – пропищало оно призывно.

Дверь открылась, Джек ступил за порог.

– О, подождите же, благородные сэры, мне нужно окутать вас сетью!

«Так вот как работает здешняя безопасность, – хмыкнул паяц. – Если кто вломится незваным, эта тварь занудит его до смерти».

Существо запорхало вокруг, то пища, то распевая незамысловатую песенку. Вокруг Джека замерцала сетевая оболочка. Фист выругался сквозь

зубы. Мелькнули условия доступа к «Трушилду». Джек ничего не успел прочитать, но кивнул, соглашаясь. Существо радостно улыбнулось, оскалив похожие на костяную ножовку зубы.

«Ну, с такими можно и всерьез навредить». Фист одобрительно кивнул при виде их.

Джек с паяцем вошли в «Трушилд» как долгожданные гости. Спрайт повел их длинным коридором со старыми деревьями вместо стен. Двери между стволами вели в небольшие кабинеты. Вдруг спрайт указал на одну. Джек спешно зашел, дверь закрылась. Из коридора донеслись шаги. Когда они стихли вдалеке, виртуальный гид вывел хозяина с паяцем наружу:

– Милостивые сэры, ваше инкогнито сохранено!

Коридор закончился, и гости ступили в погруженный в ночь атриум. С каждым шагом к его центру мир менялся. Вокруг вырос дремучий лес, намного древнее украшавшего площадь в Вайэлин-Гарденс. Заросшие мхом деревья – кривые, узловатые, будто изуродованные артритом пальцы – окутал туман. От этого тьма сделалась плотной, вязкой, тяжелой. Зловеще мерцали белесые менгиры и дольмены, то одиночные, то сгрудившиеся. Все напоминало о древних сгинувших племенах, забытых богах и жертвах.

«Чепуха в чистейшем виде», – резюмировал паяц.

«Это презентация фирмы. Она – проводник через полную таинственных опасностей Вселенную».

«Ой, не могу! У меня мозги плавятся! Где ты научился гнать такую пургу?»

«Я ухаживал за менеджером по рекламе. Девушка мне объяснила, как понимать подобные шоу».

Тропинка, по которой вел гостей спрайт, и в самом деле казалась намного безопаснее сумрачного леса. Составлявшие ее тесаные серые камни были как путеводные огни, отгоняющие мрак. Виртуальный гид повернулся к гостям и возвестил:

– Путь «Трушилда» всегда безопасен для вас!

– Сколько еще нам идти? – спросил у него Джек.

– Всего лишь пару минут!

«Таких лесов, наверное, уже много веков как нет», – заметил Фист.

«Таких не было нигде и никогда».

«Правда, что ли?»

«Это просто фантазия, – ответил Джек. – Как Вайэлин-Гарденс. И как весь Дом».

«Мне казалось, тебе нравится здесь».

«Уже нет. Я слишком долго отсутствовал и слишком многое повидал.

Тотальность и все, кто с ней, – они сделали пустоту настоящим домом. Я не знал этого раньше. Они не обманывают себя, как мы».

Он обвел рукой окружающее.

«Мы построили дом из грез и назвали их жизнью. Но это не жизнь, а ностальгия».

«Как глубоко и философски, однако».

«А ты что видишь, глядя на все это?» – спросил Джек сухо.

«Структуры данных, которые можно взломать».

«Фист, это все, что ты видишь в нас, людях?»

«Это все, чем вы являетесь».

Дальше они пошли молча. Вдруг паяц вынырнул у плеча хозяина, положил руку ему на плечо и заговорил с нарочитым спокойствием:

«Скоро я разрушу твою структуру. Я думал, мне это понравится».

Джек остановился в растерянности, не зная, что и сказать.

«Мне очень жаль», – произнес Фист.

Джек был изумлен и тронут.

«У нас нет выбора, – сказал он тихо. – Но мы можем потратить с толком оставшееся у нас время».

Спрайт обернулся, увидел, что гости остановились, и запищал:

– О, не медлите, благородные сэры! Мы уже близко!

«Еще одно слово этого москита-переростка, и...»

«Фист!»

Тропинка подвела их к арке среди деревьев.

– Узрите же предмет вашего назначения! Служба моя исполнена! – радостно объявил спрайт и растворился в воздухе.

«Прикончить эту виртуальную чушь?» – осведомился паяц.

«Давай».

Лес пропал. В глаза больно ударил резкий неоновый свет, сменивший унылый лесной морок. Их окружал белый мир: пол, стены, потолок, стоящие повсюду шкафы с серверами – все было белым. Приборы гудели, жужжал кондиционер.

«О черт! – восхищенно выдохнул паяц. – Великолепно! Самый шик!»

«Как долго будешь пробираться внутрь?»

Фист проковылял к серверу, запустил пальцы в пластиковый корпус. Джек ощутил, как паяц затребовал глубинные ресурсы мозга.

«Посмотрим... Так, управлюсь быстро. Хочешь наблюдать?»

Комната задрожала, сервера превратились в лабиринты структур с таящимися в них океанами статических и динамических данных. Джеку вспомнилась аудиторская практика. Он неделями дрейфовал среди счетов и

отчетности, выуживая ясные и однозначные результаты из перепутанных, предельно сложных корпоративных баз.

«Эх, были дни...» Он протянул руку, чтобы коснуться сервера.

«Стой! – заорал всполошившийся Фист. – Не подходи к ним! Всю сигнализацию разбудишь!»

Смущенный бывший аудитор отдернул руку. В прежней работе любой контакт с системами был законодательно разрешен. Официально войдя в базы данных корпорации, Джек и не думал тревожиться по поводу охраны и сигнализации.

«Фист, выведи меня наружу. Я покараулю».

Белая комната стала прежней. Паяц еще возился с тем же сервером.

«Так, лезу, – сообщил он и шагнул в корпус, будто в открытую дверь. – Копаюсь, ага... А вот и кое-что интересное!»

«Как у них с безопасностью?»

«По сравнению со льдом Тотальности – почти никакой».

«Ты ничего не упустил?» – поинтересовался Джек озабоченно.

«Ой, Джек, ну не надо! Я знаю, что делаю».

«Ты упустил кое-что важное в приемной».

«И что, это создало проблемы? Кстати, тут работенка куда интереснее, чем взламывать секретарский журнал. Ладно, мне нужно сосредоточиться».

«Не напортачь», – посоветовал Джек.

Ответа не последовало. Форстер уселся на пол, привалился спиной к стене и расслабился.

«Ага!» Голос паяца донесся будто издалека.

«Я уже внутри! Это оказалось даже легче, чем я ожидал. Хм, хм...»

«Что ты увидел?» – спросил Джек.

«Файлы. – Казалось, голос паяца звучит из середины огромного гулкого зала. – Много файлов».

«Продолжай копать».

«Я подключаю твои старые пакеты, которые ты от Сумрака получил. Корпоративный анализ».

Разум снова будто толкнуло: архивированные коды распаковали себя и со скрипом подключились к процессу.

«Семь лет прошло, это же все старье замшелое! Хочешь, загружу апдейты?»

«Нет времени. – Джек начал нервничать. – Копай! Ищи следы Пантеона, флажки с именем „Ямата“».

«Оки-доки, шеф!»

Голос паяца доносился словно уж из вовсе далекой дали. Он ушел

глубоко в виртуальную сущность «Трушилда». На мгновение у Джека закружилась голова – паяц задействовал ресурсы хозяина на аудиторские программы. Фист начал что-то мурлыкать под нос.

«Серьезнее!» – прошипел Джек.

«Ты чего? Это мне помогает сосредоточиться. Копаю, копаю... А это что? Оно прячется!»

«Уже нашел?»

«Не уверен. Выуживаю».

Секундная пауза.

«Ага, вижу. И как такое может быть? Что за хрень?»

«Не отвлекайся!» – посоветовал Джек.

Паяц не ответил.

«Фист?»

Тот запыхтел. Похоже, паяц наконец-то усердно взялся за дело. Рядом зашелестело. Джеку вспомнилась виртуальная листва Вайэлин-Гарденс.

«Оно идет все выше, выше», – объявил туманно Фист откуда-то сверху.

«Будь осторожнее! Может, оно опасное».

«Тянется до самой луны...»

«Ну-ка, покажи!»

Потолочные лампы замигали, погасли, растворились – и Джек увидел ночное небо с бледной маслянистой луной и россыпью звезд. К ним тянулся золотисто мерцающий бобовый стебель. Фист полз по нему, подтягиваясь.

«Это опять рекламная переделка окружающего, – пояснил паяц. – И стоило тратить время, глядя на это?»

«Куда ты лезешь?»

«Это физический линк с самым Пантеоном! – ответил Фист гордо. – Прямо к тому, кто стоит за Яматой».

«Слезай сейчас же! Там же такая охрана!»

«Справлюсь, – пообещал пренебрежительно Фист. – К тому же лучший способ выяснить, какого злого волшебника нам убивать, – это вскарабкаться по его бобовому стеблю».

Выше на стебле что-то вспыхнуло, ожило и кинулось на паяца. Тот махнул рукой – и виртуальный хищник рассыпался искрами.

«Знаешь, твои корпоративные программы прекрасно взаимодействуют с моими орудиями взлома, – отметил Фист, глядя на два новых охранных бота, бросившихся к нему. – Я вижу их, распознаю и убиваю. Очень скоро мы узнаем, кто там, наверху».

«А ну слазь! Сейчас же!!!» – заорал Джек.

«Ну, верь же в меня чуточку больше!»

Сверху снова вспыхнул фонтан брызг.

«Жаль, что мы не задействовали твои бухгалтерские снасти лет восемь назад. Кто б подумал, что финансовый аудит – такая прикольная штука?»

«О боже!» – выдохнул Джек и потянулся за паяцем, а тот вдруг странно пискнул и пропал.

«Эй, где ты?»

«Пока еще здесь, – ответил Фист, словно из немыслимой дали. – Но я не уверен насчет того, где именно. Портал какой-то. Охранные программы. Я сейчас взламываю их».

«Мать твою! – Джек безуспешно пытался выдернуть паяца. – Я не могу тебя вернуть!»

«Наверное, это потому, что портал односторонний, – пропищал Фист. – Как глупо с моей стороны шагнуть туда за секунду до того, как ты потянул меня обратно».

Джек задумался над ругательством позакovskyристее, но выкрикнуть его не успел – снова дернуло рассудок.

«О-о, путаная штучка. Нужен ресурс! Джек, ты готов немножко поспать?»

«Это небезопасно!»

«Другого выхода нет. К тому же почти все ушли домой, а я немножко поковырялся в местном регистре гостей. Системы „Трушилда“ считают, что мы ушли тоже. Так что все нормально».

«Придется поверить тебе на слово», – проворчал Джек.

Сознание затопила тьма, и он соскользнул в знакомое дремотное состояние. Перед глазами плыли лица из прошлого: родители, Гарри, Дэвид Тиамат, Андреа. Музыка Андреа звучала вдалеке, сплетаясь из обрывков в цельную ткань. Но вскоре поблекли и образы – паяцу потребовалось больше ресурсов. Джек провалился в спокойный глубокий сон.

Проснулся он в совершенно незнакомом месте оттого, что Фист тряс его за плечо:

«Ты только посмотри, только глянь!»

Сперва ничего не видать – слишком яркий свет. Джек сел, протер глаза. Рев машин терзал слух.

«Ты осмотрись! Я должен был показать тебе это! Специально себя переделал, чтобы затянуть тебя сюда!» – вопил паяц, чуть не прыгая от возбуждения.

«Ты открыл портал? И сколько времени это заняло?»

«Несколько часов. Пришлось выложиться без остатка. Хотя все равно

легче, чем коды Тотальности взламывать. Но это не важно. Ты глянь!»

«Где мы?»

«Если я скажу – не поверишь. Не поверишь, мать твою, никогда!»

Глава 33

Глаза привыкли к свету. Джек встал и огляделся. Он находился на небольшой платформе среди бочек нефти и кучи сварочного оборудования. Платформа крепилась к стене огромного крестообразного сооружения, по форме такого же, как собор Зари, но устроенного совершенно иначе. Вместо камня – сплошь железо. Иззубренные пилястры тянутся вдоль ржавеющих стен из колоссальных листов со швами сварки шириной в железнодорожную колею. На потолке – железное кружево, мозаика скрученного, ржавеющего металла. Пол – не озеро ртути, но твердый бетон с огромными темными пятнами там, где протекла нефть. Собор пустовал, но в нем гулко отдавались лязг и скрежет исполинских машин. Виднелось лишь с четверть алтаря, остальное скрывалось в сумраке.

– Господи, да мы же внутри бога! – прошептал Джек. – Это невозможно! Кто он?

– Королевство. Я проверил программы.

– Вот же дерьмо! Ты уверен?

– О да!

– И ты вломился в него! Неудивительно, что он хочет заграбастать тебя. Только представь, что он может учинить с остальным Пантеоном!

Джек сел на нефтяную бочку. Та заскрипела.

– Так это он стоял за всем этим! Он возил «пот», чтобы заставить своих людей работать на износ. Ему плевать на последствия. Мерзавец!

– О да, он именно такой, – подтвердил ликующий Фист, выбрасывая снопы искр из пальцев. – А сейчас разреши мне прикончить его! Давай же! Ты же этого хочешь!

– Нет. Сейчас – нельзя. Нужно убираться отсюда. И поскорее.

– Что?! Он семь лет трахал тебя и вот-вот начнет трахать меня. Сейчас мы прямо внутри его. Он не знает, где мы, и не узнает, пока не станет слишком поздно. Мы превратим его в дымящиеся руины. Джеки-малыш, мы пленных не берем! Только так, чтобы наверняка!

– Ты прав. Его нужно низвергнуть и уничтожить. Но не так. Мы не можем просто выжечь его, оставив пустоту. Это – не победа.

– А почему нет? Мы всегда занимались именно этим. Вспомни, как мы жарили кучи дерьма из Тотальности. Конечно, это детские забавы по сравнению с нынешним делом, но принцип тот же.

– Мы перестали убивать их, – напомнил Джек.

– Ты перестал, потому что разуверился в Войне программ. Но ведь теперь ты веришь в свое дело.

– Я верю и во всех людей, зависящих от Королевства. Что случится с ними, если мы вдруг сожжем его? Кто обеспечит всю его инфраструктуру? Полетит к черту все: и контейнеровозы, и фабрики, и спутники, и центры отдыха, и базы на астероидах. Все, что еще не захватила Тотальность, от Меркурия досюда и отсюда до Марса, – рухнет.

– Ну и что с того? – хмыкнул паяц.

– Десятки тысяч погибших, Фист! Но если даже без них, можешь ты представить, как отреагирует Пантеон на убийство бога? И что с нами сделают? А ведь у нас пока нет никаких доказательств. Как мы объясним причину убийства?

– Вот же мать твою! – раздосадованно пискнул паяц и, отвернувшись, заколотил крохотными кулачками по перилам. – Вот же дерьмо, дерьмо, дерьмо!!! Так нечестно! Джек, а я ведь мог стать единственным в своем роде – куклой, убившей настоящего бога!

– И еще можешь стать, если потерпишь, – сказал Джек добродушно, но твердо. – Сейчас мы спустимся к серверам «Трушилда», как следует пороемся в них и отыщем доказательства. Принесем их Ифору с Лестак, а они уже пусть разберутся и с Яматой, и с Королевством.

– Тьфу, нудно-то как! – буркнул паяц и сплюнул. – А-а, прикончу-ка я его, и все!

Фист пнул сварочную снасть. Очки и горелка отлетели к поручням.

– ...мать! – выдохнул Фист, кидаясь подхватить их – но опоздал.

Джек прыгнул, ухватил его самого, не дал улететь за поручни. Снизу донесся грохот – намного громче, чем следовало бы ожидать. Он заглушил даже рокот машин. Но в конце концов он стих вместе с машинами.

– Скверно, – заключил Джек. – Подвешивай нас и выкидывай отсюда!

– Но тогда он увидит нас! Он поймет, что мы были тут!

Тишина казалась зверем, изготовившимся к прыжку. Лица коснулся ветерок – как первое дуновение близкой бури.

– Он уже знает, – выговорил Джек. – Он изолирует нас.

– Черт возьми, ты прав, – прошептал Фист, зажмурившись. – Он тянет мощности из всех локальных систем. Явится во всей силе. Черт, и времени нет перестроиться для боя!

Храм исчез, и Джек оказался снова в серверной комнате.

«Фист?»

Спустя пару секунд явился паяц.

«Уходим!» – рявкнул Джек.

Дверь распахнулась, и они кинулись бежать по коридору. Лес исчез. На полдороге возник спрайт-проводник, теперь уже в человеческий рост, с пастью из осколков костей, с длинными, черными, острыми когтями. Его крылья теперь были из человеческих хребтов и содранной кожи.

«ВЫ СОШЛИ С ПУТИ! – провыл он ненатурально громким, металлически скрежещущим голосом. – ТЕПЕРЬ ВЫ ПОГИБЛИ!»

«МАТЬ ЕГО, ДЖЕК, ОН ВНУТРИ МЕНЯ!» – заверещал паяц.

«Что? Как?» – охнул Форстер.

«Я ЗАДЕЙСТВОВАЛ ВСЕ РЕСУРСЫ, ЧТОБЫ ВЛОМИТЬСЯ В КОРОЛЕВСТВО. СНЯЛ ВСЮ ЗАЩИТУ. И НЕ УСПЕЛ ВЕРНУТЬ».

«Хреново».

Спрайт прыгнул к ним, рассыпался огромным облаком пылающих обломков, растянулся радужными полотнищами света. Фист матерился, Джек выкрикивал приказы. Обломки собрались в плавающий лучезарный кокон, кривоватый, похожий на мешок. Из него свисали полупрозрачные щупальца, лениво покачивающиеся, словно влекомые невидимым течением. Тварь походила на огромную медузу, дремлющую в тропическом океане.

«Привет! – раздался хорошо знакомый, ненавистный Джеку голос. – Наконец-то я поиграю с тобой. Уж я-то не стану легкой добычей, как Ахматов».

«Ямата! На нашем приватном канале! – выдохнул Джек. – Откуда она взялась?»

Она рассмеялась – и атака началась.

– Вот дерьмо, дрянь вонючая! – заверещал паяц, потеряв уже всякую осторожность.

Его защита распалась полностью. Теперь он изо всех сил старался определить, насколько глубоко проник враг. В его существе родились тысячи охранных модулей, ликвидирующих ботов-агрессоров максимально быстро.

– Они пытаются уничтожить мое оружие!

В голове Форстера полыхнула боль – паяц задействовал ресурсы его мозга. Джек зашатался, крикнул:

– Осторожно! Не выруби меня!

Фисту потребовались считанные секунды на то, чтобы перестроить защиту, оценить силы агрессора и ударить в ответ. Самодовольный, уверенный голос Яматы весело сообщил:

– Джек, на этот раз – никакой пощады! Ты слишком большая угроза. Наконец-то ты понял, на что способен Фист, и потому Королевство

позволил мне действовать по обстановке.

Свет стал ярче, и голову Джека пронзила мучительная боль. Он рухнул на колени.

– А теперь кое-что реальное, – спокойно произнесла Ямата.

Раздался щелчок, и рядом прожужжала пуля.

– МАТЬ ТВОЮ!!! – взвыл Фист.

Вдруг рядом с Джеком появилась пантера. Он отпрянул, а она прыгнула, пронеслась справа от сияющего мешка – и смех Яматы сменился воплем.

– Вычистил канал, – задыхаясь, доложил Фист.

Ноги его проросли кристаллами хрусталя. Паяц проковылял немного, и массы кристаллов срослись, обездвижив его.

– Задействую атакующую программу Тотальности, – сообщил он бесстрастно.

Джек похолодел. Раз уж паяц оставил эмуляцию личности, ситуация и в самом деле хуже некуда.

– Я парализую цифровые структуры, – продолжил новый, мертвый голос паяца. – Разберись с вооруженной женщиной. Пантера продержится недолго. Остальных я не смог загрузить.

Кристаллы все росли. Они проникли в суставы и разъяли их. Ступня отделилась от щиколотки, бедро от голени, каждая часть повисла отдельно в хрустальной массе.

– Мне нужно собраться. Отключаю кошку. Разберись с женщиной.

Джек заставил себя бежать вслед за пантерой. Та уже перестала рычать. Позади что-то сверкнуло, зашумело – Фист сражался. Впереди – черный силуэт и лежащая на полу женщина. Джек бросился на нее, упал, ударив коленом в живот. Она охнула. При виде ее лица в Джеке вспыхнула ужасом память о Корасон – это было лицо ее убийцы.

– Ямата! – проревел он.

Его голова дернулась от удара. Ямата сбросила его, перевернула. Он вскрикнул от удивления и боли, позвал отчаянно: «ФИСТ!!!»

«Я занят – Ямата атакует», – ответил паяц.

«Меня тоже!»

«Что, нас обоих?!»

Перед глазами Джека появилась картинка: паяц, уже на три четверти закованный в кристалл, одна рука схвачена, вторая судорожно дергается. По частям, еще свободным от хрусталя, пляшет синий трещащий огонь, обугливая, сжигая, проникая в кристалл, – защитные системы Фиста пытались вырвать его из ловушки.

«Гарри был прав...» – прошептал Джек.

«Черта с два! Эта сука пока еще не сделала нас!»

Горло охватило болью. Ямата вцепилась, душила.

Джек схватил ее руки, отчаянно рванул, но ее хватка была слишком сильной. Он попытался пнуть ее, но не сумел. Глотка горела.

«Джек, да ради бога, спусти на нее Зарю!!!»

Форстер отыскал в разуме программы Зари и врубил их на полную мощность. Из него хлынул поток виртуально усиленной харизмы. Джек вспомнил, как подействовало это излучение на людей Внуба. Интересно, как отреагирует Ямата? Он улыбнулся. Посмотрим, что бывает, когда Нарцисс заставляет других любоваться своей красотой.

Ямата отреагировала – но крайне неожиданным образом. Она откинулась назад, на мгновение ослабив хватку, и расхохоталась.

Джека пронизал ужас. Программы Зари лихорадило. Они перестраивались, отыскивая способ повлиять на врага. Джек попытался ударить – и не смог. Ямата придвинулась, придавила его плечи, заглянула в глаза.

– Я теперь неуязвима для такого, – насмешливо сказала она и шлепнула его ладонью – будто приложила по щеке свинчаткой. – Королевство боится тебя. Мне интересно – с чего бы?

Где-то позади истошно заверещал Фист.

– И кто ты сейчас? – поинтересовалась Ямата. – Сломанная деревяшка плюс недоносок, спасающийся виртуальным макияжем.

Она откинулась снова. А он вовремя отдернул голову, и когда Ямата ударила, целясь лбом в его переносицу, то лишь чиркнула щекой о щеку. Фист заверещал снова, но голос звучал сдавленно. Джек представил, как хрустальная масса заползает в рот паяца.

«Фист?!»

«Она атакует мою базовую структуру! Хочет начисто стереть меня!»

– Ты даже не знаешь, что я теперь такое, правда? Чего я хочу, что могу? – покачала головой Ямата. – Ведь и понятия не имеешь.

Она закрыла ладонью его нос и рот.

– Человеческую плоть так просто подмять. И твоего паяца – тоже. Мы хотели выждать, пока ты умрешь, и потом разобраться с ним. Теперь уже слишком поздно. Мы сожжем его. Надеюсь, его оружие удастся спасти.

Джек выругался так же сдавленно, как Фист перед тем:

– Гребаная сука! Мешок с «потом»!

– Думаешь, Королевству есть дело до «пота»? – Ямата рассмеялась и убрала ладонь с его рта, позволяя сделать судорожный вдох. – Ты в самом

деле считаешь так? После всего, что узнал? О господи, да будут благословенны наивные идиоты! Твой паяц может убивать богов, но ты их так и не научился понимать.

Вдали звякнуло, будто лопнуло и рассыпалось стекло. Фист высвободил рот.

«Пошло оно все! Я вызываю Гарри. По крайней мере, хоть и его прикончат».

«Ты уверен?»

«Я почти сдох. Оружие все к черту. Защита едва живая. Он хотя бы отвлечет. Ты можешь выбраться, если повезет. А Гарри будет слишком занят для того, чтобы взламывать меня, потому...»

Он внезапно умолк. Джек представил, как хрусталь снова залепил паяцу рот. Снова взрыв какофонии, затем тишина. В мозгу вспыхнул сигнал тревоги: гибли последние файрволы Фиста.

– Твой малыш уже не боец! – насмешливо пропела Ямата, снова прижимая ладонь к лицу Джека. – И нету рядом никакого Сумрака, чтобы спасти Джека Недопобедителя Великанов. Знаешь, а мне приятно смотреть, как ты задыхаешься. Я так злилась на Сумрака за то, что он защитил тебя семь лет назад. Теперь я почти благодарна ему.

Сознание уплывало в темноту. Джек потянулся к паяцу, но обнаружил лишь бессвязную кучу защитных и сервисных программ, отчаянно и вразнобой пытающихся восстановить хоть что-нибудь. Форстер представил крошечное деревянное существо, чей разум вот-вот развалится на части. Не хотелось и думать о хаосе и ужасе, ожидающих гибнущее виртуальное сознание. Вот только он, Джек, этого уже не увидит. Странно – перед смертью его охватил странный теплый покой.

Напоследок он лишь немного пожалел о том, что Фисту все-таки не достанется настоящее тело. И кукла, и кукловод сгинут без следа. Жаль, конечно, и того, что он в конце ничего толком не понял. Ямата назвала Королевство главным виновником, но посмеялась над «потом» в качестве мотива. Значит, и сейчас Джек не постиг своего врага. И не узнал, что послужило причиной его изгнания на космическую войну.

Издаലെка приплыли слова: «Ты оказался совсем слабаком...» Джек решил, что уж сейчас все окончательно уплывет в ночь. Но знакомый голос вырвал его из забытья.

– Может, он и слабак, – бросил угрюмо Гарри. – Но уж я-то нет!

Женщина охнула, затем ее ладонь перестала давить на лицо Джека. Ямата обмякла. Форстер собрал силы и повернул голову. Посреди комнаты стоял Гарри – до ужаса настоящий, огромный, футов семь или восемь

ростом, окруженный рваными, угловатыми языками синего пламени. Но то, что сожгло паяца, не причиняло Гарри Девлину никакого вреда.

– Ах ты ж сука неблагодарная, ты убила меня! А теперь я сотру тебя в порошок! – проревел он с густым акцентом Дока.

От него ударили синие молнии, и тут разверзся ад. Ямата скатилась с Джека, подхватила в движении пистолет, и сразу раздался сухой треск: раз, другой, третий. Гарри не обратил внимания на пули. Вокруг Яматы взвилось голубое пламя, она закричала. И вдруг затихла. Тело обмякло, покатилося, как скверно набитый мешок.

– Вот это было легко и просто, – резюмировал Гарри. – А теперь займемся остальными.

Он направился к зависшей в воздухе медузообразной твари, нападавшей на Фиста. Снова сверкнули синие молнии, заплескали между щупальцами. Те скорчились в болезненной судороге.

Джек встал. Он попытался вернуть Фиста в свое сознание – но возвращать оказалось нечего. Значит, придется собирать вручную. Он пошел туда, где видел паяца в последний раз.

– Мерзавец! – крикнула Ямата. – Я сейчас прикончу тебя снова!

Джек не поверил своим ушам – неужели практически мертвая, с выжженным сознанием, она все еще могла двигаться, кричать и нападать? Гарри расхохотался.

– Когда я удрал от тебя, Ямата, ты должна была понять, что я вернусь! – крикнул он. – И приготовлюсь встретить тебя!

Джек быстро нашел паяца. План куклы сработал: кристалльная клетка исчезла, Гарри отвлек Ямату. Но Фист был без сознания и то исчезал, то возникал снова. Его программное ядро старалось совладать с повреждениями. Обе ноги были оторваны. Перевернув паяца, Джек обнаружил, что рука лишь одна. Глаза – широко раскрытые, деревянные, мертвые. Рот оскален в идиотской ухмылке.

Оторванная рука валялась рядом. Джек принялся шарить по полу – искал ноги. Одна оказалась целой, вторая – обожженной до черноты, но еще в рабочем состоянии.

Снова полыхнул свет, послышались ругательства. Гарри стоял перед медузой, окруженный синим пламенем. Новая атака – и вспышка. Щупальца снова скорчились от боли.

– Ямата, ты и в самом деле надеешься убить меня? – крикнул Гарри, хохоча. – Всю свою смерть я готовился к нашей встрече.

Джека подергали за рукав – Фист очнулся.

«Выключи меня и беги», – из последних сил прошептал он.

Чтобы заставить паяца уйти в аварийное отключение и погасить его процессы в глубине сознания, требовалась пара минут. Максимально сконцентрировавшись, Джек осторожно и тщательно приступил к делу. Он не решался и шевельнуться, пока процедура не закончится.

«Джек, да бога ради, просто выруби меня! Когда окажешься в безопасности, восстановишь меня по изначальным базовым параметрам».

«Нет, Фист. Так ты все забудешь».

«Два отличных года, пять дерьмовых. И не подумаю жалеть о таких воспоминаниях!»

Фист умолк, снова погрузившись в беспамятство. Преждевременное пробуждение личности забрало слишком много ресурсов покалеченной системы. Форстер стоял на коленях. За спиной ритмично вспыхивали белые и синие сполохи. Битва стала целиком беззвучной. Не понять, кто побеждает. Воюющие позабыли о кукле и ее хозяине.

Наконец Джек полностью заглушил Фиста и побежал прочь. Тень его металась перед ним, пропадала, возникала снова, будто монстр из полузабытого кошмара. Здание уже было в режиме аварийной изоляции. Джеку пришлось проламываться сквозь несколько дверей, орудуя огнетушителем как тараном. Наконец он ворвался в приемную.

Там, раскинувшись в кресле, сидела Ямата. В ее руке был пистолет, и черный зрачок его ствола смотрел прямо на Джека.

Глава 34

Он застыл, ожидая несущей смерть пули. И даже не испугался – лишь удивился. Как же Ямата оказалась здесь раньше его?

Ствол качался – то нацеливался, то опускался. Она что, дразнит? Да нет, она же почти без сознания!

Джек осторожно миновал ее и внезапно замер, пораженный. На софе лежала еще одна женщина с лицом и фигурой Яматы и тоже с оружием. Открылась дверь, и вошел охранник, несущий третью Ямату. Женщина висела, обмякнув, в его руках. Охранник восторженно глянул на Джека, но затем помрачнел:

– Мне так жаль! У них пистолеты, стреляющие транквилизатором, чтобы остановить и захватить вас. Но если не смогут, начнут стрелять настоящими пулями.

Сидящая в кресле Ямата слабо подергивалась, будто марионетка, которую пытается оживить кукловод. Руки дрожали, она охала и вскрикивала, но так ничего и не смогла сделать. Пистолет упал на пол. Ее копии на софе, похоже, удалось сосредоточиться и вернуть власть над телом. Ямата медленно, осторожно приподнялась, села. Ее голова резко повернулась налево, затем направо, сканируя комнату, словно хищное насекомое. Рука с пистолетом приподнялась, нацелилась в сторону Джека.

– Я так и думала, что бросишься наутек! – выговорила она с трудом, но глумливо. – Трус!

Губы остальных Ямат подрагивали в такт ее словам. Раздался громкий хлопок, ее рука дернулась. Джек отпрыгнул, и дротик с парализующим составом просвистел мимо. Охранник опустил тело на пол и замялся, нервно поглядывая на Джека.

– Знаете, я могу заслонить вас, но ведь меня тогда убьют...

Джек скользнул вдоль стены, стараясь держаться как можно дальше от пришедшей в себя Яматы.

– Не вмешивайтесь. Это не ваша война, – бросил он охраннику.

– Но я же так хочу помочь! – Тот чуть не плакал.

– Тогда молчите! И не двигайтесь! – приказал Джек.

Ямата встала с софы, двигаясь нескладно, неуклюже, словно поддерживаемая невидимыми нитями. Попыталась крикнуть «стой», но не смогла – слово застряло в глотке, и несколько секунд слышалось только гортанное «сто-сто-сто». Звук был такой, словно по металлу тянули

колючую проволоку. Ямата сильно шлепнула себя по щеке. Голова качнулась назад, рот закрылся, губы сжались. Пистолет выплюнул очередной дротик, впившийся в стену совсем близко от Джека.

Когда Форстер наконец подобрался к двери, первая Ямата уже шагала к нему. Вторая, сидевшая в кресле, наклонилась, пытаясь нашарить оружие. Третья, на полу, вздрагивала – приходила в себя. Охранник беззвучно плакал, но не решался двинуться с места. Джек выскочил в дверь и пустился бегом. На полпути к воротам сзади снова раздался звук выстрела. Мимо – пуля заскрежетала о бетон дорожки в нескольких метрах от Форстера.

Достигнув ворот, Джек оглянулся. Три Яматы уже выбрались наружу. Одна рухнула на землю и вяло трепыхалась. Вторая неуклюже помогала ей встать. Третья уверенно шла за Джеком, но еще не могла нормально прицелиться.

– Мы выследим тебя в Доке, – крикнула она. – Нам приказано взять тебя живым, но мы не будем слишком уж стараться это выполнить!

Над ними ослепительно вспыхнуло, окатив их белым светом. Они, казалось, не заметили этого. Купол здания разлетелся вдребезги. Гарри торжествующе заревел, насмехаясь над Яматой. Похоже, он выигрывал битву. Любопытно, кем же смерть позволила ему стать? Ямату тоже переделали во что-то сверхчеловеческое. Но во что?

На размышления времени не осталось. Форстер бросился бежать. По привычке он взглянул вверх – на Пантеон. Без Фиста в сеть не войдешь, так что никаких божественных символов. Джек вспомнил закованного ворона Сумрака, лучезарную улыбку Зари. Без них ночное небо казалось таким безмятежным.

У ног закувыркался дротик с транквилизатором. Джек не оглядывался. Не хотелось видеть, с какой легкостью теперь движутся преследователи, как быстро нагоняют, как скоро схватят... Он понял, что плачет.

Вот тогда Заря и позвала его. О, этот поразительный, сверхъестественный голос богини, такой добрый, спокойный, ласковый! И сразу представилось, будто он ступил из ада в залитый телесчастьем рекламный ролик.

– Ты ведь встречался с Сумраком, – упрекнула кокетливо Заря. – Причем за моей спиной. Может, мне вовсе и не спасать тебя?

Мимо пронесся дротик, затем просвистела пара пуль. Джек не мог ответить – он задышался. Такой темп долго не вынести. Легкие горят огнем. Рано или поздно он будет вынужден остановиться, невзирая на опасность.

– Беги к стройке на Эрфсайд, – скомандовала богиня. – Там их

ожидает небольшой сюрприз. О, и еще...

Нечто неуловимое, стремительное коснулось его разума.

«Что случилось?» – с трудом выговорил Фист, коверкая слова и звуки.

«Тебя разбудила Заря. Можешь войти в сеть и провести меня к Эрфсайд?»

«Нет. О черт, полетела голосовая калибровка!»

«А остальное как?»

«Ма! Ма! Где остальное?! Где? – выкрикнул Фист, истерически хихикая. – Где?! Где?! Где?!»

«Лучше уж тебе спать».

Хихиканье внезапно оборвалось – будто отключили воспроизведение. Джеку пришлось оглянуться. Яматы догоняли. Они уже двигались более плавно. Передняя выглядела почти по-человечески. Она нацелила парализующий пистолет. Собрав последние силы, Джек рванул за угол.

Рядом с ним явилась, плывя по воздуху, Заря.

– Паяц в худшем состоянии, чем я думала, – заметила она. – Наверное, мне нужно самой указать тебе дорогу. Ох, ты такой сексуальный, когда запыхался.

Джек не отважился ответить. Каждый вдох – словно последняя предсмертная судорога. Надо было хоть как-то поддерживать форму в тюрьме.

– Еще мгновение – и сможешь бежать медленнее, – пообещала богиня. – Только обязательно сверни налево на следующем перекрестке.

Джеку захотелось послать к черту ее планы и позволить себя убить, освободившись разом и от богов, и от людей. Но оставался риск того, что паяц попадет в руки Королевства. Так что лучше уж бежать. К тому же остались нерешенные загадки. Гарри с Яматой превратились в непонятных монстров. Как вообще возможно такое в этом мире? И зачем Королевству совершать преступления? Когда столько всего не знаешь, чувствуешь себя последней пешкой. Чтобы стать ферзем, надо узнать и понять гораздо больше. И наконец, Андреа. Нужно предупредить ее насчет Гарри. Так хочется увидеть ее снова!

Потому Джек послушал Зарю и свернул налево – а вокруг свистели пули и дротики. За углом он остановился, изумляясь и ужасаясь божественному чувству юмора. Впереди его ждала толпа Ямат. Богиня тихонько рассмеялась в его мыслях. Ямат собралось сотни две-три, все одинаково одетые, все хромающие и дергающиеся, словно нелепые гигантские насекомые, пародирующие человеческие движения.

– ГРЕБАНАЯ СУКА!!! – заорал он.

– Ох, Джеки, да ты параноик, – хихикнула богиня. – Так испугался моего миленького флешмоба.

Яматы семенили к нему вразнобой, и Форстер наконец понял: они совершенно не похожи на смертоносных чудовищ, несущихся следом. Люди из толпы были одеты и загримированы как преследовательницы Джека и подражали им вполне сносно. Но они были разного роста и телосложения. И почти сплошь молодые. За гримом трудно разглядеть, но, кажется, почти все – подростки.

– Мои маленькие поклонники, – с гордостью объявила Заря. – Все сбежали из дому, чтобы помочь тебе. Я уже давненько готовила сюрприз для тебя. Вставляла изображения Яматы в журналы мод. Представляла ее подобия на шоу и вечеринках. Заставила всех восхищаться ею. Разве не чудесно?

– Вы знали, что Ямата погонится за мной?

– Я была уверена, что рано или поздно ты столкнешься с ней. Когда ты нашел ее логово, я бросила клич и собрала мою милую толпу.

В голосе богини звучала почти материнская забота.

– Но ведь Ямата вооружена, – пробормотал Джек. – Эти дети умрут!

– Лишь часть их. И умрут они счастливыми. Они станут легендой, а их фетчи будут раздуваться гордостью до небес. Но ты-то у меня один. Беги скорее!

Не желая думать о последствиях чудовищного, убийственного, расточительного плана Зари, Джек побежал. Он протолкался сквозь толпу подобий Яматы, ощущая, как успокаивается дыхание, замедляется пульс. Толпа пропустила его, снова сплотившись за его спиной и перекрыв дорогу, загородив улицу целиком. Ослабленным настоящим Яматам было не прорваться сквозь строй двойников. Чтобы снова броситься в погоню за Джеком, Яматам придется застрелить сотни людей. Джек подумал, что вряд ли копии-убийцы такие уж монстры. Но скорости не сбавил.

Лишь немногие псевдо-Яматы выглядели тщательно подготовленными. Остальные загримировались и оделись наспех. Со скверно окрашенных волос синяя краска стекала на лица, а с них пот смывал бледно-голубой колер, оставляя темные подтеки. Багровели прожилками глаза, раздраженные дешевыми пурпурными линзами.

Но неумелость костюмов более чем возмещалась общим убеждением, согласным разыгрыванием роли. Когда Джек проталкивался сквозь фальшивых Ямат, никто из них не нарушил игры: не улыбнулся, не отдернулся, не сфальшивил ничем. Они все играли самозабвенно. Джек рискнул оглянуться: три настоящие Яматы показались из-за угла – и, как и

Джек, замерли, ошеломленные видом сотен подражателей.

Толпа двинулась к оригиналам, скандируя на ходу: «Привет, Ямата, мы – Ямата!» – сперва негромко, а к тому времени, когда Джек выбрался наружу, все уже надсадно орали. Эхо заметалось среди зданий, пустые офисные блоки стали хором, подпевавшим трагедии – и не сумевшим заглушить треск выстрелов. Первые приблизившиеся к настоящим Яматам упали, но толпа катилась неудержимой волной. Сообразив, что помочь он не в силах, Джек кинулся прочь. Спустя несколько мгновений стрельба прекратилась. Внезапно воцарилась полная тишина. Он уже был слишком далеко и не видел, сколько осталось в живых.

– О, с ними все будет нормально, – равнодушно сообщила Заря. – А тебе теперь нужно прятаться, чтобы даже я не знала, куда ты подевался. Какие-нибудь мои маленькие, почти незаметные части наверняка работают не на меня, и сейчас во мне люди, которых вовсе там быть не должно. Наблюдающие и следящие. В общем, я спасла тебе жизнь – и оставляю тебя. Разве не мило?

– Сколько их умерло?

– Никто не умер. Пятьдесят два человека только что стали бессмертными.

И, сверкнув, Заря пропала. Джек не останавливался, упорно трусил дальше рысцой – так можно двигаться гораздо дольше, чем бегом. Надо отыскать убежище и восстановить Фиста, а уж потом думать о том, что учинила Заря ради спасения нового любимца, кем стали Ямата с Гарри и как остановить Королевство.

Без паяца Джек был полностью отрезан от сети и не представлял, насколько его пропажа заметна Внубу. Интересно, они и в самом деле примутся искать его? Лестак грозила ему суровыми карами. А Джек изрядно нарушил условия доступа в Дом.

Но честно говоря, сейчас ему было на это наплевать.

Глава 35

Убегая, Джек оказался в квартале заброшенных фабрик. Системы аварийного ремонта Фиста нашептали первый доклад: все без изменений. Из-за вмешательства Зари паяц не смог очнуться и останется без сознания еще несколько часов. Хорошо, если не дней. Впервые за семь лет Джек остался наедине с собой. И, как ни странно, почувствовал себя одиноким.

По обе стороны дороги высились заброшенные корпуса. Тоже ведь своего рода роскошь – оставить нетронутым этот апофеоз разрухи! Почти в любом другом месте Солнечной системы такое пренебрежение полезным объемом считалось бы попросту неприличным. Но не в Доме. Любопытно, какой же прелестной картинкой прикрыли в сети мертвый квартал? Ближайшую станцию те, кто не жил в ее окрестностях, насмешливо называли «Сонным царством». Но издевка правдиво описывала здешние места. Джек хохотнул презрительно, идя через то, что было самым точным выражением самой сути Дома.

Однако руины подсказали ему, где искать убежище. Хотя улицы вокруг прикрыты виртуальной пеленой иллюзий, по ним тем не менее ходят люди. Но выжженные места, запретные для погруженных в сеть, полностью изолированы. Идеальное укрытие! Без Фиста Джек был полностью закрыт для сети, а значит, невидим для сторожевых программ. Вряд ли на развалинах держат реальную охрану. Сеть позаботилась о том, чтобы никому не хотелось лезть в места гибели и запустения.

Пейзаж вокруг изменился. Руины фабрик остались позади, дальше тянулись жилые заселенные и ухоженные дома и школы. Дождь утих, накрапывал лишь слегка. Как же тихо ночью! И Фиста не хватает...

Ага, вот и выжженное место: на заросшем холме высился полусгоревший семиэтажный жилой дом. В свете ночных фонарей фасад казался бледно-оранжевым. Пустые окна зияли мертвыми глазницами над распахнутой, разбитой двустворчатой дверью. Над дверным проемом свисали остатки полотняного навеса. Вокруг развалин высилось металлическое ограждение. Джек долго шел вдоль него, пока не обнаружил дерево, раскинувшее ветви за ограду. Высмотрев сук пониже, он подпрыгнул, подтянулся и перевалился внутрь, в сад.

Джек подумал о живших здесь террористах. Трудно поверить, что все без исключения здешние жители перешли на сторону врага. Но разве только что он сам не видел, как Ямата, обычная бандитка, превратилась в

нечто, похожее на коллективный разум Тотальности? Разница между людьми и не-людьми теперь куда меньше, чем раньше.

Джек направился к жилому блоку по тускло поблескивавшей в лунном свете дорожке. Надо зайти через разбитые двери, которые он заметил с улицы, найти место поуютнее, отдохнуть и проследить за начальными стадиями реанимации паяца. А когда процесс войдет в рабочий режим, можно будет поспать – и увидеть во сне возрождение Фиста. Интересно, что именно просочится в спящий разум от лихорадочной перестройки покалеченных структур? А что останется в памяти поутру?

Ветки нависали над дорожкой, заслоняя серебристый ночной свет. Под деревьями густо разрослись кусты. Форстер шел быстро. Вдруг что-то громко хрустнуло под ногой. Он инстинктивно пригнулся, шагнул в тень, испугавшись, что треск могут услышать, и боясь наступить на что-нибудь снова. Но ведь преследователи наверняка остались далеко позади! Джек присмотрелся к дорожке. На ней лежали рядами сложной формы фигурки. Джек в темноте раздавил несколько штук. Он протянул руку и поднял уцелевшую – гексагональную пирамидку из обтесанных палочек, связанных грубой бечевой. «Вот же черт!» – выругался он в сердцах.

За спиной зашелестела листва. Дождь? Он уже кончился. Ветер? Сейчас полный штиль. Зашуршало снова. Джек обвел взглядом окрестности. Сумрак, тишина и дорожка с фигурками, выложенными в череду одинаковых узоров. Хм, напоминает творение маньяка с навязчивой идеей. Ага, так и есть: между фигурками валяются пустые стеклянные флакончики.

Он забрел в логово потогонов.

Джека пробрала дрожь. «Пот» – наркотик пролетариев, сделанный для того, чтобы люди смогли вынести четырнадцатичасовую смену шесть дней в неделю. Он давал силы, отуплял, помогал сосредоточиться на одних и тех же действиях, чтобы человек мог повторять их часами без усталости и потери внимания.

Большинство аккуратно дозировало «пот», чтобы не вызвать привыкания. Те же, кто не умел соблюсти меру, оказывались без работы и без дома, бродяжничали и побирались, пока наркотик не пожирал их. Приняв дозу, они в лихорадочном возбуждении собирали одни и те же бессмысленные сложные объекты. И пока «пот» действовал, наркоманы крайне агрессивно относились к любой попытке помешать «работе» либо испортить ее результат.

Джек опасливо оглянулся, надеясь, что выложивший на дорожку свои творения потогон уже далеко, и пошел, пригнувшись, по самому краешку,

стараясь не наступать на деревянные поделки. Еще минута – и он окажется внутри здания, а там можно будет отыскать комнату и забаррикадироваться. Темнота давила, пробуждая древние исконные страхи. Ничего, паниковать нет нужды, скоро все будет нормально.

И тут из кустов выскочил потогон и вогнал в бок что-то твердое, острое. Джек вскрикнул и бросился наутек. Но напавший прыгнул ему на спину и вцепился мертвой хваткой. Он был сухой и легкий, словно те поделки из палочек на дорожке, которые сейчас Джек безжалостно давил на бегу. Из тьмы раздались причитания еще одного потогона. Дорожка вывела из-под деревьев на широкий газон. Беззубый, с шершавыми деснами рот потогона скреб шею, пытаясь впиться. Ребра полыхали болью – наркоман тыкал чем-то острым снова и снова. Джек закинул руку за спину, стараясь ухватить голову потогона, но не смог. Тогда он упал на бок и покатился. Хрустнули кости, и потогон разжал руки.

Форстер вскочил и помчался дальше. Дорожка шла вдоль стены к фасаду жилого корпуса. Джек рискнул оглянуться: позади маячили две темные тени. Он подбежал к парадной двери, надеясь укрыться в здании, но теперь она была закрыта. Джек ударил в нее плечом. В боку вспыхнула боль. Дверь не поддавалась: изнутри через ее ручки продели метлу.

На мгновение он застыл в недоумении – ведь точно видел с улицы открытую дверь! Из-за угла показались потогоны. Один ткнул трехпалой рукой в сторону Джека, забубнил угрожающе. В руке он держал камень. Другой – одноглазый, ошалевший от ярости, с изуродованным лицом – бежал, потрясая в воздухе жуткого вида ножом.

Джек ухватил свисавший с полотняного навеса клочок, выдрал полосу и помчался к густой заросли кустов. Забравшись в самую гущу, он упал на колени и нашарил правой рукой камень. Бегущий первым наркоман притормозил и завертел нерешительно головой, пытаясь углядеть врага. А Джека вдруг замутило. Он обвязал ткань вокруг камня. Потогон потрусил мимо. Нож блестел в лунном свете.

Бесшумно поднявшись, Джек шагнул из кустов, замахнулся, ударил – и камень врезался в руку наркомана. Форстер надеялся лишь выбить нож и, возможно, ошеломить врага, но того «пот» уже превратил в развалину. Камень перешиб руку и сделал глубокую темную вмятину в боку. Несчастный рухнул, жалобно скуля.

«Вот мать твою!..» – выдохнул Джек, подступая ближе.

Потогон был уже не жилец. Кровь хлынула, будто песок из прорванного мешка. Глядя на умирающего, Форстер совсем забыл о другом потогоне. И вспомнил лишь тогда, когда тот грохнул камнем в плечо.

Зашатавшись, Джек чуть не упал. Наркоман завыл, нагнулся, зашарил по земле в поисках ножа. Всякое желание бить несчастного урода пропало. Стараясь не выдать вскриком свою боль, Джек помчался к двери. Подбежав, он подпрыгнул, ухватился за край навеса. Тот подался, отрываясь от фасада. Но Джек успел качнуться, размахиваясь, и ударить обеими ногами в дверь. Раздался треск, дверь дрогнула – и распахнулась настежь, когда метла сломалась пополам. Он полетел ногами вперед, тяжело шлепнулся на пол, перекатился, оглянулся. Навес частично оторвался и загородил вход. Уцелевший потогон лез сквозь дыру с ножом в одной руке и камнем в другой. Навес оторвался окончательно и рухнул наркоману на плечи, заставляя отпрянуть назад. Потогон повалился на пол. Джек встал, не зная, нужно ли еще драться или уже все кончено. Голова кружилась. Но противник поднялся и двинулся на него. По его лицу струилась кровь – упавший навес выдрал ему лоскут кожи на голове. Джек осмотрелся. Прятаться негде, хвататься не за что. Да и драться не хотелось, противно было и тошно. Но ведь если сильно пострадаешь или потеряешь сознание, Королевство с легкостью отыщет обидчика. Последний враг побрел к нему, шатаясь.

Джек рванул вверх по лестнице. Потогон проорал что-то нечленораздельное и бросился следом. В стенах виднелись дыры от пуль. Похоже, здесь сражались всерьез. Лестница вывела в длинный коридор с пронумерованными дверями, большей частью закрытыми. На полу валялись в беспорядке чемоданы, саквояжи и портфели, заваленные поверх грудой одежды. В конце коридора – разбитое окно, подле него огнетушитель. Пара секунд – и Джек сорвал баллон со стены. От усилия в глазах потемнело.

Появился потогон – оживший кошмар, движущаяся куча палок и грязных одеял. Он провыл что-то вроде: «Не дал нам сделать норму!» И побрел к Джеку, распахивая ногами багаж. Из выбитого глаза текла темная отравленная кровь. Сквозь прореху в щеке виднелись желтые зубы. Истошный вопль боли и ярости разорвал воздух, будто сирена.

Форстер изготовился, занес огнетушитель. Потогон присел, готовясь прыгнуть. Метнулся, выпростав длинные паучьи лапы, в одной – нож будто жало, в другой – камень словно коготь.

Джек едва успел ударить огнетушителем в изуродованное лицо. Лезвие ножа вспорол его предплечье, и он задохнулся от боли. Ударом наркомана отшвырнуло к стене, он упал на колено, посмотрел на противника – а тот снова замахнулся и ударил. Потогон увернулся. Баллон грохнул о стену. Лезвие полоснуло по костяшкам пальцев. Джек

пошатнулся, чуть не упустил оружие.

– НОРМА! – заорал потогон.

Его здоровый глаз закатился, в лицо Джеку полетели брызги вонючей слюны. Форстер перехватил огнетушитель поудобнее и, когда враг напал снова, ударил со стороны слепого глаза. Баллон с глухим лязгом врезался в череп. Размахивая руками, будто стараясь уцепиться за что-нибудь напоследок, потогон свалился на пол. Джек изо всех сил хрястнул его баллоном в грудь. Наркоман завизжал и вспорол ножом Джеку бедро. Форстер упал на колени, но сумел ударить огнетушителем еще раз. Баллон с маху врезался в шею. Вопль потогона сменился хриплым бульканьем и вскоре стих совсем.

На мгновение Джека охватила пьянящая радость победы. Ей на смену пришли боль от ран и надежда на то, что ранен он не слишком сильно. Затем – осознание произошедшего. Отвращение и ужас наполнили его душу – но лишь на мгновение. Адреналиновый шок проходит быстро. Перед глазами заплесало. Кто-то маленький шел к нему по коридору.

– Фист? – прошептал Джек.

Нет, это невозможно. И, охваченный отчаянием, Форстер провалился в забытие.

Глава 36

Джек лежал на чем-то мягком и слышал, как поблизости журчит вода. Лицо его было прикрыто, он ощущал собственное дыхание. Руки были скрещены и плотно прижаты к груди. Так, похоже, он завернут в одеяла с головы до ног. Джек пошевелился. Боль заплясала между ребрами, по лицу, по рукам. Он вспомнил маленький силуэт в коридоре. Может, его захватил агент Королевства? Рядом тихо шептались. Двое – нет, трое. Джек снова шевельнулся: осторожно выпростал руку, желая сдернуть одеяло с головы. Ага, а разговаривают-то о нем!

– Нам нужно позаботиться о нем.

– Да, но оставить его мы не можем.

Пауза.

– Ну, как бы то ни было, пока он здесь.

Первый голос – высокий, чистый. Очеловеченная версия голоса Фиста. Второй – хрипловатый, странный. Джек открыл глаза – перед ним была металлическая стена. Кто-то хихикнул сзади, затем потыкал его в ягодицу и фыркнул: «Эй, соня!» Голос маленькой девочки, точно.

– Он просыпается! – сообщила она остальным.

Те двое – тоже дети: девочка и мальчик постарше. Что за взрослые оставили их с пленником? Форстер перекатился на другой бок. С него соскользнуло одеяло с рисунком безмятежно улыбающейся мыши из мультфильма. Джек лежал на нескольких сдвинутых матрасах. Рядом сидела маленькая темноволосая девочка в анорাকে и потрепанном платье. В руках она держала плюшевого зайца и рассеянно теребила его ухо.

– Лисса, отойди, – сказал хриплый голос.

В другом конце комнаты стоял стол. За ним сидели девочка и мальчик. Стену за ними покрывали яркие рисунки, изображавшие разные части Дома. На некоторых зданиях были надписи: «Чуйгушоу», «Гласс-Вижн-Тауэр», «Шард», «Эйкорн», «Вайэлин-Гарденс».

– Ты же не сделаешь нам плохо, да? – спросила Лисса. – Ведь ты убил плохих людей.

Она посмотрела на зайца и, дергая его нос вправо-влево, забормотала: «Плохих, плохих!» Затем снова взглянула на Джека и неожиданно уверенно заявила:

– Ты – призрак. Как и мы.

– Мы не призраки, – буркнул мальчик.

– А тогда почему никто нас не видит? Ни львы, ни медведи, ни тигры!
– Лисса, помолчи! – предупредила девочка за столом. – Не выдавай наших секретов.

– Это не секрет, – заметила Лисса, глянув через плечо, и прошептала заговорщицки на ухо зайцу: – Он уже знает!

– Кто вы? – спросил Джек.

Лисса не ответила – она полностью погрузилась в беседу с плюшевым зверем. Старшая девочка подошла к ней, присела рядом и обняла, загораживая от Джека. Затем посмотрела на мальчика. Тот кивнул.

– Я Ато, – представилась она приветливо. – А он Фред.

– Где мы?

– Мы глубоко внутри, в оболочке Станции, – ответил Фред. – В часе ходьбы оттуда, где Ато нашла тебя. Мы в безопасности. А это, – он показал на стену, – изолирует нас от всего внешнего.

– Никаких звуковых сканеров, инфракрасных камер, ничего, – подтвердила Ато.

– Впечатляет, – заметил Джек. – Сами построили?

– Не глупите! – выбранила его Лисса. – Построили наши мамы и папы. А дедушка помог им. Когда пришла полиция и забрала их, они оставили нам эту комнату, чтобы мы жили в безопасности. Они отключили нас от сети и сделали всех невидимыми.

– Как?

– Дедушкин секрет, – прошептала Лисса. – Он знал, что придет Внуб.

– За вашими родителями?

– Да.

Внезапно Джека осенило: террористы хотели спасти детей от Внуба и потому сделали из них призраков!

– А почему Внуб пришел за ними?

– Они сражались за мир, – отчеканил Фред. – За лучший мир.

Как же их родители умудрились взломать сеть? И ведь очень эффективно. Если бы Внуб заметил детей, то уже отправил бы их в приют. Интересно, Лестак сможет организовать заботу о них? Правда, сейчас подойти к комиссару будет непросто... Хотя, возможно, она послушает, если рассказать ей о Королевстве.

Форстер сел.

– Нельзя! – крикнула Ато.

В голову ударила боль. Комната поплыла перед глазами.

– Ты еще не поправился, – пояснила девочка. – Лучше приляг.

Ее руки осторожно надавили ему на плечи. Джек с облегчением

опустился на матрас.

– Мы позаботимся о тебе. Да и куда тебе идти? Тебя ищут наверху.

Ее голос звучал твердо и уверенно. И говорила она скорее с Фредом, а не с Джеком.

Глубоко в сознании что-то шевельнулось. Хм, Фист просыпается. Пришел сигнал индикатора: перезагрузка базового сознания паяца начнется через час с небольшим. Лучше уж поспать до того. Будем надеяться, дети не предадут. Изнеможение накатило черной волной, и Джек позволил ей захлестнуть себя.

Ему снова приснилось, что он – Корасон. Убийцы бежали за ним сквозь кошмар. Иногда одна Ямата стреляла в него через глазок. Иногда за Джеком гналось множество Ямат, упорно дышащих ему в затылок, не настигающих, но и не отстающих. А однажды он обнаружил себя посреди пустынной, залитой лунным светом площади. Вокруг повсюду был камень, белый словно кость. Площадь была безлюдной, но Форстер бежал и не смел остановиться.

Проснулся он усталым и разбитым. В комнате было тихо. Лисса сидела за столом и играла с зайцем. Фред стоял у дальней стены, набрасывая маркером эскиз нового пейзажа Дома. Ни кто из них не заметил, что Джек проснулся. Ато не было видно.

Джек закрыл глаза и устроился поудобнее на матрасе. Снаружи осмотрелись – теперь заглянем внутрь. Тут же представились вспыхивающие одна за другой пиктограммы сообщений о том, как идет ремонт Фиста. Основные его системы восстановились успешно. Разум, память и личность были готовы активироваться. Но Джек должен был присутствовать при этом процессе и направлять его. На мгновение он заколебался. Без Фиста одиноко – но и спокойно. Побывать наедине с собой впервые за семь лет – это немало.

Однако со времени их возвращения на Станцию очень многое изменилось. Хозяин и его кукла помогали друг другу. Джек учил Фиста понимать, как люди ведут себя и почему. А Фист учил Джека управлению виртуальным миром, досконально известным маленькому паяцу. Ведь если подумать, когда Заря предложила Форстеру уничтожить личность Фиста, все придуманные логичные причины отказа богине были просто отговорками. Паяц давно уже стал не просто надоедливый грузом, а разумным, растущим и меняющимся существом, глубоко небезразличным Джеку.

В мыслях Форстера вспыхнули и замерцали ожидающие запуска команды. Фист приготовился к перезапуску.

Сосредоточившись, уйдя в себя, Джек спокойно наблюдал за тем, как оживал его ребенок.

Глава 37

Прошли часы. Джек казался спящим, но на самом деле он увлеченно общался с паяцем.

«Хвала богам, я снова здесь! – пропищал Фист. – Ты ж без меня не можешь. Подумать только, тебя спасли дети!»

«Это очень способные дети. Они уже долго прячутся от Внуба».

Фист помолчал пару мгновений.

«Так, кое-что понял, – сообщил он затем. – Эта комната – клетка Тьюринга. Никаких взаимодействий с сетью для тех, кто внутри. А на малышке – мощные защитные программы. Она невидима в сети. Но это, похоже, не все».

«Они говорили – львы, медведи и тигры их тоже не видят. Значит, дети невидимы и для охранных программ».

«Да. Но не навсегда. Их защита пропадет, когда они станут подростками. Тогда сетевое присутствие Лиссы полностью активируется и отключит защиту».

«А что с мальчиком?» – спросил Джек.

«Похоже, его защита отключилась несколько месяцев назад. Но он с тех пор не выходил в сеть. Наверное, прятался здесь все время».

«А это возможно?»

«Почему нет? Конечно, если его здесь кормят».

«Фист, я не то имел в виду».

«Я понимаю. Бедный парень».

Сочувствие в голосе паяца удивило Джека. Он захотел сказать об этом Фисту, но передумал, боясь обидеть того и все испортить.

«Клетку и защиту они не могли получить от родителей, – равнодушно заметил Джек вместо того. – Чересчур сложно».

«Их старики наверняка были не только террористами, но и хакерами. Хм, интересненько... Я пороюсь в коде, посмотрю, как там и что».

«Нам нужно покопаться не только в коде. Пора разобраться, что именно случилось в „Трушилде“».

«Там я мог убить бога, но мне не позволил это сделать Джек „Совесть“ Форстер, и наши шкуры малость подпалили. Вот и все».

«Кстати, а ведь из всех паяцев убить бога способен только ты, – заметил Джек. – Остальных вырастили на разумах военных, специалистов по Тотальности, не представляющих устройства Пантеона. Эти куклы

запутались бы в охранных программах богов».

«Да, паяц плюс бухгалтер равно способности затрахать бога, – самодовольно подтвердил Фист. – Джеки-приятель, оно было как два пальца обоссать. Безопасность Пантеона – полное дерьмо. Они там нос задрали и ни черта не видят».

«Ну не-е-ет... – протянул Джек благоговейно. – Иногда, работая поблизости от Пантеона, я слышал вдали рык его охраны. Однажды я разбирался с пятилетним планом и увидел файрвол Близнецов на горизонте – недостижимый и непостижимый. Он пылал невыносимо ярким пламенем. Я не мог на него смотреть дольше нескольких секунд. Даже не представляю, как описать его».

«А для меня все выглядело не так. Маленькая дверца. Я просто пнул ногой – и бац! – все нараспашку. Но я всегда знал, что я особенный. Эх, если бы другие паяцы видели! Посмотрел бы я на физиономии этих военпродуктов, когда б они увидели, что я умею».

«Ты более чем особенный, – заверил паяца Джек. – Фист, ты – богобойная пушка Пантеона. Скажи, ты и в самом деле мог бы убить Королевство?»

«Я мог сделать что угодно: напакостить в его корпоративных структурах, обвалить его фирмы, стереть его личность, скопировать наши на ее место... Постой-ка...»

Фист умолк на мгновение, а потом завопил, дрожа от возбуждения:

«Да я мог бы записать нас на место Королевства! Мы бы стали им! Джек, мы могли бы стать богами! Я мог бы стать богом! Давай вернемся и сделаем это!»

Ликование паяца напугало Джека.

«Ты не подумал о последствиях. – Он постарался, чтобы голос звучал как можно более спокойно и твердо. – Не забывай: у нас нет доказательств, обличающих именно Королевство. Если убить бога, погибнет много людей. А другие боги убьют нас. Мы продержимся самое большее несколько мгновений».

«НО КАКИЕ ЭТО БУДУТ МГНОВЕНИЯ!»

«Вспомни гнев Зари, – посоветовал Джек добродушно. – Представь, как за тебя возьмутся одиннадцать таких, как она».

«Да я разнесу их всех к чертям!»

«Несмотря на свои нынешние повреждения?»

«Да брось, Джек! Ямата лишь чуток задела меня. Ба, мелочи!»

«В самом деле?»

«Я в порядке! Хотя... Э-э, конечно, есть пара синяков... Но ведь

пустяки же!»

«А ну-ка покажи мне».

«Да мне и думать про них неохота, – отмахнулся паяц. – Брось, давай за дело! Я – богобойная пушка Пантеона! Может, мне и не хватает пары снарядов, но я готов стрелять!»

Но теперь в его голосе звучало чуть меньше глумливого ликования – и чуть больше тревоги. Любопытно, насколько же тяжелы эти его «синяки»?

«Мне нужно их видеть, – повторил Джек спокойно, но твердо. – Я не пущу тебя никуда, пока не покажешь».

«Ну, Джек...» – заныл Фист.

«Я сказал».

Паяц выпустил серию картинок. Он предстал на них завернутым в плотно застегнутый и затянутый поясом плащ. На голове – котелок.

«Ну вот! Почти ни царапинки».

Раскинув руки, паяц повертелся вправо-влево. Похоже, он не заметил, что плащ порван под мышкой. В дыре виднелось обгоревшее тело с остатками одежды. Из-под шляпы торчали клочья волос. В движениях появилась разболтанность, будто связки растянулись и стали чересчур подвижными. Лицо и руки – темнее обычного, подкопченные дымом.

«Выглядит серьезно».

«Джеки-малыш, да я в порядке, в полнейшем! Ха-ха-ха! – Его смех казался натужным. – Всего-то пришлось переместить часть внутренней памяти. Да и ремонт еще не окончен. Так что полного видео пока – увы – не будет».

«Ты не способен атаковать в полную силу», – заключил Джек.

«Ну зачем ты все портишь?!»

«Я помогаю тебе мыслить здраво. Как ты сейчас собираешься ударить по Королевству?»

Фист промолчал.

«Сможешь ударить так, чтобы гарантированно прикончить?»

«Джек, да мать твою!»

«А если у тебя не получится? Бог сотрет и твою личность, и мою. А потом он восстановит твои боевые системы и нападет на прочий Пантеон. Мы умрем, а Королевство сможет подчинить либо убить всех своих коллег. Ты этого хочешь?»

Потрепанное лицо Фиста застыло на мгновение. Как никогда раньше, паяц был похож на деревянную куклу. Но паяц быстро ожил и заявил энергично:

«Все, надоело мне про это! Давай лучше про Ямату и Гарри. Про

Королевство поболтаем, когда я покончу с ремонтом».

«Отличная идея, – поддержал Джек, у которого словно гора с плеч свалилась. – Как же Гарри сумел драться с ней и победить?»

«Могу сказать. Я сканировал его, когда он прошел через меня. Так что у меня его номерочек, и Яматин тоже. И ты знаешь, что по-настоящему странно? На системном уровне они неотличимы».

«Но она же ударила по тебе боевыми программами Тотальности!»

«Ямата – постчеловеческий разум, работающий на платформе, разработанной Тотальностью. Та медуза была сетевым образом Яматы. Гарри прикладывает больше усилий к тому, чтобы выглядеть прилично, но на самом деле он точно такой же. Потому он и смог ее прищучить».

«Но в среде Тотальности нельзя запустить человеческий разум. Тотальность и человеческое сознание работают совсем по-разному».

«Ямате и Гарри про это, наверное, никто не сказал, – съязвил паяц. – Я глубоко не лазил, но там изрядно сложное наслоение наших программ и Тотальности. И кстати, никакого софта для фетчей. И Гарри, и Ямата и рядом не стояли с Гробовыми Драйвами. Едва откинув копыта, оба стали тем, что ты видел сейчас».

«Вот дерьмо! А как с Яматой во плоти?»

«Думаю, клоны. Мозг убрали, череп заполнили наногелем. Ямата управляет ими дистанционно. Ее сигнал прослеживается до Небес. А Гарри где-то вне Станции. Скорее всего, на высокой орбите над Землей».

«Нужно сообщить Ифору», – заключил Джек.

«Зачем? Он из Тотальности, а они работают на платформах Тотальности. Спорю, он тут причастен. Подставляют нас чертовы мякиши! Надо было их всех к ногтю прижать!»

«Они ни при чем. Клоны Яматы – копии одного тела. Тотальность не делает ничего подобного. Они слишком ценят индивидуальность. И никогда не повторяются».

«А как насчет Гарри? Он, может, сидит на сервере где-нибудь в „снежинке“».

«И как, по-твоему, Тотальность заполучила его? Да и зачем? Нет, тут работа Королевства. Кто еще способен запустить два человеческих разума на платформах Тотальности?»

«И ты не разрешаешь мне тронуть его и пальцем, – упрекнул Фист. – Надеюсь, ты понимаешь, что сделался его подстилкой!»

«Мы должны отыскать твердые и однозначные доказательства причастности Королевства. Их мы передадим Заре, Сумраку и Тотальности. Вместе они уничтожат преступника. Мы станем героями. А Королевство не

сможет наложить лапу на твои стволы».

Фист зевнул.

«Спать охота?»

«А-а, ремонт зовет. Придется отключиться на время. Да и разговор скучный вышел».

Фист снова нырнул в глубину сознания и вскоре изобразил писклявый храп. А Джек тихо радовался тому, что смог удержать паяца, взбудораженного мыслями о новых возможностях, от рискованных поступков. А ведь его и дальше придется контролировать, не позволяя причинить вред себе и другим! Вот морока! А есть еще и Андреа. Надо бы ее защитить... Если Гарри обнаружит связь жены с Джеком, может сорвать на ней злость. А ведь он может, хоть любовники очень старались скрываться.

– Не хочу рассказывать ему, пока не придет время, пока не удостоверюсь, что все серьезно и быть не может иначе, – обычно говорила Андреа. – Гарри очень разозлится, если обнаружит.

Джек постарался убедить себя, что не мог Гарри обнаружить их связь. Никак не мог. И вздохнул про себя.

Сон пришел вместе с воспоминаниями о ней – словно теплые волны ласкали объятый сумраком берег. Джек вспомнил, как впервые увидел Андреа в ночном клубе «Канджи-таун». Форстер поспорил с Девлином о музыке, и тот затянул его в клуб.

– Я ж говорил тебе: она намного лучше всего, что есть у ваших засранцев в Доме, – твердил Гарри горячо. – Если бы она не ушла к Близнецам, была бы самой яркой звездой на Станции.

Единственный прожектор вырвал бледную маску ее лица из тьмы, оставив остальное погруженным в ночь.

Джек вспомнил, как впервые поцеловал ее. Жаркой волной нахлынувшая нежность, застигшая обоих врасплох после нескольких часов, которые они провели вдвоем в пустом баре. Между ними посверкивали тусклым золотом два полупустых стакана. К тому времени как они решили допить их, лед уже растаял в бледном огне виски.

– Ты зря делаешь вид, что не из Дока, – впервые сказала ему Андреа тогда.

Узнав Джека получше, она не раз затаскивала его на улицы детства, заставляя вспомнить прошлое.

– Ты здесь и отсюда, – говорила она. – Настоящий ты, а не житель Дома, сделанный Сумраком.

Андреа нарочито подчеркивала свой акцент Дока, когда была с

Джеком, вставляла жаргонные словечки, каких обычно избегала. Он вспомнил, как проходил с ней вместе мимо детской площадки. Дети с хохотом бегали и кувыркались.

– Когда-то я любил это место, – заметил он.

– Только посмотри на них, – умилилась она. – Они и в нашем мире смогли отыскать радость.

Потом ему становилось все труднее отпускать ее к Гарри. К концу их связи Джек почти все время жил в своем отеле в Доке, перезнакомился со всем персоналом, закрывавшим глаза на частые ночные визиты Андреа. Она тоже мучилась. Чем сильнее она любила Джека, тем больше ее терзала совесть.

– Гарри не всегда бывает хорошим, – призналась Андреа как-то во время ночной ссоры. – Но ведь он любит меня. Все лучшее в нем – для меня.

К утру она чуть не плакала. Все повторяла: «Я должна идти, должна». Но оставалась на месте.

А через три дня в Луну врезался астероид.

Милосердный сон опустился на Джека перед тем, как всплыла в памяти последняя встреча с Андреа. Дремота рассеивала мысли, забирала боль, лишала воображение яркости и силы. Напоследок он подумал о программе, делавшей потогонов невидимыми. Вспоминая связь с Андреа, он размышлял над тем, что позабыл и какая правда всплывет, если он заново прокрутит в памяти и обдумает пережитое вместе с Андреа.

И наконец заснул, слишком измотанный даже для снов.

Глава 38

Фред с Лиссой никогда не покидали комнаты. Парнишка разрисовывал стены, тщательно воссоздавая картины уже недоступного ему мира. Лисса играла с куклами, воображая то, чего никогда не случалось. Ато еще была достаточно юная, чтобы выходить наружу, и уже достаточно взрослая, чтобы с толком использовать эту возможность.

Пару дней Джек позволил себе спокойно дрейфовать от дремоты к яви, позволяя телу исцеляться, а внутренним структурам паяца восстанавливаться. Большую часть времени Фист проводил в отключке. Иногда хозяин и кукла просыпались одновременно и вели долгие мысленные беседы. Фист был сонный, рассеянный. Джек перестал бояться за него, только когда паяц снова недовольно забрюзжал.

«Хоть бы у тебя не было столько веских причин не убивать Королевство! – ныл тот. – Ишь, какой совестливый, последствия ему покоя не дают!»

«Последствия приходится расхлебывать», – спокойно пояснил Джек.

Фист сварливо чертыхнулся.

«Мне нужна помощь. Помочь можешь только ты», – сообщил Джек.

«О-о, чувствую, меня ждут великие испытания! Кому-то нужно послать эсэмэску? Или отыскать ближайшую станцию метро?»

«Тебе предстоит взлом кода фетчей. Я хочу освободить Андреа».

«А это не будет иметь **УЖАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ, КОТОРЫЕ ПОГУБЯТ ВСЕХ?**»

«Нет, потому что ты можешь сделать так, чтобы никто не заметил».

«Вот же паразит! – буркнул паяц. – Мало того что нужно думать о гребаных последствиях чего-то **ОПРЕДЕЛЕННО СТОЯЩЕГО**, вроде убийства одного сволочного бога. Так теперь мне надо еще перепрограммировать твою подружку!»

«Не перепрограммировать, наоборот. Я хочу защитить ее от этого. Вспомни, как тебе не понравилось, когда Сумрак переписал крошечную часть тебя. Андреа приходится терпеть куда худшее изо дня в день. Как и всем фетчам».

«Вещаешь, словно представитель Тотальности! – фыркнул паяц. – Попроси своего дружка Ифора, он живо устроит».

«Фист, пожалуйста. Если не ради нее, то ради меня», – взмолился Джек.

«Работа тяжелая. Нужно понять, как устроены их системы доступа, разобраться, как сеть показывает их людям, и определить точно, где она на Гробовых Драйвах. Хм-м... – Фист умолк, задумавшись. – Ох же ж, мать его... Может, оно и забавно, но уж точно не легко. Обещать ничего не могу».

«Спасибо, Хьюго!»

«Не смей меня так звать! – ошетинился Фист. – Можно подумать, мы закадычные приятели!»

Джек снова уснул. Разбудил его запах еды и стук посуды. Ато хвасталась своим умением добывать съестное на помойке. Но принесенное мясо оказалось протухшим. Лишь овощи были съедобными. Фред сварил их на маленьком электронагревателе, приготовив нечто вроде овощного супа. Запах был не ахти, и гущи вышло немного, но Джек не ел уже три дня. Его желудок будто полосовали ножом голодные спазмы.

– Привет! – поздоровался он, зевая и потягиваясь. – Как, по-вашему, можно мне немного супа?

– Нет! – буркнул Фред.

– Перестань! – одернула его Ато и велела Лиссе: – Налей ему супа.

Преисполненная важности от поручения Лисса пошла к Форстеру с миской в руках, изо всех сил стараясь не расплескать суп. Девочка робко улыбнулась Джеку, покраснела, когда он поблагодарил, и тут же убежала к старшим.

– Спасибо вам всем, – сказал Форстер детям.

Те не ответили – слишком были заняты едой. Суп вышел безвкусный, овощи полностью разварились. Джеку и думать не хотелось о том, какой свежести была зелень и где она валялась.

Пообедав, дети сгрудили тарелки у раковины в углу комнаты.

– Я готовил, ты моешь, – сообщил Фред Ато.

– Позвольте мне, – попросил Джек.

Он встал, но от резкого движения в глазах потемнело, и он зашатался.

«Эй, полегче», – предупредил Фист.

Дети застыли. Пожалуй, только Лисса не глядела на него с ужасом.

– Знаешь, а нам известно, что ты такое, – наконец прервал молчание Фред. – Мы знаем, кого ты таскаешь в голове... Ну, одного из тех.

– Одного из кого? – спросил Джек.

– Из паяцев.

– Откуда знаете?

– У нас есть сканер, который находит все странное, – прощепетала Лисса. – Мы просветили тебя, пока ты спал.

– Ты – кукловод, – уверенно подытожил Фред.

– Да. – Джек не видел причины лгать.

– Я однажды видела почти такую же куклу, как и твоя, – выговорила Лисса мечтательно и тихо, вспоминая. – Кукловод принес ее в школу. Звали ее Лил-лесоруб. Такая забавная! Она жонглировала бензопилами.

– Я тоже видел такое шоу, – кивнул Фред.

– Мы все видели, – подтвердила Ато. – Нам говорили, что куклы для нас безвредные, они выследят злодеев, которые делают нам плохое. Взрослые не хотели, чтобы мы боялись паяцев, ведь их делают ради тех малышей, которые погибли на Луне, и потому куклы выглядят будто игрушки.

«Мне появиться?» – осведомился Фист.

«Нет. Ждем, пока попросят. Не хочу пугать их».

«Почему?! Весело же будет!»

– Мы знаем, что они не просто куклы, – продолжал Фред. – Нам все про них известно. Они – целая куча программных приложений.

– Да, можно сказать и так, – подтвердил Джек.

– Вот если бы у нас был такой, – вздохнула Ато. – Он бы нас защитил от потогонов.

– А что они?

– Ловят нас иногда.

– Если бы Ато не видела, как ты убил двоих, оставила бы тебя в коридоре, – сказал Фред. – Она считает, что раз они хотели убить тебя, значит ты сделался одним из нас.

– Пока мы не вырастем, только они и могут нас видеть, – чуть слышно прошептала Лисса.

– Они нападают на вас? – спросил Джек.

– Они и Внуб, – кивнула Ато, и в ее голосе прозвучала совсем не детская, тяжелая печаль. – Нас было гораздо больше.

Похоже, чтобы войти в доверие, мыть тарелки уже не нужно.

– Можно сесть? – спросил Джек, указав на один из четырех стоящих возле стола стульев.

Ато кивнула. Фред отвернулся и снова занялся рисованием. Стул оказался слишком маленьким. Колени торчали и не помещались под столом. Лисса хихикнула.

– Ты когда-нибудь убивал детей? – вдруг спросила Ато.

– Нет! – Джек в ужасе отшатнулся. – С чего тебе это в голову пришло?

– Ну, ты же как потогоны. Ты можешь нас видеть.

– Я воевал только с Тотальностью, потому что мы считали их

агрессорами. Теми, кто нападает на наших детей. На вас. А Фист – мой паяц – не настоящий, как потогоны, он всего лишь проекция.

«Ой-ой!»

– Мы никогда не убивали людей, – продолжил Джек, не обращая внимания на фыркание паяца. – Только искусственные разумы Тотальности.

– Учителя не говорили, что вы убиваете, – сказала Лисса. – Они говорили, что куклы идут играть с Тотальностью. А когда доиграют, Тотальность будет по-другому относиться к людям.

– Учителя говорили такое, правда, – перебила ее Ато. – Что будто бы не навредят никому. А папа мой сказал, что куклы собираются убить Тотальность и потому надо остановить Войну программ. А потом за папой пришли и убили его.

– Они убили всех наших родителей, – выговорила Лисса печально. – По всей Станции. А фетчи все под замком.

В наступившей тишине было слышно, как кисть Фреда тихо заскребла по стене. Он рисовал что-то прямоугольное, яркое. Наверное, торговый центр.

– Мы хотим видеть твоего паяца, – сказала Ато. – Нам нужно знать, страшный он или нет. Кажется, нестрашный – но надо убедиться.

«Фист, твой выход. Приготовься. И веди себя прилично».

«Угу».

– Я попросил его явиться, – сообщил Джек. – Однако он может напугать вас.

– Ну это вряд ли, – заметил Сумрак, появившись в комнате. – Знаешь, эти ребята на удивление крепкие.

Слабый аромат сигарного дыма повис в воздухе. В руке у бога был стакан джина с тоником.

– Если ты используешь их, как меня, я прикончу тебя прямо сейчас, – процедил Джек.

Услышав это, Ато с Фредом кинулись на Форстера, а за ними – и Лисса. Дети налетели на него и опрокинули навзничь, и через мгновение Джек очутился на матрасе, с прижатыми к нему руками и ногами.

«Мать его, снова он! – прошипел Фист. – И что сейчас?»

«Не высовывайся. Посмотрим, чего он хочет».

– Дети, этого совсем не нужно, – рассмеялся Сумрак. – Он мне не повредит. Не сможет.

– Ты уверен, дедушка? – спросил Фред.

– Абсолютно.

Дети отпустили Форстера и нехотя отошли.

– Извини, Джек. Они очень боятся за меня.
– А ты, надо полагать, им нисколько не навредил.
– Нет, конечно. По крайней мере, не так, как ты думаешь. Их родители создали платформу для меня в их разуме. Мне не было нужды вмешиваться самому. Да я и не захотел бы.

Джеку показалось, что на лице бога мелькнуло сожаление, но он тут же отбросил эту абсурдную мысль.

– А теперь взрослым нужно поговорить. Ребятки, пора спать! Джек, тебе придется освободить матрасы.

Форстер поднялся, давая возможность детям улечься. Лисса захихикала, Фред с Ато угрюмо глянули на него, но роптать не стали.

– Готовы? – спросил бог.

– Да! – ответили все трое в унисон.

Сумрак махнул рукой, и дети уснули.

– Что здесь происходит? – спросил Джек. – Как ты это смог? И как вообще ты можешь здесь появляться? Комната изолирована.

– Да, изолирована. Просто я – в них. Дети-невидимки Станции – мой последний оплот.

– Ты в их разуме?

– Как Фист – в твоём. Но у него в распоряжении лишь один мозг. Когда дети вместе, у меня их три. А стоит ребятам выйти наружу – у меня есть еще пара сотен подобных им, выживших по сей день. Они – мое ядро. Кстати, а где твой маленький человечек?

«Тут его немного, – сообщил Фист. – Нам ничего не грозит».

«Давай тогда».

У края стола замерцало, и явился паяц. Фист сидел на столе, свесив ноги. Двигался он ловчее прежнего, но тут и там еще виднелись следы ожогов.

– И как это я не заметил тебя, когда сканировал детишек? – осведомился Фист.

– Вижу, ты повоевал, – заметил бог. – Извини. Что же касается твоего вопроса... Я хорошо позаботился о себе и спрятался очень глубоко.

– Но ты являешься им, как Фист – мне? – спросил Джек.

– Конечно! Ты же слышал, как они звали меня «дедушкой». Я присматриваю за ними. Помогаю. Хотя это оказалось гораздо труднее, чем я полагал.

Сумрак вдруг показался Джеку очень старым. Бог создал кресло и медленно, тяжело опустился в него. Неуклюжесть движений никак не вязалась с былой плавной элегантностью бога. Джек с ужасом осознал, что

Сумрак выглядит больным, измученным и усталым.

– Я даю им полезные советы, помогаю найти еду, отвлекаю Внуб. Взамен они прячут меня и спасают мою ключевые компоненты. Но я живу в них – и как они. А им очень трудно. Они потеряли так много.

Джек поразился искренней жалости в голосе бога.

– Это не твоя вина, – тихо заметил он.

– Я в ответе за них. Их родители были моими людьми. Они хотели всего лишь завершить Войну программ и добиться признания Тотальности как независимой, равной Пантеону корпоративной сущности. А тут... В общем, случилась эта беда.

– Но ты же говорил мне, что Тотальность – это чума и ее нужно сдерживать.

– Я лгал тебе. – Сумрак вздохнул. – Но я сделал то, что было нужно тогда. Я спасал ситуацию.

– Точнее, манипулировал ею. Манипулировал мною.

– Можно и так сказать.

– Ты и со мной так поступал, когда перепрограммировал, – вклинился в разговор Фист.

– Перепрограммировал? – Сумрак неожиданно задумался. – Хм... Пожалуй, так. Может, именно этим я и занимаюсь сейчас. Управляя получаемой человеком информацией, управляешь и человеком. А я направляю данные должным образом. То есть в своем роде перепрограммирую людей. Ты уж извини, Джек.

– Сумрак, ты к чему клонишь? Что тебе с этого?

– Ничего. – Бог печально улыбнулся. – Нынешний я – целиком в этих троих. А они слишком юны, чтобы дать мне силы. Встретить ты меня снаружи, нашел бы меня куда изворотливее и хитрее. Там я бы располагал гораздо большими ресурсами.

– А здесь и сейчас?

– Здесь и сейчас я так же прост и открыт, как и они.

«Фист, что скажешь?» – спросил Джек.

«Это правда. Он сейчас – только из нашей тройки ребятишек, ничего больше. И его сигнал гораздо проще обычного».

«Ему можно доверять?»

«Ну да, еще как! Давай, Джеки-малыш, придави его как следует, выжми из него всю подноготную! Пользуйся случаем».

– Ты работал с Зарей, – заметил Джек. – Что привело тебя к ней?

– Амбиции, – вздохнул Сумрак. – Думал, что вместе с нею я смогу удержать Станцию от войны, сумею сблизить нас с Тотальностью. Я начал

понимать, что Пантеон слишком уж стремится управлять всем. Нам нужно больше открытости и свободы, как в Тотальности. Конечно, это пошло вразрез с интересами Королевства. Он мог потерять многое. И потерял почти все.

– Интересно, ты хоть раз сказал мне правду?

– Ты обвиняешь меня во лжи? Мне жаль... Я сообщал то, что направляло тебя на верный путь. Лучший путь.

– Для тебя, наверное?

– Если бы для меня, я бы не оказался здесь. – Бог обвел рукой комнату.

– Ты спасаешь себя за счет этих детей и их родителей.

– Я не представлял, насколько Королевство жесток и безжалостен. Мы годами боролись с ним. И он сумел найти наше слабое место и воспользовался этим. Он заставил всех поверить в то, что группы моих активистов – это прикрытие для террористов. Королевство убил моих людей, блокировал их фетчи, без малого уничтожил меня, заморозил мои сервера. Было жутко. Все случилось так быстро! Я едва успел запустить свои программы в детях и спрятать их в изолированные комнаты. Когда заморозили мои сервера, я переместился в ребят. С тех пор я работаю только в них.

– И кто же настоящие террористы? – спросил Джек.

– Я не смог отыскать и следа их. Взрывы, нападения – они словно соткались из воздуха. Поразительная загадка! Я подключил многих к расследованию террора. Но узнал не больше, чем любой человек с улицы. Дети считают себя невидимками, но настоящие невидимки – те, кто осуществил взрывы на Станции.

– Эти взрывы были очень на руку Королевству, не правда ли?

– О да! Теракты оправдали войну и не дали людям хорошенько задуматься над тем, зачем же нам воевать. Все эти запустения, ставшие храмами мертвых детей. Люди смотрят на них каждый день и вспоминают, зачем нужно уничтожить Тотальность. Примириться с нею – значит забыть погибших. А наша культура всегда цеплялась за мертвых.

– Люди общаются с ними каждый день, – заметил Джек.

– Да, мертвые – часть нашей жизни. Мы – и они – обитаем на космической станции, обращающейся вокруг мертвой планеты, которую люди не в силах покинуть. Они не решаются изменить повседневную рутину, не могут оторваться от общения с мертвецами, которых не в состоянии похоронить. Поддерживать это застывшее отчаяние трудно. Оно – полная противоположность Тотальности. Но оно дает Королевству и его союзникам силу. Большую силу. Даже сейчас.

– Ямата работала на него.

– Всегда это подозревал, – признался бог. – Есть доказательства?

– Она сама сказала мне. Могла она стоять за терактами?

– Я бы не удивился этому. Подходящий типаж и квалификация, умение менять обличья. Об этом узнала Корасон, и это стоило ей жизни. Ямата начинала заурядной контрабандисткой. Но она могла запросто провезти и взрывчатку, и оружие. Ахматов со своими людьми и связями наверняка помог организовать нападения. Возможно, Пендервилль работал с ними, а ты подобрался к ним вплотную, и Королевство захотел убрать тебя со сцены.

– А Гарри? – спросил Джек.

– Его я никогда не понимал, – нахмурился Сумрак. – При жизни он во всем поддерживал тебя. Его доклады о тебе помог ли мне убедить Королевство в том, что ты оченьгодишься во время войны. Не знаю, что с ним случилось потом. Возможно, он обнаружил вашу с Андреа связь.

– Так ты знал? – удивился Джек.

– Джек, я же повсюду с тобой. Миссия богов – постоянно следить за тем, как человеческие намерения превращаются в поступки, вникать в суть происходящего – и влиять, где сможем. Знаешь, Андреа очень любила тебя, но и предавать мужа не хотела. После падения астероида я подталкивал ее к тому, чтобы остаться с тобой, но ее воля оказалась сильнее.

– Подталкивать, влиять... Сумрак, меня тошнит от тебя.

– Но я всегда действовал с наилучшими намерениями. Я стремился помочь.

– Да ну? Ты отправил меня на убой. И никогда не ограничивался просто влиянием. Ты не оставлял выбора.

– Джек, выбор есть всегда. Я думал, ты понял это, когда отказался воевать. Именно этого я и хотел. Хотел, чтобы ты оставил Пантеон за спиной. Мне казалось, я заметил в тебе эту решимость во время нашего ночного разговора в саду.

– Ладно, тогда последний вопрос. – Джек зло рассмеялся. – Ты знаешь, в кого превратился Гарри? Андреа в безопасности?

– Я прекратил следить за Гарри, когда ты перестал с ним работать. Он тогда еще оставался человеком. Не думаю, что тебе стоит беспокоиться об Андреа. Кроме переустановки возраста, он не может сделать с ней почти ничего.

– Эй, закругляйтесь с лирикой! – вмешался Фист, которому наскучила чужая болтовня. – Джек готов хоть всю ночь говорить об Андреа, ему только позволь. Но у нас-то работа на носу.

Паяц переключился на мысленный разговор:

«Сказать ему, что я могу убить Королевство?»

«Нет. Слишком опасно. Нельзя члену Пантеона знать, что ты – прямая угроза для него. Сообщи голые факты. И без хвастовства».

«Ох уж эти твои гребаные последствия!» – проворчал Фист и продолжил вслух:

– Дело вот в чем: мы отследили сигнал Яматы. Он идет в Небеса. Мы знаем, что Ямата работает на Королевство. Ее основные сервера где-то в его корпоративной штаб-квартире. Так что все просто.

– В самом деле? – хмыкнул бог. – Самоуверенности тебе не занимать.

– Мы вломимся в Небеса, затем в штаб-квартиру Королевства. Разыщем там Ямату. Теперь мы знаем, чего от нее ожидать, так что врасплох нас не застигнут. Мы расколем ее, узнаем про все ее преступления и используем их, чтобы доказать вину Королевства.

– От имени Зари могу тебя заверить: она сделает все, найденное тобой, достоянием гласности, – сказал Сумрак. – Твои доказательства увидят все на Станции. Замять скандал будет невозможно.

– Ты слишком забегаешь вперед, – заметил Джек. – Нужно сперва выяснить, как нам вломиться на Небеса, а потом – как залезть в серверные Пантеона. И то и другое по отдельности – почти невозможно, а уж вместе...

– Я могу провести тебя на Небеса, – сказал бог.

– Как? Они же отключили тебя там.

– Ты можешь пройти в вакууме.

– О чем ты?

– Комната, где мы сейчас находимся, скрыта глубоко в теле Станции. Потому дети и прячутся здесь. Сюда спускаются только инженеры. В их обязанности входит осмотр внешней поверхности. Чтобы выйти туда, нужна дверь. Полдня пешком – и ты возле нее. А оттуда прямая дорога на Небеса.

– Но у нас нет скафандров... – задумчиво протянул Фист. – Положим, мне-то дышать не требуется, а вот как быть с малышом Джеком?

– В шлюзе обязательно найдутся скафандры, – заверил бог. – Они всегда там есть – на экстренный случай.

– А потом что? Врата Небес не открывают абы для кого.

– Кое-кто поможет вам. Твой старый друг. Мистер Стабс.

– Ух ты! Он захотел встретиться с нами! – радостно завопил паяц. – Наконец-то!

– О да, – улыбнулся Сумрак. – Я скажу ему, что вы собираетесь

свергнуть Королевство. Мистер Стабс очень удивится.

Глава 39

В сад сожженного дома пришла ночь. Тусклый свет окутывал газоны и ветки, словно облаком пыли. Заброшенный жилой корпус казался обломком гнилого зуба. Позади него тянулись в небо спящие пригороды Дома. Над Станцией висела тишина, такая плотная и вязкая, что ее хотелось потрогать. Вокруг спали сотни тысяч людей. Джек представил их сны и подумал, что они, возможно, реальнее яви, в которой живут люди изо дня в день.

«Зря мы опять сюда притащились, – пробурчал Фист. – По мне, так лучше бы сразу отправились на Небеса и прикончили бога».

«Если мне не изменяет память, подкрепления хотел ты», – напомнил Джек.

Привела их сюда Ато. Они двигались вслед за нею сквозь лабиринт служебных коридоров и чуланов, мимо ревущих насосов, откачивающих отходы человеческой деятельности, гудящих электрических подстанций, снабжающих энергией Дом, мимо генераторов гравитации, где вес странно и непредсказуемо искажался. Они пересекали огромные залы гигантскими прыжками, покрывая десятки метров за пару прыжков. Двигались коридорами, где на каждом шагу висели грозные предупреждающие знаки и инструкции на случай аварии. Ползли по шахтам, с трудом волоча свои внезапно отяжелевшие тела. Сумрак не оставлял их – бог шел впереди, указывая цель, будто маяк.

– Мне всегда не по себе, когда я покидаю эту комнату, – признался он перед выходом. – Снаружи я другой. Я не позволяю детям увидеть это, но я больше не их любимый дедушка. Там я делаюсь гораздо сложнее.

– А мы сможем по-прежнему тебе доверять? – осведомился Джек.

– Я выполняю обещания, – осторожно ответил Сумрак. – Хотя снаружи у меня появляется чуточку больше личного интереса.

«Ах ты ж черт! Договорились на свою голову!» – простонал Фист.

Приведя их в сад сгоревшего дома, Ато радостно сообщила, что вернется через пару часов, а дедушка поможет ей отыскать что-нибудь съестное. С тем она протиснулась сквозь дыру в изгороди и выбралась на улицу. Около девочки возник мерцающий высокий силуэт – Сумрак. Бог взял Ато за руку, и они исчезли в темноте. Джек с паяцем остались одни.

«Ладно, я сейчас включу систему безопасности этого места, – сообщил паяц. – Но я не хочу, чтобы все узнали, кто это сделал. Поэтому дай мне

пару минут».

Джек уселся под деревом, предоставив паяцу работать. За травой здесь не ухаживали уже много лет, и она выросла мягкой и пышной. От росы брюки мгновенно промокли. Джека это искренне восхитило. Уже очень давно он ощущал мир лишь виртуально, где сетью устранялось все, способное причинить малейшее неудобство. Так хорошо снова ощутить настоящую, дикую и колючую природу, которую вовсе не заботит человеческое удобство.

Рядом появился чуть светящийся в темноте Фист.

«Готово! – доложил он. – Местная система безопасности восстановлена – впервые за несколько лет».

Неожиданно сад закипел виртуальной жизнью, ночь наполнилась звуками: тихо, одиноко ухнула сова, запищали тоненько и резко охотящиеся летучие мыши. Джек представил, какой концерт звери устраивают здесь днем.

По другую сторону поляны зашуршало, из зарослей выбрался темный силуэт. Лис. В обманчивом лунном свете свирепая морда безжалостного охотника казалась забавной. Лис замер, осматриваясь, затем деловито потрусил через поляну. Посреди нее зверь остановился и повел мордой, принюхиваясь.

– Говори громко! Нужно, чтобы он услышал нас, – велел Фист. – Это разведчик, он должен вызвать тяжелую артиллерию местной охраны.

– Ах, что за ночь волшебной красоты! – продекламировал громко Джек.

Уши лиса дернулись, он повернул морду к незванным гостям.

– Ути-пути, иди к папочке! – позвал Фист.

Лис встрепнулся и метнулся в кусты. Зашелестели ветви.

– Пара секунд – и кое-кто составит нам компанию, – предрек паяц.

– Надеюсь, ты готов, – заметил Джек.

– Да тут раз плюнуть.

Компания явилась беззвучно, выступив из сгустившейся темноты в кустах под деревьями. Первым вышел лев – мощный, тяжелый, но грациозный, покачивающий огромной гривастой головой, страшная пасть – черный шрам на окутанной тенью морде. Зверь уставился на Джека с Фистом с охотничьим азартом. Ступив на середину поляны, он улегся и зевнул. Лунный свет заиграл на клыках, они сверкнули, будто языки белого огня среди ночи.

Вторым вынырнул из зарослей тигр – изящный, равнодушный, расслабленный – и каждым движением сулящий гибель. Стальные мускулы

играли под шкурой. Лунный свет играл на шерсти, превращал полосы в изорванный, постоянно меняющийся лабиринт. Тигр лег рядом со львом. Из подушечек вынырнули когти, спрятались обратно.

Последним явился медведь – огромная переваливающаяся туша, громко сопящая в ночи. Морда была бледнее шкуры, сероватое пятно, выделяющееся на фоне бесформенной массы. Медведь встал рядом с лежащими хищниками. В Джеке пробудился древний, первобытный страх, безотчетный ужас перед клыкастой и когтистой смертью.

От всех троих веяло угрозой: звери-охранники были в режиме нападения. Любопытно, как они выглядят в более дружелюбном режиме? Джек часто навещал друзей, живших в таких вот корпусах, и видел зверей-охранников, играющих с детьми в саду. Медведи там были большущими и мягкими, львы – горделивыми, но изрядно разленившимися, тигры – мудрыми загадочными клоунами. И каждый из этих зверей наверняка имел про запас мультяшное обличье, теперь собирающее виртуальную пыль в виртуальных кладовках, но готовое придать зверю милый безопасный вид ради детей, которых ему уже никогда не суждено охранять.

«Отлично! – заметил Фист. – Видишь, они не нападают. Значит, протоколы расстройство целеполагания работают. А теперь...»

Слева и справа яростно зашипели – Фист призвал своих пантер. Они родились из памяти, соткались из тьмы, вылились в узкие грациозные тела. У Джека вспотели ладони.

«Я их чуток подшлифовал», – заметил Фист, не замечая, что делается с хозяином.

Паяц сделал больших кошек предельной абстракцией, чуть более конкретными, чем мазки кисти в воздухе, контурами чернее ночи, сотканными из темных полос. Бархатный перелив шерсти, едва угадываемый абрис лапы, вспыхнувший красной искрой глаз, мелькнувший белый сполох клыка... Звери ударили хвостами, зарычали, зашипели и двинулись вперед. Джек вздрогнул.

«Они по-прежнему пугают меня», – признался он.

«Я что-нибудь придумаю, когда сожру этот зверинец», – пообещал Фист.

«Буду очень благодарен».

Три зверя-охранника сидели неподвижно, словно картинки, пока пантеры сновали вокруг.

«Взламываю их», – прохрипел Фист.

«У тебя осталась минута».

«Ничего, успеем!»

Пантера прыгнула на медведя и растворилась в нем. Медведь замерцал, теряя форму, исчез. Затем Фист так же поглотил и льва с тигром. Оставшаяся пантера все так же мерила шагами поляну.

«Теперь они наши?» – осведомился Джек.

«Да. Работают на меня».

«Без дополнительной нагрузки на твой процессор?»

«Да, они по-прежнему на своих серверах. Я лишь перестроил командную структуру, чтобы звери слушались и меня тоже. Если покопаться чуть больше, они смогут появляться где угодно. Призовем их, если понадобится».

«А вдруг заметят, что их призываем мы?»

«Не-а, я поставил барьер, чтобы замаскировать все необычное, – заверил паяц. – А еще...»

Он запнулся. Вдали виртуальный пес завыл на воображаемую луну.

«Ага, в блоках визуального отображения масса всего. Когда улучу минутку, изменю вид пантер. И больше никаких страшных кошек!»

«Спасибо. Нужно сделать еще кое-что до того, как вернется Ато. Мы должны поговорить с Гарри».

«С этим психом? Да ты свихнулся».

«Нужно понять, кто он и что он. Это поможет нам уничтожить Ямату».

«Они одного поля ягоды. А если он на ее стороне?»

«Ты же видел, как они сцепились друг с другом, – напомнил Джек. – Вряд ли он с ней заодно».

«Хм-м-м...»

«Можешь его вызвать?»

«Ну, наверное».

«Тогда давай!»

Фист, ворча, подчинился.

– Ты зовешь – и вон он я! – ухмыльнулся Гарри, как ни в чем не бывало выходя из темноты.

Бывший инспектор был в костюме и длинном темном плаще. Фист переключился в режим глухой защиты. Из пустоты вынырнули пантеры, окружили Гарри. Над поляной раскатился низкий хриплый рык.

– Милые зверюшки. – Гарри протянул руку к одной из пантер.

Та клацнула зубами. Девлин отступил на шаг, вынул их кармана носовой платок и плотно обернул укушенный палец.

– А-а, так у нас острые зубки? – хмыкнул он.

«Я его изолировал, – сообщил Фист. – Говорить безопасно».

– Привет, Джек, – произнес Гарри. – Рад тебя видеть.

«Сканируешь его?» – поинтересовался Джек.

«Ясное дело! Теперь-то я знаю, что ищу: человеческий разум на архитектуре Тотальности, идентичной структуре Яматы».

– И разумеется, я весьма рад, что меня сканируют. Мы же как-никак старые друзья. Какие между нами секреты!

– Ты-то как раз много чего скрыл, – заметил Джек. – Настало время откровенности.

– Я всегда был настолько же откровенен с тобой, как и ты со мной. – Гарри с невинным видом уставился на Джека.

Форстер промолчал.

– И хотим мы, кажется, одного и того же: голову Королевства на блюде и башку Яматы в придачу, – так же добродушно продолжил Гарри.

– Не гони, – посоветовал Джек. – Мы знаем, во что ты превратился. Ты, мягко говоря, не то, чем притворяешься.

У бывшего инспектора вдруг появились в руках сигара и спички. Пантеры шагнули к нему.

– Чего всполошились? – Девлин пожал плечами. – Это обыкновенное курево. Вернее, память о нем.

Огонек спички лизнул кончик сигары, разгоняя тени с лица Гарри.

– Но ведь ты не память Гарри, – заметил Джек. – И фетчем ты никогда не был. Ты нечто совсем иное.

«Джек, я могу его сделать! Разреши попробовать!»

«Фист, тихо. Не сейчас. Только если он вынудит нас».

– Это правда. Я не память, я Гарри. Всегда был и буду. Знаешь, по правде говоря, меня тут вовсе не должно быть. Но я счастливчик.

– Что с тобой случилось? – спросил Джек.

– Можно их убрать? – Гарри указал сигарой на пантер. – Разговаривать гораздо легче, когда тебя не окружают убийцы.

– Охрана остается, – прошипел Фист.

Гарри медленно, со вкусом затянулся. Кончик сигары засветился оранжево-розовым. Ароматный дым поплыл над поляной.

«Впечатляющая симуляция, – прокомментировал Фист. – За ней – серьезные расчетные мощности».

«Мы точно в безопасности?»

«Абсолютно!»

– Присесть можно? – осведомился Гарри.

Джек глянул на паяца, тот кивнул.

– М-да, иногда и куклы приказывают кукловоду, – заметил добродушно бывший инспектор.

Джек проигнорировал его слова.

Появился стул, и Девлин уселся, аккуратно расправив полы плаща.

«Выпендривается», – определил паяц.

– И что же ты хотел узнать? – спросил Гарри.

– Правду.

– Ну ладно, – вздохнул Гарри. – Я не фетч. Когда я заново открыл дело Пендервилля, Ямата пришла за мной. Уже тогда она не была человеком. Она скопировала мой разум на сервер Тотальности, а когда вдоволь позабавилась с моим телом, избавилась от него и сделала так, что в моем убийстве обвинили шпану из Дока.

– И с чего б это Ямате так суетиться?

– Джек, я сказал тебе правду о деле Пендервилля. Ямата не хотела, чтобы я раскопал причину. Ведь Бьерна убила именно Ямата. Скопировав меня, она получила доступ ко всем моим знаниям. Узнала все там. – Гарри постучал по лбу пальцем. – Она целиком интегрировала мой разум в свой. Но для этого, конечно, ей потребовалось превратить меня в подобие себя.

– Для этого нужно много мощностей. И физического места. Где она спрятала аппаратное обеспечение? – спросил Джек.

– Где-то в Доме. Ямата перепახала мой разум, выудила все про Внуб. То есть смогла всегда быть впереди него на шаг. Внуб не смог и притронуться к ней. Она использовала все известное мне о преступных синдикатах Дока. Теперь мои контакты работают на нее.

– И как она использовала их?

– Она стоит за всеми терактами на Станции. Мне следовало понять, что Ямата работает на Королевство. Ведь ему было выгодно обвинить в терактах Тотальность, использовать их для того, чтобы сломить Сумрака и всех, кто был против войны. Теракты помогли Королевству продолжать Войну программ. Он типичный игрок. Проигрывает, но всегда норовит поднять ставки в надежде отыграться.

– Боже мой! Гарри, отчего ты не сказал мне раньше?

– Я всегда говорил тебе: это мое расследование. Ты узнавал ровно столько, сколько нужно для работы. Я никогда не доверял твоей кукле.

– ТЫ? Не доверял МНЕ? – взревел паяц. – Девлин, да мать твою!

– То есть теракты – никакая не Тотальность, – повторил Джек. – А ты помог им произойти. Но почему ты не сопротивлялся? Не отказался работать с Яматой?

– Я был бессилен что-либо предпринять. Жил как во сне. Она использовала одну часть меня тут, другую – там. Но потихоньку я начал распознавать контуры сна. Знаешь, после фиаско с «Царь-пантерой» тебя

убрали со Станции, а меня всего лишь перевели в другой отдел. Я уже тогда боялся, что кто-нибудь захочет убрать меня по-настоящему. И принял меры на случай смерти и попыток покопаться во мне после нее. Программы этих мер пробудились и начали будить меня.

– И что было потом?

– Ну, большая часть меня оставалась закрытой от Яматы. Я не представлял, насколько она могущественна, и уж точно не был в состоянии совладать с ней.

– Но недавно ты очень даже совладал, – съязвил Фист.

– Я подготовился, перестроил себя. Прошло уже несколько лет с тех пор, как я вырвался на свободу. К тому же у меня были другие проблемы. Следовало увести сервер Тотальности, где работали мои программы, подальше от Яматы.

– Но ты бы мог просто запрыгнуть на Гробовые Драйвы, – предположил Джек.

– Вот уж ни в коем случае! Драйвы – это дорога в один конец. Мне понравилось работать на аппаратном обеспечении Тотальности. Ты б только знал, какое оно! Разум просто поет. Мне пришлось физически переместить себя. Это оказалось несложно. Ямата не представляла, насколько я уже проснулся. Чутьочку осмотреться, поменять записи в графике грузопотоков, запутать документацию на груз – и дело в шляпе! Я выбрался из своего тесного склада в Доме на свободу.

– Но все же ты не попытался ее остановить.

– Слишком рискованно. Кому я мог довериться, кого просить о помощи? Пусть бы я добыл доказательства и обнародовал их – кто бы поверил мне? Призрак обвиняет Пантеон в развязывании войны в корыстных целях. В лучшем случае меня бы нашли и стерли. А в худшем я стал бы полным рабом Яматы.

– И где ты сейчас? – спросил Джек.

– Ага, так вот я вам и сказал! Я в безопасности от Яматы – и от тех, с кем ты связан. Знаешь, Пантеон не слишком любит потенциальные угрозы.

«Он не на Станции, – прокомментировал Фист. – Судя по временной задержке, он еще на земной орбите, а сигнал транслирует от спутника к спутнику, маскируя передатчик».

– Посмотреть на тебя, так удрать проще простого, – заметил Джек.

– Ямата была слишком самоуверенной. Обмануть ее оказалось несложно. Теперь она стала более осторожной. Поэтому тебе нужна моя помощь.

– Ты что, шутишь?

– Джек, я знаю, как она устроена, я ведь и сам такой. Так что я помогу тебе расколоть ее защиту. Я выкинул Ямату из «Трушилда» и гнал ее до самого программного ядра Королевства. Поверь, я могу провести твоего паяца глубоко внутрь ее.

– Гарри, мы уже и сами можем это.

– Фист умеет, да, но он халтурщик.

– И я тебя люблю, гребаный Гарри, – вставил Фист.

– А, задел больной мозоль? – усмехнулся Девлин. – Если бы не я, она бы зажарила вас обоих в «Трушилде». Джек, я нужен тебе. И твоему маленькому помощнику тоже.

– Они нас застигли врасплох. Второй раз такого не случится, – заверил паяц.

– Восхищаюсь твоей самоуверенностью, – расхохотался Гарри.

Превратившись в зыбкий силуэт, Фист подплыл вплотную к Гарри. Лицо паяца с еще не зажившими ожогами исказилось яростью.

– Ты привел нас напрямик в ее дом и не предупредил, что нас ожидает там. Не сказал, на кого работает Ямата. – Голос паяца был спокойным, размеренным, пульсирующим тяжелой, едва сдерживаемой злобой.

– Откуда мне было знать, что там у нее тяжелая артиллерия? А про то, что ее покровитель – Королевство, я узнал не раньше вас. Ямата тщательно скрывала все связи с ним.

– Послушай меня, Девлин, внимательно, – посоветовал Фист. – Я ломал таких, как вы с Яматой, с самого моего рождения. Меня сделали, чтобы исследовать ваши системы, взламывать и уничтожать. Ты не скажешь мне ничего нового про то, как вы устроены, как работаете и как умираете. Я отыщу самое ядро ее разума и сожгу его. А при случае сделаю то же самое и с тобой.

– Мелочь ты глупая! – Гарри снова рассмеялся. – Ямата уже много лет перестраивает себя. Она никогда не была частью Тотальности, а сейчас она уж точно не человек. Даже если ты прорвешься сквозь ее заслоны, есть еще дружок наверху, – Девлин ткнул пальцем вверх, – ее личный кукловод. Эй, паяц, ты готов к драке с Королевством? Малыш, ты уже дерешься в этой весовой категории?

«Фист, не хвастайся! – предупредил Джек. – Нельзя никому раскрывать, на что ты по-настоящему способен».

Паяц промолчал, дрожа от натуги и едва сдерживая злость. Гарри снова издевательски хохотнул. Джек ощущал, как разгорается ярость Фиста. Затем из самой глубины поднялись, активизируясь, боевые системы. Разум накрыли их длинные холодные тени. Но включилось оружие не так

гладко и плавно, как раньше. Что-то клацнуло, заскрежетало, резко потянуло горелым пластиком.

«Фист, не надо! Он того не стоит».

«Я расколю его, как гребаный орех!»

«Нам предстоят дела куда важнее, чем расправа с мертвыми».

– Уверен, твой хозяин просит тебя не связываться со мной, – весело сообщил Гарри. – Весьма разумный совет. Я битый пес, но еще могу хорошенько цапнуть. А что касается тебя, Джек, то я б на твоём месте критичнее относился к себе. Недооценка противника – ошибка новичка. А ты ведь уже давно не новичок.

– Гарри, я больше не доверяю тебе.

– Мудро. Но заруби на носу: тебе нужна моя помощь. Если захочешь вызвать меня, просто оклики по имени – и тогда сможешь откинуться на спинку кресла и спокойно наблюдать, как я убиваю для тебя Ауд Ямату. Да я могу взяться и за Королевство. Можешь звать меня террористом, но я уж точно смогу заправлять делами получше этого коронованного мерзавца.

– Через меня ты больше не явишься! – рявкнул Фист.

Гарри расхохотался и пропал.

Ато вернулась через час с небольшим. Джек с Фистом сидели посреди поляны и глядели в ночь. Вокруг сновали контуры из черных линий, иногда абстрактные, иногда соединяющиеся в подобия львов, тигров и медведей.

– А, вот и ты, – буркнул Фист, заметив Ато. – Мы готовы прогуляться в космосе.

– У дедушки хорошие новости для вас, – сказала девочка. – Мистер Стабс готов встретиться с вами.

Фист заплясал от восторга. Джек встал.

– Мы тебя покормим, а потом я проведу тебя к шлюзу во внешней оболочке Дома, – пообещала девочка. – А уж оттуда лети прямо на Небеса.

Глава 40

Джек шел в скафандре, слушая звук собственного дыхания. Он казался очень громким. Слева и справа, изгибаясь, уходила вниз металлическая оболочка Станции. Впереди из нее вырывалась огромная колонна, устремившаяся к Небесам. За ними – сто миллионов миль пустоты, а еще дальше – безмолвный огненный сгусток Солнца. Колонна защищала Джека от лучей светила. Вырядившийся безо всякой надобности в скафандр Фист плыл рядом. Под стеклом гермошлема дерзко красовался черный галстук-бабочка. Скафандр было проще смоделировать, чем обычную одежду, и потому он вышел целым, новым, нигде не обожженным.

Паяц первым нарушил молчание.

«Знаешь, а мне понравилось помогать ребятам», – выговорил он чуть удивленно.

Вспомнив, что паяц сделал с Ахматовым, Джек спросил детей, хотят ли они стать невидимыми навсегда. Ребята очень обрадовались. Даже Фред посветлел лицом.

– Понимаете, о чем он?! – восторженно крикнула Ато. – Мы останемся детьми навсегда! Ты сможешь выходить наружу, Фред!

Фист притронулся к каждому, записывая код потогонов в уже приспособленную для того сетевую оболочку детей. Для них паяц сделал в коде переключатель. Фред с трудом сдерживался, чтобы не завопить от радости. Джек представил, как он мчится по улицам и торгово-развлекательным центрам Дома, восхитительно свободный.

«А теперь мне не терпится повидаться с мистером Стабсом! Вперед!» – подгонял хозяина паяц.

«Сперва нужно переговорить с парой человек», – напомнил Джек.

«Хм-м-м, – заворчал Фист, но тут же довольным голосом объявил: – Если входить в сеть через внешнюю антенну, проследить невозможно. Сигнал откуда угодно может прийти, из любой части Солнечной системы. В общем, готово».

Они оказались в залитом лунным светом саду, у статуи Ифора.

– Вызови Лестак! – приказал Джек.

– Создаю контакт, – отрапортовал паяц.

Рядом появился блок нетронутого пока камня.

– Ищу адрес, – продолжил Фист. – Вступаю в контакт. Она приняла запрос.

Аватар Лестак проявился на камне, будто смысл только что расшифрованной древней надписи. Потянувшись, Джек взял статую за руку. Та стала мягкой и теплой, как настоящая.

Комиссар выдернула руку и с маху отвесила Джеку пощечину. Боль не показалась слабее оттого, что оплеуха была лишь виртуальной имитацией.

– Форстер, от вас слишком много бед!

– Комиссар, у меня мало времени.

– У вас его вовсе нет – я вычисляю ваше местоположение, – прошипела Лестак.

– Не вычислите. Там, где я сейчас нахожусь, это невозможно.

Лестак замолчала. Джек представил, как она слушает техника, которому приказала локализовать наглого подопечного.

– Джек, боже ж ты мой!!!

– Я видел, что лежит за пределами вашего мира, и покинул его.

– Вот только не надо мелодрамы.

– Я встречался с детьми террористов.

– Не понимаю, о чем вы.

Джек рассмеялся.

– Может, и в самом деле не понимаете, – заметил он, а потом сказал Фисту: – Зашифруй нас. И поделись ключом с Лестак.

– Делаю, – сообщил Фист, затем подковылял к Джеку. – Эй, а Исси с тобой? Мне нужно пропустить поток данных через нее.

Замерцало, и явилась Исси. Ее лицо скрывал белый шелковый шарф, окутывающий голову. Из-под него выбилась прядь.

– Фист, привет! – Она явно обрадовалась встрече. – Надо же, куда ты забрался! Хотела бы я путешествовать, как ты. Мы можем поиграть снова?

Фист выдал череду цифр и букв.

– Ох, не можем, – выговорила девочка разочарованно.

Аватар Лестак замерцал, затем вернулся в прежний вид.

– Никто посторонний не услышит нас, – проинформировал Джек.

– И чего вы добиваетесь? – осведомилась комиссар.

– Всеу виной Королевство. Он управляет Яматой. А она ответственна за теракты на Станции. Меня послали на войну, потому что я подобрался слишком близко к Ямате. Она сейчас не человек. Новая сущность. Человеческий разум, работающий на платформе Тотальности.

– Это невозможно! Никто не способен...

– Королевство способен. Гарри Девлин сейчас то же самое, что и Ямата.

– Девлин умер, его фетч заблокирован, – фыркнула комиссар.

– Гарри по-прежнему здесь. Ямата использовала его знания, чтобы всегда опережать Внуб. Потом Гарри сбежал.

– У вас есть доказательства? – спросила комиссар.

– Пока нет. Но я отыщу их. Отправлюсь за Яматой на Небеса. Гарри загнал ее туда. Там ее сервера.

– Вам никогда не попасть туда!

– Я нашел дорогу. Лестак, я доверяю вам. Я не верю в то, что вы сотрудничаете с Королевством. Вы сами не сможете ничего поделать. Только попытаетесь – и вас убьют. Просто внимательно наблюдайте за Королевством. Я дам вам шанс расколоть его. И хочу, чтобы вы воспользовались этим шансом.

– Джек, вы сошли с ума. Боги никому не по зубам!

Ему вспомнились мертвые «снежинки».

– Ангелов я убивал дюжинами, – отрезал он. – От них до бога – не слишком далеко.

«Нашим трафиком заинтересовался Пантеон, – предупредил Фист. – А именно Королевство».

– Мне пора, – сказал Джек. – До свидания, Лестак. Не подведите меня.

Она хотела ответить, но не успела, обратившись в камень.

– Фист, как близко он подобрался?

– Он узнал, что мы здесь. Но не выяснил, кто мы и что говорим.

– Отлично. Теперь вызови Ифора.

Статуя бипеда ожила.

– Джек, вы доставили мне кучу разных проблем, – пожаловался Ифор. – Мы же говорили о секретности! А после того флешмоба ваши фото разлетелись по всей сети. Стало модным подражать вашей одежде, а все без исключения ваши фаны делают вид, что обожают Тотальность. Мы и шагу ступить не можем без того, чтобы нас не окружили ваши поклонники.

– Ифор, мне очень жаль. Я не знал, что Заря решит действовать именно так.

– Для нас это создает дополнительные трудности. Наши переговоры с вашим Пантеоном вступили в очень деликатную стадию.

– Королевство мешает?

– Нет, он на удивление покладист, – заметил бипед.

– Это у него показушное, – сказал Джек и быстро объяснил ситуацию. – Я поймаю Ямату, затем сломаю Королевство. Вы ведете переговоры, вам нельзя замешиваться в это. Лестак тоже связана по рукам и ногам.

– Где вы сейчас?

– Ближко к ним обоим. Это все, что вам сейчас нужно знать. Я отыщу доказательства их вины и расскажу всему миру.

– Если вас поймают до того, как вы найдете доказательства, мы станем отрицать всякое знакомство с вами.

– Трус! – процедил паяц.

– Друг мой, это лишь политический здравый смысл, – рассмеялся Ифор. – Но пожалуй, я чересчур перестраховался. Если будет возможность помочь вам – я помогу. Маленький деревянный человек, позови меня – и я постараюсь прийти.

– Все равно трус!

– Ты у нас всегда само обаяние. – Джек похлопал Фиста по шлему. – Ладно, надо идти. Ифор, распусти слух: это Королевство. Он управляет Яматой, а она стоит за терактами.

– Распустить слух? Если знаю я – знаем все мы, – улыбнулся бипед.

– Еще я хочу попросить об одолжении. Личном.

– Чего же вы хотите от нас?

– То, что мы собираемся предпринять... В общем, это дело рискованное. Если мы не вернемся, сможете прийти к моим родителям и рассказать о моих последних днях, обо всем, что мы обнаружили?

– Джек, я обещаю.

– Но учтите – мой отец не любит Тотальность.

– Мы найдем способ пообщаться с ним. И поговорим с вашей матерью.

– На то нужно его разрешение, – предупредил Джек.

– Посмотрим, – заметил Ифор и отключился.

Фист тут же заявил возбужденно:

– Настало время Небес и мистера Стабса!

– Есть еще кое-что. Помнишь наш разговор об Андреа?

– Ах да, помню! Конечно, было бы время, я бы соорудил кое-что получше, но сработать должно и так.

Фист протянул руку, и в ней появилось перышко, переливающееся цветными узорами. Джек взял его. Нити пера слабо шевелились, издавая при касании друг о друга тихие мелодичные звуки.

– Почему перо?

– Чтобы починить ее подрезанные крылья. Как только Андреа установит программу, никто больше не сможет украсть у нее годы или услатить на Гробовые Драйвы. Как ты и хотел, она станет свободной.

– Очень поэтично.

В его руке появился лист бумаги. Джек вспомнил письма, которыми

так недавно обменивался с Андреа. С тех пор столько всего изменилось!

«Теперь я понимаю все и попытаюсь найти решение, – написал он. – Я так рад тому, что снова отыскал тебя. Надеюсь, перо поможет тебе летать. Гарри солгал тебе и мне о том, кто он на самом деле».

Затем Джек кратко описал то, что рассказал Гарри в саду сожженного дома, и завершил письмо просто: «Я люблю тебя». Появился конверт. Джек надписал адрес, вложил перо и бумагу внутрь и аккуратно заклеил.

– Самое время подумать о последствиях, – буркнул Фист. – Если Пантеон отследит эту штуку, у нас будут проблемы. Причем большие. Не меньшие, чем из-за убийства бога. Мое перышко переписывает самое ядро фетчей.

– А он отследит?

– Я уж постараюсь, чтобы не смог. Программа сделана специально под Андреа. Если перо останется только у нее, то никто ничего не заметит. Я добавил и камуфляж. Если вздумают откатить ее во времени или услатить на Гробовые Драйвы, оно и будет выглядеть, будто откатали или услали. Если Андреа соблюдает осторожность, никто ее не раскусит.

– Отлично, посылай.

Вспышка – и письмо исчезло.

– Теперь мы готовы, – заключил Джек.

Фист развеял сад, и хозяин с куклой снова очутились на обшивке Дома, в тени колонны, уходящей к Небесам.

– Ну, время подниматься на Олимп, – изрек паяц, глядя вверх. – Наша охрана на месте. Тебе понравится то, что я учинил с нашими зверушками. Больше никаких пантер!

Он хлопнул затянутыми в перчатки руками. Сквозь сумрак поплыли едва различимые силуэты зверей. Джек ожидал увидеть разные формы и размеры: львов, тигров, медведей. Но звери были одной породы: с острыми мордами-клиньями, темными торчащими ушами, поджарыми мускулистыми телами, они были созданы, чтобы загонять и хватать добычу. Шкура – угольно-черная, глаза и пасти пылают во тьме. С огненных языков падают раскаленные капли слюны. Сквозь тело, будто самая их ослепительная суть, пляшут вихри багрового жара, обвивают длинные тонкие лапы, оставляют в пустоте проплавленный след. Звери закружили вокруг друг друга, приняхиваясь, приветствуя явление себе подобных в мир.

– Псы! – выдохнул Джек.

– И не просто псы, а гончие. Лучшие друзья человека, – изрек Фист гордо. – И нечего бояться. Конечно, если они загоняют не тебя. Они – стая

и слушаются команд.

– Ко мне! – рявкнул Джек.

И стая откликнулась моментально. Семь голов повернулось в сторону кукловода, семь пар пылающих глаз уставились на человека, все – внимание и готовность. Толкаясь, псы бросились к хозяину. Огненные языки болтались в раскрытых пастьях. Джека окатило волной жара.

– Меня чуть не сожгли – так пусть и они жгут! – объявил Фист. – Так моя слабость стала моей силой!

– Назад! Окружить нас! – скомандовал Джек.

Псы отступили, перестроились и снова двинулись к ним, сжимая круг. Их огненные следы сомкнулись в кольцо.

– Теперь я знаю, с чем мы имеем дело, – сказал паяц. – Оружие Тотальности не тронет их.

– Прекрасная работа! – похвалил Джек, улыбнувшись. – Тогда вперед!

Он подпрыгнул и нажал на пуск движка. И вот – вокруг пустота, а псы ада летят вместе с ним через космос.

Еще долго Джек вспоминал этот момент как нечто идеальное, совершенное. Решение принято, цель ясна – и вот мчишься сквозь вечную ночь в огненном кольце, готовый обрушить свою месть на богов. Может, попросить Фиста, чтобы окутал пламенем, – вот, смотрите, бунтовщик несется сжигать своих творцов? Или лучше лететь на огромных горящих крыльях?

Форстер снова запустил движок – простой баллон со сжатым воздухом, – чтобы подкорректировать траекторию и не вылететь из тени. Любопытно, что когда-то Солнце питало и растило человечество, совершенно не подозревая о том. Вот такому богу можно было бы поклоняться – щедро дающему и ничего не просящему взамен. Каким же надо быть, чтобы одаривать всех и каждого, не надеясь ни управлять, ни хотя бы получить плату! В разуме Джека полыхнуло солнце.

Его воображаемый рев напомнил о стае. Она как-то странно примолкла.

«Голос!» – мысленно подал команду Джек.

Из-за спины волной накатили рык и пыхтение. Затем раздался вой. Начал один, по очереди подключились остальные, то попадая в общую ноту, то голоса не в лад, учиняя страшную, грубую, визгливую и хриплую какофонию, но сливающуюся в жуткое целое. Гончие были ради своего господина, и огонь падал из разверстых пастей, тлел и терялся в ночи. Пылающие лапы отталкивались от пустоты. Стая адских гончих неслась к Небесам. И скоро она вломится в их врата.

«А где, по словам Сумрака, нас встретит мистер Стабс?» – спросил Джек.

«Сумрак указал точно: у шлюза, в месте, где колонна стыкуется со Станцией».

«Отлично. Кто-нибудь сможет заметить стаю?»

«Они – невидимки, пока не набросятся. А уж если ты их увидел – все, тебе конец».

Небеса приближались. Джек выбрасывал в пустоту струи газа, поворачивал, замедлялся. Он опустился на обшивку очень мягко, но уверенно. Магнитные подошвы схватили металл под ногами. Один за другим рядом опустились псы. Джек оглянулся: за спиной медленно гас выжженный в ночи след.

«Фист, временами ты бываешь настоящим художником».

«Все во мне – от тебя».

На мгновение комплимент показался Джеку издевкой – но в нем не слышалось никакой двусмысленности либо враждебности. Фист висел перед хозяином и медленно поворачивался, чтобы приземлиться ногами вниз. Стая снова ходила вокруг, приюхивалась к новой территории.

«Они что-нибудь обнаружили?» – осведомился Джек.

«Пока лишь нейтрализовали пару примитивных систем безопасности. Тут больше ничего и нету. Вряд ли боги ожидают гостей с этой стороны».

«Самоуверенные разгильдяи. Где дверь?»

«Там». Фист указал на колонну.

Дверь шлюза начала открываться, выплеснув наружу белесый свет.

«Ты долго этого ждал, – сказал хозяин паяцу. – Давай же, поспеши навстречу мистеру Стабсу!»

Глава 41

– Стабси! – завопил паяц, кидаясь к мистеру Стабсу.

Его скафандр исчез, когда он радостно заключил Стабса в крепкие объятия. А тот вздернул руку, неуклюже похлопал Фиста по спине, и рука безвольно упала. Фист невольно отпрянул.

– Жаль мне видеть, что тебя ранили, – выговорил Стабс певуче, но фальшиво.

Из кое-как сделанных прорезей сшитой вручную белой холщовой маски глядели живые внимательные глаза. На Стабсе был рабочий комбинезон и тяжелые сапоги. Одно плечо торчало чуть выше другого. Если бы Стабс не горбился, то был бы выше Джека.

– Бывало и хуже, – отозвался Фист, пожимая плечами.

Он отступил на шаг и добавил:

– Эх, повеселимся мы с тобой!

Но радость в его голосе показалась натужной.

За спиной зашипел шлюз, откачивая воздух, напоминая, куда явились хозяин с куклой и зачем.

– У нас дела, – напомнил мистер Стабс холодно.

Он повернулся к Джеку и выбросил вперед руку, содрогнувшись всем телом. Джек принял ладонь, ожидая ощутить деревянную жесткую поверхность, – но пожал лишь вялую, дрябловатую плоть. Все-таки хорошо, что не видишь лица Тиамата, чьим телом управляет другой разум. Он представил свое тело, занятое Фистом, и вздрогнул.

– Сумрак многим рисковал, возвращаясь на Небеса ради разговора со мной, – заметил мистер Стабс. – Кто угодно из Пантеона мог его засечь. Если бы Королевство обнаружил, насколько Сумрак еще активен, то раздавил бы его, как...

Его рука рывком поднялась, пальцы кое-как, неплотно сомкнулись.

– К счастью, он не обнаружил, – сказал Джек. – Сумрак сказал, вы поможете нам.

– Я могу провести вас в штаб-квартиру Королевства. Остальное за вами.

– Так идемте!

– Сейчас здесь ночь. Завтра с утра и отправитесь. А пока – домой, спать. Следуйте за мной, – велел мистер Стабс.

Он повернулся, пошатнувшись, и заковылял, качаясь при каж дом

шаге, но умудряясь двигаться довольно-таки быстро. Дернув головой, он оглянулся:

– Поторопитесь! А то меня хватятся.

«Ведь он же был крутейшим из крутых», – произнес Фист тихо.

«Он и Тиамат».

«А теперь на него больно смотреть».

С час они шли по одинаковым коридорам, спускались и поднимались по лестницам, заходили в кабины лифтов, выходили из них. Время от времени путь преграждали бронированные двери. Мистер Стабс открывал их карточкой.

– А ты не можешь просто приказать им открыться? – спросил Фист.

– Перед тем как отдать меня Сумраку, Королевство сжег мои сетевые имплантаты.

– Ты остался без сети?! И как же ты живешь?

– Нормально. Ухаживаю за растениями. Хожу в гости к другим садовникам.

«Мать твою, – пробормотал Фист под нос, – никаких вечеринок».

Джек промолчал. Встреча с мистером Стабсом потрясла и кукловода, и его куклу. Следовало обдумать и переварить впечатление, прежде чем говорить о нем с Фистом.

Они вошли в просторный подвал, где размещалась большая гидропонная ферма. Яркие лампы сияли над грядками с овощами. Разбрызгиватели, шипя, извергали струйки воды. Было жарко и влажно, как в тропиках, густо и сочно пахло землей и растущей зеленью.

– Я никогда не чувствовал таких запахов. – Джек глубоко вдохнул.

– Мой подземный сад, – сказал мистер Стабс с гордостью. – А теперь пойдем на Небеса.

Он встал у короткой металлической лестницы, ведущей к люку в потолке.

– Я пойду первым. Проверю, чтоб никого поблизости не было.

Неуклюже, словно искалеченный паук, он пополз вверх по лестнице и скрылся в люке. Секундой спустя оттуда свесилась его голова в белой маске.

– Все нормально, поднимайтесь.

Джек представил, как его голову скрывает такая же маска, а телом управляет Фист. А тот буркнул:

– Чего тормозишь? Ждешь письменного приглашения?

Вскарабкавшись наверх, они оказались в небольшом деревянном сарае. Половина его служила жилым помещением: низкая кровать, душевая

кабина, диван. Остальное пространство занимал инвентарь: стояли прислоненные к стене лопата с граблями, на верстаке лежали инструменты, на полу валялись механические внутренности разобранной газонокосилки. На окнах висели изодранные занавеси.

Мистер Стабс проковылял к окну, приподнял ткань, выглянул наружу:

– Все спокойно.

– Где мы? – спросил Джек.

– Штаб-квартира корпорации Сумрака. Вы увидите ее завтра. До того не выглядывайте в окна. Я приготовлю вам постель.

Он расстелил матрас подле разобранной газонокосилки и бросил пару сложенных простынь.

– Укладывайтесь.

– Стабс, нам же поговорить надо, ведь столько всего... – начал Фист. – Как мы в старину-то, а?

– Нет, – отрезал мистер Стабс, и в каждом звуке его нескладного голоса слышалась боль. – Мне не нравится думать об этом.

Он встал спиной к кровати, наклонился вперед, согнувшись в пояснице, отклонился назад, согнув колени, и неуклюже сел. Маска задралась, на мгновение открыв подбородок и губы – стиснутые, страдальчески искривленные.

– А как насчет потом? – не унимался Фист. – Мы же с тобой только из всех паяцев и остались. Нужно ж нам держаться вместе.

– Ты здесь только потому, что Сумрак рассказал мне про дела Королевства. Про то, что он может сделать с тобой, а ты – с ним. Сам я не хотел видеть тебя.

– Что?!

Мистер Стабс отклонился назад, подтянул ноги, уложил их на кровать, затем неуклюже повернулся и упал, приняв лежачее положение.

– Знаешь, вы с Джеком очень напоминаете нас с Дэвидом. Такие же высокомерные, самонадеянные. Потом я прожил с ним многие месяцы в космосе. И видел, как его постепенно охватывало отчаяние. Я был в нем, когда он умер. И я стал тем, кто я есть, из-за этого. Стал другим.

Его голова дернулась, развернувшись лицом в сторону гостей.

– Хьюго, тебе повезло. Для тебя оно не будет так тяжело. У вас обоих очень важное дело. Вы или вместе победите, или погибнете. А если одолеете Королевство, у тебя останется память о том, чего вы сумели добиться вдвоем. Останется и тогда, когда Джек исчезнет. В моем прошлом только боль и пустота. Потому – спите. Завтра вы уйдете, и я больше не увижу вас.

– Стабси...

– Я сейчас выключу свет. Потом сниму маску.

«Я ж так хотел с ним поговорить!»

«Фист, тише. Ты же слышал, что он сказал», – заметил Джек.

Джек улегся на матрас, натянул простыни. Щелкнул выключатель.

Голая лампочка, освещавшая сарай, погасла.

– Доброй ночи, Стабси! – пожелал Фист.

От стены, где стояла кровать мистера Стабса, донесся шорох. И все.

«Как же он изменился!»

«Он многое пережил. А это меняет людей», – заметил Джек.

«Я тоже так изменюсь, когда сделаюсь настоящим?»

«Ты и сейчас настоящий. И меняешься. Чуть-чуть за последние несколько лет. И очень сильно за последнюю пару недель. Обзавестись телом – просто еще одна перемена».

Паяц вздрогнул:

«Я же это... В общем, я почувствую? Ну, когда ты уйдешь».

«Мистер Стабс говорит, что да».

«Джек, мне так жаль. Хотел бы я, чтобы оно по-другому было...»

«Видишь, Фист, как ты уже изменился».

«Ну, все ведь зря и попусту. Ты умрешь, а я стану как он».

«Тебе будет не так тяжело, как ему. Ведь тебе есть что вспомнить.

Причем хорошего».

В разуме Джека эхом отдались всхлипывание и шмыганье носом.

«Нет, ну как же все это нелепо! Ждать столько времени, а потом ты уйдешь, а я превращусь в гребаного уроды!»

«Фист, тише! Ты мог бы появиться?»

«Я не хочу, чтобы он видел меня таки-и-м...»

«Послушай, ты же можешь показаться только мне».

«Ну да».

Джек лежал на боку. Он протянул руки и вдруг ощутил тяжесть между ними. Фист прижался к его груди, судорожно вцепился ручонками в рубашку.

«Зря, все зря, к черту! – рыдал паяц. – Это все, что нас ожидает? И меня, и тебя?»

«Да, все», – подтвердил Джек.

Он обнял паяца, прижал к себе. Тот трясся и всхлипывал, уткнув деревянное лицо в грудь Джека, вдруг ощутившего влагу на коже, – паяц симулировал слезы.

«Мы сделаем то, что делали всегда, – продолжил хозяин паяца. –

Сделаем так хорошо, как сможем. А когда я исчезну, ты вспомнишь меня, и это поможет тебе найти самое лучшее».

Фист молчал. Джек осторожно гладил его по голове и говорил, стараясь, чтобы в словах не было и тени насмешки, а были только забота и желание утешить:

«Фист, это ведь и значит быть человеком. Не только свобода – но и печаль, тоска, слабость. Люди теряют тех, кого любят, и видят, как самое дорогое и прекрасное ускользает прочь навсегда. И это не так уж плохо. Боль ведь возникает именно оттого, что было хорошо, а потом перестало. Мы встречаемся и счастливы, расстаемся и плачем, но утешаем себя надеждой на то, что еще придет к нам».

«Тебя ведь даже на Гробовых Драйвах не останется!!!»

Горе захлестнуло паяца с головой. У Джека защемило сердце.

«Я знаю. Но это, может быть, не так уж и скверно. Ты же видел, как люди цепляются за прошлое. А тебе будет не за что цепляться. И придется искать свое счастье и цель в реальном мире. Тебе не удастся укрыться во вчерашнем дне».

«Но я не хочу терять тебя!»

«А ты и не потеряешь. Ты будешь помнить меня, ведь ты рожден мной. Пока ты жив – будет жить и часть меня».

«Но я останусь совсем один. Стабс не хочет общаться, а эти разговоры об эмбрионах паяцев – чушь собачья! Во всем мире не будет никого вроде меня».

Фист еще долго всхлипывал и дрожал. Но в конце концов успокоился и забылся беспокойным сном в объятиях Джека.

«Вдруг мистер Стабс все-таки составит тебе компанию? – прошептал Джек, зная, что паяц не расслышит. – И вы станете выращивать овощи вместе. А ты поможешь ему оставить прошлое за спиной. Кто знает, может, эмбрионы паяцев и в самом деле выжили?»

Но от мысли об этом Форстеру стало не по себе. Он стиснул напоследок деревянную ладошку Фиста.

«А пока – спи!»

Паяц исчез. А его измученный усталый хозяин вскоре провалился в глубокий тяжелый сон.

Поутру Фист натужно изображал бурное веселье. Он подскочил к окну, выглянул наружу, бросился назад. Мистер Стабс стоял у двери – еще в трусах, но уже в белой маске.

– Ну что, Стабси, какие планы? – прочирикал Фист.

Мистер Стабс протянул Джеку свой синий рабочий комбинезон:

– Наденьте, притворитесь мной и отправляйтесь в штаб-квартиру Королевства. Вы ведь можете подделать мои сетевые идентификаторы?

– Никаких проблем, – заверил Фист. – А нас впустят?

– Вы понесете туда семенную картошку. Мою картошку очень ценят. Она не плесневеет. С ней вы попадете к тамошним садовникам. А дальше уже сами.

Джек натянул комбинезон. Он пришелся почти впору и выглядел на Форстере таким же бесформенным и потрепанным, как и на Стабсе.

– Теперь идентификаторы, – сказал Стабс. – Фист, я открылся.

– Скопировал, – сообщил Фист, зажмурившись на секунду. – Стабси, теперь мы – это ты.

– Хорошо. И последнее. Все привыкли к моей маске. Так что вам придется взять ее. Готовы?

– Да, – ответил Джек.

– Постой, – вмешался Фист. – А если нас поймают? И выяснят, что ты помогал нам?

– По-другому вы близко не подберетесь к Королевству. Вы уж постарайтесь, чтобы вас не поймали. А если поймают... Что ж, я пожил достаточно.

И мистер Стабс стянул маску.

Лицо его словно навечно сковала жуткая предсмертная судорога. Рот искривлен в дикой улыбке, натянувшей кожу на щеках. Глаза выпучены, будто от крайнего удивления, брови вскинуты – пара дуг на сведенном судорогой лбу.

– Мимика у меня небогатая, – пояснил мистер Стабс.

Улыбка на его лице превратилась в гримасу скорби. Казалось, он умел изображать мимикой лишь самые сильные эмоции, и оттого уголки рта, кожа вокруг глаз и виски были в постоянных синяках.

– Могу еще изображать скуку. Это удобнее всего, – сказал мистер Стабс, и губы его плотно сжались, выражение глаз сделалось чуть спокойнее, чем раньше.

«Жестоко-то как, – пробормотал паяц. – Ему не поставили новое программное обеспечение для управления лицом».

– Так было всегда? – не удержался от вопроса Джек.

– Всегда. Я – гость в этом теле. Оно никогда не было по-настоящему моим.

– И никакой надежды на обновление программ?

– Ни малейшей. Потому я и живу в сарайчике вдали от жилых кварталов для персонала. Нас сделали куклами, чтобы дети не боялись нас.

А во плоти я пугаю и взрослых. Мое лицо кажется им кукольным, неживым. Упрощенным до предела. Мысль о том, что возможна настолько простая, сведенная к паре простейших эмоций человеческая личность, крайне неприятна для людей. Они ведь живут в предельно упрощенном мире. Я напоминаю о том, что они потеряли, и это их пугает.

– Да ты стал философом, – заметил Фист.

– Я всего лишь говорю о том, что вижу. И сейчас укажу вам путь. Джек, наденьте маску, и пусть Фист управляет вами. Вы встретите опасных людей. И лучше вам хорошенько постараться, убеждая их, что вы – это я.

Глава 42

Маска удивила. Изнутри она была совершенно прозрачной. Форстер чувствовал ее вес, ощущал, как она касается губ при вдохе, натягивается при выдохе, ноздри улавливали запах пота мистера Стабса – но самой маски Джек не видел.

«Она гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд», – заметил он.

«Впечатляет», – согласился Фист.

«Осторожно!»

На мгновение отвлекшийся Фист забыл опустить ногу, завершая шаг, и Джек чуть не рухнул наземь. Он закачался, размахивая руками, но все же сохранил равновесие и сделал следующий шаг.

«Извини, – смущенно пробормотал паяц. – Я раньше ходил только по ровному».

Хижину мистера Стабса окружали ухоженные грядки с овощами – немного, около сотни квадратных метров. Огород заслоняла шеренга ив. В сотнях метров над головой стеклянная крыша Небес сияла солнечным светом. Джек подумал о Королевстве и Ямате. Интересно, они подозревают о том, как близко подобрался к ним тот, кого они боятся? А весь скоро он будет еще ближе.

Размышления прервала новая встряска – Фист неудачно поставил ногу. Ступня соскользнула с края дорожки, и Форстер чуть не вывихнул щиколотку.

«Фист, осторожнее! – выдохнул Джек. – Мы никуда не попадем, если не сможем идти!»

Паяц не ответил, сконцентрировавшись на движениях. Он вел тело Джека к небольшому гаражу среди деревьев.

– Я там держу багги, – сказал на прощание мистер Стабс и сунул Джеку в руки мешок картошки. – Вот, держите – повезете людям Королевства. Я уже договорился с ними. Они ожидают вас.

Потом он вручил Форстеру пистолет и несколько запасных обойм.

Фист набрал комбинацию знаков, и гараж открылся. Допускалось лишь пять попыток, после замок блокировался.

«Знаешь, я не очень верю в твою способность управлять этой штукой», – заметил Джек, разглядывая багги.

«Теперь ты знаешь, как чувствовал себя я, когда ты управлял кораблем», – буркнул паяц.

У багги – исцарапанного, сильно помятого, с разбитой фарой – было два сиденья и большой открытый кузов. Фист шлепнул мешок с картошкой в кузов, выдернул вилку зарядного устройства, забрался на водительское сиденье. И руль, и педали были чересчур большими.

«С большими должно быть легче», – философски заметил Фист и нажал на газ.

Автомобиль вылетел из гаража и, не удержавшись на дороге, промчался между ивами. Ветки хлестнули Джека, чуть не вышибив из сиденья.

«ФИСТ, МАТЬ ТВОЮ!!!»

Навстречу несся ручей. Паяц крутанул баранку, ударил по тормозам. Багги затрясся и встал.

«Может, доверишь вождение мне? – предложил Джек. – В движении никто не заметит, что управляю я».

«И как Стабси справляется?» – покачал головой Фист.

«Судя по состоянию багги, мистеру Стабсу пришлось изрядно потренироваться».

«Ну да», – уныло согласился паяц.

Он освободил двигательные центры Джека. Тот обмяк, но затем выпрямился, потянулся к баранке и педалям.

«Поехали!»

«Эй, погоди-ка, – попросил Фист. – Глянь, вон там – дом Сумрака».

Ручей впадал в озерко. За ним стояло несколько прямоугольных строений, каждое – одно сплошное окно в пять этажей, сверкающий стеклянный калейдоскоп. Пасторальная идиллия – зелень деревьев, голубая гладь озера, ослепительная белизна и золото небесного сияния.

«Неплохо», – отметил Фист.

Зрелище проняло и Джека. Пусть почитание богов осталось в прошлом, но ведь это штаб Сумрака, место, где живет разум бога. Интересно, как выглядел штаб, когда Сумрак был в силе и мог присутствовать в мире, как другие боги?

– В общем, почти так же, – ответил появившийся рядом Сумрак.

– Мать твою! – взорвался Фист.

– Разве что окон светилось больше, – продолжил Сумрак, не обращая внимания на разъяренного паяца. – И людей больше, и обстановка была рабочей, деловой.

– Какого черта ты здесь делаешь? – рывкнул Джек.

– Это же мой дом, – равнодушно пожал плечами бог. – Где мне еще быть? Кроме того, есть извращенное некрофильское удовольствие в том,

чтобы наблюдать мертвые части себя.

– Если Королевство заметит тебя, то уничтожит целиком!

– Я теперь специалист по скрытности. Беду я уже давно предвидел и подготовился. К сожалению, мой персонал она застигла врасплох.

– Ты что имеешь в виду? – спросил Джек.

– Мое программное ядро не выдержало. Сервера, поддерживавшие мою личность, – в спящем режиме. Кто мог из персонала перевестись отсюда – перевелся. А оставшихся боги сломали. Глянь, к примеру, вон на то сбирище.

Сумрак указал на большие двустворчатые двери, ведущие в атриум. В них показалась группа людей, несущих что-то длинное, плоское, ярко раскрашенное.

– Носилки? Кого-то ранило?

– О нет, – усмехнулся бог. – Мои подопечные скучают по мне. И пытаются вернуть, как могут.

Группа притащила тяжелые носилки к берегу ближайшего озера. Вскоре оттуда донесся заунывный напев. Тонкие писклявые голоса терялись в пустоте.

– Хоть бы они знали, что я слышу их, – вздохнул Сумрак. – Ведь я не могу показаться им. Слишком рискованно.

– Что они делают?

Люди водрузили носилки на небольшую лодку и отошли. Яркие окрашенные перья заколыхались в воздухе.

– К носилкам что-то привязано?

– Я не вижу, – ответил бог. – А ближе подойти не могу – меня заметит Королевство.

Женщина воздела руки к небу, остальные опустились на колени и запели. Она швырнула что-то в лодку, затем оттолкнула ее от берега. Когда взметнулось пламя, люди закричали.

– Надеюсь, там всего лишь манекен. – В голосе Сумрака слышалась печаль.

– Надо же, тебе не все равно, – заметил Джек.

– Да, мне не все равно. Я смирился с тем, что теперь могу лишь немного. А ты явился сюда, чтобы сделать остальное.

– Я здесь не для того, чтобы помочь тебе.

– Но ведь и не только ради себя одного, правда? Все эти люди нуждаются в тебе. Им нужен кто-нибудь, способный спасти их от этого ужаса.

– А почему Пантеон не помогает им?

– Королевство не позволяет никому. И транслирует их жизнь в прямом эфире как пример того, что случается с людьми без бога.

Человеческие фигурки вдали разделись и принялись кататься по траве, слепившись по двое, трое и даже четверо.

– Знаешь, Джек, большинство из нас старается для людей и дает им очень многое.

– Но забираете вы больше.

– Мы пытаемся помочь вам выжить, а для этого мы сами должны жить. Но Королевство зашел слишком далеко. И не туда, куда надо. Его нужно остановить. И не ради тебя либо меня – ради всех.

– Сумрак, перемены должны быть.

– Не на условиях Королевства.

«Джек, с чего ты слушаешь этого придурка?» – не выдержал Фист.

«Тихо!»

– Я буду наблюдать за вами, – пообещал Сумрак. – Если смогу – помогу.

Невольно Джек поразился тому, сколько теплоты и чувства слышалось в словах бога.

– Джек, я не причинял тебе вреда. И теперь я не пытаюсь манипулировать тобой. Помни, я всегда хотел лишь самого лучшего для тебя.

Сумрак растаял в воздухе. Его последние слова были как шепот ветра на ухо: «Я ничего не делал только ради себя».

«Жуткий старый мерзавец», – пробормотал Фист.

Джек нажал на газ и повел багги вдоль берега озера, мимо поклонников Сумрака. Когда они проезжали напротив них, из двустворчатых дверей выскочили одетые в черное люди, бросились к участникам оргии и принялись избивать их бейсбольными битами.

«Похоже, охрана», – предположил Фист.

«Не знаю, смеяться тут или плакать», – вздохнул Джек.

Они переехали озеро по мосту и двинулись мимо двух стеклянных зданий. Свет горел лишь в немногих окнах. За ними сидели, уткнувшись в бумаги, унылые клерки, похожие на фигурки из цветного пластилина. Одно окно было забрызгано кровью. В другом виднелся свисающий с потолка труп. Там и сям можно было заметить голых людей. Они совокуплялись, спали, глядели тупо на мир, потерявший для них всякий смысл.

«Люди Сумрака, – сказал Джек. – Бога нет – ничего нет. Марионетки без хозяина».

В парке, окружающем дома, тоже присутствовали следы

бессмысленной, разрушительной активности: обгорелые пни на месте сожженной рощицы, грубо намалеванный на земле белый круг с рисунком человеческой головы внутри, подпалины там и тут. Наверное, здесь тоже приносили жертвы изгнанному богу.

Позади рывкнул гудок. Джек свернул на обочину. Мимо промчался большой багги с охранниками.

– Стабс, осторожней! – заорал один.

Багги свернул с дороги, понесся по траве и скрылся за зданием.

«Фист, чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше».

«Удивительно, что у Стабса с ними так все запросто и без проблем».

«Наверное, они боятся его».

Металлическая изгородь впереди отмечала границу бывших владений Сумрака. У ворот стоял вооруженный часовой. Он махнул рукой – мол, стойте. Джек распознал символы Королевства на его униформе.

«Фист, бери управление на себя. Быстро!»

На лице Джека, перешедшем к паяцу, закаменела улыбка. Как хорошо, что багги ехал так медленно! Фисту с трудом удавалось держать его на дороге. Когда они остановились возле охранника, Джек испытал немалое облегчение.

– Привет, Стабс. Куда направляешься? – поинтересовался тот.

– Везу добро Королевству, – сообщил Фист голосом Джека. – Посмотрите в журнал заявок.

Охранник приподнял шелковую маску. Фист улыбнулся ему:

– Это же я, здравствуйте!

Охранник поморщился и отдернул руку.

– Видывал я тут разную жуть, но ты – хуже всего.

«Фист, спокойно!» – предупредил Джек.

– Езжай, – махнул рукой охранник.

Дорога скоро влилась в широкую трассу, соединявшую штаб-квартиры различных корпораций на Небесах. Оглянувшись, Джек с Фистом увидели, что ограда со сторожевыми вышками полностью окружает штаб Су мрака. А впереди расстилаются зеленые пологие холмы, овеваемые легким ветерком. Из разбросанных там и сям рощиц доносилось пение птиц.

«Я только что понял кое-что», – признался Джек.

«Что именно?»

«Это все – не виртуальное, а настоящее».

«Гребаные боги! Самое лучшее держат для себя».

Чтобы добраться до штаб-квартиры Королевства, потребовался целый час. Шоссе было пустынным, машины проносились очень редко. Хозяин с

паяцем миновали кварталы Близнецов и Санда. На полпути Фист объявил, что ему скучно, и вдруг появились черные псы: три слева, четыре справа. Собаки неслись по траве, покрывая милю за милей длинными размеренными прыжками. Глаза псов пылали, языки плясали в пастьях, будто огненные плети.

Наконец багги подъехал к владениям Королевства. Стая гончих растворилась в воздухе. Машина свернула на подъездную дорогу, и они оказались перед штабом Королевства – огромным квадратным строением в несколько этажей с высокими темными башнями по углам.

«Похоже на перевернутый стол», – прокомментировал Фист.

«Уверен, Королевство не рассчитывал на такое впечатление от своего замка. Кстати, возьми управление на себя. Подъезжаем».

«Я сейчас занят – взламываю местную защиту. Хотя второй раз куда легче».

Перед ними показалась будка охраны. Джек затормозил:

«Бери управление! СЕЙЧАС ЖЕ!»

Фист взялся за тело Джека в самый последний момент. Охранник попросил код идентификации личности. Джек услышал, как его голос выговаривает нужные слова. Но мини-допрос быстро окончился, и кукловод с паяцем отправились дальше.

«Эти куда спокойнее, чем стража Сумрака», – заметил паяц.

«С его подданными сложно справиться».

«Интересно, вы все станете такими без ваших богов?»

«Нет! – отрезал Джек. – Что там с защитой? Взломал?»

«Я уже в их системе и открыл для нас аварийный ход. Можем отправиться прямо к Ямате».

«Сперва нужно отвезти картошку. Иначе могут возникнуть подозрения».

Садовники Королевства работали на небольшой ферме за штабом. Они очень обрадовались передаче.

– Ну, теперь мы уж точно квиты, – сказал один.

Другой хлопнул Джека по плечу, когда Фист кое-как спустил его тело с багги.

– Эй, Стабс, всегда рад видеть!

Фист заставил Джека поболтать с ними и перекинуться парой шуток, потом извиниться – мол, надо назад, работа и все такое. Вокруг понимающе закивали, хлопнули по спине, пробормотали что-то вроде «тяжело там у вас».

Когда садовники ушли, Фист сказал с ноткой облегчения в голосе:

«Похоже, его здесь уважают».

Багги они спрятали в кустах у аварийного хода, с шипением раскрывшегося перед незваными гостями. За ним оказался длинный коридор, залитый безжалостным светом флуоресцентных ламп. Фист позволил Джеку забрать тело.

«Наконец-то», – с облегчением вздохнул тот.

«Знаешь, оказывается, с телом столько мороки! Большое, неуклюжее, непослушное».

«Чтобы привыкнуть, надо вырасти в нем. Пошли. Кстати, ты на самом деле сломал защиту?»

«Тревоги мы не спровоцируем. И никому из здешнего персонала не попадемся на глаза».

Фист повел Джека причудливым путем через все здание. Они проходили большие залы с множеством столов за офисными перегородками, комнаты семинаров, где все сидели, уставившись на невидимый экран, фабричные помещения, где работники в белых халатах хлопотали у машин, тихо гудящих в сумраке, серверные, где уходили в высоту шкафы с драйвами. Иногда Фист шептал озабоченно: «Стой», или: «Сверни налево и пригнись», или: «Прячься здесь».

Когда паяц не отдавал команды, то оставался непривычно молчаливым и сосредоточенным. Похоже, работа занимала все его внимание и силы.

Вскоре они очутились на заброшенном складе. Помещение было пустым, вокруг лишь пыль да гладкие бетонные стены. В одной – дверь служебного лифта высотой в два человеческих роста.

«Убого, да?» – поделился мнением паяц.

«Да уж, не впечатляет», – согласился его хозяин.

«Так на то и расчет. Но я-то гораздо умнее их!»

Фист загрузил хозяину оверлей коридора. Воздух загудел, пропитанный энергией. Сквозь него плыли невесомые, как паутинки, нити сторожевых программ.

«Я приказал им не считать нас угрозой, – хихикнул паяц. – Если б только они знали!»

Джек поймал рукой нить. Она обвилась вокруг пальцев, затем соскользнула, поплыла прочь, оставив легкое покалывание в коже.

«Если бы такая мелкая деревяшка, как я, не приглядывала за тобой, ты давно бы валялся в беспамятстве, – заявил Фист. – Тут везде по стенам тазеры. А через пару минут явилась бы охрана. Конечно, если бы тебя вообще угораздило сюда попасть, ведь для обитателей сети эта комната невидима».

«О, мистер Скромность, как я счастлив, что ты есть! Эту комнату кто-нибудь может видеть?»

«Вряд ли у кого-нибудь из обычного персонала есть коды доступа. Почти все, у кого они есть, – наверху».

«Яматы?»

«Да. Их много. Там их делают. Мы явимся готовые и при оружии».

Вокруг возникли семь силуэтов, нюхающих воздух, тычущих носами в нити программ, хватающих их огненными зубами. Программы вспыхивали, как сухая бумага, и рассыпались в прах.

«Ямата-оригинал тоже здесь. Хочешь повидать ее?» – спросил Фист.

«О да».

Паяц прошептал команду – и мир вокруг распался, склад превратился в мерцающий, переливающийся свет. Он был плотнее и ярче там, где стояли псы, бледнее и разреженнее там, где медленными снежинками плыла паутина. Стены за ним – горящие созвездия данных. Джек посмотрел на себя и увидел лишь едва намеченные контуры тела – свои данные. А внутри – сгущение света, рой огненных мотыльков, слепившийся в человеческое дитя.

«Фист, это ты?»

«Да. Малыш, я внутри здоровенного старикана. Плюс к тому – программы Зари и Сумрака».

Едва очерченный палец указал на череду крохотных узоров, бегущих сквозь тело. Гирлянда звездочек – программа Зари – задрожала. Программы Сумрака были как плотный, лезущий повсюду туман.

«Таким ты видишь мир?» – спросил Джек.

«Почти всегда».

«Ты раньше мне не показывал».

«Это очень личное. То немного, что есть у меня моего, особенного».

«Спасибо, я тронут. Seriously», – выговорил Джек.

Фист промолчал.

«Ямату можно увидеть отсюда?»

Призрачный ребенок внутри тела указал пальцем вверх. Где-то в вышине забрезжил свет, едва различимый сквозь потоки данных.

«Сейчас увеличу, – пообещал паяц. – Рассмотрю хорошенько старую суку».

Вдруг хозяин и кукла поплыли наверх, хотя движения не ощущалось.

«Ты и вправду можешь попасть куда угодно?»

«Видеть – могу. Попасть – нет».

«А как ты отличаешь реальное от виртуального?»

«Реальность – это место, где смертные не могут летать, – ответил паяц. – Мы прибыли. Ближе нельзя – встревожишь ее».

«Господи! – выдохнул Джек. – Видел я это уже!»

«Угу. Снова гребаная медуза».

Подобное создание оба видели в «Трушилде». Теперь можно было не спеша рассмотреть чудовище вблизи. Сознание Яматы исказило совершенство структур украденного разума Тотальности. Он стал бледным, болезненным, судорожно плещущим потоками данных. Вместо того чтобы улечься плотно и симметрично вокруг пылающего ядра, образовав звезду, отростки новых структур беспорядочно свисали, покачиваясь на цифровом ветру. Массы тонких, малой пропускной способности волокон лепились к ядрам плотных широкополосных каналов, посверкивающих тихо в такт передачам. Процессорное ядро тоже исказилось, сдулось и опало, стало мягким гниловатым овалом. В сердцевине его пылал огонь лишь одного цвета – ненатурального, резкого фиолетового. Такого же, какой светился в глазах Яматы.

«К чему она подсоединена?» – спросил Джек, видя, что щупальца Яматы плывут над маленькими светящимися глобулами.

Когда Джек присмотрелся к одной, она увеличилась, раскрывая деталь за деталью, пока Джек не отвернулся, испугавшись того, что его разум провалится в лучащиеся недра.

«Не знаю, – задумчиво протянул Фист. – Они выглядят сетевыми серверами, но очень уж перестроенными. Помнишь всех Ямат? Может, так они соединяются с телами».

«А их тут немало. Думаю, они помогут показать, кто она такая и что сделала. Ты можешь зайти на них отсюда?»

«Нет. Она сильно защищена. Виртуальный файрвол дополнен структурным. Чтобы взаимодействовать с ней, нужно быть внутри ее физического пространства».

Некоторое время они плыли молча, глядя на огромное, чужое, слегка пульсирующее сосредоточие врага.

«Джек, надо поговорить, – сказал вдруг Фист очень серьезно. – Когда мы поднимемся, Королевство быстро обнаружит нас».

«Да. Самое большее – через несколько минут. Но мы успеем откопать и передать все нужное для того, чтобы уничтожить его».

«Это да. Я про то и не тревожусь. И Ямата теперь – тоже не угроза. Но что дальше?»

«Убираемся. И быстро», – ответил Джек.

«Но ты же велел мне думать о последствиях. Нас окружают тысячи

людей Королевства. Бог захочет стереть нас в порошок. То-то будет драка!»

«Что ж, ты прав, – вздохнув, поддакнул Джек, все время надеявшийся избежать подобного вопроса. – Я думал, мы сумеем улизнуть. Но теперь мы здесь...»

«И ты подозреваешь, что нам отсюда не выбраться».

«Фист...»

«Просто не лги мне!»

«Извини. – Джек снова вздохнул. – Нам следовало переговорить. Я просто не смог...»

«Пессимист! Вот к чему приводят унылые мысли о всяких последствиях. А ведь выход-то есть!»

«Фист, нельзя убивать Королевство».

«О, я знаю. Убьешь – и последствий не расхлебашь. Не бойся, я очень крепко подумал над этим».

Повисла долгая пауза. Мимо них проносились виртуальная жизнь бога, безмолвная река целей и смыслов.

«Мне тоже нужно кое о чем спросить тебя, – сказал Джек. – Ты сможешь сражаться? В смысле, после той драки в „Трушилке“?»

«Я готов на все сто!»

«Фист, я видел твои боевые системы, когда ты хотел разнести Гарри. Они далеко не в стопроцентной готовности».

«Эх, Джек, я-то думал, ты не заметишь...»

«Трудно этого не заметить. Как они на самом деле?»

«Все основные функции в полном порядке. Ямату и ее клонов мы сможем завалить без проблем. Но что касается членов Пантеона – тут дело щекотливое. Все еле-еле, на один выстрел».

«А что после?»

«Системы атаки высокого уровня перегорят полностью. Я однозарядная пушка-богоубийца. Бах, и конец. Эх, здорово бы пристрелить Королевство! – объявил Фист и помахал рукой в цифровом тумане. – Он где-то там, наверху. Но я б смог его достать и отсюда».

«Фист, мы уже говорили об этом».

«Я знаю, – вздохнул паяц. – Вот она, жизнь. Трудностей под завязку. И ко всем поворачивается самой гадкой стороной. Такая она. Злобная и короткая».

Он расхохотался:

«Если подумать, в точности как я!»

«Ну да», – подтвердил Джек, рассмеявшись.

Его удивило то, что паяц так легко принял будущее. Но о причинах

этого Форстер расспрашивать не собирался.

«Может, подождем, посмотрим? Вдруг Ямата перейдет в спящий режим? Тогда захватим ее врасплох», – предложил он.

«Такие, как она, не ложатся в спячку. Давай, Джек, встряхнись! Впервые за последние пять лет мы бросаемся в бой! – проверещал паяц. – Разнесем их всех к гребаной матери!»

Глава 43

Они отослали Ифору и Лестак зашифрованную до крайности депешу: «Я на базе Яматы в штабе Королевства. Иду на контакт». Затем хозяин с паяцем шагнули в лифт – огромный, как на заводе, способный вместить небольшой автомобиль. Рядом, мерцая, возникли псы: семь темных силуэтов, роняющих пламя с огненных пастей, нетерпеливо переминающихся в ожидании охоты. Гончие нервничали, рычали и скалились друг на друга.

«Ишь ты, как им неймется! – Фист злобно ухмыльнулся. – Для того я их и создал».

«Да уж, адские гончие у врат рая».

«Здорово звучит!»

Джек вытащил пистолет мистера Стабса – стандартное оружие Внуба. Хотя бы оно не понадобилось Стабсу для защиты от полоумных почитателей Сумрака! Оружие оттягивало руку. Джек снял пистолет с предохранителя. Лифт остановился. Двери, заскрипев, разъехались. Зал Яматы был огромным, с куполом вместо потолка. Обитатели зала окаменели от изумления, увидев гостей. И тогда из лифта выпрыгнули гончие, дыша пламенем. За ними летел Фист – злобный призрак, вспарывающий пространство. Джек двигался осторожнее, оценивая возможные опасности. В центре зала на лесах покоилось прозрачное наногелевое яйцо. Оно было размером с человека и отливало пурпуром.

«Это Ямата!» – прошипел Джек.

Длинные кабели тянулись от яйца вниз и уходили в четыре черных серверных шкафа, каждый в два Джека высотой. Сами сервера были идеальными кубами, поблескивающими красными огнями. Вокруг сгруппировались люди в белых комбинезонах. На месте лиц – плоские зеркала. От стаи гончих отделились четыре пса. Каждый бросился к своему кубу. Некоторые работники обернулись, чтобы посмотреть, остальные кинулись наутек, в панике натыкаясь друг на друга. Послышались странные синтетические крики. Один из убежавших споткнулся и рухнул ничком, ударившись лицом оземь. Он конвульсивно задрожал, и из него повалил черный дым.

На полпути к центру зала Фист спросил, показывая пальцем:

«Что это?»

У стен высились плотно составленные зеленые цилиндры высотой в

человеческий рост. Одни были пустыми, другие заполняла прозрачная зеленая жидкость. В некоторых из них плавали тела.

«Похоже, здесь выращивают клонов Яматы», – предположил Джек.

Он прицелился и выстрелил. Цилиндр разлетелся на части. Оттуда выплеснулась зеленая жижа, растеклась по полу. Следом выскользнуло белое бескостное тело.

«Выращенные органические платформы для разума? – изумился паяц. – Лестак это придется по вкусу. Это само по себе повод для обыска со взломом».

«Записываешь?»

«О да. А как только сломаю их защиту, начну трансляцию на всю Станцию».

«Посмотри! – Джек указал пальцем на цилиндр с гораздо меньшим телом. – Думаешь, это для тебя?»

«Личное мясо. Как щедро с их стороны!»

«Когда закончим, рассмотрим его как следует».

Четыре посланных Фистом пса одновременно достигли черных кубов и прыгнули в них. Суматошно замелькали огни тревоги. Вокруг серверов с ревом вздыбилось виртуальное пламя.

«Я знал, что будет просто. Но не до такой же, мать ее, степени!» – чертыхнулся Фист.

– И ты прав! – подтвердила Ямата.

Ее голос гулко раскатился по залу. Сперва она показалась силуэтом из ослепительно-яркого света. Поток данных заполнил контур деталями, и Ямата явилась во всей красе.

– Удивительно, что вы забрались так далеко. Я говорила Королевству, что лучше просто убить вас. Месть, конечно, сильная мотивация.

– Я здесь не для мести, а ради правосудия! – крикнул Джек.

– Правосудие? – фыркнула Ямата. – Его не существует. Всем правит только сила. Ты мог бы уже усвоить, в твои-то годы.

– Мы сейчас уничтожим тебя, а потом – Королевство, – пообещал Джек. – Фист, снеси ее.

Три оставшихся пса прыгнули одновременно, мелькнули быстрее мысли, неуловимые глазом. Виртуальные челюсти сомкнулись на виртуальной плоти. Языки пламени взметнулись вокруг Яматы. Она замерла, тщетно пытаясь отбиться. Золотисто-алое пламя стало белым шипящим шумом, размывающим контуры тела. Псы дрожали, ломая цифровую броню.

Вот тогда Форстер и услышал первый выстрел. Сперва раздался

хлопок, затем что-то с лязгом ударило по металлу – пуля попала в двери лифта.

«Дерьмо!» – выдохнул Джек, падая на колени.

Из-за серверов показались фигуры. Не одетый в белое здешний персонал – а Яматы. Клоны. Одна за другой.

– Флешмоб Зари погубил три моих тела, – объявила одна. – Настало время рассчитаться!

Все клоны двигались довольно-таки плавно, каждая была вооружена. Пули засвистели в воздухе.

Джек кинулся к шеренге цилиндров, отчаянно надеясь отыскать укрытие.

«Глуши их всех!» – заорал он.

«Дай мне пару минут – они изолированы от основной системы».

«Ну и хрень же!»

Форстер нырнул за цилиндры. Грянул выстрел, и один из них взорвался, обдав его теплой липкой жижей. Существо внутри почти не походило на человека. Когда оно соскользнуло на пол, битое стекло раскромсало его на бело-розовые куски. Джек спрятался за металлическую консоль управления, затем выглянул, выстрелил пару раз. Клоны наступали. По металлу лязгали пули. Взорвался еще один контейнер.

«Да глуши же гадов!»

«Я стараюсь, как могу! Мать твою, стреляй в ответ!» – огрызнулся Фист.

Джек выстрелил снова. Одна Ямата зашаталась. Раздался выстрел, разнеся вдребезги кафель у Форстера под ногами. Осколки впились в кожу.

«Скорее!»

«Тридцать секунд. Они глубоко в корневых серверах. Сейчас я зайду на самом высоком уровне, сломаю фаервол и открою каналы Ифору и Лестак. Я и свой поиск запустил – нужны доказательства того, чем они тут занимаются и как связаны с Королевством».

«Как я вижу, моя работа – сохранять нам жизнь?»

«Джеки, дружок, да ты схватываешь на лету!»

«ТОГДА, МАТЬ ТВОЮ, ГЛУШИ КЛОНОВ!»

«Уже работаю. Почти сломал фаервол. И... Ах, какая красота!»

«Что?» – спросил Джек.

«Один пес только что переслал мне все нужные файлы. У нас полное расписание терактов и логи коммуникаций между Королевством и Яматой. Там они вовсю валят друг дружку!»

«Да, улики самое то. Но нужно еще узнать, отчего убили

Пендервилля».

«Ох, это детали. Я уверен, стоя уже скопировала все нужное. А сейчас мы сможем сообщить об этом всему миру. Еще пара секунд...»

Джек сделал еще пару выстрелов.

«Файрвол к черту! – радостно отрапортовал Фист. И вдруг взвыл: – ДЕРЬМО!»

«Что еще?»

Паяц застыл на мгновение, затем встряхнулся.

«Не знаю. Массированный приток данных. Все системы безопасности восстановились. И нам сейчас ни туда ни сюда».

Стрельба стихла. Яматы закричали вразнобой.

«Это Ифор? Внуб?» – спросил Джек.

«Да вряд ли. Вот же дерьмо!» Чувствовалось, что паяц озабочен.

Джек рискнул выглянуть из-за консоли. Клоны побросали оружие, часть из них повалилась на пол.

«Похоже, они вырубались», – растерянно сообщил Джек.

«Данные пошли напрямиком в Ямату! – прошипел паяц. – Через тот порт, который использовал Гарри! Вот же гад! Оставил во мне часть себя!»

«Что?! Я думал, ты принял меры».

«Я-то принял».

Одна Ямата направилась к цилиндрам, двигаясь с кошачьей грацией.

– Привет, Джек. – В ее выговоре слышался сильный акцент Дока. – Фист пытался меня заблокировать. Не вышло. Я всегда говорила тебе, что он растяпа.

– Боже мой, это Гарри! – простонал Джек.

– Он остановил гребаных псов, – сообщил крайне растерянный Фист, – и обвалил все мои боевые системы!

Голос Гарри, казалось, звучал под черепной коробкой.

– Крайне любезно с твоей стороны было доставить меня сюда. Но, думаю, теперь командование переходит ко мне.

Все Яматы захохотали. Пара подобрала пистолеты и направила на Джека. Упавшие поднимались на ноги.

– Пожалуйста, отойди от инкубаторов, – попросила ближайшая.

– Иди лесом, – посоветовал Фист.

Рядом с Джеком просвистела пуля.

– Я не хочу повредить твое тело, – сообщила другая Ямата. – Но если придется, колебаться не буду.

Джек высунулся из-за цилиндра.

«Фист, что происходит?»

«Говнюк засадил меня в клетку!»

«О да, – прошептал вкрадчиво Гарри в разуме Джека. – Причем изнутри».

Псы почти полностью слились с аватаром Яматы, стали черными пузырями, обернувшись вокруг лица, горла и всего тела. Но вдруг они задрожали и один за другим отлепились, стекли на пол, превратились в плотные нефтяные лужицы. Плясавший вокруг серверов огонь выдохся и угас.

– Настало время явиться лично, – объявил аватар Яматы.

Он замерцал, сделался контуром, заполненным электрическим шумом, – и перед Джеком возник Гарри, ухмыляющийся и очень до вольный.

– Сколько лет я ждал момента, когда смогу трахнуть эту суку! Я создал ее своими руками. Превратил из контрабандистки в террористку. Я держал на поводке Внуб, пока люди Яматы закладывали бомбы по приказу Королевства. И при всем при том она всерьез верила, что если меня пристрелить, то я тихо и спокойно останусь мертвяком, а она будет в безопасности.

– О чем ты? – спросил ошарашенный Джек.

– Ты еще не понял? Ямата работала на меня.

– Так она не захватывала тебя? Не заставляла?

– Вовсе нет.

«Мать же его! – простонал Фист. – Я же предупреждал насчет него!»

– Но зачем? – выдохнул Джек.

– Бог приказывает – человек исполняет, – ухмыльнулся Девлин. – До тех пор, пока гребаный идиот Королевство не стал проигрывать Войну программ; тогда я понял, что обещанной награды мне не видать. Вот я и решил немножко надавить, открыв дело Пендервилля. Королевство всегда очень нервничал по поводу этого инцидента. Там на самом деле было что-то очень уж поганое. Но я не ожидал, что боженька отреагирует так быстро. О да, и это напоминает мне кое о чем...

На мгновение Гарри замер, уставившись в никуда, затем ухмыльнулся снова.

– Твой малыш Фист открыл файрвол, но с другой стороны караулил я, останавливая все посланное отсюда. О случившемся здесь не узнает никто, кроме меня, тебя и его. Никто нам не помешает. Очень, знаешь ли, уместно.

– И что дальше? – спросил Джек.

– Знаешь, арсенал твоего малыша производит впечатление. Оч-чень внушает. Думаю, я наконец-то отомщу Королевству. Может, даже захвачу

все его добро. Я всегда думал, что смогу управлять делами лучше этого недоноска. А что касается тебя...

Он ткнул в Джека пальцем, потемнел лицом, и голос его налился яростью.

– Ты, мелкое дерьмо, столько лет трахал мою жену! Я вырежу твой гребаный разум, возьму твое тело и поселюсь в нем. Потом откачу Андреа к тому времени, когда она еще не знала тебя, и сделаю так, что она останется в этом возрасте навсегда. Она снова будет моей гребаной женой, а я стану жить в твоём теле и трахать ее каждый день!

Джека захлестнули страх и стыд.

«Тупой выродок! – заорал Фист. – Этот говнюк знал, всегда знал!»

В затылке Джека взорвалась боль. Наверное, клон Яматы подобрался сзади и ударил.

Гарри захохотал, и мир исчез.

Глава 44

Форстер лежал на спине в жаркой удушливой темноте. Сверху доносился приглушенный лязг и скрежет непонятного механизма. Джек не мог двинуть ни ногой, ни рукой, застрявшими в чем-то твердом и грубом. Он дернулся, желая приподняться, и ударился лбом. Воющий скрежет то и дело прерывался, но неуклонно делался все громче.

– Ты уж извини, – пробормотал Фист.

Вспыхнул свет, болезненно режущий глаза.

– Ой, пардон.

Глазам стало легче – паяц направил фонарь в другую сторону. Хозяин с куклой лежали в длинном тесном деревянном ящике из неплотно пригнанных досок. В щели просочился и затвердел цемент.

– Это лучшее из всего, на что меня хватило, – сообщил Фист, прижатый к груди Джека.

Снова загрохотало и заскрежетало, и паяцу пришлось вопить во всю глотку:

– Все это виртуальное! Мы в глубине твоего разума!

– Что за шум?! – крикнул в ответ Джек.

– Сверло! Гарри пытается пробиться к нам!

– Сколько у нас времени?!

– Пара минут! Но нам хватит!

– Фист, на что хватит?!

– Прости, Джек! У меня не было выбора!

– Выбора чего?!

– Мне пришлось! Нельзя давать этому говнюку мое оружие!

– Ты о чем?! – крикнул Джек.

Шум сверления стал еще громче.

– Мне очень жаль! Но боль скоро пройдет! – крикнул в ответ паяц, а затем наклонился и накрыл маленькими деревянными ладошками рот и нос Джека.

Тот не сразу понял, что делает паяц. Форстер забился, затрясся, но гроб был очень тесным, а Фист – сильным и цепким. И вскоре Джек сдался.

В темноту просочился свет, деревянные стенки исчезли. Джек завис в бесконечности и вспомнил о храме Зари. Его окутал негромкий, но мощный и ритмичный звук – словно воздух разгоняли огромные птичьи крылья.

Потом Джек умер.

Глава 45

Форстер очнулся от холода. Стылый ветер продувал насквозь его мокрую одежду. Волнами накатывал рев. Джек вспомнил визг и скрежет сверла. Мелькнула мысль о том, что очень важно не подпустить кого-то к себе. Но звук был мягче, и казалось, его издает живое существо. Джек лежал на чем-то холодном и податливом. Ветер усилился, и Форстера пронзила дрожь. Ледяная жижа окатила его, перехлестнула, заставила прийти в себя. Он открыл глаза.

Докуда хватало взгляда – и влево, и вправо, изгибаясь, уходя к горизонту, – тянулся черный песчаный пляж. Волны взбивали пену, будто стараясь нежнее и мягче коснуться берега. Набегающий вал рассыпался и, обессилев, откатывался назад, теряясь в море. Промокший насквозь Джек перекатился, сел. Воспоминание о тесной духоте гроба делало холод благословением. Серое небо на горизонте смыкалось с серым морем. Накатила очередная волна. Форстер кое-как поднялся и осмотрелся, надеясь увидеть поблизости деревянное тельце – либо распластанное на песке, либо бултыхающееся в прибое. Но Фиста нигде не было. Джек поехал на ветру, вспомнил виденный в детстве школьный фильм и наконец понял, куда попал. И тогда сказал: «Твою мать!»

Паяц забросил его на границу Гробовых Драйвов.

Чтобы достичь окаймляющих пляж дюн, потребовалось добрых десять минут. Время от времени в пелене облаков открывались прорехи. Сквозь них ударили солнечные лучи – иногда мимолетно, иногда долго и жарко. Интересно, облака здесь хоть иногда рассеиваются? Невозможно представить чистое небо над этой унылой землей. Густые пучки жесткой травы на кочках дрожали и гнулись на ветру. Джека бил озноб. Хоть бы одежда скорее высохла! А может, в дюнах отыщется укрытие? За ними лежала страна мертвых, но про нее фетчам запрещалось рассказывать. Впрочем, людей на Станции подробности не интересовали. Живые не хотели представлять себе место, где их посмертным данным придется коротать вечность.

Послышался пронзительный свист. Ветер? Но затем Джек различил простую мелодию. Интересно, кто это? Не иначе виртуальный провожатый в царство мертвых. Но ведь Джек прибыл необычным образом. Как правило, фетчей тщательно и осторожно конструировали пару месяцев. А он бесцеремонно вломился – прямая копия живого разума. Гробовые

Драйвы могут и не распознать его как функционирующий разум и не позволить общение с их обитателями. Форстер содрогнулся, представив грозящую ему холодную одинокую вечность.

Но вот и дюны. Он вскарабкался наверх, к свисту, обваливая песчаный склон. Потеряв равновесие, свалился на другую сторону и покатился вниз, громко чертыхаясь. Докатившись, не сразу встал – приходил в себя. Над головой захихикали. Подумать только! Форстер и вообразить не мог, что будет так счастлив услышать этот голос.

– Джеки, парнишка, это было эффектное появление!

Фист сидел, прислонившись к черному песчаному склону. На нем были белые шорты и пиджак из сурового полотна. В руке паяц держал оловянный свисток.

– Я знал, что ты в конце концов отыщешь меня. Из моря я тебя вытащил так быстро, как только смог, но разбудить не получилось. А там такая холодрыга!

– И ты бросил меня?

– Джек, ну надо ж было осмотреться! И что бы с тобой случилось? Умер бы еще раз, что ли?

Паяц выдул из свистка еще несколько нот.

– Волны все равно бы тебя разбудили раньше или позже. А я знал: если буду насвистывать, ты обязательно услышишь и придешь.

– Значит, мы оба мертвы? – Джек присел рядом с Фистом.

– Там, наверху – да. Я стер твой разум, а потом удалил себя. В твоём мясе больше нет ни мыслей, ни воспоминаний. Абсолютно ничего!

– Так мы – просто копии?

– Как я погляжу, тебе не приходилось бывать программой. Все виртуальное путешествует именно так. Новая копия здесь, старая стирается. Поэтому спрашивать, Джек ты или не Джек, – бессмысленно. Какая разница между копиями?

Фист взмахнул руками, будто маг, насылающий проклятие.

– Жу-уть! Когда ты был живым, ты был куском мяса – и набором мозговых структур, впечатанных в мясо. Мясо исчезло, структуры остались. Те самые.

– Очень метафизично.

– Смерть, знаешь ли, штука философская, – важно сообщил паяц и глянул пытливо на хозяина.

– Как долго мы здесь? – спросил тот.

– В реальном времени? Самое большее пару-тройку часов.

– Разве не месяцы нужны, чтобы ассемблировать нас?

– Джек, да нет же! Сам подумай: мы же совершенно не такие, как фетчи. Их строят с нуля, используя базу с прижизненными воспоминаниями. А мы – два живых сознания, которых скопипастили прямиком сюда. К чему нас компилировать, мы уже готовенькие! А полоса у Гробовых Драйвов колоссальная, копирование – вжик, и готово. Умирать оказалось куда легче, чем я думал.

– Но мы не просто умерли – нас убили.

– Джек, прости. Мне пришлось. – Фист отвернулся, и его лицо погрузнело.

– Ты не виноват. Гарри тебя заставил. Он прикончил нас так же уверенно и без колебаний, как и всех Ямат.

– Конченный мерзавец! А я просил тебя не доверять ему.

– Прости, Фист, – вздохнул Джек. – Ты был прав. Но Гарри был нужен нам. Мы бы не забрались так далеко без него.

– Сюда бы мы не забрались тоже. – Фист обвел рукой пустыню вокруг.

– В точку! – расхохотался Джек.

– А этому говнюку достались наши тела, – добавил паяц.

– Он что-нибудь сможет сделать с ними?

– Нет, – заверил Фист. – Все мое железо висит на твоём хребте – но оживить его нечем. Это как иметь пистолет без единого патрона.

– Значит, воевать твоим оружием он не сможет?

– Нет. Для этого нужны мы – а нас ему уже не достать. А даже если и достанет, принудить нас не сможет ни к чему. А если бы попытался, так на этот случай я принял меры. Его разнесет в пух и прах.

– Я думал, твои меры все пошли к черту.

– Не-а. План А был гроб. Он всего-то защитил нас на то время, пока мы перебирались сюда. А есть еще и план Б. И уж он-то просто супер!

– Расскажи, – попросил Джек.

– Суть в том, что закрыться я не смог. Гарри влез и пошел по мне как по мосту к Ямате. Зато внутри меня оказались его ключевые части. Прямо в моей памяти. С возможностью доступа. Конечно, там всякого охранного барахла навалом, но...

– Фист, не тяни.

– В общем, внутри Гарри теперь есть кое-какой скрытый кодик, и он там лезет, как ниндзя. Несколько часов – и заберется в самую глубь. Мы сможем его активировать, и тогда Гарри станет недееспособным – по крайней мере, на время. А мы точно зафиксируем, где его базовые серверы. И сможем добраться до них физически.

– Возможно – если вернемся на землю живых.

– Ну да, конечно, но это же мелочи! Я уж как-нибудь вытащу нас отсюда.

Легкомысленная самоуверенность паяца начала действовать Джеку на нервы.

– А пока Гарри именно там, где он нам нужен! – победным тоном закончил Фист.

– Да уж, в самом деле, – буркнул Джек. – Ты, кстати, похоже, позабыл, что у нас, кроме выбраться отсюда, есть и другая проблема.

– И какая же?

– Королевство. Если уж кто и может стрелять из твоих пушек, так это он.

– Гарри его ненавидит и никогда не отдаст ему твое тело, – напомнил паяц.

– Ты и в самом деле считаешь, что Гарри сможет противиться богу? Рано или поздно Королевство заберет тело. И отыщет нас. Он заставит нас делать то, чего мы не хотим, – а мер против него у нас нет.

– Нет мер? Ха-ха! – взвизгнул Фист, радостно подпрыгивая. – Мера – это я. Просто возьму и прикончу его. Хотя, конечно, надо предупредить, чтобы место Королевства успел занять кто-нибудь такой же могущественный и позаботился о его людях.

Паяц подмигнул хозяину:

– Я, как видишь, думаю о последствиях.

– Если Королевство поймает нас, он сотрет меня и сожжет твою личность, перед тем как вернуть тебя в мое тело. К тому времени как бог завладеет твоим оружием, ты станешь послушной марионеткой. Бог сможет тебя отремонтировать и нацелить куда угодно. А это значит – Королевство станет главным в Пантеоне.

– У, противный! Разрушил мои прекрасные планы! А они так хорошо выглядели! – с деланным отчаянием воскликнул Фист и принялся ковырять ботинком песок.

– Сейчас, как никогда, важно придерживаться нашего плана, – сказал Джек. – Нужно изобличить Королевство прежде, чем он доберется до нас. Хотя пока не ясно, как нам работать здесь. У тебя сохранились файлы, доказывающие связь Королевства с Яматой?

– О да! – Фист повернулся, демонстрируя рюкзачок на спине. – Все тут – в целости и сохранности.

– Пусть мы не знаем пока, как выбраться отсюда, но по крайней мере сможем отыскать последний кусок головоломки, – поделился мыслью Джек.

- Какой такой кусок? Мы знаем все.
- Вовсе нет. Нужно выяснить, отчего так важно дело Пендервилля.
- И какой в этом смысл?

– Все началось именно с него, – пояснил Джек. – Смерть Пендервилля не имеет отношения к терактам. Он умер до начала Войны программ. Ничего общего и с контрабандой «пота». Ямата ясно дала понять это. Но в деле кроется что-то глубокое и очень мрачное, раскрытия чего крайне опасается Королевство. Мы вызволим Пендервилля из клетки и узнаем правду. А заодно освободим и часть тех, кто протестовал против войны. Они поддержат нас.

– О, массовый побег из тюрьмы! Я – «за»!

– Но все-таки следует кое с чем определиться. Ты засунул нас сюда. – Джек обвел рукой унылый пейзаж. – И как, черт возьми, ты собираешься нас вытаскивать?

– Если уж я могу убивать богов, то воскрешение мертвых для меня вообще плевое дело, – с фальшивой беззаботностью заявил Фист. – Сетевое пространство – там, за облаками. Я теперь хорошо представляю, как работают фетчи. Так что посмотрю на какого-нибудь вблизи и восстановлю путь, каким он попал сюда. По нему мы и вернемся. И все в порядке.

– Не все. Мы станем призраками. А как насчет моего тела?

– Помнишь, что сказал про него Гарри? Он собирался сунуть в тело систему управления, какими пользуется Ямата, и забрать тело себе. Если он может такое – сможем и мы.

– Конечно, если удерем от Королевства и заполучим эту систему.

– Ох уж эти досадные мелочи! – фыркнул Фист. – Не трусь, все образуется. А кроме того, не забывай, у каждой монеты две стороны. Очень интересные стороны.

Он замолчал, выдерживая для пущего эффекта паузу.

– Давай уже, бога ради, – не выдержал Джек.

– Смотри: убив тебя, я уже не смогу убить тебя! Никто из нас больше не живет в твоём теле, и потому я не заберу его у тебя, а тебе не придется умирать в нём!

– Ах ты, чертов паяц! – простонал Джек.

– Я думал, ты обрадуешься, – пробурчал паяц обиженно.

– Пока мы не выбрались отсюда, радоваться нечему! И если не найдем мое тело и не свергнем Королевство – тоже.

– Ну, Джек, ты слишком много переживаешь попусту. Мы сначала выберемся, а уж потом позаботимся об остальном. Поймаем парочку фетчей, я загляну им под капюшон. Если не сработает, попробуем что-

нибудь другое.

– Это не слишком похоже на разумный план.

– Слушай, ты собираешься вызывать Пендервилля и его сокамерников? Значит, нужно идти туда, где околачиваются покойники. И куда нам двигать, по-твоему? А то здесь мертвяков что-то не видать.

– Мать твою! – процедил Джек и дополнил набором ругательств посолоннее.

Впрочем, пришлось признать, что Фист в общем-то прав.

– Мы находимся на большом круглом острове, – сообщил он наконец. – Мертвые – в середине, за дюнами.

– Ну так пошли к ним!

Путь через дюны оказался гораздо длиннее, чем через пляж. Джек карабкался по песчаным склонам, тянулся, переваливался через гребни, спускался, оскальзывался, падал и съезжал вниз. Стоило, сделав шаг, перенести вес тела на ногу, из-под ступни текли вниз черные песчаные ручейки и склон осыпался. Легче всего было двигаться полуползком. Мокрая одежда с прилипшим к ней песком висела на теле как гирия. Песчинки царапали кожу тысячами крохотных лезвий.

– Детальная симуляция, – прокомментировал Фист. – Отличная работа!

Паяц был куда легче хозяина и двигался без особого труда. А тот уже задыхался и переставлял ноги лишь усилием воли. Виртуальные мышцы налились виртуальной усталостью.

– Тебе хорошо, – прохрипел Джек. – Дышать не надо. Ты можешь отключить мне симуляцию тела?

– Пардон, нет. Ты еще новичок на виртуальных просторах, и твое подсознание ожидает наличия телесности. Ее внезапная потеря – слишком сильный шок. Последствия будут крайне неприятные.

– Да вряд ли хуже, чем теперь.

Но Фист уже не слушал, сбежав за гребень дюны впереди. Джек поспешил следом, то прыгая, то съезжая. Паяц проворно вскарабкался на очередной склон. Рюкзак, будто дразнясь, весело подпрыгивал на кукольной спине, а Форстер в изнеможении смотрел на него, распластавшись в ложбине между дюн.

– Джек, вставай! Последняя дюна!

– Слава богам!

Из последних сил Форстер дотащился до места, где стоял паяц. По лицу хлестнул ветер. Он показался уже не таким холодным – одежда почти высохла.

– Так вот где обитают фетчи, – протянул Джек, глядя на открывшийся

пейзаж.

Дюны кольцом окружали пыльную, круглую, глубокую долину в форме линзы. Большой линзы – несколько километров в поперечнике. По краю ее, вдоль дюн, текла река – темная лента, окутанная сумраком. Через нее вели четыре моста, рассекающие окружность на четыре равные дуги – словно метки сторон света на компасе. За мостами тускло поблескивала гофрированная жесть убогих домишек и сарайчиков – иногда новенькая, серебристая, иногда проржавевшая до красноты. Их убогость с безжалостной яркостью высвечивали прорывающиеся сквозь прорехи облаков лучи от сети наверху. В центре трущобного города, словно зрачок исполинской линзы, чернело круглое озеро. Воды его были идеально спокойными – совершенное зеркало, отражающее небо. Но в центре его высилась неровная куча того, что Джеку сперва показалось щебенкой. Присмотревшись, он понял: это гора маленьких черных кубиков.

– Я и представить себе такого не мог, – растерянно выговорил он.

– Видишь кого-нибудь?

– Не пойму...

Что-то двигалось в городе Гробовых Драйвов, но с большого расстояния трудно было понять, то ли это ходят люди, то ли ветер шевелит отодранные жестяные листы. Непонятно, есть ли там кварталы и улицы. Похоже, просто тесные закоулки и проходы между хибарами. Да уж, жилище мертвых похоже на большое переполненное кладбище, где теснятся могилы и склепы, а гробы утыкаются друг в друга там, где проседает земля.

– Пошли! – воскликнул Фист и съехал вниз по склону.

Форстер представил всех знакомых покойников, ютящихся здесь в тесноте, нищете и убожестве.

– Давай же, скорей, навстречу фетчам! – нетерпеливо верещал паяц.

Его хозяин ступил на склон и, съехав вниз, направился к ближайшему мосту.

– Слушай, а на другой стороне дюн время течет по-другому! – крикнул Фист.

В самом деле, трудно было оценить, сколько проходит времени среди безликой пустыни. Джеку показалось, что он целую вечность движется между дюнами, рекой и затянутым тучами небом. Он ощущал свои шаги, чувствовал землю под ногами – но не движение по ней. Все вокруг оставалось неизменным. Фист ступал рядом, в кои-то веки затихнув. Джек временами заговаривал, но паяц упорно хранил молчание. Форстеру даже показалось, что он не говорит вслух, а только представляет, как говорит.

И вдруг они оказались на мосту.

– Я и представить не мог, что он так близко, – удивленно выговорил Джек.

– Мы стоим на нем уже целый час, – возразил Фист.

– Но мы же только что пришли!

– Думаю, нет смысла давать всем мертвым одинаковое ощущение времени.

Форстер вцепился в перила моста, такие твердые и холодные, боясь, что воображает и их тоже и что снова окажется бредущим по бесконечной пустыне Гробовых Драйвов.

– А я все равно никого не вижу в городе, – изрек Фист, разглядывая трущобы. – Дрыхнут, наверное, лентяи.

Оба пошли через мост. Река неслась под ним бурным потоком, чуть не выплескиваясь из берегов, но абсолютно бесшумно.

– Джек, ты послушай только.

– Что? Тихо ведь.

– Именно! Пляж был неплох, но эта симуляция – просто дешевка. Хоть бы какое уважение к мертвым! Неудивительно, что покойники еще валяются по кроватям.

Они прошли половину моста. На том берегу показались две человеческие фигуры – низенькая и высокая. В промежутке между ними напрашивалась третья, среднего роста.

– Они ведь уже были там, правда? – спросил Фист.

– Не знаю. Думаю, мы их видим впервые, – заметил Джек и добавил: – А идти и здесь скверно.

Когда Форстер совсем терялся, он смотрел на стойки перил. Взгляд цеплялся за них. Они уходили назад. Вроде бы. Смотришь на них, и можно убедить себя, что и в самом деле движешься вперед.

– Слушай, Джек, как они это выносят? – пожаловался паяц.

– Думаю, они искренне радуются приходу в мир живых.

Фигуры впереди стали отчетливее. Одна – всего в треть роста другой. Мужчины, женщины ли – не разобрать. Обе в грязных лохмотьях. А может, это статуи, установленные, чтобы приветствовать или отпугивать чужих? Вокруг не виднелось больше ничего похожего на человека – вернее, как Джек напомнил себе, на фетча. Снова представилось, как застреваешь тут на целую вечность. Интересно, быстро ли здесь сходят с ума? Хотя вряд ли здешняя среда позволит так сильно измениться разуму мертвеца. Отсюда не сбежишь даже в безумие.

– Фист, надо поскорее убираться отсюда, – напомнил Джек.

Они сошли с моста и увидели, что фигуры явно человеческие, а их головы скрыты белыми полотнищами. У каждой белая рука указывала вниз, на землю. Руки странно мерцали, переливались, менялись, так и не обретая определенного вида.

– Пижоны, – пробормотал Фист.

Ветер неся по улочкам города, лязгал, скрежетал и стучал железным хламом, плясал между колоннами света, падающими из облачных прорех. Дома глазели на кукловода с куклой черными провалами окон и дверей. Иногда в глубине некоторых зданий виднелись подрагивающие огоньки, словно тысячи телевизоров оставили включенными в пустых комнатах.

Джек направился к высокой фигуре и неожиданно для себя оказался стоящим вплотную к ней. Белая тряпка уже была не на голове, а в руке, а на Джека смотрело непрерывно меняющееся лицо: младенец, малыш постарше, подросток, изможденная старуха. Образы быстро перетекали друг в друга, приглядеться не удавалось, но вот мелькание постепенно успокоилось, и множество лиц слилось в одно.

– Ох, мама, это ты?! – выдохнул Форстер.

– Здравствуй, Джек, – сказала она.

Мать выглядела такой, какой он оставил ее, отправляясь на Войну программ. Он протянул руки, взял ее ладони в свои, проверяя, насколько они реальны.

– Мне так жаль, – выговорил он, чуть не плача.

– Я знаю.

Никакого ощутимого движения – но вот они уже обнимают друг друга. Что-то сломалось внутри, и Джек все-таки заплакал, бормоча извинения. А мать крепко обняла его, так, чтобы прижался щекой к ее пушистым волосам. Наконец Джек успокоился, перестал бормотать и всхлипывать.

– Как ты узнала, что я приду? – спросил он.

– Волны рассказывают нам о новых фетчах, и тогда мы высылаем навстречу им кого следует. Мы чувствовали, что ты придешь морем, но ты совсем не похож на нас.

– То есть?

– Я сейчас покажу тебе.

– А где Фист? – опомнился Джек.

– Твоя кукла? Куда подевался паяц? – удивленно спросила мама.

Джек осмотрелся по сторонам, удивленный тем, что Фист так долго молчит. Кто-то захихикал.

– Исси? – Он вспомнил голос.

Девочка показалась. Она танцевала с Фистом. Исси тоже мерцала,

изменяясь, но не слишком сильно, ведь она была вдесятеро моложе матери Джека.

– Мама Джека взяла меня с собой, – счастливо пропищала Исси. – Мне сказали, придет Фист!

Раньше Джек никогда не видел ее лица – только череп. А теперь ее личико менялось от младенца к малышу и назад, неизменно светясь чистой простодушной радостью.

– Мне так понравилось играть с ним! А теперь, когда здесь и он, и ты, все переменится! Может, я даже путешествовать отправлюсь, как и он! Чудесно!

Она побежала к Джеку вприпрыжку, тот распахнул ей навстречу объятия, но тут вспыхнуло яркое, беззвучное пламя. Облака пронзил солнечный луч, запылал вокруг Исси – и девочка пропала.

Изумленный Форстер отступил на шаг. Физиономия паяца изобразила крайнее недоумение. Ладонь матери сдавила руку Джека.

– Что случилось?

– Ее позвали.

– Лестак?

– Да. Исси пришлось идти. Каждого из нас могут вызвать в любое время. Свет прорывается из сети, тянет нас туда, и нам приходится являться в ваш мир – чтобы быть вашими куклами.

– Но вы же не куклы! – возразил Джек горячо.

– Вы вспоминаете те времена, когда вам было хорошо с нами, и вызываете нас, заставляя быть такими, какие мы в тех воспоминаниях. Говоришь, не куклы?

– Ну, я не знаю. Честно, я про такое и не думал раньше...

Фист с опаской обходил солнечный луч, не слушая того, что говорила мать Джека.

– Мощная штука, – уважительно заметил он. – Вряд ли мы сможем выбраться по ней. Можно попытаться вскарабкаться, но, боюсь, она сломает нас к черту.

– А мы сможем заставить кого-нибудь вызвать нас?

– Никто не знает, что мы здесь.

– Мы можем переслать что-нибудь с тобой? – спросил Джек у матери. – Нам нужно передать файлы наружу.

– Наверху мы не можем рассказывать о здешней жизни, – ответила она. – К живым мы летим лишь с памятью о былом.

Джек подумал об Андреа и о том, что голос его матери тоже соткан из памяти, шит из всех слов, которые она произнесла при жизни.

– И так для всех?

– Да. Я покажу тебе. Фист, иди сюда.

Она взяла сына и куклу за руки, и вдруг все трое оказались на крыше высокого металлического здания. Внизу лежал лабиринт убогих хижин, узкие проходы между ними так нигде и не становились улицами. Повсюду виднелось мерцание, замеченное Джеком еще от моста. Солнечные лучи хаотично плясали по городу.

– Вон там мы стояли раньше, – сказала мама, показывая. – У моста, где виднеется луч.

До того места было с милю. Мост – темная полоса над черной водой.

– Видишь, сколько лучей пронзают город, вытаскивают наш разум, не дают успокоиться, прийти в себя? Сейчас я покажу, что делают с нами живые.

Они оказались внутри хижины. Перед ними стояла мерцающая фигура. Нагая – но в ее наготы не было непристойности. Она непрерывно менялась, и перемены плоти размывали все, что могло оскорбить взгляд.

– Джек, у нас слишком много воспоминаний. Мы с трудом упорядочиваем их. Иногда у нас получается, кому-нибудь удастся разложить по полочкам, проанализировать, понять все данные, оставленные жизнью, но затем с неба падает свет, и мы опять делаемся лишь бессвязной грудой воспоминаний, разбитые ностальгией живых.

Форстер вспомнил музыку Андреа – фокус ее воспоминаний, придающий им форму и связность, возвращающий ее к себе. У матери не было музыки, чтобы собрать осколки себя в единое целое.

– Но как ты можешь говорить со мной так связно и разумно? Отчего ты не как... Не как она? – Он указал на мерцающую фигуру.

А та, кажется, ощущала присутствие гостей. На них уставились тысячи глаз на одном лице, пытаюсь совместиться и сфокусировать взгляд.

– Твой отец никогда не откатывал меня в прошлое, потому я в лучшем состоянии, чем большинство из нас. Плюс к тому сейчас на меня смотрят все наши. Их внимание поддерживает меня. Такого гостя, как ты, здесь раньше не бывало. Если ты сумеешь бежать, то расскажешь всем о нас.

Фист выпустил руку миссис Форстер и вскочил на подоконник. Пока она говорила, паяц сканировал город. А когда она закончила, он обернулся и спросил:

– Хотите сказать, что все как эта? И никто не может сфокусироваться?

– Не может, и никогда не мог.

– Вот же гадство! – чертыхнулся паяц и повернулся к Джеку. – Поганое дело, когда берут и начисто переписывают твоё «я». Но у этих

бедолаг даже своего единственного «я» нет! Эх, дать бы им всем перо, какое я вручил Андреа! Но меня ж тогда гребаный Пантеон изжарит живьем. Хоть бы эти бедняги сделались кем-то большим, чем марионетки. Живые – это ж просто океан дерьма.

– А кто из живых знает про это? Пантеон никогда такого не показывал.

– Да уж, они покажут, – буркнул Фист сердито.

Вдруг они оказались у безмолвного озера. Город мертвых отделяло от него полсотни метров черной грязи. Бегущие из города ручьи проделали в ней канавки. В воздухе стоял густой запах гнили.

– Очень многие не существуют даже как фетчи, – сказала мать Джека, указав на груды черных блоков посреди озера.

Блоки казались грубо выделанными, шершавыми и были свалены неряшливой кучей, словно разбросанные заскучавшим ребенком кубики.

– Что это? – спросил Джек у матери.

– Тюрьма. Иногда те, кого держат там, выбирают и даже заходят на мост, но их перехватывают и закрывают снова так быстро, что никто не успевает и словом с ними перекинуться.

– Значит, Пендервилль там, – сказал Джек, – и приверженцы Сумрака, боровшиеся за мир.

– Мы встретили их детей, – пояснил Фист. – Их тоже заперли. Правда, не так жутко и необратимо, как родителей.

– В каждом блоке заключена виртуальная личность? – спросил Джек.

– Да, – грустно кивнула мать. – На каждом – имя, дата смерти и все остальное.

– Выходит, все, что нам надо, – попросту открыть их? Фист?

– Плевое дело! Это не бога ломать. Открою, конечно.

– И тут-то сработает сигнал тревоги, – заключил Джек. – Администрация Гробовых Драйвов запустит диагностику, а для этого нужен открытый в обе стороны канал. Админы увидят нас, а мы сможем заговорить с ними. Так что, думаю, мы нашли наш обратный билет. Мама, сможешь доставить нас к тюрьме?

Но ответить она не успела. Вокруг ослепительно вспыхнуло. С неба грянул солнечный луч, взорвался вокруг. Джека понесло. Он ощутил, как раздваивается его «я». Перед глазами замаячило мутное пятно, напоминающее лицо, стало четче, сделалось знакомым. Отец. Слезы струились по его щекам. Джек никогда не видел его таким беспомощным и несчастным. Ему захотелось потянуться к отцу, дотронуться – но чем? Все тело Джека превратилось в свет.

– Беги! – закричала мать. – Скорее, пока не поздно!

Он ощутил сильный рывок и услышал, как Фист заорал: «Вашу мать!!!» Джек пошатнулся, отступил назад. Перед ним полыхал ярчайший белый столб света. Рядом на земле валялись лохмотья матери, блекнущие, исчезающие в безжалостном сиянии.

Миссис Форстер позвали.

– О черт, эдипов комплекс во всей красе! – пробурчал Фист, с трудом поднимаясь. – И меня сшибло. Слава богу, хоть не покалечило.

– Я тоже в порядке, если тебе интересно.

– Кажется, больше мы ничего от нее не дождемся, – продолжал бурчать Фист, не обращая внимания на колкость хозяина. – По крайней мере, пока. И кто знает, в каком она вернется состоянии?

Джека раздирали радость и боль. Он отыскал мать – и так скоро потерял ее. Как он хотел повидать ее снова! Но для того нужно было удрать с Гробовых Драйвов и победить Королевство. Сейчас следует отбросить эмоции и заставить себя сосредоточиться на поисках решения.

– Нужно попасть на остров, – заявил Джек.

– И как ты себе это представляешь? Твоя мама могла переносить нас куда угодно в мгновение ока. А без нее мы можем путешествовать только на своих двоих.

– Поплывем.

– Джек, бога ради, включи мозги! Я же деревянный, я разбухну от воды.

– Мы же в симуляции.

– Но это симуляция реального мира!

– Тогда просто плыви, и все будет в порядке. Кстати, файлы не страдают от воды?

– Ты больше беспокоишься о них, чем обо мне!

– Фист, не начинай! – предупредил Джек.

– Рюкзак полностью водонепроницаемый. Между прочим, в отличие кое от кого.

Джек чавкал по грязи, направляясь к черному озеру. Фист не отставал ни на шаг и непрерывно бурчал. Когда они достигли воды, оба были уже в грязи с головы до ног. Стоячая холодная вода озера смердела гнилью.

– Может, лодку поищем? – заныл Фист.

– Ты здесь где-нибудь видишь хоть одну?

Фист вздохнул и крепко уцепился за шею хозяина. Джек поплыл. Расходящаяся от него рябь была единственным, что тревожило черную гладь вонючего водоема. Фист погрузился в воду по пояс. Джек старался отвлечь паяца, расспрашивая про методы вскрытия тюремных кубов.

– Придется подойти к делу творчески, – изрек паяц задумчиво и смолк, захваченный проблемой.

Джек старался держать голову повыше над водой, но все же, неловко двинувшись, окунул лицо, и горькая жижа просочилась в рот. В разум хлынул бессвязный поток воспоминаний. Форстер внезапно понял: это все – чужая память. Вскинув голову, он быстро сплюнул. Ощущение вторгающихся чужих жизней исчезло.

– Фист, это не вода! – ахнул он, пораженный догадкой. – Это же память! В озеро уходят те, кто оказывается никому не нужным.

– Да не глупи! – отозвался паяц насмешливо. – Оно как море вокруг этого места, низкокачественная симуляция. Дешевые сервера, ленивые программисты. Неприятно, конечно, но чего ты ждал? Это же Гробовые Драйвы.

– Ты уверен?

– Бог с тобой, дружок, ты просто не привык быть программой. Пойми, в таком месте очень легко поддаться воображению.

– В самом деле? – спросил Джек и нырнул.

На мгновение кукловод с куклой погрузились в обрывки тысяч чужих жизней, мелькавших перед глазами, словно яркие, прекрасные осколки гигантского разбитого витража. Цельной картины не складывалось нигде, но мелькали узнаваемые фрагменты: вот робкий поцелуй, вот касание капли дождя, обрывок музыки, вид Станции, когда она была гораздо меньше нынешней. Обрывки жизней летели хаотично, несвязно, невпопад, но в их потоке ощущалась странная гармония умирания. Время остановилось, ведь чужие жизни существовали вне его. А затем хозяин с паяцем выскочили из воды, отплеываясь, и мутный поток отхлынул.

– Разрази меня гром! – заорал паяц. – Джек, ты прав! Тут умирают фетчи!

– Пантеон всегда говорил, что наша память – очень ценный ресурс, его непозволительно терять. Оказывается, она гибнет здесь, разбитая и зашумленная донельзя. Наверное, со временем она попросту угасает.

– Мать же их, небесные засранцы! Кто б подумал, а?

Они достигли острова и полезли на блоки.

– Рюкзак в порядке? – спросил Джек.

– Файлы в целости и сохранности. У меня здорово получается доставлять багаж. Может, когда отсюда выберемся, сделаю это своей профессией.

По краям блоки распадались. Камень сделался мягким, легко крошился в местах, где его касалась вода, из-под ног отваливались куски.

– Это плавают личности, совсем недавно попавшие сюда, – сказал Джек. – Они будто кубики сахара в чае. Поверить не могу! Всех инакомыслящих просто вытирают из памяти Станции. Фист, ты можешь открыть кубы?

– Я делаю программу, которая взломает их все сразу. Когда она отыщет Пендервилля, то притащит прямиком к нам.

– Когда будешь готов?

– Да хоть сейчас. Но лучше добраться до самого верха, чтобы оно пошло оттуда вниз.

Трудно было сказать, как долго они карабкались по гряде. Чем выше, тем целее казались блоки. Наверху края их были острыми, а грани блестели, как полированные. Забравшись на самый верх, Джек уселся, тяжело дыша, совершенно обессиленный. Фист вскарабкался и примостился рядом.

– Все готово, – сообщил он.

– Давай.

Фист вытянул перед собой обращенную ладонью вниз руку. На мгновение очертания ее размылись. Джеку показалось, будто ее окутала белая пыль. Затем он понял, что паяц вызвал сотни крошечных копий себя. Фист шевельнул рукой, и полчища крохотных паяцев посыпались на верхний блок, закувыркались по его черным граням, превращаясь в дрожащие огоньки. Несколько малышей погрузилось в блок. Остальные скакали, ссыпались ниже, к другим черным вместилищам пленных воспоминаний.

– Долго? – спросил Джек.

– Будут колоться? Не знаю.

– Мне интересно, когда нас заметят сверху.

В облаках над городом сверкнули молнии, понеслись вниз страшным резким зигзагом. Разряды врезались в землю, вздыбив клубы пламени и дыма. Взорвалось, наверное, в дюжине мест.

– А-а, поняли, что кто-то выкапывает бабушкин труп, – глумливо поведаль Фист. – Не нравится им, видишь ли. Ударная у них диагностика!

– Это не диагностика, это атака, – заметил встревоженный Джек.

Над городом мертвых поплыл вопль. Пламя исчезло. Разодранные ветром, колонны дыма быстро расползались, блекли, развеивались.

– Нет! – возразил паяц уверенно. – Стареешь, дружок. Они всего лишь явились с визитом.

– И вот что оставили на память. – Джек указал на темный комок, плывущий вдали над крышами.

Когда ком приблизился, стали видны непомерно раздутая голова и крошечное тельце под ней. Посреди лба существа красовалось бледное пятно.

– Вот же дерьмо! – изумился Фист. – Мать вашу, нет!

– Что такое?

– Это же эмбрион паяца! – выкрикнул Фист, чье изумление сменилось гневом. – Один из шести выживших. Так они и в самом деле существуют! Делаем ноги! БЫСТРО!!!

Джек уже мчался вниз по блокам, полупадая, полускользя. Фист скакал за ним с куба на куб, будто ярко раскрашенный козлик.

– Какой нам от них вред? – крикнул Джек на бегу, удивленный и напуганный реакцией Фиста.

– Они такие, каким был я перед тем, как слиться с тобой, – пустые оболочки, ищущие содержание. Эмбрионы питаются воспоминаниями. Они высосут личность из любого, к кому притронутся. А у нас личности ярче, чем у кого-либо здесь.

Вдали появились еще четыре комка, скользящие к черному озеру.

– Говнюк Королевство! – заорал паяц. – Мы с тобой контактировали целый месяц, гребанные докторишки тормозили меня каждую минуту! Эти твари сольются с нами за считанные секунды. Перегрузка прикончит их, но сперва они сожрут нас.

– Как их остановить?

Они шлепнулись в воду прежде, чем паяц успел ответить. Джек поплыл, Фист крепко вцепился в него. Удержать голову над водой было трудно. Форстер нырнул – и чужая память захлестнула его. Он словно проталкивался сквозь тысячи жизней. Калейдоскопом вспыхивали хаотично вырванные фрагменты многовековой истории Станции. Никакой связи и стройности. Джек не боролся с ними, терпел, пока они сменяются сами по себе, и каждые несколько секунд выныривал, хватал глоток воздуха, заново ощущая себя собой, и нырял снова. Прошлые ревело в ушах. Джеку пришлось сосредоточиться, напоминать себе, кто он и где, и двигаться в нужном направлении. Интересно, как Фисту воды памяти? Каждые пару секунд паяц отчаянно кричал, трясаясь всем телом.

Наконец ноги Джека коснулись дна. Он встал, и жижка стекла с лица, чужая память поблекла и растворилась. Джек сделал шаг и едва не поскользнулся. На илистом дне трудно удержать равновесие, в особенности когда навстречу летит, визжа, первый зародыш, возбужденно размахивая крохотными ручками. Младенческое тельце, полусформировавшееся, размытое, нечеткое. Шея жадно вытянута, бледное пятно на голове –

круглая, разинутая пасть, усаженная фрактально сложным узором зубов.

– Не позволяй ему укусить тебя! – завизжал Фист. – Топи его!

Форстер схватил тварь. Оскаленный рот жадно потянулся к его рукам, но Джек уже пихал безглазое лицо в воду. Раздался всплеск – и зародыш погрузился. Джек представил, как воспоминания затапливают крохотную, едва оформившуюся личность. Эмбрион быстро прекратил барахтаться. Джек позволил ему всплыть. Тот уже расползался, темная плоть растворялась в черной воде.

– Это я, перед тем как родиться, – всхлипнул Фист.

– Как ты? Нормально?

Появился еще один эмбрион.

– Мать вашу, бежим!!! – заорал Фист.

Они понеслись к тесному проулку.

– Как же их остановить? – крикнул Джек, отчаянно вертя головой.

Стена лачуги растворилась, вылез третий эмбрион – и Фист взвыл. В комнате рухнула на пол дрожащая фигура, истекающая черной памятью.

– Они ломают фетчей! – закричал Фист, обуянный яростью и скорбью.

Паяц соскочил с Джека, ухватил кирпич и кинулся на зародыша. Размахнувшись, словно дубиной, он нанес удар и разнес в клочья маленькое тельце. Ошметки черноты замерцали, затем пропали. Последней исчезла уродливая голова с хищной пастью на лбу. А Фист все колотил и колотил, пока Джек не вырвал кирпич из деревянных рук.

И вдруг послышалась музыка – тихая, далекая, пробуждающая воспоминания.

– Ты слышишь? – вздрогнул Джек.

Удрученный, измученный Фист не ответил. Хозяин подхватил его и усадил на шею.

– Куда теперь?

Паяц молчал. Музыка показалась Джеку знакомой, и он бросился туда, откуда она звучала. Бежал верно – музыка делалась громче. Сидящий на спине Фист плакал. Он убил еще два эмбриона: расплющил один, заставив разлететься хаосом черных линий, и разбил другой о стену. Оба уничтоженных были покрыты черной кровью убитых фетчей.

– Фист, а почему они не причиняют вреда нам?

– Что? Ты на свои руки посмотри!

Джек глянул и увидел ссадины, сочащиеся черной жижей. Пальцы сделались почти прозрачными. И Фист тоже превращался в призрака.

– Файлы? – испуганно спросил Джек.

– Целехоньки. Они-то инертны. Не то что мы.

Форстер истекал памятью. Время вертелось волчком, и было уже не понять, зачем бежишь и куда. Лишь музыка была якорем, удерживающим его личность от распада. Имя «Андреа» пылало в его разуме, но он то и дело забывал, кому оно принадлежит. Джек боялся, что теряет свое «я».

Сзади опять донесся вой.

– Нет, только не еще один, – простонал паяц.

Эмбрион кинулся на Джека, тот пригнулся, и тварь пронеслась над ним, пробила стену, столкнулась с фетчем. Память того мгновенно рассыпалась пылью. Эмбрион насытился – и тут же умер. Джек мчался со всех ног и через мгновение выскочил из переулка на открытое пространство.

– БЕГИ!!! – заорал Фист.

Навстречу летел последний темный ком. А далеко впереди сиял сплетенный из света кокон. Музыка пульсировала скорбью, гневом, торжеством. Джек ощутил, как уплывают остатки сознания. Но мелодия будила память, шевелила рассудок. Кто-то закричал: «ПРЫГАЙ!!!» Голодный рот вцепился в ногу. Форстер уже едва дышал. Зубы пронзили кожу, и Джек ощутил, как в разум ломится холодное хищное естество.

Затем его объял свет, и на мгновение все вокруг исчезло.

Перед ним парила женщина на крыльях, сотканных из песни. Крылья сияли, словно ангельские, но их перья были покрыты шипами, как у демонов.

– Здравствуйте, Джек и Фист, – произнесла Андреа, и голос ее был полон нежности. – Вы в безопасности. Спасибо за подарок.

Крылья обняли Джека. Андреа поцеловала его. В разуме его взорвалась новая музыка, восстановив память – всю до последней мелочи. Потрясение отняло у него все силы – но он вернулся к себе.

– Это был Королевство, – сказал он.

– Я знаю.

А затем он провалился в небытие.

Глава 46

Проснувшись, Джек с облегчением и немалым удивлением обнаружил, что помнит и знает, кто он и где. Он лежал на холодной земле, грудь словно придавило. Джек открыл глаза – на нем сидел Фист. Охватив голову руками, паяц трясся мелкой дрожью. На его спине висел целый и невредимый рюкзак. Паяц с хозяином находились у окраины города мертвых.

А в небе над ними висела «снежинка».

Джек сел, осторожно прижав к себе паяца. Тот не сопротивлялся, обмяк, прильнул к груди.

«Снежинка» висела точно над центром города. Ее нижний луч касался груди блоков посередине сильно уменьшившегося озера. Джек видел, как фетчи плывут, чтобы добраться до груди блоков, карабкаются по ним, цепляются к чистой белизне «снежинки», медленно поднимаются к небу. Верхний луч протыкал облака и уходил в сеть. Мертвые возвращали себя в жизнь.

Джек смотрел разинув рот. Как же живые примут мертвых, не подстроенных под их вкусы? Тотальность прямо вмешивается в дела Станции? Это же объявление войны, разве нет?

Фист слегка дрыгнул ногой, напоминая о насущных бедах.

– Как ты? – осторожно поинтересовался Джек.

– Отвали! – буркнул Фист.

Голос его звучал жалобно и зло.

Осмотревшись, Форстер понял, что творится с паяцем. Вокруг ветер трепал умирающие обрывки программ, когда-то составлявших суть новорожденных паяцев.

– Они все мертвы. – Слова давались Фисту с трудом.

Из него уже перестала сочиться память. Наверное, Андреа стабилизировала и его. Интересно, где она? Вообще, они выиграли или проиграли? Ясно, что Фиста итог битвы не слишком обрадовал.

– Они ведь даже не родились, – горестно сказал паяц.

– У нас не было выбора, – прошептал Джек и прижал паяца крепче, утешая и успокаивая.

– Столько погублено зря, – выговорил Фист и умолк.

Когда он заговорил снова, его голос был ровным, твердым и налитым яростью.

– Я убью Королевство. У меня есть все, чтобы разнести его к чертям. И я это сделаю. Если придется пойти к чертям самому – я пойду. Но прикончу его.

В сознании Джека закрипели, просыпаясь, боевые программы. Слава богу, что прямо сейчас Королевство вне досягаемости. Форстер попытался смягчить ярость паяца, но тот был неумолим. В конце концов хозяин сдался и спросил у своего подопечного об Андреа и Пендервилле. Но паяц не ответил, погрузившись в мысли. Джек подумал, что Пендервилль, может, уже вскарабкался на «снежинку» или Андреа взлетела на своих крыльях и отыскала его. Но Фист-то говорил, что поисковая программа заставит Пендервилля прийти сюда. Тут Джек с ужасом подумал, что Пендервилль мог уже попросту раствориться в озере памяти.

И тут перед ним соткался призрак-фетч – едва поддерживающий форму, человекоподобное пятно тумана на серой земле.

– Смотри, Фист, это может быть Пендервилль!

– Отвяжись! – буркнул паяц и отвернулся.

Джек оставил его упиваться горем и пошел к фетчу. Тот беззвучно перевоплощался, мерцал, сменяя множество версий себя. В матовом облаке посмертных воспоминаний проступали черты ребенка, подростка, взрослого, ясно и четко возникали на мгновение и тут же пропадали. Джек даже узнал лицо смерзшегося в вакууме трупа, увиденного в доках Санда. Все менялось, кроме рта, навечно застывшего в немом вопле боли и ужаса. После смерти Пендервилля его существование превратилось в вечный страшный крик.

Джек опустился на колени. Несчастный призрак! Сможет ли он сообщить что-нибудь связанное? Андреа бы помогла – но где искать ее? Движимый единственно жалостью, Джек протянул руку, коснулся того, что походило на плечо. Пальцы погрузились в серый туман. Беззвучный крик не прекратился. Джека обожгло холодом, и в душу вползли чужие тоска и страх. Форстер и представить не мог, что бывают настолько душераздирающие муки совести. Он отдернул руку – и боль тут же ушла.

– Нужно его стабилизировать, – спокойно посоветовал Сумрак.

Джек резко обернулся. Явление здесь опального бога само по себе поразительно. Но увидеть еще и Зарю под руку с ним...

– Какого черта вы двое делаете тут?!

– Положим, отсылка к чертям не слишком уместна, – благодушно заметил Сумрак. – Все-таки здесь не совсем ад, а всего лишь Гробовые Драйвы. Мы здесь благодаря Тотальности, как и Андреа. Тотальность открыла путь сюда, и мы пришли.

– Значит, вы не просто хотели отомстить за смерть Корасон, – догадался Джек. – Дело тут гораздо глубже. Вы – подруга Сумрака!

– А как ты думал, милый, с чего мне заботиться о несчастном убогом отступнике? – проворковала Заря. – Ты работал на моего любовника. Освобождал его.

– Я работал на себя и для себя, – буркнул Джек, пытаясь изобразить абсолютную уверенность в себе.

– Милый, ну конечно же! – поддакнула Заря и звонко расхохоталась.

– Дорогая, не дразни беднягу, ему и так досталось прилично, – одернул ее Сумрак.

– Но не столько, сколько Пендервиллю, – добавил Джек, глядя на изувеченный, безмолвно кричащий призрак рядом. – Ему нужно помочь.

– Поразительно, – прокомментировала Заря, присмотревшись. – Он весь – одна сплошная драма. Если бы мои ньюсмейкеры и продюсеры могли так фокусироваться!

– Вы омерзительны! – прошипел Джек богине.

– Был бы ты в сети, смотрел бы на меня с обожанием, как все прочие сетевые обитатели, – изрекла Заря и, обращаясь к Сумраку, спросила: – А где Андреа?

Джеку захотелось отшвырнуть их обоих подальше от себя, стереть их существование. В их присутствии не хотелось помогать Пендервиллю. Как же неприятно осознавать, что тобою движет не личный отчаянный альтруизм, а поводок в руках у богини!

– Андреа сейчас с Тотальностью, помогает стабилизировать фетчей перед тем, как они войдут в сеть, – ответил Сумрак и добавил, обращаясь к Фисту: – Кстати, твое перо – мощный инструмент. Андреа дает каждому фетчу кастомизированную копию.

– Спроси-ка у них, – может, Андреа отпустят на минуточку, – посоветовала Заря.

Сумрак закрыл глаза, открыл и сообщил: «Они согласны».

Она появилась спокойно и обыденно: вот ее нет, а вот она уже есть и движется им навстречу. Позади нее чувствовалось слабое дуновение – будто там только что сложились большие крылья. В облике Андреа не было никакой неопределенности, мятущейся переменчивости, свойственной жителям Гробовых Драйвов.

– Нам нужно, чтобы ты стабилизировала Пендервилля, – сообщила Заря.

– Привет, Джек, – сказала Андреа, не обращая внимания на богиню. – Кажется, я кое-кого сильно огорчила.

– Как так? – спросил Джек, невольно протягивая к ней руку.

Андреа сжала его ладонь. Он вздрогнул. Наконец-то тела их стали одинаковыми, они могут коснуться друг друга как равные. Джек начисто забыл о богах.

– Гарри явился разъяренный и все мне выложил. Он думал, что вдоволь поиздевается надо мной, а потом откатит и я все забуду. Я велела ему валить ко всем чертям и отправилась искать тебя. А он не смог меня остановить. Никак.

– Сработало перышко, – с удовольствием заметил Джек и улыбнулся.

– И стало чудесным началом новой жизни.

Андреа прильнула к нему, поцеловала. В объятиях друг друга они на мгновение забыли обо всем на свете. Но Андреа вдруг отстранилась:

– А где Фист?

– Тут я. – Паяц изумленно воззрился на нее.

«Джек, ты бы только видел ее моими глазами!» – выговорил он потрясенно.

Из голоса Фиста ушла вся злость.

«О чем ты?»

«Такая связность и согласованность. Гораздо больше, чем я дал ей!»

– Ты отлично знаешь структуру фетчей. – Андреа одарила паяца широкой улыбкой. – Но меня-то ты почти не знаешь. Мне пришлось переделать перо для себя. А потом я обнаружила, что мне нужно больше перьев.

Крылья замерцали за ее спиной, то появляясь, то исчезая снова.

– Извините, – смущенно пробормотал Фист. – У меня времени было не особо...

Джек подумал, что паяц никогда раньше не слышал такой ясной, недвусмысленной благодарности.

– Ты сделал чудесную работу, – заверила Андреа. – Я теперь полностью контролирую себя и могу путешествовать в любой конец Солнечной системы. Тотальность открыла связь с Гробовыми Драйвами, и я могу приходить и уходить, когда мне вздумается. Мы используем мою переработку твоего пера, чтобы стабилизировать всех остальных фетчей, чтобы они стали как я. Ты освободил нас всех.

– Зачем здесь Тотальность? – спросил Джек. – Они же заново начнут Войну программ!

– Они хотят, чтобы замороженные прежде фетчи вышли на улицы Станции, рассказывая всем правду о Королевстве. Ведь он учинил такое с ними. Они всегда ненавидели Гробовые Драйвы.

Андреа посмотрела на Пендервилля и вздохнула: «Бедняга».

– Можешь что-нибудь сделать для него? – спросил Сумрак. – Это бы нам очень помогло.

– О, я могу стабилизировать его. Но сделаю это, чтобы помочь ему, а не тебе.

Тело Пендервилля было сплошным сумасшедшим мельтешением. Андреа опустилась рядом с ним на колени, положила ладони на лоб. Удивительно: они не погрузились, как ладони Джека. Она наклонилась, приблизив рот к тому месту, где должно быть ухо, и зашептала. Завороженный Фист смотрел не отрываясь. Интересно, насколько глубокий и необычный процесс он наблюдал?

Мельтешение унялось, смены обличий сделались медленнее и замедлялись до темпа музыки – медленной, мощной, затягивающей. Рот фетча все еще был распахнут в непрерывном крике, но лицо все дольше оставалось неизменным. Наконец Пендервилль стал почти целиком собой: человеком под тридцать, одетым в вакуумный скафандр без шлема.

Андреа завела руку за спину – и в ее пальцах оказалось перо. Она осторожно положила его в рот Пендервиллю. По его телу пробежала судорога, он залился криком, будто новорожденный младенец, замахал руками. Ладони Андреа сжали его щеки, она пристально глядела в его глаза.

– Тише, тише, – прошептала она. – Все хорошо. Ты теперь мертв. Ничто не может повредить тебе.

Она что-то тихо шептала ему, успокаивая, пока крики и стоны не сменились всхлипываниями, а затем жалобным бормотанием. Наконец он лег, скорчившись, а Андреа посмотрела на Джека и сказала: «Он готов». Затем снова посмотрела на Пендервилля и тихо сказала:

– Вставай, время пришло.

Она помогла ему подняться. Из-за скафандра он двигался неуклюже. Пендервилль отер слезы тяжелой перчаткой, размазав по щекам серую пыль.

– Это Джек, – представила Андреа. – Тебе нужно поговорить с ним.

Обращаясь к Джеку, она добавила:

– Мне нужно идти. Я работаю с Тотальностью, стабилизирую фетчей.

Ее крылья раскрылись, и показалось, что они закрыли все небо. Волной накатила музыка – резкая, пронзительная, – и все лучшее, что было у Джека с Андреа, вспыхнуло в памяти.

– Любимый, мы скоро встретимся, – пообещала она. – И с тобой, Фист.

– Это если у нас получится, – возразил Джек.

– Да боже мой, Джек, хватит уже прибедняться! – рассмеялась Андреа. – Разве я не просила тебя не копать слишком глубоко? Сам виноват.

Она подмигнула лукаво – точь-в-точь та, живая Андреа.

– Все будет в порядке. Я уверена.

И Андреа исчезла.

Джек не сразу пришел в себя. А когда очнулся, посмотрел на Пендервилля.

– Здравствуйте, я Джек Форстер. Давно хотел встретиться с вами.

Он помолчал немного, подыскивая слова, и наконец добавил:

– Мне очень жаль, что Ямата убила вас.

– Не стоит жалеть меня, – уныло ответил Пендервилль. – Я сам этого хотел. Но это ничего не изменило.

– Что с вами случилось? И почему? – спросил Джек.

Лицо Пендервилля исказилось болью, он задрожал, съежился. Он умер молодым, но теперь его волосы стали седыми, морщины избородили щеки и лоб. Скафандр мешком висел на нем.

– Я был рад тому, что меня убили, – тоскливо и тихо выговорил он. – И знал, что мой фетч посадят в клетку. Я надеялся, что, по крайней мере, мне не придется думать об этом. Но я ошибался. Жаль, что никто так и не узнал.

– Никто не узнал о чем?

Пендервилль закрыл лицо руками и застонал.

– Расскажи нам, – мягко попросил Сумрак.

– Ну да, признайся, –插вила свое Заря. – Таким лучше поделиться, уж я-то знаю.

Уставившись в землю, Пендервилль мучительно выплевывал слова. Трудно было разобрать их, пропитанные тяжелым стыдом и болью.

– Я думал, это пустяк, – говорил он, всхлипывая. – Ямата солгала мне. Она сказала, что астероид ударит по заброшенной лунной базе. Все будет выглядеть так, будто Тотальность решила побряцать оружием. А Королевство использует инцидент, чтобы протолкнуть закон против Тотальности. Я не знал, что они нацелились на летний лагерь.

Джек ошарашенно уставился на Сумрака с Зарей.

– Нет, не может быть! – выдохнул он.

– Это правда, – запинаясь, выдавил Пендервилль. – Я сделал астероид невидимым для всех на Станции. Его увидели бы только после столкновения и ужаснулись бы. Они бы подумали, что Тотальность смогла так легко обойти всю защиту. Это я убил всех тех детей. Я позволил

Королевству обвинить Тотальность и начать Войну программ. Но я бы все рассказал, если бы Ямата не убила меня.

– Ты знал об этом? – спросил Джек Сумрака.

– Нет, конечно! Откуда мне было знать? – возмутился тот. – Ужасно! Бедные дети...

– Да брось, – буркнул Джек и обратился к Пендервиллю: – Значит, Ямата направила астероид на Луну по приказу Королевства?

– Да. Я встретился с ней, когда все уже было подготовлено. Мне было страшно. Я не знал, что будет, если меня поймают. Она заверила, мол, все будет в порядке. План придумал Королевство, он все знает и одобряет.

– Раз вы узнали такое, они в любом случае убили бы вас после.

– Мы все – орудия богов. Когда они приказывают, мы должны подчиняться. Узнав, что дело затеял Королевство, я уже не мог отказаться. Он мой покровитель, я обязан ему всем.

– Нет, – сказал твердо Джек.

Он ступил к Пендервиллю и положил руку ему на плечо. На этот раз она не погрузилась в туман.

– Вы все именно этим и занимаетесь, превращаете людей в паяцев, – бросил Джек Сумраку.

– Но мы желаем лучшего для вас. И всегда желали, – возразил бог.

– Джек, мы с Сумраком не имеем ни малейшего отношения к инциденту на Луне, – заверила Заря, ступив вперед. – Мы так же шокированы, как и ты. Теперь мы сотрудничаем с Тотальностью. Поэтому здесь «снежинка», поэтому мы не препятствуем мертвым подниматься к живым. Мы хотим, чтобы люди узнали. Нужно начать все заново.

– Вы всего лишь желаете свергнуть Королевство и восстановить в правах Сумрака. Политические игры, ничего более.

– Но меня подставили, изгнали. Я тоже жертва, – обиженно заметил Сумрак.

Джек презрительно фыркнул.

– И у нас еще много работы, – продолжил бог. – Королевство подталкивает к новой войне с Тотальностью. Он увидел, что я снова в игре, и напал. Идет атака на мою штаб-квартиру. Люди начинают замечать необычное, – он махнул рукой в сторону «снежинки», – и все узнают правду, после того как Андреа и Тотальность выпустят фетчей в сеть. Нужно сделать так, чтобы Королевство не обратил ситуацию в свою пользу.

– А как ему это удастся?

– Поверь, он может. Он очень могуществен и очень напуган. И потому крайне опасен. Надо сделать так, чтобы он никоим образом не смог

увильнуть от ответственности. Заре нужно добиться того, чтобы люди услышали правду. Мне нужно активировать свои сервера, чтобы я смог защищаться. Тебе нужно сообщить все известное тебе, Тотальности и всему Пантеону. Выбор за тобой – стоять здесь и обсуждать моральные аспекты или действовать. Что выберешь?

– У меня и Фиста нет тел, куда можно вернуться, – сказал Джек. – Без тел мы очень уязвимы.

– Почему нет? Есть, не сомневайся, – заверил Сумрак. – Твое тело в моей штаб-квартире, под охраной Лестак. Гарри усовершенствовал тела. Теперь доступ легче, работают эффективнее, и масса места для вас обоих.

«Я же говорил тебе!» – торжествующе гаркнул Фист.

– Господи, но как? – изумился Джек.

– Девлин наполнил твой череп наногелем в медицинской лаборатории Яматы – так же, как она делала со своими клонами. Затем он влез в твою плоть и применил коды доступа Яматы, чтобы уйти из штаб-квартиры Королевства. Но Лестак перехватила его на пути в Дом, и он бежал, бросив твоё тело. Однако к тому времени Королевство понял, что Яматы мертвы. Он собрал силы, атаковал, и Лестак пришлось отступить в мою штаб-квартиру, забрав тело с собой.

– Процессор Фиста ещё на месте?

– Гарри все оставил как было. Он пытался активировать оружие, но так и не сумел.

– Тогда пойдем и разнесем Королевство к чертям! Но, Сумрак, не ради тебя или Пантеона – ради всего человечества и Тотальности.

– Да плевал я на эту благородную трепотню! – фыркнул паяц. – Я его расплющу, потому что хочу этого, и буду крайне счастлив.

Джек подумал, что сдержать Фиста по возвращении на Станцию будет непросто.

– Вот и чудесно! – изрек Сумрак, не обращая особого внимания на паяца. – У меня прямой канал с Лестак. Нас направят через «снежинку» напрямик к комиссару.

Он закрыл глаза, и мир изменился.

Все пятеро оказались в круглой комнате. Голые стены и пол скрашивал льющийся с высокого потолка матовый неяркий свет. В комнате на равном расстоянии друг от друга парила дюжина саркофагов. Оси саркофагов были сориентированы по лучам, сходящимся в центре, у пультов управления. На полу лежали носилки с чем-то похожим на человеческое тело, укрытое белой простыней. Лестак склонилась над ним, тыча в кнопки на панели управления. От выхода на лестницу доносилась какофония грохота, криков

и выстрелов. Похоже, поблизости шел бой.

– Добро пожаловать в мою процессорную! – провозгласил Сумрак, театрально раскинув руки.

– Черт возьми, наконец-то! – воскликнула комиссар. – Вы же обещали еще час назад! Мы едва сдерживаем силы Королевства. Половина моих людей мертвы. Многие из ваших работников – тоже.

– Отличная работа, Лестак! Ты долго защищала мой центр. Нам теперь нужно всего несколько минут. Джек, ты лучше посмотри на свое тело, проверь, как оно.

Сумрак переместился к панели управления, Заря встала перед экраном. Он заработал, оживленный ее взглядом.

– Я на линии! – объявила богиня. – Сейчас я подготовлю все и всех для появления новой медиазвезды! Увидит вся Станция! Кстати, Джек, не забудь помедлить немного, чтобы сполна насладиться виртуальной жизнью.

Заря подмигнула Сумраку и пропала. Спустя секунду пропал и Пендервилль.

Джек посмотрел на себя и охнул. Он думал, что вернулся прямиком в свое тело, но краем глаза уловил пиксели в уголках своей одежды. Это не тело, а виртуальная симуляция в сети. В поле его зрения возник Фист.

– Теперь ты понимаешь, что такое быть ненастоящим, – ухмыльнулся паяц.

Форстер с ужасом осознал, что может видеть и слышать – но ничего больше. Непонятно, холодно в комнате или жарко, пахнет чем-нибудь или нет. Он раскрыл рот, высунул язык – ни вкуса, ни даже ощущения прохлады. Джек закрыл рот, попытался тронуть языком зубы – но ничего не ощутил. Невидимый для остальных, язык попросту исчез.

Фист расхохотался.

– Ты чего? – спросил ошарашенный Джек.

– Всегда думал, что стану одним из вас. А тут – глянь-ка – ты стал одним из нас!

– Но я – пока что я.

– Это на вид. Для публики. А по сути, между нами разницы – кот заплакал.

– Хватит философствовать! – крикнул стоящий у панели управления Сумрак. – Джек, нам нужна твоя помощь. Иди сюда и проверь, примет тебя твое тело или нет. Имея дело с Пантеоном, лучше уж работать на надежной физической платформе, иначе Королевство просто раздавит тебя.

Форстер подошел к стоящей у носилок Лестак.

– Мне вовсе не стоило помогать вам после того, что вы учинили с

Исси, – буркнула она сердито.

Внизу опять послышалась стрельба. С лестничной площадки донеслись крики, потянуло дымом.

– Что вы имеете в виду? – спросил Джек.

– Она рассказала мне о «снежинке» и о том, что сможет выбраться из Гробовых Драйвов навсегда. А ведь Исси такая слабенькая. Реальность убьет ее.

– Ей помогут Андреа и Тотальность. Исси – больше не четырехлетняя малышка. Она теперь совершенно другая.

– И кто вы такой, чтобы говорить мне о ней? – вздохнула Лестак. – Вы ведь и сами не знаете, кто вы.

Она сдернула простыню с носилок. Джек посмотрел на свой труп. Тусклая, равномерно серая кожа. Открытые, отливающие фиолетовым глаза. Плотно сжатые губы. Белый хлопчатобумажный больничный халат.

– Быстрее! – крикнул бог. – Сервера активизируются!

Тихо зашипели саркофаги, гоня охладитель по трубам. Из выходов для отработанного воздуха закапала белая жижа. Коснувшись пола, она шипела и яростно брызгала, испуская струйки белого пара.

– Еще несколько минут – и я обрету полную силу, – пробормотал Сумрак.

Джек, потрясенный до глубины души, смотрел на свое тело. «Вот он, я». И это же «я» смотрит сверху. Интересно, какая же часть его личности была привязана к телу?

«Да никакая!» – фыркнул паяц, шагая мимо хозяина напрямик к телу.

Он пнул руку, кукольная нога на мгновение погрузилась в плоть. Рюкзак на его спине качнулся, рука же не шелохнулась.

«Я проверял порты. Твое мясо целиком выпотрошено. В черепе – ничего, кроме наногеля, ожидающего, пока ты запишешься на него».

«А как я залезу в него? И что будет с тобой?»

«Как и говорил Сумрак, все мое железо в порядке. Теперь масса места для нас обоих. Если хочешь залезть внутрь – попроси меня хорошенько».

«Фист!»

«Да пошутил я! Ворота нараспашку!»

На лбу тела появился мерцающий овал, выглядящий словно пылающий белый глаз.

«Просто дотронься. Я последую за тобой», – сказал паяц.

Джек наклонился, протянул руку. Мгновение небытия – и он снова в теле. Его словно затопило потоком поразительно сильных ощущений – резкий холод зала, острый, терзающий ноздри пороховой смрад.

Форстер открыл глаза. В них ударил невыносимо яркий свет. Где-то вдали гремели выстрелы, словно молотком стуча по барабанным перепонкам. Джек зажмурился, попытался зажать ладонями уши. Но вес плоти и костей не давал и двинуть руками. Сердце бешено заколотилось в груди. Джек задышал хрипло и часто.

«Не дергайся, – посоветовал паяц. – Мы входим в новую систему. Нужно некоторое время. Просто постой спокойно».

Страх черной волной заливал разум. Джек пытался наладить дыхание, сосредоточился на мышцах груди и гортани, заставляя их сокращаться медленнее и более плавно. Поначалу – никакого отклика, но затем дыхание замедлилось, сделалось спокойнее.

«Отличная работа! – похвалил Фист. – Контролирующие системы сейчас задействованы почти целиком. Попробуй простое движение».

Руки, кажется, стали полегче. Джек поднес ладони к лицу, медленно скрестил и распрямил ноги. Тело понемногу делалось прежним, привычным. Он осторожно приоткрыл глаза. Свет больше не казался режущим и безжалостным. По-прежнему вдали грохотали выстрелы, но теперь слух приспособился и резкие звуки не причиняли прежней боли. Окружающий мир стал доступным, пригодным для взаимодействия, а не грубой подавляющей силой. Мускулы повиновались, разум затопило волной сообщений от новых датчиков и чувств: пульс, давление крови, уровень боли – все сообщалось и было легкоуправляемым.

«Неплохо, а?»

«Что они со мной сделали?» – спросил Джек.

«Да ничего. Гарри усовершенствовал интерфейс разума с телом. Думаю, теперь ты лучше справишься со своим мясом».

Форстер сел.

На лестничной клетке раздался взрыв, снизу донеслись яростные крики.

– Джек, нельзя подпустить их к серверам! – взволнованно крикнул испуганный Сумрак.

Джек неуклюже поднялся на ноги. Он вспомнил, как клонам Яматы было трудно управлять только что приобретенным телом. Теперь он так же ковылял и дергался на ходу.

– Еще несколько минут от меня не будет никакого проку! – крикнул он Сумраку.

Язык едва ворочался во рту.

«Ох, бога ради, опять мне со всем разбираться», – проворчал Фист.

«Подожди!» – взмолился Джек, но было уже поздно.

Фист отделился от хозяина, перепрыгнул панель управления и направился вниз по лестнице.

«Да не бойся, – бросил он Джеку. – Мне в кайф раскидать пару-тройку прислужников Королевства. Будто с ним самим расправляюсь».

«А файлы в безопасности?»

«О да!»

«Тебя никто не заставляет ввязываться в схватку».

«Да мать его, я сам хочу!»

Поначалу звуки боя остались прежними: периодический треск автоматных очередей, время от времени – взрывы. И вдруг внизу отчаянно закричали, раздался треск автоматных очередей, взрывы пошли один за другим. Шум боя стал удаляться. Похоже, люди Королевства бросились наутек. Интересно, в скольких головах порезвился Фист, чтобы учинить подобную панику, и что он показал беднягам?

«Лучше тебе не знать», – промурлыкал паяц.

– Фантастика! – восхитился Сумрак. – Наконец я проснулся!

Серверы закончили чистку систем охлаждения, пляшущие огоньки образовали новые, стабильные фигуры. Кроме этого – никаких внешних изменений.

– Это все? – спросил Джек, уже увереннее шевеля языком.

– Увы, в полную силу я их запустить не могу. Замки на них слишком крепки, но теперь серверы ощущают мое присутствие в достаточной степени, чтобы контролировать весь персонал моей штаб-квартиры. Конечно, лишь самым примитивным, грубым образом.

– То есть превращая их в марионеток?

– Джек, ты же видел, как низко они пали. А сейчас их буквально размалывают в муку. Им нужна организация.

– Как бы мне ни было противно это подтверждать, но он прав, – сказала Лестак. – По крайней мере, пока это лучший выход.

– Когда это закончится, тебе следует отпустить своих людей. Причем на этот раз осторожно и мягко, – предупредил Форстер.

– Джек, ты абсолютно прав, я даю тебе слово: отпущу именно так. А теперь скажи мне, ты можешь идти?

Джек ступил раз, другой – уже почти уверенно, даже с удовольствием.

– Нормально! – заключил бог. – Бегите к флаеру вместе с Лестак. Я останусь здесь. Мои люди укажут дорогу и защитят вас. С Фистом и толикой удачи – прорветесь.

Джек потом так и не смог толком вспомнить сумасшедшего бега по офисам Сумрака. Установив для Лестак и ее команды защитный экран от

программ Зари, он запустил их во всю мочь. Свистели пули, гремели взрывы, но все глядели на Форстера с обожанием. Внезапно оживившиеся, сосредоточенные люди Сумрака вели и охраняли Джека и Лестак. Осколками в памяти застряли детали: окно с разбитым стеклом, расплюснутый ксерокс, забрызганная кровью доска на стене. Повседневную офисную жизнь вышибли из колеи, сделали ареной войны.

Наконец впереди показалась посадочная площадка. Там ждал мужчина в синем холщовом комбинезоне. На мгновение Джек подумал о мистере Стабсе, но ожидавший двигался с необыкновенной грацией, словно переливаясь из положения в положение. Он проводил гостей к вертолету. Лестак с Джеком оказались на крыше высокого здания. Снизу слышались выстрелы и взрывы, сверху красовались неподвижные звезды.

– Веду я, – предупредила Лестак.

Джек не стал спорить. Он отключил программы Зари, затем вместе с комиссаром уселся во флаер. Тот взлетел.

– Надеюсь, никому не удастся шарахнуть по нам, – меланхолично заметила Лестак, щелкая переключателями и проверяя состояние машины.

Не удалось никому. Возможно, никто даже и не заметил их отлета. Они летели прочь, и наконец-то – впервые за долгое время – никто не хотел их прикончить прямо здесь и сейчас.

Глава 47

Джеку пришлось четырежды хватать статую Ифора за руку, прежде чем разум Тотальности ответил.

– Сумрак сообщил мне о признании Пендервилля, – сказал Ифор. – Вы видели «снежинку» в Гробовых Драйвах?

Джек кивнул.

– Мы хотели спасти вас обоих и удостовериться в том, что освобожденные из клеток мертвые смогут распространить известие о предательстве Королевства. Теперь мы имеем дело с последствиями. Потому – поторопитесь!

– Мы направляемся к вам. Вскоре новость о предательстве Королевства облетит всю Станцию. Но Пантеону понадобится кое-что большее, чем передачи массмедиа. Я везу вам доказательства преступной деятельности Королевства.

Ифор замер на секунду, переваривая информацию. Джек представил, как бипед пересылает известия в Тотальность и многоголосый хор обсуждает их.

– Хорошие новости, – заметил наконец Ифор. – Когда Заря выступит с ними?

– Не знаю. Скоро. Нужно, чтобы вы не допустили ничего скверного до того времени. И обеспечили нам возможность добраться до стола переговоров.

– На Небесах сейчас хаос. Мы вышлем наши разумы, чтобы встретить вас на посадочной площадке и провести в зал заседаний как лиц с дипломатическим статусом.

– Как идут переговоры?

– Мы в шаге от войны. Королевство разворачивает силы, готовясь атаковать нас. Он понял, что мы вскрыли Гробовые Драйвы, и произносит речи об осквернении святыни. Ситуация выглядит крайне угрожающей.

– Мы разберемся, – пообещал Джек.

– Надеюсь. До скорой встречи.

Ифор отключился.

«Оч-чень интересно», – заметил Фист.

«Ты имеешь в виду переговоры с Тотальностью?»

«Нет, я о Гарри. Он только что пытался через свою зацепку войти в меня».

«Вот дерьмо! Не позволяй ему».

«Не бойся, уж теперь-то я готов к его штучкам».

Фист замолчал, склонив голову, будто прислушиваясь.

«Он сейчас мечется, как мелкая разъяренная муха. Вжжж! – глумливо сообщил паяц и захихикал. – О, моя ниндзя-программка уже внедрилась и вовсю работает!»

«Не пускай его! Больше никаких проколов!»

«Да не паникуй! Гарри теперь делает только то, чего хочу от него я. Он теперь работает на меня».

Что имел в виду Фист, Джек так и не узнал. Не хватило времени. Флаер достиг штаб-квартиры Сандала и приземлился на такой скорости, что шасси погнулись, а сам он едва не разлетелся вдребезги. Джек с Лестак выскочили из машины прежде, чем она остановилась. Навстречу им двинулись охранники, целясь на ходу. Из здания показалась делегация разумов Тотальности, возглавляемая Ифором. Бипеды с криком побежали к охранникам. Джек, сгорая от стыда и злости на себя, направил на охрану программу Зари. Но те не опустили оружия. Видимо, охранники были защищены от любых виртуальных воздействий. Бипеды поспешно показали верительные грамоты. Лишь тогда разочарованные стражи опустили оружие. Один позвонил старшим, запрашивая инструкции. Не став выяснять, что поведало начальство, Джек с комиссаром кинулись со всех ног к дверям. В спину закричали: «Стоять!» Слишком поздно – беглецы уже проскочили дверь и помчались по коридорам.

«Фист, замедли охрану!»

«Они закрыты. Ничего не поделаешь».

«Дерьмо!»

Бипед обернулся и швырнул в коридор небольшой металлический шар. За спиной ослепительно вспыхнуло.

«Ослепить их! Здорово придумано», – прокомментировал паяц.

Вскоре снова раздались крики, загрохотало, засвистели пули. Джек оглянулся – и его щеку пронзила резкая боль. Он зашатался. Покопавшись в мозгу, нашел переключатель «Боль» и отключил ее. Они свернули за угол.

«Ты в порядке?» – спросил паяц.

«Двигаться могу».

Форстер бежал чуть позади Фиста с Ифором. Впереди показалась пара двустворчатых дверей. По бокам стояли охранники в броне и с тяжелыми винтовками. Джек включил программу Зари. Охранники рухнули на колени. Интересно, кем они видели Джека? Сияющим богом, требующим безоговорочного послушания и вместе с тем человеческим в достаточной

мере, чтобы, запыхавшись, тяжело дышать и, будучи раненым, истекать кровью?

– Пропустите нас! – заорал он.

Охранники отпрянули, один из них махнул пропуском, и створки дверей скользнули в стороны. За ними оказался лифт.

– Это путь в конференц-зал, – сообщил Ифор.

Они влетели в лифт. Джек врезался в заднюю стенку, оставив кровавое пятно. Любопытно, тяжело он ранен или нет? Во всяком случае, бежать не мешает. Преследователи выскакивали из-за угла, вскидывали винтовки, готовясь стрелять. Ифор и Фист с Джеком были легкими мишенями.

– Остановите их! – проревел Форстер, и очарованные программой Зари охранники начали стрелять.

Створки лифтовых дверей заскользили навстречу друг другу. Первый выбежавший из-за угла упал наземь, остальные по инерции неслись вперед. Один, прежде чем погибнуть, швырнул гранату. Но дверь закрылась, лифт тронулся. Он содрогнулся от взрыва, но продолжил движение. Джек с Ифором обессиленно прислонились к стене. Фист крепко стоял на ногах.

«Ты как?» – осведомился Джек.

«Ломаю системы безопасности Сандала, чтобы он не застопорил лифт».

«С файлами Яматы все готово?»

«Да, к ним получают доступ все. А для полноты картины я еще добавил признание Пендервилля».

«Отлично!» – резюмировал Джек и спросил Ифора:

– Вы в порядке?

Пуля не миновала и бипеда. Из раны на его груди сочилась вязкая фиолетовая жижка.

– Ничего страшного. – Ифор прикрыл рану рукой.

Двери лифта разъехались, Ифор заковылял вперед. Фист выглянул из-за Джека и выговорил потрясенно, забыв переключиться на внутренний канал:

– Вот же хрень! Так, значит, живут избранные!

Джек тоже посмотрел – и застыл в изумлении. Он всегда думал, что Небеса – дом богов. Как же он ошибался! Небеса – попросту место, где человечество могло приблизиться к ним. Настоящее их обиталище – этот зал, вмещающий всю Солнечную систему. Форстер шагнул вперед. Двери лифта начали закрываться, затем сетевой оверлей скрыл их. Они исчезли. И Джек оказался в открытом космосе.

Он плыл подле крохотного изображения Станции. Вокруг был космос

– вернее, абстрактное его представление. Форстер парил в центре интерактивной трехмерной карты, где отображалась вся человеческая активность. Пространство пересекали белые петли – орбиты планет. Вдоль каждой плыли мерцающие шары, бурлящие цветами, круговоротом данных. Повсюду болтались изображения в палец величиной: базы на спутниках, орбитальные станции, контейнеровозы, шахты на астероидах – каждый форпост человечества в системе. В пустоте плясали цифры, то меняясь, то оставаясь неизменными, отображая данные реальных процессов. Границы карты испещряли яркие светящиеся точки, окруженные едва заметными облачками серого, жемчужно отсвечивающего пара. Наверное, они представляли сферу влияния Тотальности. Эти облака занимали все пространство за поясом Койпера, но местами вторгались и дальше и останавливались, лишь утыкаясь в орбиту Марса. Только сама Станция и прилегающие области были свободны от влияния Тотальности. Крохотные цветные пятна изображали зоны, контролируемые разными членами Пантеона. Джек всегда знал, что Тотальность – самая большая корпорация Солнечной системы, но, лишь увидев изображение ее владений, понял, насколько же она огромна.

– Оцени плотность населения, – указал Фист. – Большинство человечества – на Станции, а ее пока удерживает Пантеон.

– Она – драгоценность, за которую мы сражаемся, – изрек густой басовитый голос, похожий на грохот тяжелых машин.

Форстер узнал его – этот голос в пропагандистском фильме звал добровольцев-кукловодов на Войну программ.

– Королевство! – прошипел Джек.

Программы безопасности отключились, и вокруг него возник Пантеон. Ближайшие к нему – Роза в полной боевой броне, мерцающий куб Сандала, Близнецы, держащиеся за руки, но глядящие в разные стороны. Чуть поодаль виднелись Заря и ворон Сумрака. Все шестеро стояли в равном отдалении друг от друга и от Станции. Симуляция сделала их огромными, намного больше планет и даже Солнца. Блеклые линии побежали от бога к богу, деля космос на части, образуя нечто вроде корпоративного зодиака. Боги, имеющие глаза, уставились на Джека. Заря радостно помахала рукой. Слепой скованный ворон постарался щелкнуть клювом. А еще в пустоте висели четыре «снежинки».

Королевство явил себя последним. Тени лились с него, как масло. В конце концов он предстал высоким мужчиной с бритым черепом и лишенным эмоций лицом – прекрасным в своей деловой целесообразности, как промышленный алмаз. В свете Солнца, такого

маленького в сравнении с богом, его кожа отливала золотом. Королевство был одет в просторную черную рубаху и брюки и попирали космос босыми ногами. Устрашенный и ошарашенный Джек невольно отступил на шаг. Вот она, суть человеческого бытия, давшая людям новую жизнь – и беспощадно пожирающая своих детей.

– Как смел ты вломиться на совет богов? – спросил Королевство. – И прибегаешь к помощи разума Тотальности! Как нам ответить на такой акт откровенной агрессии?

«Снежинки» задрожали, засверкали переливами красок. Джек посмотрел на Ифору. Склонив голову, тот молчал, погрузившись в переговоры с коллегами.

«Джек, ты уж скажи что-нибудь», – посоветовал Фист.

Его хозяин сглотнул, собрал волю в кулак.

– Королевство, мы пришли, чтобы обвинить вас в преступлениях против человечности и Тотальности. Мы предъявляем совету доказательство вашей вины! Фист, файлы!

Паяц сбросил с плеч рюкзак и швырнул его на середину зала. Рюкзак проехал пару метров среди виртуальных звезд, прежде чем остановиться.

– Все здесь, – заверил паяц. – Тут и отправка астероида на Луну, и продолжение Войны программ. Можете убедиться.

«Быстро получилось, – добавил он мысленно. – Все уже загрузили файлы».

– Абсурд! – вскричал Королевство, и его голос раскатился ударами огромного заводского колокола. – Смешная, очевидная для всех фальшивка двух слуг низвергнутого бога! Наивная попытка отвлечь нас от недавних провокаций Тотальности! Мы защищаем человечество. Да мы и есть человечество! И мы бы никогда так не повредили ему. Я нахожу эти инсинуации глубоко оскорбительными.

Представляющий Сандала куб вырос, запульсировал, на его гранях замелькали образы напряженно работающих докеров. Бог демонстрировал гнев.

– Тишина! – крикнул он. – Как председатель этой конференции, я настоятельно требую тишины!

Повернувшись к Джеку гранью куба, бог добавил:

– В нашей повестке дня нет места для этой новости!

– Этот человек – известный приверженец Тотальности и при спешник Сумрака. – Королевство указал на Джека. – Этого человека вернули на Станцию по требованию наших врагов. Его присутствие здесь в критический момент, несомненно, результат интриги, затеянной

Тотальностью. Не сомневаюсь, его снабдили чрезвычайно убедительными фальшивками. Форстер и его паяц должны быть немедленно ликвидированы!

– Разумеется! – заверил Санда. – Моя охрана уже вызвана, скоро будет здесь, и тогда...

– Этот человек и его паяц – дипломатически аккредитованные представители Тотальности, – перебил его Ифор. – Они находятся под нашей защитой. Любое действие против них будет истолковано как направленное против нас, что будет расценено как акт объявления войны.

– Значит, Тотальность здесь жертва?! – спросил Королевство. – Только подумайте – жертвой себя выставляет корпоративная общность, взломавшая наши Гробовые Драйвы, незаконно напавшая на сокровенные корни нашей человеческой сущности! Здесь нечего больше обсуждать. Господин председатель, заявляю, что мы уже в состоянии войны с фальшивым разумом Тотальности – войны, снова спровоцированной ими. Сперва они ударили по нашим детям. Теперь не пощадили и мертвых. А их агент обвиняет меня в ужаснейших преступлениях. Нам следует заморозить всю невоенную активность и ударить по врагу всей силой. И немедленно!

«Снежинка» заговорила спокойным, глубоким голосом, будто составленным из мириад шепотов:

– Мы уже показали, что вы гораздо слабее нас. Остановка у Марса была нашим решением, а не результатом ваших усилий.

– Вы нападаете на все самое дорогое для нас! Даже перешедшие на вашу сторону люди отвернутся от вас, когда поймут это. И баланс сил сдвинется в нашу сторону!

– Да это все полная чушь! – крикнул Джек в полном отчаянии. – Никто из вас не хочет думать о том, что происходит на самом деле! Отчего, по-вашему, мы лезем воевать? Тотальность здесь ни при чем. Война – целиком в интересах Королевства. Он ее хочет и устраивает. Королевство обманул вас, как обманывал и раньше. Документы доказывают его вину!

– Чепуха! – засмеялся Королевство. – Хотел бы я быть способным на такое!

– Королевство начал прошлую войну и затягивал ее, как мог, – сказал Джек. – Теперь его действия толкают к новой войне.

– Я предлагаю поставить на голосование мое предложение в ответ на непристойную провокацию Тотальности, – заявил Королевство, игнорируя Джека. – И еще вопрос о том, как утихомирить провокатора.

– Нет! – крикнул Джек.

– Ваше мнение, господин председатель? – В голосе Королевства отчетливо прозвучала угроза.

– Приступаем к голосованию, – постановил, нервно мерцая, Сандал.

– Минуточку! – Заря выступила вперед. – Я хочу кое-что показать вам.

– Заря, погодите, сейчас не время, – укоризненно покачал головой Королевство.

– Сногшибательные новости. Только гляньте!

Она взмахнула рукой, и за кругом богов вспыхнули экраны с видами Станции и отдельных ее улиц. Некоторые показывали говорящего человека. Его Джек узнал сразу. Бьерн Пендервилль.

– ...ответствен за разрушения на Луне! – Его голос гулко раскатился по залу богов. – Я сознаюсь в том, что с помощью протоколов, делающих потоконов невидимыми, сделал астероид невидимым для систем защиты и тем самым сделал неизбежным его столкновение с Луной. Все это я сделал по наущению Ауд Яматы, главаря банды преступников, управляемой Королевством. Позднее к банде присоединился оперативник Внуба Гарри Девлин.

«О-о, клянусь, у нашего Гарри уши уже красные, как свекла! – хихикнул паяц. – Хотя, наверное, бедняга тужится изо всех сил, чтобы пробраться в меня, и ничего не замечает. Несчастливая мелочь».

«Девлин все еще неподалеку?»

«Он думает, что почти взломал меня. Влез в мою сеть, в миленькую мою, маленькую сеточку! Ах, вот и программа-ниндзя зашевелилась».

«Ты что собрался делать?» – насторожился Джек.

«Что запланировал. Сейчас увидишь».

«Фист, мать твою!»

На экранах Пендервилль продолжал исповедоваться.

– Как я понимаю, после моей смерти Девлин помог Ямате организовать теракты. В них обвинили сторонников мира, оправдав тем самым их уничтожение и заключение в клетки их фетчей. Обвиненные в терроризме были в большинстве своем приверженцами Сумрака, поэтому Пантеон ополчился на него.

В зале громко зароптали, заглушая слова Пендервилля. Невыносимо пронзительный крик, словно скрежет металла, прорезал шум.

– Разве вы не видите, что эта смехотворная картинка заговора – сплошная ложь?! – вскричал Королевство.

Весь прочий Пантеон тоже кричал – кто за Королевство, кто против. Но, несмотря на бушующие страсти, Заря осталась спокойной.

– А теперь дадим слово мертвым, – предложила она с бесстрастностью

телекомментатора.

Экраны, показывающие общие виды Станции, увеличились. Изображения сдвинулись, сфокусировались на отдельных улицах, а точнее – на выжженных местах. Вокруг каждого собрались толпы. Над пепелищами висели портреты детей, образы скорби, но под ними уже появились мертвые. Они стояли мерцающими группками – фетчи, выбравшиеся с Гробовых Драйвов и благодаря всепроникающей сети сумевшие явиться на улицах Станции. Это было словно апокалипсис.

– Включаю звук, – спокойно предупредила Заря, и с экранов ревущей волной хлынули голоса мертвых.

Они говорили все вместе.

– ...Мы боролись за мир – но воевать стали с нами. Нас всех убили оперативники Королевства. Каждого заперли на Гробовых Драйвах, чтобы мы не смогли никому ничего рассказать. Живые, вам сказали, что мы – террористы. Но никто из нас не был террористом. Вам сказали, что мы ненавидим человеческую жизнь – но мы любили ее. Королевство запугал вас, чтобы вы согласились воевать с Тотальностью, но настоящим врагом всегда был именно он! Свергните его!

После этих слов толпа торжествующе заревела.

– Сейчас они заговорят снова о том же, – пояснила Заря. – Такое повсюду.

На экранах замелькал калейдоскоп домов, улиц, парков и магазинов. Иногда даже проскакивала чернота космоса, тесные закутки контейнеровозов. Повсюду, будто призраки ангелов, плыли фетчи, крепко обнимали живых, просто стояли, глядя вокруг с удивлением и недоверием, – наконец освободившиеся из заключения на Гробовых Драйвах.

И ни у кого не было голого черепа вместо лица.

– Они свободны, – указала Заря. – Ими никто больше не управляет.

– Но это же катастрофа! – крикнул Королевство. – Если никто не управляет ими, значит искусственный разум повсюду! И делает, что захочет! Это же прямая угроза! Вы забыли, как погибла наша планета?

– Думаю, ваши террористы могут рассказать кое-что еще, – улыбнулась Заря.

На всех экранах теперь было одно и то же выжженное место. Фетчи стояли вокруг него, а рядом с ними – оборванные, но счастливые дети.

– Долой Королевство! Долой Королевство! – скандировали они все разом.

– Не-ет!!! – взвыл бог.

Хор скандировал все громче. Камера отъехала назад. Скандировала и вся толпа, собравшаяся вокруг сгоревших домов. Камера все удалялась, показывая толпы по всему Дому, громогласно требующие свергнуть бога. На экранах возник Док. И там улицы гудели от голосов.

– Долой Королевство! Долой!

– Это террористы! Они погубят Станцию! Надо отключить сети Зари! Если услышит все население, то погибнет все, за что мы боролись! – кричал Королевство, и его густой сочный бас дрожал от ужаса.

– Замечательно, – удовлетворенно подытожил Сумрак.

Ослепленный ворон исчез, на его месте стоял прекрасно одетый и весьма довольный собой человек.

– Ты! – яростно выдохнул Королевство. – Как ты смеешь являться сюда?!.. Прошу вашего внимания, совет богов! Этот преступник манипулирует вами! Мы должны заморозить Сумрака и заглушить Зарю! Это единственный способ защитить нас всех от их лжи. Иного выхода нет!

– Королевство, доказательства твоей вины весомы и очевидны, – сказала Заря. – К тому же мы не можем противиться воле народа. Ты сам говорил это много раз.

Взвинченный голос Сандаля прозвучал как дрель на полных оборотах:

– Это нужно как следует обсудить! Мы сейчас собрались не для этого!

– Тотальность всегда утверждала, что в случившемся на Луне злодеянии нет нашей вины, – вмешалась «снежинка». – Мы уже смогли отыскать подтверждения представленной нам сейчас версии событий. И полагаем, что Пендервилль и другие освобожденные разумы говорят правду.

– Возможно, Сандал прав, – благодушно заметил Сумрак. – Следует быть честными с Королевством. Защитить его. Если мы изолируем его штаб-квартиру от филиалов, то потрясение не будет для него слишком сильным. Тогда мы сможем спокойно прервать это совещание и без спешки расследовать обвинения.

«Гребаные божки! Защищают своих», – прошипел Фист.

«Что?» – изумился Джек.

– Нет! – взвизгнул Сандал. – Как председатель совета, я настаиваю, чтобы мы голосовали по ранее утвержденной повестке! Мы должны решить, нападать на Тотальность или нет.

– Мне кажется, нам не помешает немного терпения, – поделился мнением Сумрак.

«Да к черту его! – рявкнул паяц. – Где там Гарри?! Ага!»

Фист зашатался, словно пьяный, шагнул вперед раз, другой...

«А ну назад, Фист! – заорал Джек. – Ты что делаешь?!»

– О нет! – театрально вскричал Фист. – Только не это!

Он ступил вперед еще раз, повернулся, качаясь, лицом к Джеку, прижал ладони к голове, так что никто не видел его лица, кроме хозяина, и неторопливо, с удовольствием подмигнул. Затем выгнул спину и рухнул наземь с громким стуком. Сетевой оверлей вокруг него пошел дырами, обнажив выкрашенный в белый цвет бетонный пол.

– Он входит в меня! – завыл паяц. – Я не могу противиться!

На лице Сумрака изобразилось легкое беспокойство.

– Джек, сейчас очень ответственный момент, – заявил бог. – Тебе следует успокоить свою куклу.

Форстер едва мог слышать его. Чувства, мысли, воля стремительно уходили из-под контроля.

«Фист?!» – вскрикнул он, но не услышал ответа.

Джек больше не ощущал паяца в своем разуме.

– Что случилось? – обеспокоенно поинтересовался Ифор.

– Думаю, он впустил в себя Гарри, – ответил Форстер.

Фист ошалело заколотил руками и ногами по полу. Джек смотрел в недоумении. Чего паяц добивается? Ясно же, у него не получается ничего. Мысли на мгновение помутились, словно над ними проплыла огромная тень.

– С ним все нормально? – осведомился бипед.

– Похоже, он потерял контроль над собой.

– О да, – выговорил паяц с сильным акцентом Дока. – Мать вашу, ИМЕННО ТАК!!!

Тело паяца затряслось, начало расти.

– Сколько раз я указывал вам обоим на вашу неосторожность! – Тревога в голосе Сумрака усилилась.

– Охрана!!! – заверещал Сандал.

На всех его шести гранях замелькали образы мужчин и женщин в штурмовой полицейской экипировке.

Королевство попытался сохранить спокойствие. Он отступил на шаг, потом еще. Послышалось резкое шипение. Тело Фиста раздалось вширь и стало ростом со взрослого мужчину. Дрожь унялась, стали ясно видны торс и руки паяца. Он изменился.

Лежащий на полу человек поднялся. Он был в котелке набекрень, просторном плаще, элегантном костюме с галстуком. На губах его играла улыбка – торжествующая, грозная – и неотразимая.

Перед богами стоял Гарри Девлин.

– Эй вы, грязные задницы, кем из вас мне сейчас сделаться, а? – спросил он.

– ОХРАНА-А-А!!! – истошно заливался Сандал.

– Никто не придет, – сообщил ему Гарри. – Фист еще был подключен к лифту. Я лифт сжег. Каналы связи тоже. Вы сейчас все закрыты здесь. Со мной.

Он обернулся, рассматривая зал.

– Великолепно! Полный комплект, даже Тотальность тут. Все куры в одном курятнике.

На месте Фиста в сознании Джека осталась глухая стена. Кукловод ударил в нее изо всех сил. Напрасно. Из-за стены доносился жуткий медленный скрежет: оружие изготавливалось к бою, постанывая, будто покалеченный гигант, пробуждающийся от болезненного забытья.

– Сделайте же что-нибудь! – взмолилась Заря, но страх в ее голосе казался слегка наигранным. – Что, никто ничего не может?

Роза бросилась к Гарри. Ее алые одежды превратились в грубую и страшную боевую броню. Девлин рассмеялся, щелкнул пальцами – и в шею Розы вцепился пес. Его вес сбил богиню с ног, она рухнула наземь, покатилась, нелепо размахивая руками. Пес свалился на нее – и стал меняться, растекаться над богиней, превращаясь в черное покрывало, мгновенно окутавшее тело. Секунду-другую сквозь черную оболочку еще виднелись контуры Розы. Она истошно завизжала. Визг внезапно оборвался. На месте Розы осталось пятно голого бетона.

– Он отключил все ее второстепенные функции, – пробормотал Ифор. – Это же невозможно!

– Для Фиста – возможно, – устало выговорил Джек. – А им управляет Гарри.

Гарри зашатался, схватился за голову, но справился с собой, устоял на ногах. Весь Пантеон отступил, пытаясь оказаться как можно дальше от непрошеного гостя. Недвижными остались только «снежинки», переливаясь всеми оттенками радуги.

– Я попросту силой загнал ее в полный внутренний аудит, – пояснил Гарри. – Затрата ресурсов огромная. Так что Розы не будет с нами по меньшей мере час. Вот и все.

Он побледнел. Деланое спокойствие давалось Девлину нелегко. Но он быстро пришел в себя и рассмеялся. Вот только в прежде черных волосах показалась седина.

– Так это правда, – заключил он. – Бухгалтер плюс паяц равняется богобойной пушке. Джек, когда я увидел арсенал Фиста, то не поверил

своим глазам. Что за глупость – давать тебе такую силу! На кой ляд тебе она?

Гарри обернулся к Пантеону:

– Эй, божки, этот бухгалтеришка из Дока только и может, что трахать чужих жен. Но с ним я разберусь чуть позже. Теперь ваша очередь. Вы трахали всех нас каждый божий день. Пришло время платить по счету. И начну я с самого большого здешнего мудака.

Он ткнул пальцем в Королевство:

– С тебя.

– Пожалуйста, не надо! Вы не понимаете, что делаете! – взмолился бог, дрожа от страха.

– Еще чего! Очень даже хорошо понимаю!

По обе стороны от Гарри выстроились черные псы, напряглись, готовясь прыгнуть, глухо и грозно зарычали.

– Королевство, ты так много обещал мне – но не дал ничего. Так что я не стану возиться с тобой и загонять в аудит. А просто взломаю и возьму все.

Бог попятился. Семеро псов прыгнули. В полете они теряли форму, вытягиваясь и превращаясь в длинные черные тени, пятнающие воздух мраком. Они врезались в бога, и по телу его расплескалась черная жижа. Королевство кричал, пока жижа не затекла ему в рот. Вскоре он перестал дергаться, сделавшись черным распухшим манекеном.

– Ну как, все готовы к моему явлению? – торжествующе спросил Гарри, подойдя к телу. – И ни у кого не хватит пороку, чтоб хоть дорожку мне загородить? Нет?

– Мерзавец! – прошипела, брызгая слюной, Заря. – Я не допущу, чтобы тебе это сошло с рук! Все мои журналисты обличат тебя!

– Но я-то буду герой, – уверенно ответил Гарри. – Я убил негодяя, сбросившего астероид на Луну и развязавшего Войну программ. Это и напишут твои журналисты. Иначе им придется искать материалы по ту сторону шлюзов, а тебя я загоню в петлю аудита до конца времен.

Договорив, он коснулся раздутого манекена, и черная мумия поглотила тело Гарри. Опустевшая одежда свалилась на пол. На мгновение в зале воцарилась тишина.

– Вот дерьмо-то! – растерянно пробормотал Джек. – Кажется, мы только что проиграли.

– Надо удирать! – воскликнули Близнецы.

– Мы не можем! – выговорил, запинаясь, Сандал. – Дверь лифта еще заперта.

Бессилие – это нечто новенькое для богов!

– Что же делать? – прошептала первая Близняшка. – Я не хочу застрять в своих гроссбухах навечно.

Вторая Близняшка шлепнулась на пол и завывала:

– Наши любимые отели! Наши больницы! Наши фермы! Кто позаботится о них, если не мы?

Пока боги плакали либо застыли в растерянности, Джек заметил небольшой горбик на одежде Гарри. Горбик возник у талии, затем переполз к шее. Из-за расстегнутого ворота выглянул довольный Фист.

«Ну, все прошло как нельзя лучше, – промурлыкал он. – Как Гарри повезло, что я оставил ясный след в самое ядро Королевства, после того как мы с тобой вломились в штаб-квартиру бога».

Джек лишился дара речи.

Паяц спрыгнул наземь, выпрямился и обратился к Пантеону.

– Наш гребаный Гарри так увлекся превращением в бога, что позабыл прикрыть дверь моей клетки, – пропищал он и, спохватившись, запоздало изобразил муку в голосе. – Ах, как больно было смотреть на то, как он убивает Королевство! Как страшно!

– Значит, ты все это видел? – нервно спросил Сандал.

– О да! – воскликнул паяц, фальшиво изображая, как давит фальшивое же рыдание. – Все до конца! Весь ужас! Душераздирающее зрелище!

Фист бесстыдно наслаждался ситуацией, хотя и его волосы поседели.

«Переигрываешь, – буркнул Джек. – Гарри тебя явно повредил. А что будет со всеми, кто зависит от Королевства? Ты же играешь их жизнями».

«У меня еще хватит сил закончить начатое. А о людях позаботятся, я уж постарался. Я же говорил тебе, что много думал о последствиях. Расслабься и смотри, как работает мастер!»

В его голосе слышалась зрелая, спокойная уверенность, какой Джек раньше не замечал никогда. Затем Фист переключился на внешний канал и заговорил вслух:

– Но с другой стороны, мои боевые системы почти в целости – даже после такого жуткого злоупотребления ими. Злоупотребления, которое я никак не мог предотвратить и которое повредило и мне!

Он указал на свои только что поседевшие волосы.

Пока Фист говорил, темнота, окутывавшая Королевство, развеялась. Захват совершился – перед богами стоял Гарри. Глаза его были закрыты, кожа отливала золотом. Он был в одежде Королевства – темной просторной рубахе и брюках. Помятое, морщинистое лицо Девлина излучало божественное величие. Невольно Джек ощутил благоговейный страх.

Гарри открыл глаза, посмотрел вниз.

– Ты? МЕЛОЧЬ, ЭТО ТЫ?

Его голос гулко раскатился по залу. Новый бог запрокинул голову и расхохотался. Виртуальные звезды задрожали в такт хохоту.

– О да, – тихо и зловеще ответил Фист. – Всего лишь маленький я. Но у меня к тебе дело. Размером с планету.

Он взмыл в воздух и поплыл к Гарри.

– Помнишь, что я сказал однажды темной ночью в саду?

– Кукла, еще шаг – и я разорву тебя в клочья, – предупредил Гарри.

Но Фист не отступил. Джек ощутил, как боевые программы снова заворочались в рассудке. Теперь проснулись мощные, глубинные слои – намного сильнее и страшнее того, что смог задействовать Девлин. Джек обмяк. Паяц набирался сил, пользуясь ресурсами хозяина. Этого Гарри тоже не мог.

– С вами все нормально? – заволновался Ифор.

Форстер ощутил, как мягкие волны подхватили его. Он не мог даже пошевелить губами. Участки мозга, управлявшие мышцами лица, теперь работали на другие системы, грубые и опасные.

«Извини», – произнес паяц.

Он постарался придать голосу спокойствие и уверенность, но в каждом слове все равно звенела ярость.

«Будет больно. Но ему – гораздо больнее, чем тебе».

«Да что ты делаешь?» – вскричал Джек.

Его рассудок скрипел и стонал – Фист выдавливал все больше ресурсов.

«Я не могу тебе позволить», – простонал он, пытаясь отозвать паяца.

«Ты меня не остановишь! – рассмеялся паяц. – Все переменялось с тех пор, как нас перестроили. Теперь тебе осталось лишь терпеть и смотреть. И доверять мне. Таким ты меня больше не увидишь. Может, ты вообще меня больше не увидишь. Но дело того стоит. О, мать вашу, да! СМОТРИ ЖЕ!!!»

Форстер не понял, по своей воле он открыл глаза или управлявший его мозгом паяц заставил веки приподняться.

– Джек, вы пришли в себя, – сказал Ифор.

Он проследил за взглядом Форстера и замер словно замороженный.

– Я сказал тогда ночью, что ломал разум, похожий на твой, и что тебя я взломаю тоже, – напомнил Фист.

Его ноги вытянулись, высунулись из штанин. Руки вылезли из рукавов. Тело раздалось, и в стороны разлетелись клочья раздираемой одежды. Лопнувший галстук, обрывки рубашки, расползшийся фрак, лоскутья

черных штанов – все упало, пока Фист медленно приближался к Гарри, ставшему Королевством. Каждая деревянная часть тела испускала нити атакующих программ, свивавшихся, формировавших новое, растущее тело паяца. Серебристая колючая проволока вылепила узловатые от мышц руки и ноги, широкие плечи, короткую мощную шею. Ладони и ступни тоже увеличились, на пальцах появились острые зазубренные когти. Из них выскочила колючая проволока, заплясала вокруг, обвила все тело, взлетела к голове, укрывая, словно шлемом, волосы, теперь уже полностью седые.

Паяц рассмеялся.

Его лицо вытянулось, веселенькие нарисованные глазки ушли в череп, на их месте остались две сумрачные дыры. Маленький острый носик провалился – на его месте зияла рваными краями узкая дыра. Паяц улыбнулся – будто открылся разруб посреди головы. Громко щелкнуло, и сквозь челюсть вылезли зубы, бесчисленное множество серых колючек, готовых рвать и терзать.

От элегантно одетой куклы, сделанной так, чтобы нравиться детишкам, не осталось ничего. Теперь перед богами стоял истинный Фист – разнузданная дикая мощь, выпущенная в мир.

Гарри отшатнулся.

– Что ты такое? – выдохнул он.

– Смерть, – прошелестело в ответ, и паяц оскалил в улыбке полный смертоносных шипов рот.

Его лицо было плоской мертвой маской на колючем металле. Пустые глазницы и провал носа заполнились огнем. Он раскинул руки, растопырил пальцы, увитые сталью. Между ними запрыгали голубые искры. Гарри принялся жестикулировать, задействуя оборонные программы. Безрезультатно – Фист приближался.

– СОСУНОК! – Голос его заскрежетал железом о стекло. – Тебе пять минут от роду. Я убивал ангелов семь лет!

Гарри отступил на шаг, вытянул перед собой руки, в пальцах вспыхнул огонь. А Фист все говорил. В нем не осталось и следа игрушки, которой он казался когда-то. Может, это и видел разум Тотальности, когда паяц атаковал его?

– Ты посмел – ТЫ ПОСМЕЛ – вторгнуться в меня, взломать, использовать меня как роутер. ГРЕБАНЫЙ РОУТЕР! Ты хотел добраться до этой суки Яматы.

Несколько слов он выкрикнул, остальные прошептал злобно и ядовито. Из пальцев Гарри вылетел огонь, но паяца не достиг. Ноги того уже коснулись пола. Фист пошел. Он уже стал на голову выше Гарри.

Проволока, искря, волочилась по полу.

– Ты думал, я уже не вернусь, – сказал паяц.

Он поднес руки к лицу и присмотрелся к ним. Затем коснулся куска проволоки, высовывающейся из пальца левой руки.

– Посмотри теперь на мои веревочки. Ты ведь думал, что дергаешь за них. А они въелись глубоко в тебя, мелкий божок. Очень глубоко.

Неистовый рев раздался в голове Джека. Он мог лишь наблюдать, с трудом осознавая происходящее перед ним, но не более того. Разум лихорадило, самые глубинные структуры бились в судорогах – паяц собирал ресурсы, чтобы взломать бога. Форстер ощущал, что самое его «я» отчаянно борется с подступающим хаосом. Если бы Джек не превратился в цифровую копию себя, то уже безнадежно потерял бы рассудок. Интересно, сумеют ли паяц и его хозяин пережить смерть Гарри?

– Ты не сможешь повредить мне, мелочь. – Девлин нервно рассмеялся.

Фист щелкнул пальцами. Из его тела выстрелил пучок колючей проволоки, завис на мгновение в воздухе, затем обвился вокруг Гарри, прижав его руки к бокам, сдавив ноги, прожигая одежду, оставляя синие шрамы там, где шипы коснулись кожи.

Гарри взвыл. Проволока залезла в его рот, проникла в глотку, превратив крик в булькающий хрип. Фист снова щелкнул пальцами. Новые пучки выстрелили в Гарри, чертя иероглифы боли на его коже, пронзая ее и проникая вглубь.

– ТОТАЛЬНОСТЬ, ГОТОВЫ? – заорал Фист.

– Да, – отозвалась «снежинка». – Наш корабль уже прибыл в указанную вами точку. Отряд наших оперативников уже преодолел физическую защиту и готов вернуть контроль над украденными серверами, где функционирует разум Гарри Девлина. Они используют его связь с ядром систем Королевства, чтобы проследовать сюда.

– НЕ-Е-ЕТ!!! – завыл Гарри.

Проволока заткнула ему глотку. Он скорчился и рухнул на пол. Фист опустился рядом, наклонился, коснулся лба. Немного дыма, вонь горелой плоти – и на лбу Девлина возник черный выжженный отпечаток деревянной ладони.

– Гарри, это ты был растяпой. Ты и не думал о том, чтобы заглянуть глубже, под маску куклы. А я – намного больше чем просто кукла.

Гарри застонал. Джек уже едва осознавал происходящее. Схватив голову врага шипастыми руками, Фист сорвал ее с плеч и торжествующе заревел. Но это последнее усилие надломило паяца. Он замерцал и пропал. Изуродованное тело Девлина исчезло вместе с ним. В разуме Джека

завертелся вихрь команд, кодов, подпрограмм. Сквозь хаос прорвался на удивление спокойный голос паяца:

«Джек, давай отдохнем. Убивая Гарри, я сломал свое оружие. Настало время перезагрузки. Все надо строить заново».

Джека одолело тяжкое забытие. Оно было не намного милосерднее смерти.

Глава 48

Лампы Хребта тускнели. На Дом опускался вечер. Башни растворялись в сумраке. Сотни окон прокалывали его темный покров. Их слабый бессильный свет казался жалобой на всемогущую тьму. Над головой висели «снежинки», теперь полностью интегрированные в сеть и повседневную жизнь Станции.

Отвернувшись от окна, Джек посмотрел на паяца. Тот сидел в кресле и постукивал рукой о стол. Звук был громкий, резкий, ритмичный. Фист снова был четырех футов ростом, с мелким раскрашенным личиком и маленьким раскрашенным телом. Он был во фраке, при галстук-бабочке и с диковато выглядящим моноклем. Теперь тело паяца было полностью реальным.

– Знаешь, я все никак не привыкну, – сказал Фист. – Оно все другое. Настоящий стол, настоящий я, и стучу по-настоящему. Кто бы мог подумать, что малыш Хьюго Фист так уютно расположится в куске мяса и костей?

– Ну вот ты и настоящий мальчик.

– Джек, я не мальчик и не человек. Я повидал достаточно людей, чтобы понять: я – не один из них, я – наделенный телом искусственный интеллект. Но и ты теперь то же самое: набор программ, работающих на гелевой жиже. И большая часть твоего «я» – даже не в твоей голове теперь. Ты распределен между серверами Станции. Думаю, мы с тобой почти не отличаемся друг от друга. Ты живой, но искусственный разум, я – искусственный, но живой.

– Да уж, в последнее время все перепуталось, – кивнул Джек. – Столько новых способов быть живым. Хотя что-то хорошее вышло из наших передряг.

– Жаль, что в конце концов все обернулось именно так.

– Думаю, битва еще не окончена.

– А вот это звучит слишком похоже на подстрекательство к бунту, – заметила появившаяся в дверях Лестак.

– Пустяки, комиссар, это просто его обычное брюзжание, – поспешил успокоить ее Фист. – К тому же сейчас нет особых поводов бунтовать. Тотальность заседает в Пантеоне как полноправный член собрания, у фетчей такие же права, как и у живых. Нет больше «их» и «нас», теперь только «мы». А бунтовать против самих себя довольно-таки бессмысленно.

– У вас все так просто, – хмыкнула Лестак. – Не для всех оно так. Потому у нас и работы невпроворот.

– А как насчет богов, поддерживавших Королевство? – спросил Джек. – Их хотя бы пытались изобличить?

– Они уже замели все следы. Мы не сможем ничего доказать.

– В общем, боги слишком велики для человеческого правосудия.

– Джек, сейчас и так изменилось многое, – вздохнула Лестак. – Люди разуверились в Пантеоне. Они недовольны. Котел кипит. Попробуй удержи крышку! Если падет еще один бог, кто знает, чем оно может закончиться.

– Весьма разумная точка зрения, – поддержал ее появившийся в комнате Сумрак. – И боги, и люди так хрупки. Слишком сильная и внезапная перемена может погубить их.

– Мы выживем. Даже если падет весь Пантеон.

– Падут не все. А оставшиеся обретут больше силы. И держать их в узде будет некому. Вспомни, кем стал Гарри, посчитавший, что он хозяин всей Станции. Власть развращает. А ты дашь оставшимся богам больше власти. Подумай об этом, прежде чем снова штурмовать Небеса.

– В самом деле, – вздохнул Джек.

– Конечно, в сущности, ты прав. По крайней мере один из моих коллег поддерживал Королевство. А может, и больше. Но не в открытую, само собой.

Бог обвел рукой город и выговорил с натужной жизнерадостностью:

– Я думаю, что сейчас, глядя на все это, поддерживавшие очень жалеют.

– Но ты ведь, конечно, не расскажешь нам, кто это? – устало спросил Джек.

– Если мы так и будем торчать здесь и болтать, то опоздаем на церемонию, – усмехнулся бог, пропустив вопрос Форстера мимо ушей. – Разве не так, Лестак? Не лучше ли нам всем направиться в главный зал? Я не хочу заставлять людей ждать себя.

– Сумрак, церемоний не будет. Джек отказался, – сообщила комиссар.

– Отказался от благодарности богов? – удивился Сумрак. – Кое-кто назвал бы подобное невежливым.

– Фисту дали полноценное гражданство, – сказал Джек. – Тотальность сделала для него тело. Мой статус теперь чист. И мы оба не хотим от тебя больше ничего.

– Я бы рекомендовал тебе больше сосредоточиться на позитиве, – недовольно заметил бог. – Ты бы почувствовал себя гораздо лучше, если бы позволил себе пожать все плоды твоих дел. Джек, вы с Фистом – герои. Вы

низвергли Королевство и защитили всех нас от Гарри. А ведь, как мы только что согласились, существо, способное одержать верх над членом Пантеона, представляет прямую угрозу для нас.

И Сумрак значительно посмотрел на паяца.

– Ну да, я понимаю, чего уж там. Жаль, конечно, что я не сумел остановить Гарри перед тем, как он убил Королевство, – сказал паяц, мастерски симитировав искренность. – Это Джек у нас пессимист, а не я.

– Гарри убил Королевство, Фист убил Гарри, проблема решена, отправь все на полку, пусть там пылится, – прошипел Джек, глядя зло на бога. – Как чудесно вышло! Так и Заря преподносит всем: пусть вина падет на мертвых, не ищите скелеты в шкафах живых. Если честно, мы всего лишь помогли отмыться большим шишкам.

– Чепуха! – воскликнул Сумрак. – Взгляни шире: ты дал миру шанс, сведя вместе Пантеон и Тотальность. Когда Фист убил Гарри, образовалась пустота, которую Тотальность смогла заполнить. Она взяла на себя контроль над всеми корпоративными структурами Королевства и спасла тем десятки тысяч жизней. А обнародование злодейств Королевства перевесило неприятное впечатление от того, что Тотальность открыла Гробовые Драйвы, и сердца людей раскрылись навстречу ей. Они согласились с ее присутствием. Без тебя и Фиста переговоры вряд ли привели бы к такому замечательному результату. Но, установив мир, мы не можем рисковать им. Потому нам сейчас нужно смотреть вперед, а не копаться в прошлом.

– Мир, выстроенный на лжи, – не мир, – отрезал Джек.

Сумрак промолчал. Форстер снова повернулся к окну. Сумерки за ним сгустились в ночную темень. Оконные стекла превратились в огромные темные зеркала, и Джек обнаружил, что смотрит себе в глаза.

Тишину нарушила Лестак.

– Раз уж все повернулось таким образом, я проведу его к выходу, – предложила комиссар.

– Не стоит беспокоиться. Я сам покажу ему выход, – ответил бог.

– Подождите, – вмешался Фист. – Комиссар, скажите, пожалуйста, вы скоро встретитесь с Исси?

– Надеюсь, – печально улыбнулась Лестак. – Думаю, недели через две. Сейчас она исследует серверы Титана. Исси не выходила на связь со мной с тех пор, как отправилась на внешние окраины Солнечной системы. Она очень радовалась путешествию.

– Передайте ей привет, – попросил Фист. – А когда вернется – пусть она навестит нас!

– Не знаю, когда смогу ее увидеть, но, когда Исси вернется, я все ей передам, – пообещала Лестак.

В ее голосе отчетливо прозвучало отчаяние.

– Лестак, спокойной ночи, – произнес Сумрак негромко, но решительно, будто отдавая приказ удалиться.

– Спокойной ночи, – ответила она рассеянно, но затем взяла себя в руки. – До свидания, Джек, Фист. Задумайтесь над словами Сумрака. Вспомните, кому я служу. Уверена, мы еще встретимся. Надеюсь, это не будет связано с моей работой. У меня и так ее по горло.

И комиссар вышла из комнаты. Они остались втроем.

– Чем собираешься заниматься теперь, Джек? – спросил Сумрак.

– Скажу я или нет, ты все равно это разнюхаешь, – пожал плечами Форстер.

– Нет, Джек. Я оставлю тебя в покое.

– Неужели? Это будет впервые за время нашего знакомства.

– Ты заслуживаешь того, чтобы стать хозяином самому себе, – сказал бог. – И всегда заслуживал. Если бы не беда, я не пришел бы к тебе, когда ты вернулся на Станцию. Как и ты, я стал жертвой обстоятельств, а ты был единственным орудием, оставшимся у меня. Джек, прости меня за это.

– Простить за то, что ты меня использовал?

– Простить за то, что меня загнали в ситуацию, вынудившую меня использовать тебя. – Сумрак положил руку Джеку на плечо. – Оставь и забудь. Наш мир теперь лучше, чем раньше, а вы с Фистом обрели новую жизнь. Я рад тому, что получилось именно так, и тому, что все успокоилось и наладилось.

– Ты рад тому, что снова в силе. Тому, что люди Станции с такой легкостью приняли тебя снова.

– Заря чудесно управляется с аудиторией.

– Она всегда находит струнку, на которой можно сыграть, – заметил Джек.

– Вероятность выживания нас всех увеличится, если мы будем помогать друг другу, а не враждовать. Мы всегда хотели мира. Но вижу, я едва ли смогу убедить тебя. Похоже, настало время уходить отсюда.

– Выход я найду сам.

– Будь по-твоему, Джек. И не забывай: мы живем в лучшем мире, чем раньше. И в лучшем из возможных миров. В своем роде мы все – на небесах. И пусть они останутся небесами.

Он снова коснулся плеча Джека. А затем исчез.

– Наконец-то можно вздохнуть свободно, – сказал Джек и, расправив

плечи, сделал глубокий вдох. – Знаешь, мне всегда так хотелось верить ему.

– И неудивительно. – Фист спрыгнул с кресла. – Столько лет ты был с ним. Он сделал для тебя много хорошего.

– Хотя всегда по-своему. Наверное, боги не могут иначе.

– Ну, он ушел уже. И драться больше не с кем, – заметил паяц и тоже вздохнул.

– Во всяком случае, в нас больше не стреляют. Это хорошо, потому что, как все знают, отстреливаться нам почти нечем. Все видели, что твое оружие сгорело, когда ты убивал Гарри. Заря забрала у меня почти все свои подарки.

– Вижу, Лестак и Сумрак зря тратили на тебя слова, – буркнул Фист.

– Нам пора, – сказал Джек, вставая, будто не услышав паяца.

– Хм, встречаешься с Андреа вечером?

– Если она освободится от работы по стабилизации фетчей. А если нет, пойдем к отцу.

– Надеюсь, твоя мама убедила его, что ты не полное дерьмо. А нам же еще искать мистера Стабса!

– Надеюсь, мы сможем подобрать ему лучшее тело.

Джек нагнулся и протянул руки. Запрыгнув, Фист уютно примостился на сгибе локтя.

– А ты потяжелел, – заметил Джек.

– Ну, я же теперь настоящий.

– Ты всегда был настоящим.

– Надо думать, – ухмыльнулся Фист. – Сумрак, конечно, гнусный старикашка, обожающий дергать за ниточки, но кое в чем он прав. Хотя мы и не выиграли полностью, но ведь и не проиграли. Королевство был явный враг, а Гарри – просто исчадие ада. Мы расправились с ними обоими. Ты ж у нас фан Тотальности – а мы помогли им и освободили мертвых. Хоть этому ты можешь радоваться?

– Попробую. – Джек криво улыбнулся. – От тебя о наших подвигах как-то приятнее слышать, чем от Сумрака.

И они направились к двери. Свет в комнате потускнел. Форстер повернулся, и они с Фистом посмотрели сквозь окно на город.

– Вот наконец-то и Дом, – сказал Джек.

Призрак охотничьего пса потерялся о них мордой, затем померк и пропал. Кукловод и его паяц шагнули в темноту и растворились в ней. В темной комнате воцарилась тишина. За ее стенами лежал спящий город. Там тоже было спокойно и тихо.

Благодарности

Рукопись этой книги многократно вычитывалась и дорабатывалась, и свой вклад в процесс на ранней стадии внесли замечательные мои читатели. Поэтому в первую очередь выражаю глубочайшую признательность Элис Стерлинг, Дэйву Клементсу, Нейлу Уильямсону, Нику Моултону и Зали Кришне за вдумчивую и чрезвычайно полезную критику.

Начальные главы романа прошли в 2010-м через Милфордский семинар писателей-фантастов, за что особое спасибо Лиз Уильямс, вдохновлявшей меня на протяжении нескольких лет, и всем остальным участникам этого мероприятия. Огромная благодарность и лондонской литературной группе «Кэт херд» – почти за десятилетие я там узнал много важного.

Эта книга не была бы написана, если бы мне не довелось играть в группах «Стелла Марис дроун эркестрэ» и «Граан». Они научили меня импровизировать и не упускать своего шанса. Danke schön, dröen böys!

Спасибо Ллойд Дэвису и «Таттл-клубу» за множество интересных «цифровых» бесед.

И конечно же, абсолютно неоценимы помощь и поддержка Энди Кокса и всего коллектива «ТТА пресс», а также замечательного литагента Сьюзен Армстронг из «Конвилл и Уолш» и редактора Саймона Спэнтонна.

И конечно, я благодарю мою жену Хизер Линдсли, которая всегда оказывалась рядом в нужный момент – с чашкой вкусного чая или с порцией свирепой критики. Без нее, без Рори и без остальной моей семьи я бы не справился с задачей.

Спасибо вам всем.